

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 236

P SLAV 460.5 (1898. No 10)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Годъ I-й.

№ 10-й.

МІРЪ БОЖІИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ОКТАБРЬ.

1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1892.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ:

	стр.
I. ТРУДНЫЕ ГОДЫ. Повѣсть. Гл. V—VIII. (Продолженіе). А. К. Михайлова (Шеллера)	3
II. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ МОРРОБАЯ ДЖЕКСА. Разсказъ Р. Киплинга, съ англійскаго. А. Н.	29
III. «ЗАТИШЬЕ... НИ ЗВУКА. ЛИСТЫ НЕ ШУМЯТЪ...» (Стихотвореніе). В. Н. Ладыженскаго.	53
V. СТАРАЯ НИЩЕНКА. Разсказъ Піетари Пейверинта, пер. А. М.	54
V. СТАНСЫ. (Стихотвореніе). А. А. Коринфскаго.	74
VI. ВЪ ЧЕМЪ ЖЕ СЧАСТЬЕ? Повѣсть. Гл. I—VI. Е. Бѣлавина.	75

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ:

I. ФИНЛЯНДІЯ. Страна и народъ. (Продолженіе). Е. Н. Водовозовой.	1
II. СЕРВАНТЕСЪ. (Биографическій эскизъ). П. М. Вейнберга	44
III. БЛЕЩИ И ЗАРАЗА. Ю. Н. Вагнера.	62

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

I. ХУДОЖНИКЪ РУССКОЙ ПѢСНИ. (По поводу исполненія пятидесятилѣтія со смерти А. В. Кольцова). В. П. Острогорскаго	1
II. БИБЛІОГРАФІЯ: Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека Ф. Павленкова: 1) Н. И. Новиковъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Библиографическій очеркъ С. Е. Усовой. 2) М. М. Сперанскій, очеркъ С. Н. Южкова. 3) В. Н. Каравинъ, очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1892. В. Н. Сторожева.—Монтескіе. Персидскія письма. (Lettres persanes). Перев. съ французскаго. Спб. Изданіе Л. Ѳ. Пантелѣева. 1892. И. М. Иванова.—С. Паткановъ. «Типъ остояцкаго богатыря по остояцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ». Спб. 1891. Проф. Э. Ю. Петри.—Жизнь животныхъ А. Э. Брѣма. Иллюстрированное изданіе подъ редакц. Б. К. Сентъ-Иллера. Пер. съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. Томъ I. Ю. Н. Вагнера.—Сохраненіе здоровья. Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни, д-ра Эйдама, съ 7 рис. Перев. съ нѣмецк. А. Д. Барицкаго. Спб. 1891 г. Гигиена семьи въ 20 письмахъ д-ра Ф. Гебера. Перев. со 2-го нѣм. изд. Э. А. Русаковой. Спб. 1892. Берегите легкія! Гигиеническія бесѣды д-ра Нимейра. Перев. съ послѣдн. нѣм. изд. Крамера. Ч. Р.	43
III. СМѢСЬ: 1) Изъ русской жизни: Князь Вяземскій.—Конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи. Д.—Археологическая выставка международнаго конгресса въ Москвѣ. Д.—Отголоски языческихъ временъ.—Пятнадцатилѣтіе петербургскихъ городскихъ училищъ. Д. 2) Изъ заграничной жизни: Финансовый кризисъ въ Португаліи. В.—Женщины въ Америкѣ. Э. П.—вой.—Генуэзскія празднества. Э.—Медико-санитарныя условія Персін. Н.—Англійскія общества путешественниковъ. Э.	55
IV. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Изъ міра науки: Конгрессъ ориенталистовъ въ Лондонѣ.—Вулканы Зондскихъ острововъ. Э.—Вредъ отъ уличной пыли. Н.—Качество зубовъ у дѣтей. Н.—Кругосвѣтное путешествіе прежде и теперь.—Вліяніе климата, географическихъ условій и разныхъ другихъ причинъ на ростъ человѣка и его тѣлоложеніе. Э.	72
ПРИЛОЖЕНІЕ: Тьма и разсвѣтъ. Историческій романъ изъ временъ Нерона. Фаррара, автора книгъ «Жизнь Христа» и «Жизнь Апостола Павла», въ 3-хъ частяхъ. Часть первая. Гл. XX—XXV. (Продолженіе). Съ англійскаго.	125
БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ: Въ татарскомъ заголовкѣ. Повѣсть для юношества. В. П. Желиховской. Съ 19 рис. М. Михайлова.—Разсказы, очерки и наброски. (Мысли въ картинахъ и образахъ). Петра Добротворскаго. Москва. 1892 г.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Годъ I-й.

№ 11-й.

МІРЪ БОЖІИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

НОЯБРЬ.

1892 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1892.

Δ P Slav 460.5 (1892, no. 10)

✓

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 4 октября 1892 года.

NDEA / Slav

ТРУДНЫЕ ГОДЫ *)

ПОВѢСТЬ.

IX.

Въ домѣ Ивана Семеновича Панова былъ большой парадный обѣдъ. Давался этотъ обѣдъ въ честь только-что пріѣхавшаго изъ-за границы дальняго родственника Пановыхъ, Дмитрія Петровича Погребщикова. Это былъ сынъ одного изъ первостепенныхъ купцовъ того времени, воспитавшійся и проведшій большую часть жизни въ Англіи. Ему было лѣтъ подъ тридцать, и когда онъ возвратился въ Петербургъ, всѣ знакомые его богачи наперерывъ начали прочить его въ женихи своимъ дочерямъ. Въ числѣ этихъ отцовъ и матерей, жаждавшихъ выдать за Погребщикова которую-нибудь изъ своихъ дочерей, были и Пановы, находившіеся въ дальнемъ родствѣ съ Погребщикоными. Неудивительно поэтому было сильное волненіе въ семьѣ въ день обѣда, даннаго въ честь Погребщикова.

Иванъ Семеновичъ, всегда степенный и важный на видъ, любившій играть роль чуть не вельможи и мецената, волновался въ этотъ день, какъ неопытный юноша, желая не ударить въ грязь лицомъ передъ желаннымъ гостемъ. Онъ хотѣлъ, чтобы у него все было по-европейски, а не такъ, какъ у какихъ-нибудь „сѣрыхъ“ русскихъ купцовъ. Его заботили и составъ обѣда, и туалеты жены и дочерей, и поведеніе всѣхъ его чадъ и домочадцевъ, которые, какъ базалось теперь Ивану Семеновичу, были уже слишкомъ набалованы и распущены

*) Окончаніе. См. «Міръ Божій», № 10.

имъ, стыдившимся прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ съ женой и дѣтьми. Добродушіемъ онъ не отличался, но зато боялся, какъ огня, упрека въ необразованности и грубости. Давая совѣтъ женѣ быть посдержаннѣе при Погребщиковѣ и посовѣтовавъ Семену Семеновичу воздерживаться отъ вина за обѣдомъ, Пановъ вызвалъ даже неудовольствіе жены и брата. Она насмѣшливо и колю отвѣтила на замѣчаніе мужа, что онъ хлопочетъ такъ, какъ будто ждетъ на обѣдъ царя, а не такого же купца, какъ онъ самъ, а Семень Семеновичъ съ особенной рѣзкостью, все чаще и чаще проявлявшейся за послѣднее время въ его характерѣ, замѣтилъ брату, что тотъ совершенно напрасно считаетъ его за непробуднаго пьяницу и старается упрочить за нимъ репутацію какого-то забуддыги. Иванъ Семеновичъ, впрочемъ, не обратилъ особеннаго вниманія на ихъ неудовольствіе, поглощенный одной мыслью, какъ бы принять поприличнѣе гостя и показать ему съ выгодной стороны своихъ дочерей, отличавшихся красотой и бойко говорившихъ по-французски и по-нѣмецки. Вспомнивъ о дочеряхъ, Пановъ обратился къ Мари Шлейеръ.

— Вы ужъ, Марья Ивановна, будьте добры, не упускайте ихъ съ глазъ, — попросилъ онъ ее самымъ любезнымъ тономъ. — У нихъ вѣдь все еще „хи-хи“ да „ха-ха“ на умѣ, а вы дѣвушка не молодая, степенная, такъ вы сдумѣете сдержать ихъ...

Впервые въ жизни Мари Шлейеръ сказали, что она не молодая дѣвушка. Ее точно что-то кольнуло въ сердце. Ей было уже двадцать пять лѣтъ, и уже лѣтъ восемь она давала уроки. Въ тѣ времена замужъ выходили рано и въ двадцать пять лѣтъ дѣвушка считалась слишкомъ долго засидѣвшейся въ невѣстахъ. При словахъ Панова ей невольно пришло въ голову, что ей и никогда не суждено выйти замужъ: безъ любви она ни за кого не выйдетъ...

Осмотрѣвъ всѣ парадныя комнаты и завернувъ въ столовую, блестящую массой хрустала и серебра, заставленную рѣдкими растеніями, почтенный „негоціантъ“, какъ любилъ себя называть Иванъ Семеновичъ, недолюбливавшій титулъ „купца“, остался видимо всѣмъ доволенъ и мысленно сказалъ: „Ну, милости просимъ, Дмитрій Петровичъ; посмотри, какъ умѣютъ жить русскіе негоціанты, и не бывавшіе за границей!“

Гости начали съѣзжаться передъ самымъ обѣдомъ, и Дмитрій Петровичъ пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ. На него были устремлены глаза всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ высокій, худошавый блондинъ, съ красивымъ, но немного сухимъ лицомъ. Выраженіе его глазъ было не столько серьезнымъ, сколько апатичнымъ и скучающимъ. Онъ казался немного старше своихъ лѣтъ. Держался онъ изысканно-вѣжливо, говорилъ немного, отъ него вѣяло не чванствомъ миллионера, но какимъ-то холодкомъ, какой-то сердечной пустотой. Казалось, онъ будетъ говорить однимъ и тѣмъ же сдержаннымъ тономъ и съ богачомъ, и съ нищимъ, и съ врагомъ, и съ другомъ. Легкомысленныя красавицы, дочери Панова, увидавъ его, тотчасъ же шепнули Мари Шлейеръ, что онъ „противная палка“, ходитъ точно аршинъ проглотилъ. Онѣ знали уже, что отецъ желалъ бы выдать которую-нибудь изъ нихъ замужъ за Погребщикова и заранѣе уже не влюбились его за это, мечтая выйти замужъ за гвардейскихъ офицеровъ. За обѣдомъ ихъ посадили напротивъ Погребщикова. Около нихъ сидѣла Мари Шлейеръ, которая должна была сдерживать ихъ отъ неумѣстныхъ шутокъ и смѣха, такъ какъ онѣ, конечно, не постѣснились бы вышутить даже такого почетнаго гостя, какъ Погребщикова. Онѣ знали, что онѣ сами достаточно богаты и могутъ обойтись безъ такого несимпатичнаго жениха. Начало обѣда прошло чинно и скучно, говорили о театрѣ, о политикѣ, о заграничныхъ дѣлахъ. Иванъ Семеновичъ, любившій щегольнуть своей образованностью, старался вести умный разговоръ и втянуть въ него Погребщикова, отвѣчавшаго на все коротко и сухо. Будучи русскимъ, Погребщикова по привычкѣ говорилъ съ англійскимъ акцентомъ сквозь зубы, что придавало особенно непріятный шипящій оттѣнокъ его сжатой и отрывистой рѣчи. Наконецъ разговоръ коснулся того, что въ Европѣ все идетъ какое-то броженіе и что спокойна въ сущности только Англія. Разговоръ нѣсколько оживился и сдѣлался общимъ; мужчины судили о затронутомъ вопросѣ всерьезъ и всерьезъ.

— Народъ коммерческій, потому и спокойный, — замѣтилъ наконецъ Иванъ Семеновичъ. — Для англичанъ главное не политика, а коммерція. Вотъ въ чемъ суть.

— Англичапе уже пережили еще при Стюартахъ и Кромвелѣ всѣ тѣ волненія, которыя остальная Европа переживаетъ теперь, и Англія выработала давно ту форму правленія, при которой она можетъ развиваться законнымъ путемъ,—замѣтила Мари Шлейеръ.

Погребщикова повернулъ голову въ ея сторону и смутилъ ее холоднымъ пристальнымъ взглядомъ своихъ свинцовыхъ блѣдносѣрыхъ глазъ.

— Можетъ быть, что и такъ,—согласился Иванъ Семеновичъ, не отличавшійся близкимъ знакомствомъ съ исторіей.— Зато теперь тамъ тишь да гладь да Божья благодать.

— Но среди этой благодати раздаются самые мрачные крики отчаянія въ поэзіи Байрона,—вставила Мари Шлейеръ.

Погребщикова, казалось, не могъ оторваться отъ ея лица и, не спуская съ нея глазъ, спросилъ ее по-английски:

— Вы англичанка?

— Я русская,—отвѣтила она тоже по-английски.

— Но вы жили въ Англіи?

— Никогда. Я только люблю англійскій языкъ и англійскую литературу.

— Шекспира? Байрона?

— Да. Но меня особенно интересуется англійскій романъ.

— Ричардсонъ?

— Фильдингъ.

Иванъ Семеновичъ прервалъ этотъ разговоръ, мало понятный для него, заговоривъ опять о торговлѣ англичанъ, которую онъ зналъ хорошо. Погребщикова опять началъ отвѣчать коротко, видимо не интересуясь вопросомъ объ англійской торговлѣ.

Послѣ обѣда гости разбились на группы по разнымъ комнатамъ. Дочери Ивана Семеновича дали теперь волю своимъ языкамъ и не безъ комизма начали передразнивать Погребщикова, какъ онъ говоритъ сквозь зубы, какъ онъ смотритъ въ упоръ на людей. Онѣ подмѣтили даже и то, что онъ разда тихонокъ зѣвнулъ за обѣдомъ. Съ нимъ можно повѣситься отъ скуки. Онѣ не успѣли выболтать всѣхъ своихъ наблюдений, какъ къ ихъ группѣ подошелъ Погребщикова и прямо обратился къ Мари Шлейеръ. Онъ сразу заговорилъ съ ней о Фильдингѣ. Почему ей нравится „Томъ Джонсъ“? Почему

она предпочитаетъ Фильдинга Ричардсону? Потому что въ Фильдингѣ болѣе правды и менѣе сантиментальности? Но вѣдь Фильдингъ напоминаетъ старыхъ голландскихъ живописцевъ, рисующихъ ужъ слишкомъ будничную жизнь? Эта жизнь и такъ ужъ надоѣла, скучна, прозаична, мелка! Мари Шлейеръ вступилась за будничную жизнь, за мелкіе интересы бѣдныхъ людей. Нельзя же вѣчно носиться въ небесахъ, надо же при-смотреться поближе и къ бѣдной землѣ, полюбить всѣмъ сердцемъ ея несчастныхъ дѣтей, отдаться всей душой ихъ будничнымъ нуждамъ и интересамъ. Она говорила бойко, увлекательно, съ блестящими отъ оживленія глазами, отстаивая будничную жизнь съ той горячностью, съ которой отстаиваютъ друзья и родныхъ. Погребщикъ тоже немного оживился, заспорилъ, не спуская глазъ съ этого некрасиваго лица съ чудесными говорящими глазами, съ чарующей мягкой улыбкой. Въ эту минуту къ Погребщику и Мари Шлейеръ подошелъ Семень Семеновичъ Пановъ. Погребщикъ, слегка раздосадованный, что ему помѣшали говорить съ заинтересовавшей его дѣвушкой, обратился къ Панову.

— Ну, что же, Сеня, все кутишь по-старому?—спросилъ онъ пренебрежительнымъ и холоднымъ тономъ.

— А ты, Дмитрій, все по-старому ищешь гвоздя, на который можно бы повѣсить свою скуку и вмѣстѣ съ ней самого себя?—раздражительно проговорилъ Семень Семеновичъ.

Они были не только дальними родственниками, но и товарищами въ годы дѣтства, хотя Семень Семеновичъ былъ немного моложе Погребщикова. Погребщикъ пожалъ плечами.

— Я не виноватъ, что не умѣю обманывать себя и не называю кутежи весельемъ. Это та же скука!..

Погребщикъ сухо отелаялся и отошелъ отъ Мари Шлейеръ.

— Вотъ степеннѣйшій изъ степенныхъ жениховъ, Марья Ивановна,—проговорилъ Пановъ кажимъ-то особенно злымъ тономъ.

— Онъ, кажется, не глухъ и начитанъ,—отвѣтила она.

— О, у него всѣ достоинства старца, не бывшаго никогда молодымъ,—проговорилъ онъ ѣдко.

— Это очень грустно,—сказала она.—Значитъ, онъ очень

несчастливъ. Прожить, не зная молодости, это большое несчастье. Я это знаю по своему несчастному брату.

— Помилуйте, какое же это несчастье!—воскликнулъ Семень Семеновичъ.—На такого человѣка можно положиться, какъ на каменную гору, не боясь, что онъ закутитъ и запыетъ. Онъ вѣдь не то, что мы, грѣшныя, носящіеся безъ руля и компаса по житейскому морю.—И неожиданно спросилъ ее:—Вы знаете, почему братъ Иванъ такъ ухаживаетъ за нимъ? Его прочать въ женишки одной изъ моихъ милыхъ племянницъ.

— Я думаю, онъ не понравится ни той, ни другой.

— Помилуйте, такой выгодный женихъ!

— Онъ еще, слава Богу, не придаютъ такого значенія деньгамъ, чтобы сдѣлать себя несчастными на всю жизнь ради денегъ.

— Несчастливыми? Съ такимъ-то примѣрнымъ человѣкомъ?

— Безъ любви можно быть несчастной даже со святымъ, а не только-что съ примѣрнымъ человѣкомъ.

Мари Шлейеръ было всегда тяжело разговаривать съ Семеномъ Семеновичемъ, и она послѣшила направиться къ своимъ ученицамъ, уже громко смѣявшимся въ обществѣ какихъ-то гвардейцевъ.

X.

— А ты знаешь новость, Погребщикова, кажется, безъ ума отъ нашей Марьи Ивановны,—говорила какъ-то со смѣхомъ своему мужу Анна Ивановна.—Надняхъ мы были въ театрѣ, онъ вошелъ къ намъ въ ложу и прежде всего справился о ней: „Отчего ея нѣтъ съ нами? Здорова ли она?“ Право, я не понимаю, какъ можно влюбиться въ этотъ скелетъ. Семень, кажется, до сихъ поръ безъ ума отъ нея; этотъ англичанинъ тоже.

Иванъ Семеновичъ нахмурился. Онъ сердился за послѣднее время и на жену, и на дочерей зато, что онѣ не только не попробовали ухаживать за Погребщиковымъ, а напротивъ того, даже смѣялись надъ нимъ и вышучивали его въ домашнемъ кружкѣ.

— Вотъ вы бы и поучились отъ нея тайнѣ располагать къ себѣ порядочныхъ мужчинъ не одними румянами да бѣлилами и пустой болтовней,—замѣтилъ онъ ворчливымъ тономъ.— Кокетничать каждая изъ васъ съумѣетъ, съ какимъ-нибудь вертопрахомъ, а серьезно расположить къ себѣ солиднаго человѣка—на это васъ не хватитъ.

— Ужъ не хочешь ли ты, чтобы твои дочери щеголяли, какъ она, своей ученостью, — засмѣялась Анна Ивановна. — Онѣ еще, слава Богу, не такія нищія, какъ она, да имъ и не нужно при ихъ красотѣ и богатствѣ плѣнять людей ученостью и серьезностью. И, сдѣлавъ гримасу, она прибавила:— Впрочемъ, я очень рада, если ни одна изъ нашихъ дочерей не выйдетъ замужъ за этого высохшаго англичанина...

— О какомъ это англичанинѣ вы разсуждаете?—спросилъ Семень Семеновичъ, входя въ комнату и здороваясь съ братомъ и его женой.

— О Погребщикова, — отвѣтила Анна Ивановна. — Кстати, вообрази, онъ тоже увлекся нашей Марьей Ивановной.

Семень Семеновичъ покраснѣлъ до ушей и раздражительно произнесъ:

— Что это ты выдумываешь!

— Ничего я не выдумываю; онъ только объ ней одной и говоритъ,—отвѣтила Анна Ивановна.— Въ театрѣ о ней разспрашивалъ; на прогулкѣ встрѣтился, тоже о ней сейчасъ же заговорилъ.

— Такъ вотъ почему онъ вчера въ театрѣ просилъ рекомендовать его ея брату и все время въ антрактѣ говорилъ съ нимъ,—въ раздумьи проговорилъ Семень Семеновичъ.

Онъ прошелся по комнатѣ, видимо встревоженный и раздраженный.

— Что же, женихъ завидный, — отрывисто сказалъ онъ. — Богатъ, степенень, начитанъ...

— И такая же сухая жердь, какъ она, — прибавила со смѣхомъ Анна Ивановна.

— Ахъ, что ты понимаешь въ женской красотѣ!—воскликнулъ Семень Семеновичъ. — Когда всѣ вы, теперешнія красавицы, на печенныя яблоки будете похожи, у нея оста-

нутя такими же чудными ея глаза, ея лобъ, ея брови, ея улыбка, ея душа...

Онъ вдругъ рѣзко оборвалъ этотъ разговоръ и заговорилъ съ братомъ о денежныхъ дѣлахъ. Иванъ Семеновичъ всегда говорилъ объ этомъ предметѣ съ братомъ немного свысока, какъ съ человѣкомъ, ничего не смыслящимъ въ счетахъ и расчетахъ и котораго поэтому было легко обирать. Весь разговоръ Ивана Семеновича съ братомъ объ этомъ предметѣ сводился въ тому, что младшій братъ требовалъ денегъ и денегъ изъ принадлежавшей ему части доходовъ, а старшій братъ охотно давалъ ихъ и кстати злоупотреблялъ его безпечною. Это вызывало всегда только насмѣшливыя замѣчанія Ивана Семеновича о мотовствѣ и кутежахъ брата и пророчества о будущемъ хожденіи Семена Семеновича по-міру съ сумой. При этомъ, конечно, умалчивалось о томъ, что Иванъ Семеновичъ посодѣйствуетъ не мало ускоренію этого будущаго. Иванъ Семеновичъ и теперь заговорилъ съ братомъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ. Проигрался?.. Или опять какіе-нибудь бѣдные родственники и знакомые разжалобили слезами и ободрали, какъ липцу? Но Семень Семеновичъ рѣзко замѣтилъ, что ему просто надо привести въ ясность свои дѣла, чтобы знать свое настоящее положеніе. Иванъ Семеновичъ пошутить:

— Что жъ, испугался, что долговъ выше головы? Боишься по-міру пойти?

— По-міру не пойду, пока руки есть,—отвѣтилъ рѣзкимъ тономъ Семень Семеновичъ.—А просто я хочу знать настоящее положеніе своихъ денежныхъ дѣлъ. Я на этихъ же дняхъ желаю произвести уплату всѣхъ своихъ долговъ и хочу знать, чтѣ останется у меня изъ находящагося въ твоихъ рукахъ моего капитала.

— Ужъ не вздумалъ ли ты жениться?—спросилъ старшій братъ, глядя на него съ удивленіемъ.

— Не на Марьѣ ли Ивацовой?—со смѣхомъ спросила Анна Ивановна.

— За такихъ, какъ я, подобныя дѣвушки не выходятъ замужъ,—отвѣтилъ Семень Семеновичъ съ горечью.

— Она за счастье должна бы считать, если бы ей предло-

жиль руку такой человекъ, какъ ты, — сказала Панова. — Вѣдь иначе ей весь вѣкъ придется по урокамъ бѣгать...

Семень Семеновичъ ничего не отвѣтилъ. Онъ чувствовалъ, что въ немъ все словно перевернулось при вѣсти, что Погребщиковъ влюбился въ Марью Ивановну. Это былъ дѣйствительно опасный соперникъ. И, конечно, она не откажетъ ему, если онъ присватается къ ней. Она вполне свободна; она давно уже отказала ему, Панову; она даже не знаетъ, должна ли онъ любить ее; онъ и самъ до этой минуты не подозрѣвалъ, что все еще любить ее. Теперь только онъ понялъ это, понялъ, что готовъ задушить Погребщикова, если тотъ вздумаетъ жениться на ней, отнять ее у него. Но развѣ Пановъ узнаетъ о намѣреніи Погребщикова жениться на Мари Шлейеръ? Ни она, ни Погребщиковъ не станутъ рассказывать во городу о своихъ намѣреніяхъ, и все узнается только за два, за три дня до ихъ свадьбы. Тогда ужъ ничего не подѣлаешь, не вырвешь ее силой изъ его рукъ. Семень Семеновичъ упалъ духомъ, не зная, что дѣлать. Но, можетъ быть, все это пустяки, простыя пошлыя выдумки Анны Ивановны. Какъ узнать правду? Онъ началъ перебирать въ памяти всѣхъ знакомыхъ, которые были вхожи въ домъ Шлейеровъ и которые могли бы сообщить ему, вхожъ ли въ домъ Шлейеровъ Дмитрій Петровичъ, въ какихъ отношеніяхъ находится онъ съ Мари, какъ смотритъ она на него. Ему вспомнился Карлъ Ѳедоровичъ Пауль. Жена Пауля была близка съ семьей Шлейеровъ и часто бывала у нихъ. Лучше всего навести справки у нея. Семень Семеновичъ рѣшился воспользоваться ея услугами и сталъ чаще ѣздить къ Паулю, который велъ теперь довольно открытую жизнь и охотился съ купеческой и театральной молодежью. Его чудесныя польскія собаки, сѣрыя съ коричневыми пятнами, были уже извѣстны всѣмъ петербургскимъ охотникамъ, и одна изъ нихъ фигурировала даже на сценѣ въ качествѣ главной героини въ мелодрамѣ „Обрѣева собака“. Въ первый же визитъ къ Карлу Ѳедоровичу Пановъ заговорилъ о Шлейерахъ.

— Я слышалъ, что у нихъ теперь часто бываетъ Погребщиковъ? — спросилъ онъ у Вильгельмины Карловны.

— О, да, онъ очень сблизился съ Александромъ Ивано-

вичемъ,—сказала Вильгельмина Карловна.—Старикъ Шлейеръ тоже полюбилъ его. Все о книгахъ разныхъ толкуютъ. И какъ это имъ не надоѣсть. До поздней ночи готовы сидѣть. Въ послѣдній разъ, какъ я была тамъ, они чуть не плавали о какомъ-то Байронѣ. Умеръ онъ, говорятъ, гдѣ-то въ Греціи.

— Моя Мина вѣдь, кромѣ кухонныхъ рецептовъ, ничего не читаетъ,—пояснилъ шутливо Карлъ Ѳедоровичъ, не читавшій, въ свою очередь, тоже ничего, но по наслышкѣ знавшій многое.

— Если бы я книги читала, ты бы безъ обѣдовъ сидѣлъ!—строго сказала Вильгельмина Карловна, уже окончательно поборовшая мужа въ супружескихъ битвахъ и державшая его теперь подъ башмакомъ.

— Развѣ я, мамочка, жалуюсь?—оправдался Пауль, принимая комически-смиранный видъ.—Я только хвалю тебя за то, что ты даромъ не тратишь времени.

Не отвѣчая мужу, Вильгельмина Карловна продолжала рассказывать Панову:

— Весь вечеръ толковали они о томъ, что смерть этого самаго Байрона — величайшая потеря для всего человѣчества. А Александръ Ивановичъ замѣтилъ: „Но счастливъ человѣкъ, который умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, и притомъ умеръ, въ благородномъ порывѣ, бросившись помогать освобождающемуся народу“.

— Ну, благодарю покорно за такое счастье, сто чертей ему въ голову!—воскликнулъ Карлъ Ѳедоровичъ.—Да я до ста лѣтъ доживу, а такого счастья, какъ смерть, не пожелаю, развѣ ужъ только въ томъ случаѣ, если на свѣтѣ, кромѣ старыхъ вѣдьмъ, ни одной молоденькой женщины не останется.

— Карлъ Ѳедоровичъ!—строго прикрикнула Вильгельмина Карловна.

— Ревнуетъ, ревнуетъ все!—воскликнулъ онъ и лукаво подмигнулъ Панову.

Но Семену Семеновичу было не до шутокъ этого уже сильно разжирѣвшаго краснолицаго балагура; онъ продолжалъ спрашивать его жену:

— Ну, а какъ Марья Ивановна смотритъ на Погребщичева?

— О, она очень, очень хвалитъ его!—отвѣтила Вильгельмина Карловна.

— Еще бы не хвалить: у него миллионы!—вставилъ Пауль.

— Она вовсе не за это хвалитъ его, — возразила Вильгельмина Карловна.—Онъ умный, образованный, деликатный человекъ; жалѣетъ она только его, что онъ отвыкъ отъ здѣшней жизни и вывезъ изъ Англiи сплинъ.

— Ахъ, за этимъ и въ Англiю не надо было ѣздить,—вставилъ Пауль,—а будешь сидѣть дома,—ну, и схватишь сплинъ. Вотъ, хоть бы я теперь...

— Карлъ Ѳедоровичъ! — прикрикнула опять на мужа Вильгельмина Карловна, прерывая его рѣчь, и обратилась къ Панову:—Да, вотъ ужъ Погребщичевъ не такой вертопрахъ. Дѣвушка, на которой онъ женится, будетъ счастлива, ей нечего будетъ бѣгать за нимъ, чтобы онъ не засидѣлся гдѣ-нибудь. Наталья Алексѣевна, конечно, даже и мечтать не смѣетъ, чтобы онъ на Мари женился, а только набожно крестится и шепчетъ: „Твори, Господи, волю свою“. Ужъ это, точно, не женихъ, а владъ. Мари вѣдь двадцать пять лѣтъ минуло, и не красавица она; за послѣднiе годы еще болѣе и похудѣла, и пожелтѣла.

Пауль вступился за Мари Шлейеръ.

— А глазки-то, глазки все попрежнему блестятъ... и ручки крохотныя съ этакими вотъ пальчиками, такъ бы и разцѣловалъ ихъ.

Онъ сложилъ въ горсть свои толстыя пальцы и чмокнулъ ихъ красными губами.

— Карлъ Ѳедоровичъ!—крикнула, топнувъ ногой, Вильгельмина Карловна.—Не выводи меня изъ терпѣнiя!

Она обратилась къ Панову.

— Да, ужъ что ни говорите, а Мари разбирать жениховъ нельзя, а о такомъ женихѣ, какъ Погребщичевъ, ей, разумѣется, и во снѣ не снилось.

— Она-то вамъ это говорила?—горячо спросилъ Пановъ.

— Нѣтъ, она вѣдь не любитъ говорить о замужествѣ,—отвѣтила Вильгельмина Карловна.—Она человекъ скрытный

и, кромѣ того, въ ея положеніи неловко поднимать этотъ вопросъ: замужь выйти желаетъ, какъ и каждая дѣвушка, а на жениховъ надежды нѣтъ...

Пановъ больше ничего не спрашивалъ. Да что же было и спрашивать: Погребщиковъ не безъ цѣли вошелъ въ этотъ домъ, всѣ въ восторгѣ отъ него, ему стоить сказать слово, и Мари выйдетъ за него замужь. Семень Семеновичъ затосковалъ; въ его характерѣ произошла крупная перемена. Онъ забросилъ своихъ старыхъ пріятелей, сталъ сторониться отъ общества молодежи и усердно приводить въ порядокъ свои денежные дѣла. Эти дѣла были довольно запутаны, почти три четверти состоянія были брошены на вѣтеръ, ушли между руеъ и отчасти прилипли въ рукавъ Ивана Семеновича, съумѣвшаго поудить рыбу въ мутной водѣ. Это раздражало теперь отрезвлявшагося отъ угара кутежей Семена Семеновича, точно завятаго срагу, внезапно увидавшаго, что его кто-то обокралъ, чуть не пустилъ по-міру. Онъ сталъ толковать съ братомъ о необходимости поступить на мѣсто, и когда Иванъ Семеновичъ вздумалъ посмѣяться надъ его „причудой“, онъ вышелъ изъ себя отъ раздраженія, началъ горячо упрекать всѣхъ, ославившихъ его пьяницей и мотомъ. Правда, онъ былъ молодъ, легкомысленъ, довѣрчивъ, но это вовсе не значило, что его слѣдуетъ называть погибшимъ человѣкомъ, что его надо было ославить негодяемъ, что, можетъ быть, люди, чернившіе его, сами были болѣе негодяями, чѣмъ онъ, злоупотребляя его слабостью и довѣрчивостью. Онъ кутилъ на свои деньги, а они грабили его, пользуясь удобнымъ случаемъ. Вспышка гнѣва была такъ сильна и необузданна, что Иванъ Семеновичъ притихъ, отчасти боясь намековъ брата, отчасти думая, не началась ли у брата бѣлая горячка. Онъ невольно всмотрѣлся въ лицо брата: оно немного похудѣло, слегка пожелтѣло, глаза смотрѣли безнокойно. Пожалуй, и точно братъ допился до бѣлой горячки и чортъ знаетъ чего наговорить въ бреду. Прежде онъ никогда и не думалъ о деньгахъ. Иванъ Семеновичъ успѣвши успокоить его и пообщалъ похлопотать устроить его гдѣ-нибудь при большой купеческой конторѣ, рассуждая въ то же время мысленно, что его не въ контору, а въ больницу надо пристроить.

Однако, через недѣлю или двѣ Семень Семеновичъ снова обратился къ брату и спросилъ, не прискаль ли тотъ ему мѣста. Иванъ Семеновичъ немного растерялся, такъ какъ онъ вовсе и не думалъ искать мѣста для брата.

— Да ты что же это, не шутя, служить хочешь?—спросилъ онъ.

— Чтожъ, мнѣ по-миру, что ли, ходить подъ старость прикажешь?— отвѣтилъ Семень Семеновичъ рѣзко. — Мнѣ скоро тридцать лѣтъ минеть, пора подумать и о будущемъ. И такъ много и силъ, и здоровья, и денегъ ушло безъ пути.

Иванъ Семеновичъ общалъ хлопотать о мѣстѣ для него и вечеромъ замѣтилъ женѣ, что Семень, кажется, совсѣмъ съ ума спятилъ: то швырялъ деньги направо и налево, а теперь по-миру боится пойти, служить ради этого вздумалъ. Безалаберный и безпутный человекъ, мечется, какъ угорѣлый, изъ стороны въ сторону! Особенно нѣжныхъ братскихъ чувствъ Иванъ Семеновичъ не питалъ къ Семену Семеновичу и потому вовсе и не думалъ заботиться о томъ, почему появились разныя странности въ характерѣ и поведеніи брата, почему онъ сталъ вдругъ худѣть и желтѣть, почему онъ смотрѣлъ мрачно и часто раздражался, даже придирался къ отчету, данному ему Иваномъ Семеновичемъ по ихъ общему дѣлу, о которомъ прежде никогда и не думалъ.

Но было лицо, которое встревожилось, услышавъ странные толки о младшемъ Пановѣ. Это была Мари Шлейеръ.

Заходя теперь отъ времени до времени къ своимъ бывшимъ ученицамъ, она слышала отъ нихъ, отъ Анны Ивановны и, главнымъ образомъ, отъ Наташи Пановой, что Семень Семеновичъ „куролесить“ и „чудить“. Такъ называли въ семьѣ тенерешнее поведеніе Семена Семеновича. Мари Шлейеръ чутко прислушивалась ко всѣмъ разговорамъ этихъ женщинъ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе ей хотѣлось самой взглянуть на Панова, самой увидеть, какая произошла въ немъ перемѣна. Разказы родственницъ Пановыхъ были такъ сбивчивы и часто нелѣпы, что только тревожили Мари Шлейеръ, ничего не выясняя ей. Какъ-то разъ, направляясь къ дому Ивана Семеновича Панова, она увидала идущаго ей навстрѣчу Семена Семеновича и чуть не вскрик-

нула отъ радости. Она едва могла скрыть свое волненіе, заговоривъ съ Семеномъ Семеновичемъ.

— Мы теперь чуть не по цѣлымъ годамъ не встрѣчаемся съ вами,—заговорилъ онъ, пожимая ей руку, и, не удержавшись, сейчасъ же съ горечью прибавилъ:—Дмитрій Петровичъ Погребщиковъ счастливѣе меня въ этомъ случаѣ, онъ, какъ я слышалъ, часто бываетъ у васъ.

— Да, — отвѣтила она, — ему, должно быть, не кажется скучнымъ бывать у насъ.

— Ну, скучно-то ему вездѣ,—замѣтилъ Пановъ,—потому что онъ самъ ходячая скука.

— Хандра празднаго богача,—сказала Мари Шлейеръ.— Но, право, жаль, что такой неглупый и хорошо образованный человѣкъ не можетъ найти дѣла или, вѣрнѣе, не хочетъ его искать. Мнѣ всегда жаль праздныхъ людей.

— Вы съ нимъ очень сблизились?—спросилъ онъ.

— Я? Не особенно,—отвѣтила она.—Братъ сдружился. У нихъ есть много общаго въ характерѣ, хотя братъ, къ счастью, втянулся въ работу, и она спасаетъ его отъ мрачнаго отчаянія, особенно теперь, въ эти тяжелыя для него времена разныхъ гоненій. Вы знаете, онъ вѣдь былъ близокъ съ массонами, и на него сильно повліяло приказаніе закрыть ихъ ложи...

Она вздохнула.

— Несчастный братъ! Вся его жизнь сплошная безропотная жертва. Ради поддержки семьи ему пришлось отказаться отъ всего, отъ грезъ о широкой карьерѣ, отъ грезъ о семейныхъ радостяхъ, а тутъ еще и общественная жизнь такъ безрадостна...

Пановъ слушалъ разсѣянно, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ ея самой. Онъ неожиданно сказалъ:

— А вы знаете, ходять слухи, что Дмитрій вашъ женихъ?

— Да, онъ предлагалъ мнѣ свою руку, но я отказала ему,—просто отвѣтила Мари Шлейеръ.

— Отказали?

Въ этомъ восклицаніи Панова послышались и радость, и удивленіе.

— Развѣ васъ это можетъ удивлять?—спросила Мари

лись. Пудриться и подбѣливаться пришлось, чтобы не было замѣтно. У насъ вѣдь теперь идетъ своя отечественная война: не удастся ей разцарапать мнѣ лицо, такъ летить въ меня посуда. Ну, я тоже швыряю на полъ тарелки и чашки... такъ у насъ вездѣ черепки и валяются...

— Глупыя дѣти!—проговорилъ со вздохомъ Шлейеръ и опять посовѣтовалъ на прощаньи безпечному и легкомысленному юношѣ поскорѣе жениться.

ПОГАСЕЛО

VII.

Когда послѣ опьяненія и угара шумныхъ празднествъ наступили тихіе и однообразные будни, люди спокойнаго и мирнаго характера, съ ограниченными умами и потребностями, жившіе одними интересами своей семьи, своего личнаго блага, вздохнули свободнѣе и стали устраиваться въ своихъ уголкахъ, радуясь затишью. Затишье для подобныхъ людей-муравьевъ является всегда благомъ, такъ какъ только при немъ можно прочно устраивать свой муравейникъ. Они не настолько умны, чтобы вдумываться въ смыслъ этого затишья, они не настолько чутки, чтобы почувствовать въ немъ затишье послѣ похоронъ или затишье передъ грозой. Такими людьми были Вильгельмина Гёрцъ и Наталья Алексѣевна Шлейеръ. До нихъ не касалось ничто, что дѣлалось въ общественной жизни, только бы эта общественная жизнь не нарушала ихъ личнаго спокойствія, и потому онѣ не могли не радоваться окончанію войны. Она уже не пугала ихъ вопросами: не придетъ ли французъ? не разоритъ ли онъ ихъ? не заставитъ ли куда-то бѣжать? не распоретъ ли ихъ перинь съ зашитыми въ нихъ деньгами? Онѣ радовались миру тѣмъ болѣе, что, съ наступленіемъ его, ихъ домашнія дѣла устроились отлично.

Для Вильгельмины насталь наконецъ желанный день свадьбы, и она превратилась изъ Вильгельмины Гёрцъ въ Вильгельмину Карловну Пауль, свила свое собственное гнѣздышко, и при томъ свила его не безъ комфорта, благодаря найтиму сперва въ Красномъ Кабачкѣ, а потомъ въ ари-

стократических салонахъ, деньгамъ. Правда, Карлуша, котораго теперь стали величать Карломъ Ѳедоровичемъ, съ тѣмъ же юношескимъ легкомысліемъ, съ какимъ онъ относился ко всему въ жизни, отнесся и къ своему новому положенію, заявивъ шутливо, что теперь ужъ ему цѣлыя миски будутъ летѣть въ голову, такъ какъ Вильгельмина вполнѣ воспользуется своими супружескими правами и будетъ ревновать его даже къ арфѣ, такъ какъ арфа женскаго рода. Но въ сущности, и онъ былъ радъ тому, что твердо стоитъ на своихъ ногахъ. Страсть къ бродяжничеству, развивавшаяся въ немъ съ дѣтства привычкою скитаться изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, приняла теперь новую форму: онъ сдѣлался яримъ охотникомъ, завелъ собакъ и челноки и поселился при въѣздѣ въ Екатерингофъ, поближе къ Рѣзвому, Круглому, Подзорному и Гутуевскому островамъ, гдѣ въ тѣ времена водилось много дичи. Вильгельмина Карловна вздохнула свободнѣе, чувствуя, что она теперь не останется на мостовой, и радуясь, что Карлъ сталъ больше увлекаться охотой и собаками, чѣмъ женскою красотою. Ея радость вполнѣ раздѣляла съ нею Наталья Алексѣевна, всегда сочувствовавшая замужеству каждой дѣвушки. По ея мнѣнію, все счастье дѣвушки заключалось именно въ томъ, чтобы пристроиться, то-есть, выйти замужъ. Иного счастья, казалось ей, дѣвушкѣ нечего было и ждать. Радость старушки въ настоящемъ случаѣ по поводу чужого счастья была тѣмъ искреннѣе, что и сама эта простодушная женщина была теперь вполнѣ довольна своей судьбой: и для нея, казалось, вернулись тѣ свѣтлые дни, когда она, выйдя замужъ, не знала ни нужды, ни денежныхъ заботъ. Дѣла Ивана Ивановича Шлейера нѣсколько поправились: самъ онъ началъ мало-по-малу собирать кое-какіе долги отъ своихъ старыхъ кредиторовъ; Александръ не только переводилъ драмы, комедіи и оперы для театра, но и получилъ выгодные уроки въ частныхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не думая уже ни о заграничномъ путешествіи, ни о слушаніи лекцій въ иностранныхъ университетахъ; Мари пристроилась учительницей при дочеряхъ Ивана Семеновича Панова, хотя и жила дома, не пожелавъ связывать себя жизнью въ чужой семьѣ.

Жить можно было безбѣдно: воскресныя кулебяки стали опять аршинныхъ размѣровъ, а приходившіе къ Шлейерамъ гости уходили изъ дома, наѣвшись до отвала. Если что и беспокоило немножко Наталью Алексѣевну, такъ это то, что годы шли, а ея дочь все еще была не пристроена, то-есть, не выдана замужъ.

— Вотъ ужъ была бы рада, еслибы и моя Машенька теперь нашла свою судьбу,—бесѣдовала простодушная старушка съ Вильгельминой Карловной, угощая ее у себя чаемъ.— Все теперь у насъ, благодареніе Богу, опять совсѣмъ наладилось: Александръ зарабатываетъ много, ребятишки наши даромъ въ театальной школѣ учатся и содержатся, Машенька уроками достаетъ не мало у Пановыхъ, а все вотъ душа моя не спокойна, пока Богъ Машенькѣ судьбы не пошлалъ. Наша сестра, пока замужъ не вышла, словно лишній человѣкъ землю копитъ.

— Мари у васъ образованная, не то, что я, она безъ хлѣба не останется,—замѣтила Вильгельмина Карловна.— Вотъ я такъ ночей, бывало, не спала, когда мысли эти въ голову приходили, что вдругъ Карлуша возьметъ да и не женится на мнѣ, другую возьметъ. Что бы я тогда стала дѣлать? Ну, а Мари не пропадетъ нигдѣ, даже если и сиротой останется.

— Такъ-то оно такъ, Минушка, а и съ образованіемъ-то въ старыхъ дѣвкахъ засидѣться не сладко,—возражала Наталья Алексѣевна.— Только она-то объ этомъ и слова не даетъ сказать... Не понимаю я ея, Минушка, совсѣмъ не понимаю,—мать ей, а не понимаю. Въ мое время у насъ, въ русскихъ-то семьяхъ, такихъ отважныхъ дѣвушекъ и слыхомъ не слыхать было. А она такъ осмѣлилась, такъ осмѣлилась, что, ей-Богу, страшно за нее, что съ ней будетъ. Конечно, Иванъ Ивановичъ потакаетъ ей, Александръ тоже говоритъ, что это хорошо. Ну, а я, мать, я боюсь...

Она вздыхала и продолжала рассказывать:

— Ужъ сколько у нея этой смѣлости и отваги, точно у любого мужчины. Вотъ хоть бы взять ея уроки у Пановыхъ: и я, и даже отецъ совѣтовали ей другое мѣсто поисвать, такъ нѣтъ, настояла на своемъ... У Пановыхъ-то вѣдь нѣтъ нѣтъ и встрѣтится она съ этимъ озорникомъ, Семеномъ Се-

*

меновичемъ-то, а мало ли какихъ дерзостей можно отъ него ждать. Ну, а она ничего не боится.

Она понизила голосъ и стала рассказывать:

— Онъ теперъ переѣхалъ отъ брата-то, отъ Ивана Семеновича, отдѣльно живетъ. Вѣрно, кутить способнѣе такъ-то. Наташа-то, сестра Семена Семеновича, намедни мнѣ рассказывала. „Сеня, говоритъ, какъ огня, боится Мари. При ней не смѣетъ и на-веселѣ къ намъ придти“. Услышеть, что она у нихъ, у Пановыхъ-то, сидитъ, и сейчасъ отъ воротъ поворотъ, если подгулявши, а самъ бранится: „Не хочу, молъ, проповѣдей слушать, она мнѣ не указъ“. „Одно, говоритъ Наташа, огорчаетъ меня, что Сеня сталъ надсмѣхаться надъ Мари. Прежде все восхищался ею, а теперь шутитъ все надъ нею, за глаза, конечно; чуть только выпьетъ немного, сейчасъ ее на смѣшки и поднимаетъ, точно возненавидѣлъ онъ ее. При ней тише воды, ниже травы, точно школьникъ провинившійся ходитъ, а безъ нея бахвалится, что нисколько ее не боится“. Наташа-то, Минушка, болтушка у нихъ, все мнѣ высказываетъ. Ну, а я материнскимъ-то сердцемъ и чую, что когда-нибудь этотъ злодѣй въ глаза Машенькѣ такихъ вещей наговоритъ, что хоть бѣги... Съ ней-то только не сладить, не уговоришь ее отъ грѣха уйти... И будто свѣтъ клиномъ сошелся, будто, кромѣ Пановыхъ, и уроковъ не достать? Да теперъ и безъ уроковъ Машеньки мы жить можемъ. Это ужъ ея нравъ такой: „Не хочу, говоритъ, я ни на чьей шеѣ сидѣть“. Я ей ужъ, выговаривала за это: „Что же, молъ, мы чужіе тебѣ, что ли? Я и безъ родителей осталась, да на счетъ брата жила, а по чужимъ людямъ не мыкалась изъ-за куска хлѣба“. Ну, отецъ за нее сейчасъ вступился: „Оставь ее, Наталья Алексѣвна. Она хорошо дѣлаетъ, что работаетъ“. Нечего дѣлать, замолчала я. Я изъ его воли не выхожу. Онъ мужъ, я его бояться должна. А только понять я все-таки не могу, зачѣмъ ей работать, если и безъ работы жить можно...

Дѣйствительно, жить можно было и безъ уроковъ Мари. Александръ Ивановичъ Плейеръ уже имѣлъ и казенные, и частные уроки нѣмецкаго языка, нѣмецкой литературы и всеобщей исторіи; театръ тоже приносилъ ему доходъ, и онъ переводилъ французскія мелодрамы, оперы и писалъ мелкія

комедіи. Иванъ Ивановичъ, въ свою очередь, получалъ по счетамъ и роспискамъ старыя долги и опять имѣлъ въ рукахъ кое-какія деньжонки. Семья жила снова безбѣдно, и Наталья Алексѣевна не только могла держать попрежнему служанку, дѣлать кулебяки и кормить гостей, но и подкармливать прибѣгавшихъ къ ней изъ театральной школы Костю, Сашу и Фрица. Эти дѣти были вѣчно плохо накормлены, неряшливо одѣты, жаловались на холодъ, на грязь и пыль въ училищѣ. Бѣлье и одежда дѣтей состояли изъ сплошныхъ заплатъ, а ихъ постельное бѣлье, какъ рассказывали они, было еще хуже. Содержали ихъ возмутительно грязно и бѣдно; кромѣ всѣхъ недостатковъ въ ѣдѣ и одеждѣ, ихъ одолевали въ школѣ крысы, которыхъ было такъ много, что Костя разъ на лѣстницѣ наступилъ одной крысѣ на хвостъ, и та вцѣпилась ему зубами въ ногу. Нелегко было и ученье: мальчугановъ били, обучая танцамъ и музыкѣ, хотя у нихъ не было способностей ни къ тому, ни къ другому; особенно тиранилъ дѣтей учитель-танцмейстеръ: онъ завязывалъ въ конецъ носоваго платка свинчатку и билъ ею дѣтей за каждое неловкое пѣ, крича имъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: „свинъ, скотинъ, сѣнъ, соломя, полѣнъ дровъ!“ Били, впрочемъ, не за одну неспособность танцовать, а и за каждую шалость или оплошность, били чѣмъ попало, даже такими предметами, какъ тогдашнія длинныя зрительныя трубки. Такой зрительной трубкой подбилъ одному изъ восьмилѣтнихъ учениковъ глазъ самъ директоръ театровъ. Наталья Алексѣевна вся была поглощена невзгодами своихъ сиротокъ и только и думала о томъ, чтобы приготовить для нихъ сладкій кусокъ, когда они прибѣгали тайкомъ къ ней, благо отъ казанской части, рядомъ съ которой на Екатерининскомъ каналѣ помѣщалась театральная школа, было недалеко добѣжать до Большой Мѣщанской улицы. Кромѣ этой заботы да тревоги при мысли, какъ бы не осталась въ старыхъ дѣвкахъ Машенька, у старушки теперь не было другихъ печалей, и она очень удивлялась, когда мужъ, сынъ и дочь говорили, вздыхая:

— Да, вотъ, теперь такъ настали трудные годы!

Трудные годы! Да развѣ они, Шлейеры, нуждаются те-

перь въ чемъ-нибудь? И не только у нихъ поправились дѣлишки, а и знакомые-то ихъ вздохнули свободнѣе. Вонъ Минушка, точно роза, разцвѣла послѣ замужества. Карлуша, даромъ что бродячимъ музыкантомъ былъ, бариномъ зажилъ, точно въ своемъ помѣстьѣ, въ Екатерингофѣ живетъ, сколько собакъ держитъ, лодки какія завелъ, купеческую молодежь, что прежде ему деньги Христа ради бросала, у себя принимаетъ. Старушка мысленно перебирала жизнь всѣхъ своихъ знакомыхъ, вздохнувшихъ свободнѣе послѣ войны, и никакъ не могла понять, что ея мужа, сына и дочь занимаютъ какіе-то другіе интересы и событія, не имѣющіе ничего общаго съ кускомъ насущнаго хлѣба и съ счастьемъ какой-нибудь Минушки или какаго-нибудь Карлуши.

VIII.

Иванъ Ивановичъ Шлейеръ, оставшійся не удѣлъ, „лишнимъ человѣкомъ“, какъ онъ съ горечью называлъ себя, просиживалъ теперь съ утра до ночи за газетами и книгами, не интересовался ни кулебяками жены, ни счастьемъ какой-нибудь Минушки, и сознавая только, что общество переживаетъ трудные годы, которые должны были, по его мнѣнію, кончиться какими-то страшными катастрофами. Его сынъ, болѣзненный отъ природы и еще болѣе надорвавшій свои силы упорными занятіями, окончательно ушелъ въ мистицизмъ, тѣсно сблизился съ массонами и съ мучительной тоской искалъ разрѣшенія своихъ мрачныхъ сомнѣній, искалъ спасенія отъ охватывавшаго его безнадежнаго пессимизма. Въ его душѣ уже не было грезъ о широкой дѣятельности, не было грезъ о личномъ счастьи; онъ мучительно ясно сознавалъ, что долженъ обречь себя на черный трудъ для прокормленія семьи, и молча подчинился этому долгу. Но если личная жизнь не могла радовать его, то еще менѣе радовали его общественныя событія: онъ, какъ и его отецъ, видѣлъ въ нихъ зловѣщіе признаки. Горячо слѣдя за умственной, общественной и политической жизнью, усердно перечитывая газеты и книги, эти два человѣка иногда просиживали по цѣлымъ часамъ съ друзьями въ серьезныхъ толкахъ и спорахъ о томъ, до чего мо-

жетъ дойти охватившее всѣ правительства и всѣ народы на-
правленіе. Какъ людей, жившихъ въ теченіе долгаго вре-
мени почти исключительно политическими и литературными
интересами, ихъ волновали теперь всякія крупныя и мелкія
явленія, казавшіяся отраженіемъ общаго настроенія: и гру-
быя выходки полупомѣшаннаго князя Тюфякина, игравшаго
теперь видную роль главнаго воротилы въ театральномъ мірѣ,
были для нихъ знаменіями времени.

— Да, именно теперь настали трудные годы!—повторяли
Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ Шлейеръ.

Ихъ мнѣніе раздѣляла Мари Шлейеръ, къ которой отецъ
и братъ относились, какъ къ доброму товарищу. Но, бесѣ-
дуя съ ними, она часто думала о томъ, что и для нея лично
теперь настали трудные годы—настали совсѣмъ по другимъ
причинамъ. Она уже вполнѣ ясно сознавала, что она лю-
битъ и, къ несчастію, любитъ вполнѣ безнадежно. Посту-
пивъ учительницей къ двумъ дочерямъ Ивана Семеновича
Панова, она тайно лелѣяла свѣтлую надежду, такъ или иначе,
повліять на Семена Семеновича и „сдѣлать его человѣкомъ“,
какъ мысленно говорила она. Она чувствовала, что при мысли
объ этомъ человѣкѣ ея сердце начинаетъ биться сильнѣе, и
чутьемъ угадывала, что онъ, въ свою очередь, серьезно лю-
битъ ее. Но на первыхъ же порахъ послѣ ея поступленія
учительницей въ домъ Пановыхъ произошло нѣчто такое, чего
она не ожидала. Какъ-то разъ Семенъ Семеновичъ уловилъ
минуту, когда Мари одна проходила черезъ залу въ домѣ
его брата, и остановилъ молодую дѣвушку.

— Фрейлейнъ Мари, мнѣ надо поговорить съ вами, —
сказалъ онъ ласково.

Она остановилась.

— Вы уже не ребенокъ,—началъ онъ,—и должны были
давно замѣтить то, чего я никогда не рѣшался высказать.
Я давно полюбилъ васъ...

У Мари сильно забилось сердце. Она, однако, овладѣла
собою, и отвѣтила, насколько могла, спокойно:

— Я это угадывала...

— Милая дѣвушка!—радостно воскликнулъ онъ. — Ну,
а вы... вы-то любите ли меня?!

Онъ протянулъ ей руки. Она чуть-чуть отстранилась отъ него.

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ? — сказала она дрогнувшимъ голосомъ.—Зачѣмъ вамъ знать это?

Онъ весело засмѣялся.

— Голубушка моя, какъ же зачѣмъ? Кому же и нужно знать, какъ не мнѣ, согласитесь ли вы быть моей женой?

Она прямо взглянула на него и отвѣтила:

— За человѣка, ведущаго такую жизнь, какую ведете вы, я никогда не выйду замужъ.

— А! проповѣдь хотите читать!—воскликнулъ онъ раздражительно.—Это, пожалуй, хорошо въ шуткахъ, но не въ серьезномъ разговорѣ. Я вамъ говорю о такомъ важномъ вопросѣ, какъ замужество, и тутъ шутить не приходится, читая мнѣ, какъ мальчишкѣ, наставленія.

— Я говорю самымъ серьезнымъ образомъ, что я за пьяницу не пойду,—твердо отвѣтила Мари.

Онъ вспыхнулъ:

— А! такъ, значитъ, вы вовсе не любите меня, если рассуждаете о моемъ пьянствѣ. Кто же изъ мужчинъ не пьетъ? А можетъ быть, я и перестану пить, женившись на васъ. Наконецъ, вы-то сами, любя меня, можетъ быть, отучите меня отъ пьянства.

Она покачала отрицательно головой.

— Можетъ быть, можетъ быть,—проговорила она.—Но я никогда не выйду за васъ, поддавшись этимъ надеждамъ...

Онъ видимо раздражился еще болѣе и началъ запальчиво:

— Ну, такой любви мнѣ и не нужно...

Она перебила его горячо.

— Вы не знаете, не можете понять, какъ я люблю васъ! Развѣ вы понимаете первую любовь дѣвушки! Но первое оскорбленіе, которое вы нанесли бы мнѣ въ пьяномъ видѣ, заставило бы меня убѣжать отъ васъ, никогда болѣе не видаться съ вами, покончить съ собой... Вотъ чего я не хочу, вотъ на что я не рѣшаюсь идти...

— Машенька! — воскликнулъ онъ, пораженный искренними и страстными нотами, зазвучавшими въ ея голосѣ, и опять протянулъ къ ней руки.

Она снова отстранилась от него.

— Не просите меня, не просите! — почти съ мольбой проговорила она. — Я лучше не выйду ни за кого, чѣмъ выйти за любимаго человѣка и ждать, когда онъ убьетъ во мнѣ все, и любовь, и уваженіе, и жизнь... все, все...

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она продолжала горячимъ, страстнымъ тономъ:

— Вы образованы, вы умны, вы добры до слабости! Но, Господи, еслибы вы хоть на мгновеніе въ минуты отрезвленія сознали, какъ вы отвратительно грубы, какъ вы омерзительно распущены въ пьяномъ видѣ! Я видѣла только два-три раза васъ въ такомъ состояніи, когда вы говорили глупости и пошлости, и мнѣ было противно и больно за васъ, но... но вѣдь я знаю и то, что дѣлали вы на сторонѣ, при мнѣ рассказывали... я уже не ребенокъ...

Она остановилась со слезами на глазахъ и тихо, упавшимъ голосомъ, закончила:

— Я могла уходить, когда о васъ начинали при мнѣ говорить дурно... но отъ мужа вѣдь я не убѣгу, когда онъ явится въ домъ во всемъ безобразіи пьяницы.

Она направилась къ выходу, чувствуя, что все помутилось въ ея глазахъ. Онъ хотѣлъ удержать ее за руку, но она безсознательно отстранила его.

— Я вамъ все сказала, — проговорила она глухо, сознавая, что произносить смертный приговоръ своей первой любви, — и больше намъ говорить не о чемъ...

Это неожиданное объясненіе сильно повліяло на Семена Семеновича: онъ закутилъ еще сильнѣе, и даже выѣхалъ изъ дома старшаго брата, чтобы не встрѣчаться ежедневно съ Мари Шлейеръ. Въ душѣ его вспыхнуло негодованіе на нее. Ему казалось, что она вовсе не любитъ его. Еслибы любила, то пошла бы замужъ, стала бы передѣлывать его, отучать отъ кутежей. Наконецъ, любящая дѣвушка всегда могла бы надѣяться, что ея милый измѣнится уже ради любви къ ней. Она же какая-то холодная чухонка. Любить не умѣетъ. Вода, а не кровь течетъ у нея въ жилахъ. Онъ мысленно ругалъ ее, и даже удивлялся, какъ онъ могъ полюбить ее: худа, желта. Ничего въ ней нѣтъ хорошаго. Глаза... ну, да чортъ съ ними,

съ этими глазами! Онъ дошелъ даже до того, что, прїѣзжая объѣдать къ старшему брату, въ отсутствіи Мари Шлейеръ спрашивалъ съ насмѣшкой, какъ поживаетъ ихъ „рыбья кость“. Это всегда огорчало младшую его сестру, Наташу, какъ близкую подругу Мари Шлейеръ, но зато сильно смѣшило Анну Ивановну Панову, жену Ивана Семеновича Панова. Эта толстая, румяная купчиха, жившая широко и всегда щегольски одѣтая, принадлежала къ купеческой аристократіи того времени и смотрѣла нѣсколько свысока на людей, не отличавшихся богатствомъ и титулами. Она не была по натурѣ ни зла, ни груба, но отличалась недалекимъ умомъ и крайнимъ легкомысліемъ: ей ничего не значило подшутить и насмѣяться надъ человѣкомъ, если это можно было сдѣлать безнаказанно, то-есть, если избранный ею для шутокъ человѣкъ стоялъ ниже ея, или зависѣлъ отъ нея. Шуточки подгулявшаго Семена Семеновича Панова надъ отсутствующей Мари Шлейеръ пришлись какъ разъ по вкусу Аннѣ Ивановнѣ: она всегда какъ-то невольно вела себя сдержанно въ присутствіи этой дѣвушки и, сама того не замѣчая, даже побаивалась ея, когда та спокойно и резонно дѣлала замѣчанія ея дочерямъ - подросткамъ за ихъ распушенность, или когда суровый и деспотичный Иванъ Семеновичъ ставилъ ей, своей слишкомъ легкомысленной супругѣ, въ примѣръ умѣющую себя держать Мари Шлейеръ. „Рыбья кость“, „Жучка“, „чухонская селедка“, „драная кошка“ и тому подобныя безцеремонныя эпитеты пристегивались не особенно стѣснявшейся въ выраженіяхъ Анной Ивановной къ имени Мари Шлейеръ, когда совсѣмъ подгулявшій Семень Семеновичъ терялъ сознание того, что говоритъ онъ самъ, и что говорятъ ему, а Анна Ивановна пользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы насмѣяться хоть за глаза надъ той, которая съ нѣкотораго времени начала, помимо своей воли, мозолить ей глаза. Иногда, впрочемъ, Семень Семеновичъ вдругъ раздражался на Анну Ивановну и неожиданно замѣчалъ:

— Знаю я, за что ты ея не любишь. Шапни всѣ твои она видитъ и понимаетъ. Боишься, что мужу твоему глаза откроетъ. Только ты это напрасно. Она не такая колотовва, какъ всѣ вы, бабы.

И уже совсѣмъ безцеремонно начиналъ браниться:

— Подметокъ ея вы не стоите! Судомойками бы вамъ быть, а не порядочными женщинами считаться.

Анна Ивановна негодовала и сердито замѣчала брату мужа:

— Ужь правду говорятъ, что ты у бочки гдѣ-нибудь въ кабакѣ умрешь!

Этимъ обыкновенно и кончалась родственная ссора.

Мари Шлейеръ не подозрѣвала даже, что дѣлается за кулисами въ семьѣ Пановыхъ, и только сознавала одно то, что была глубоко несчастна, отказавшись отъ предложенія Семена Семеновича. Иногда она злилась на себя за то, что продолжаетъ любить этого человѣка, но, тѣмъ не менѣе, эта любовь не ослабѣвала ни на минуту. Изъ ея головы ничто не могло вытѣснить воспоминаній о немъ, о его миломъ добродушномъ лицѣ, о его искренней веселости, о его беззабѣтной добротѣ, сказывавшейся въ сотнѣ мелкихъ и крупныхъ поступковъ относительно родныхъ и знакомыхъ, которымъ онъ помогаль во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Тѣмъ не менѣе, ни на минуту она не задумалась надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли ей измѣнить своего рѣшенія. Вѣдь выносить же Вильгельмина всякія баталіи со своимъ Карломъ, и ничего, любить его попрежнему! Эта мысль приходила ей иногда въ голову, и она, нетерпѣливо пожимая плечами, говорила съ презрѣніемъ:

— Развѣ я Вильгельмина?

Она знала, что не простить нанесенной ей обиды даже любимому человѣку. Въ ней все возмущалось, когда при ней говорили мать и ея знакомыя, что мужъ если и побьетъ, такъ не бѣда: онъ же побьетъ, онъ же и приласкаетъ. Но, твердо убѣжденная въ томъ, что поступила такъ, какъ слѣдовало поступить, она стала еще болѣе худѣть и желтѣть, и только ея чудесные глаза, сдѣлавшіеся какъ будто еще глубже и темнѣе, невольно останавливали на ней вниманіе молодежи въ эти трудные для нея годы. А эти годы шли и шли обычной чередой, унося юность, унося надежды...

Иногда, въ часы вечернихъ сумерекъ, когда еще не хотѣлось зажигать свѣчей, Александръ Шлейеръ, принесшій домой нѣсколько тревожныхъ или безрадостныхъ новостей, са-

дился за фортепьяно и начиналъ разыгрывать мрачныя мелодіи, соотвѣтствовавшія его мистическому настроенію, — его стру охватывала щемающая сердце тоска.

— Да, — говорилъ онъ, — жизнь — это нѣсколько свѣтлыхъ минутъ, годы страданія — и потомъ вѣчная разлука. И счастливъ тотъ, кто кончитъ эту жизнь, не обревши на нее новыхъ поколѣній.

Она въ эти минуты болѣзненно сжимала руки, и ей хотѣлось поспорить съ нимъ, поспорить до слезъ, — сказать, что она лично отдала бы полжизни за то, чтобы быть женой, матерью...

А. Михайловъ (Шеллеръ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МОРРОВАЯ ДЖЕКСА.

Разсказъ Р. Кипплинга.

Это истинное происшествіе. Джексъ случайно попалъ въ поселокъ, о которомъ всѣмъ было извѣстно, хотя никто изъ англичанъ не бывалъ тамъ. Подобное же поселеніе существуетъ въ окрестностяхъ Калькутты, и, кромѣ того, ходитъ слухъ, что, если пробраться въ средину Байганёра, составляющаго сердце Великой индійской пустыни, то можно встрѣтить даже и не поселокъ, а цѣлый городъ, населенный мертвецами, которые не умерли, но не могутъ и жить. И если никто не сомнѣвается, что въ той же самой пустынѣ находится чудесный городъ, куда удаляются всѣ богатые ростовщики, составивъ себѣ состояніе (состоянія столь значительныя, что даже могущественная рука правительства не можетъ охранить ихъ, и для сохраненія ихъ нужно бѣжать въ безводную пустыню), ѣздить тамъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, покупаютъ прекрасныхъ дѣвушекъ, украшаютъ дворцы золотомъ, слоновой костью, изразцами и перламутромъ, то я не вижу, почему нельзя бы повѣрить и разсказу Джекса. Онъ гражданскій инженеръ, голова его наполнена различными планами, размѣрами и тому подобными вещами, а потому, по всей вѣроятности, онъ не сталъ бы тревожить себя придумываніемъ вымышленной исторіи о какой-то фантастической западнѣ. Онъ заработалъ бы больше, занимаясь своимъ собственнымъ дѣломъ. Онъ никогда не измѣняетъ своего разсказа при повтореніи, и вспыхиваетъ отъ негодованія при одной мысли о томъ непочтительномъ обращеніи, которому былъ подвергнутъ; сперва онъ описалъ это вкратцѣ, но потомъ мѣстами исправилъ и ввелъ нравственныя разсужденія.

Дѣло началось съ легваго приступа лихорадки. Мои занятія вынуждали меня въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жить въ палаткѣ между Пакптаномъ и Мѣбараккуромъ, въ пустынной песчаной мѣстности, какъ можетъ засвидѣтельствовать всякій, кто имѣлъ несчастье побывать тамъ. Съ рабочими было порядочно хлопотъ, и самая работа требовала столько вниманія, что скучать было положительно некогда, еслибы даже я и былъ подверженъ подобной слабости.

23-го декабря 1884 года я почувствовалъ приступъ лихорадки. По случаю полнолунія дикія собаки собирались кучами около моей палатки и поднимали несмолкаемый вой, доводившій меня до бѣшенства. За нѣсколько дней до этого я застрѣлилъ одного, особенно горластаго, пѣвца и для острастки повѣсилъ трупъ его въ пятидесяти ярдахъ *) отъ своей палатки. Но его сотоварищи стащили его и сожрали, а затѣмъ, какъ мнѣ казалось, съ удвоенной энергіей принялись распѣвать благодарственные гимны.

Состояніе бреда, которое сопровождаетъ лихорадку, у различныхъ людей выражается различно. Мое раздраженіе вскорѣ смѣнилось твердымъ рѣшеніемъ непремѣнно убить одного огромнаго пса, который былъ всегда впереди всѣхъ во время ночныхъ концертовъ, и первый же убѣгалъ, когда разгоняли пѣвцовъ. Благодаря головокруженію и дрожанію рукъ, я уже два раза не попалъ въ него изъ обоихъ стволовъ моего ружья, какъ вдругъ мнѣ взбрело въ голову, что лучше всего будетъ догнать его верхомъ на лошади и прикончить при помощи рогатины. Безъ сомнѣнія, это былъ бредъ больного лихорадкой, но я отчетливо помню, что въ то время подобный планъ казался мнѣ чрезвычайно практичнымъ и легко выполнимымъ.

Я приказалъ своему слугѣ осѣдлатъ Порника и безъ шума привязать его позади палатки. Когда лошадь была готова, я всталъ около нея и приготовился вскочить въ сѣдло и ринуться впередъ, какъ только услышу опять голосъ ненавистной мнѣ собаки. Слѣдуетъ замѣтить, что Порникъ оставался на привязи цѣлыхъ два дня, что ночной воздухъ былъ холоденъ, и что я нарочно надѣлъ длинныя острия шпоры, чтобы разгорячить

*) Ярдъ—три фута.

неповоротливаго коня. Поэтому не удивительно, что, какъ только ему дали волю, онъ понесся впередъ, какъ стрѣла; не прошло минуты, какъ палатка осталась далеко позади, и я съ быстротой вѣтра скакалъ по мягкой песчаной почвѣ и промчался мимо злополучной собаки, совершенно позабывъ, для чего предпринялъ эту поѣздку и для чего взялъ съ собой рогатину.

Благодаря быстрой ѣздѣ и усилившемуся лихорадочному бреду, я утратилъ послѣдній остатокъ здраваго смысла. Какъ сквозь туманъ припоминаю, что отъ времени до времени я привставалъ на стременахъ и грозилъ рогатиной большой бѣлой лунѣ, которая спокойно взирала сверху на мою бѣшеную скачку, или же вызывалъ на бой кусты волочекъ, мелькавшіе по сторонамъ. Одинъ или два раза, помнится, я наклонялся къ шеѣ Порника и пронизывалъ его шпорами, какъ показали слѣды на слѣдующее утро.

Несчастное животное, точно одержимое злымъ духомъ, несло по освѣщенной луной, какъ казалось, безпредѣльной, песчаной пустынѣ. Далѣе припоминаю, что почва вдругъ поднялась передъ нами и, когда мы остановились на возвышеніи, передо мной, какъ серебряная лента, блеснули воды Сѣтлея. Затѣмъ Порникъ оступился, и мы оба скатились внизъ по какому-то невидимому откосу.

Вѣроятно, при паденіи я потерялъ сознаніе, потому что когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежу внизъ лицомъ на кучѣ мягкаго бѣлаго песку, а на краю обрыва, съ котораго я упалъ, бѣлѣла блѣдная полоса разсвѣта. Когда разсвѣло, было ясно, что нахожусь я на днѣ подковообразнаго песчанаго кратера, одной стороною непосредственно примыкавшаго къ отмели Сѣтлея. Лихорадка совершенно оставила меня, и, кромѣ легкаго головокруженія, я не чувствовалъ дурныхъ послѣдствій послѣ ночнаго паденія.

Порникъ стоялъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня, и конечно, былъ измученъ, но не получилъ поврежденій. Сѣдло было сбито и висѣло у него подъ брюхомъ. Пока я приводилъ все въ порядокъ, у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть яму, куда я такъ глупо свалился.

Рискуя показаться скучнымъ, я тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ подробно описать ее, такъ какъ только при ясномъ

представленіи картины этой мѣстности читатель въ состояніи понять то, что произошло потомъ.

Представьте себѣ подковообразный песчаный кратеръ съ крутыми обрывистыми стѣнками, подымающимися футовъ на тридцать пять вверхъ (по откосу, мнѣ кажется, было не менѣе 65 футовъ). Внутри этого кратера была ровная площадка земли, приблизительно, въ пятьдесятъ ярдовъ длины и въ тридцать ширины, въ срединѣ которой виднѣлся какой-то примитивный колодецъ. Въ стѣнкахъ кратера, фута на три выше дна его, замѣтно множество пещеръ, самыхъ разнообразныхъ формъ, отверстія которыхъ были фута въ три въ поперечникѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что каждая изъ этихъ пещеръ (всѣхъ ихъ было 83) имѣла внутри подпорки изъ бамбуковыхъ палокъ и плавучаго лѣса, и надъ каждой устроены деревянные навѣсы, шириной въ два фута, напомилавшіе козырекъ жокейской шапочки. Въ этихъ пещерахъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни, но нестерпимое зловоніе наполняло все пространство, — зловоніе, еще болѣе тяжелое, чѣмъ мнѣ приходилось встрѣчать во время моихъ странствованій по индусскимъ деревушкамъ.

Сѣвъ верхомъ на Порника, который не менѣе моего стремился къ мѣсту нашей стоянки, я объѣхалъ вокругъ подковы, чтобы разыскать выходъ. Обитатели, если только такіе тутъ были, не считали нужнымъ показываться, и я былъ предоставленъ своему собственному произволу. Моя первая попытка пустить Порника прямо вверхъ, по крутому песчаному откосу, показала мнѣ, что я попалъ въ западню, устроенную по тому же типу, какія муравьиный левъ дѣлаетъ для ловли добычи.

При каждомъ движеніи впередъ предательскій песокъ цѣлыми массами сползалъ внизъ и, точно дробь, громыхалъ о деревянные навѣсы пещеръ. Послѣ второго приступа мы скатились на дно кратера, на половину засыпанное комками песку. Тогда я рѣшился сдѣлать попытку со стороны берега рѣки.

Съ этой стороны выходъ представлялся довольно удобнымъ. Правда, песчаное возвышеніе достигало до самаго берега рѣки, но тутъ было много отмелей, и, поворачивая Порника то вправо, то влѣво, я легко могъ добраться до твердой земли. Не успѣлъ Порникъ ступить на песчаный берегъ, какъ до

меня донесся звукъ щелканья ружья, и въ ту же минуту пуля прожужжала мимо головы Порника.

Относительно рода оружія сомнѣнія не могло быть—выстрѣлъ былъ произведенъ изъ винтовки системы Генри-Мартини. На разстояніи, приблизительно, пятисотъ ярдовъ отъ нашей стоянки, посрединѣ рѣки на якорѣ стояла туземная лодка, съ нея въ тихомъ утреннемъ воздухѣ подымался клубъ дыма, что указывало, откуда стрѣляли. Былъ ли когда-нибудь почтенный джентль менъ въ такомъ безвыходномъ положеніи? Съ одной стороны, предательскій песчаный откосъ не позволялъ выбраться изъ грязной ямы, куда я попалъ помимо своей воли, а съ другой—приближеніе къ той части ея, которая соприкасалась съ рѣкой, служило сигналомъ къ бомбардировкѣ какому-то сумасшедшему туземцу, засѣвшему въ лодкѣ. Это окончательно вывело меня изъ себя.

Другая пуля заставила меня умѣрить свой пылъ и позаботиться о спасеніи своей шкуры. Я поспѣшно вернулся въ площадкѣ, окруженной подковообразной стѣной, куда звукъ выстрѣла привлекъ около шестидесяти пяти человѣческихъ существъ, выползшихъ изъ упомянутыхъ выше барсучьихъ норъ, которыя я считалъ необитаемыми. Меня окружила дѣлая толпа зрителей, приблизительно, изъ сорока мужчинъ, двадцати женщинъ и одного ребенка, не болѣе пяти лѣтъ. Они были бѣдно одѣты въ платье желтаго цвѣта, какое обыкновенно носятъ индійскіе отшельники, и по первому взгляду производили впечатлѣніе шайки отвратительныхъ фавировъ. Трудно описать, насколько грязно и омерзительно было это сборище, и я содрогнулся при мысли о томъ, какою жизнь должны были вести они въ своихъ барсучьихъ пещерахъ.

Даже въ послѣднее время, когда учрежденіе мѣстнаго самоуправленія значительно ослабило почтительность туземцевъ по отношенію къ *самбу*, я все-таки привыкъ къ известной вѣжливости со стороны младшей братіи и, приближаясь къ толпѣ, естественно, ждалъ, что мое присутствіе здѣсь произведетъ нѣкоторый эффектъ. И эффектъ дѣйствительно получился, но только не въ томъ смыслѣ, въ какомъ я ожидалъ.

Эта толпа оборванцевъ самымъ откровеннымъ образомъ хохотала надо мной—и такого смѣха не доведи Господи услы-

шать мнѣ въ другой разъ. Они оскаливали зубы, визжали, свистали и выли, пока я прогуливался среди нихъ; нѣкоторые буквально катались по землѣ въ припадкѣ судорожнаго неудержимаго веселья. Въ одинъ моментъ я соскочилъ съ Порника и, раздраженный этимъ приключеніемъ выше всякой мѣры, принялся изо всѣхъ силъ тузить кулаками тѣхъ, которые были поближе. Подъ моими ударами несчастные вадились на землю, какъ кегли, и смѣхъ уступилъ мѣсто мольбамъ о пощадѣ. Между тѣмъ, какъ тѣ, до которыхъ удары еще не достигли, обнимали мои колѣни и на различныхъ причудливыхъ языкахъ просили пощадить ихъ.

Среди этой суматохи, и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я, нѣсколько придя въ себя, устыдился своей несдержанности, тонкій высокій голосъ прошепталъ по-англійски у моего плеча: „Сагибъ! Сагибъ! Неужели вы не узнаете меня, сагибъ? Я Гонга Дассъ, телеграфистъ“.

Я быстро повернулся лицомъ къ говорившему.

Гонга Дасса (я безъ затрудненія вспоминаю имя этого человѣка) я зналъ года четыре тому назадъ, какъ диканійскаго брамина, назначеннаго правительствомъ Пенджаба въ одну изъ провинцій Кальтїи, гдѣ въ его завѣдваніи находилась телеграфная вѣтвь, и когда я въ послѣдній разъ видѣлъ его, это былъ веселый, усердный слуга правительства, обладавшій удивительной способностью говорить каламбуры на дурномъ англійскомъ языкѣ, и, благодаря этой особенноти, онъ остался у меня въ памяти еще долго послѣ того, какъ мнѣ приходилось имѣть съ нимъ дѣло по его официальной службѣ. Вѣдь такъ рѣдко можно встрѣтить индуса, сочиняющаго англійскіе каламбуры.

Онъ измѣнился до неузнаваемости. Куда дѣвались внѣшніе признаки касты, объемистый желудокъ, одежда аспиднаго цвѣта, игривыя рѣчи! Передо мной былъ высохшій скелетъ, безъ чалмы, и почти нагой, съ длинными растрепанными волосами, съ ввалившимися, какъ у трески, глазами. На лѣвой щекѣ у него виднѣлся рубецъ въ формѣ полумѣсяца, котораго я раньше не замѣчалъ. Но это несомнѣнно былъ Гонга Дассъ и, что всего болѣе обрадовало меня, это былъ туземецъ, говорящій по-англійски, который, по крайней мѣрѣ, объяснить мнѣ все, что случилось со мной въ теченіе этого дня.

Толпа отступила нѣсколько назадъ, когда я обернулся къ этому жалкому существу и приказалъ указать мнѣ, какъ въбраться изъ кратера. Онъ держалъ въ рукѣ свѣже-ощипанную ворону и, вмѣсто всякаго отвѣта, осторожно вскарабкался на песчаное возвышеніе, расположенное у подножія пещеръ, и молча принялся разводить тамъ огонь. Сухая трава и наносный лѣсъ вспыхнули быстро. И я почувствовалъ какъ бы нѣкоторое самоудовлетвореніе, увидавъ, что онъ добывалъ огонь при помощи обыкновенной сѣрной спички. Когда дрова разгорѣлись, Гонга Дассъ искусно подвѣсилъ надъ огнемъ ворону и безъ всякаго вступленія проговорилъ:

— Здѣсь только два сорта людей, господинъ мой — живые и мертвые. Если вы умерли, вы мертвы, но если вы живы, живете.

Тутъ отвлекла его вниманіе ворона, которая въ эту минуту такъ близко опустилась къ огню, что чуть не обуглилась.

Если кто-нибудь умираетъ дома, но оживаетъ, когда его переносятъ въ усыпальницу для сжиганія, его поселяютъ здѣсь.

Назначеніе этого грязнаго поселка теперъ выяснилось для меня, и все, что мнѣ приходилось раньше читать или слышать фантастическаго и страшнаго, поблѣднѣло передъ фактомъ, только-что сообщеннымъ мнѣ бывшимъ браминномъ. Лѣтъ шестнадцать тому назадъ, я слышалъ отъ одного странствующаго армянина, что гдѣ-то въ Индіи существуетъ такое мѣсто, куда увозятъ и заточаютъ всѣхъ тѣхъ индусовъ, которые имѣли несчастіе очнуться отъ летаргическаго сна. И я помню, что тогда отъ души посмѣялся надъ этимъ разсказомъ, сочтя его за одну изъ басенъ, придумываемыхъ путешественниками. Сидя на днѣ этой песчаной западни, я такъ живо вспомнилъ отель Уотсона, съ его опахалами и одѣтыми въ бѣлое прислужниками и плутоватое лицо армянина, что даже громко расхохотался. Контрастъ былъ слишкомъ великъ!

Гонга Дассъ возился со отвратительной дичью и въ то же время съ любопытствомъ наблюдалъ за мной. Индусы рѣдко смѣются, а здѣсь и обстановка мало располагала къ веселью. Онъ осторожно снялъ ворону съ деревяннаго вертела и съ сосредоточеннымъ видомъ съѣлъ ее. Послѣ чего сталъ продолжать свой разсказъ, который я и передаю его словами.

— Во время эпидеміи холеры васъ уносятъ для того,

*

чтобъ сжечь, прежде чѣмъ вы успѣете испустить послѣдній вздохъ. Когда вы попадаете на берегъ рѣки, можетъ случиться, что холодный воздухъ оживитъ васъ, и тогда, если вы только чуть-чуть живы, вамъ залѣпляють грязью носъ и ротъ, и вы умираете уже окончательно. Чѣмъ вы больше оживаете, тѣмъ больше накладываютъ грязи; но если вы совсѣмъ ожили, то васъ оставляютъ жить и увозятъ прочь. Я былъ слишкомъ живучъ и съ гнѣвомъ сопротивлялся тѣмъ гадостямъ, которыя они старались продѣлать надо мной. Въ тѣ дни я еще былъ браминомъ и гордымъ человѣкомъ. Теперь же я мертвый человѣкъ и ѣмъ,—при этомъ онъ съ волненіемъ, которое я впервые замѣчалъ въ немъ, взглянулъ на чисто обглоданныя кости птицы,—воронъ и другія вещи. Когда они увидали, что я слишкомъ живучъ, они вынули меня изъ покрывала, въ которое я былъ завернутъ, цѣлую недѣлю давали мнѣ лекарства, и я окончательно выздоровѣлъ. Тогда они съ провожатымъ отправили меня по желѣзной дорогѣ въ Окару; въ Окарѣ мы встрѣтили еще двухъ человѣкъ, и они ночью насъ троихъ на верблюдахъ перевезли изъ Окары къ этому мѣсту и сбросили на дно этой ямы сперва меня, а потомъ и другихъ, и я здѣсь уже два съ половиною года. Когда-то я былъ браминомъ и гордымъ человѣкомъ, а теперь—ѣмъ воронъ.

— И нѣтъ возможности выбраться отсюда?

— Никакой. Въ первое время, какъ я попалъ сюда, я и двое другихъ нѣсколько разъ пытались; но всякій разъ въ безсиліи падали подъ кучами песку, сыпавшагося намъ на голову.

— Но вѣдь сторона, обращенная къ рѣкѣ,—перебилъ я,—открыта, и когда нечего бояться пуль, почему-бы ночью....

Въ головѣ моей уже обрисовался планъ бѣгства, но вполнѣ естественное эгоистическое чувство удержало меня подѣлиться этимъ планомъ съ Гонга Дассомъ. Однако, онъ угадалъ мою мысль, едва только она мелькнула у меня въ головѣ; и къ моему величайшему изумленію нахально сталъ подтрунивать надо мной.

— Вамъ не удастся,—тутъ ужъ онъ отбросилъ слово господинъ,—убѣжать этимъ путемъ; но вы можете все-таки попробовать. Я пробовалъ—одинъ только разъ.

Чувство невыразимаго ужаса и какого-то унижительнаго

страха, который я тщетно старался побѣдить, снова овладѣло мной. Продолжительное голоданіе — было уже около десяти часовъ, а я со вчерашняго завтрака ничего не ѣлъ, — вмѣстѣ съ утомленіемъ отъ быстрой ѣзды, такъ подѣйствовали на меня, что на нѣсколько мгновеній я совсѣмъ потерялъ рассудокъ. Я кидался на безжалостную песчаную стѣну, бѣгалъ вокругъ основанія кратера, то проклиная, то читая молитвы. Я прокрадывался къ осоке, которая росла по берегу, но всякій разъ свистъ пуль, врѣзывавшихся въ песокъ около меня, заставлялъ въ нервномъ страхѣ бросаться назадъ, — у меня не хватало духу умереть смертью бѣшеной собаки среди этой отвратительной толпы — и, въ концѣ концовъ, въ припадкѣ безсильной ярости, я упалъ на землю, у края колодца. Никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на это зрѣлище, при одномъ воспоминаніи о которомъ я и теперь стораю отъ стыда.

Два или три человѣка, доставая воду, наступали на мое трепещущее тѣло; но они, повидимому, такъ привыкли къ этому, что не пожелали тратить времени на уходъ за мной.

Положеніе мое было такъ невыносимо, что наконецъ Гонга Дассъ, засыпавъ пескомъ тлѣющіе угли, вылилъ мнѣ на голову кружку вонючей воды. Я готовъ былъ бы на колѣняхъ благодарить его за это вниманіе, но меня удержало только то, что онъ все это время не переставалъ смѣяться тѣмъ же злобнымъ хриплымъ смѣхомъ, который я уже слышалъ, когда пытался выбраться по отмели. Въ такомъ полубезсознательномъ положеніи я пролежалъ до полудня. Но тутъ человѣческая природа взяла свое — я почувствовалъ голодь и далъ понять это Гонга Дассу, котораго начиналъ считать своимъ естественнымъ покровителемъ.

Слѣдуя тому обычаю, которымъ мы руководствуемся во внѣшнемъ мірѣ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ туземцами, я опустилъ руку въ карманъ и вынулъ четыре аннаса. Но мнѣ сразу пришло въ голову, что тутъ подобный подарокъ не имѣлъ никакого смысла, и я хотѣлъ было уже спрятать деньги. Однако, Гонга Дассъ былъ другого мнѣнія.

— Подайте сюда деньги, — сказалъ онъ: — всѣ, сколько у васъ есть, или я позову на помощь, и мы убьемъ васъ.

Это было сказано такъ просто, какъ будто бы дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

По первому побужденію я хотѣлъ было протестовать противъ подобнаго покушенія на мой кошелекъ, но, хорошенько размысливъ, рѣшилъ, что было бы неблагоразумно ссориться съ единственнымъ человѣкомъ, который можетъ быть мнѣ полезенъ, и съ помощью котораго я, быть можетъ, найду возможность выбраться изъ кратера. Я отдалъ ему все, что было въ моемъ распоряженіи, девять рупій *), восемь аннасъ и пять піесъ, такъ какъ во время развѣдочныхъ работъ я всегда имѣлъ при себѣ небольшія суммы для раздачи *бакшиша*. Гонга Дассъ схватилъ монеты и быстро спряталъ ихъ за свой изорванный поясъ. Затѣмъ, подозрительно осмотрѣвшись по сторонамъ, чтобы удостовѣриться, не наблюдаетъ ли кто-нибудь за нами, онъ проговорилъ:

— *Теперь я дамъ вамъ поѣсть.*

Какое удовольствіе могло доставить ему обладаніе моими деньгами, я затрудняюсь сказать; но не было сомнѣнія, что, получивъ ихъ, онъ пришелъ въ настоящій восторгъ, а потому я и не раскаявался, что безпрекословно отдалъ ихъ; не сдѣлавъ я этого, онъ не задумался бы убить меня. Было бы бесполезно протестовать противъ прихоти дивихъ животныхъ, а мои товарищи стояли ниже животныхъ. Когда я поглощалъ то, чѣмъ снабдилъ меня Гонга Дассъ—грубый сухарь и кружку гнилой колодезной воды—публика не проявила ни малѣйшаго знака любопытства—того любопытства, которое такъ необузданно проявляется во всякой индусской деревушкѣ.

Мнѣ даже показалось, что они чувствовали ко мнѣ пренебреженіе. Во всякомъ случаѣ, они относились ко мнѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, и Гонга Дассъ не лучше остальныхъ. Я забросалъ его вопросами объ этомъ страшномъ поселкѣ, но получилъ въ высшей степени неудовлетворительные отвѣты. По его словамъ, она существовала съ незапамятныхъ временъ, изъ чего я заключилъ, что ей было, по меньшей мѣрѣ, сто лѣтъ; и за все это время никому еще не удалось убѣжать отсюда.

Тутъ я собралъ все присутствіе духа, чтобы не дать слѣ-

*) Одна рупія равняется, приблизительно, 60 коп.

пому бѣшенству овладѣть собой и удержаться отъ повторенія безумной бѣготни вокругъ основанія кратера. Гонга Дассъ съ злобнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за мной, особенно напирая на это послѣднее обстоятельство. Несмотря на всѣ старанія, я не могъ, однако, вынудить его сказать мнѣ, кто были эти таинственные „они“.

— Такъ приказано, — отвѣчалъ онъ. — И я не знаю никого, кто не послушался бы этого приказа.

— Подождите только, пока мои слуги узнаютъ, что я заблудился, — возражалъ я; — и я даю слово, что мѣсто это будетъ стерто съ лица земли, и я проучу всѣхъ васъ, пріятель.

— Слуги ваши будутъ разорваны въ куски, прежде чѣмъ подойдутъ близко къ этому мѣсту; да, кромѣ того, вѣдь вы умерли, мой милый другъ. Конечно, это не ваша вина, но, тѣмъ не менѣе, вы умерли и погребены.

Въ нѣкоторые промежутки времени, сверху, со стороны суши, бросались въ кратеръ запасы пищи, и заключенные дрались изъ-за нея, какъ дикіе звѣри. Кто чувствовалъ приближеніе смерти, удалялся въ свою берлогу, и тамъ умиралъ, послѣ чего тѣло или вытаскивали изъ пещеры и бросали на песокъ, или же оставляли его гнить на мѣстѣ.

Фраза „бросить въ песокъ“ привлекла мое вниманіе, и я спросилъ Гонга Дасса, не могъ ли такой обычай повести къ заразѣ.

— Это, — съ хриплымъ смѣхомъ проговорилъ онъ, — вы увидите потомъ сами. У васъ будетъ достаточно времени для наблюденій.

Тутъ я, къ величайшему удовольствію моего собесѣдника, снова вышелъ изъ себя, затопалъ ногами и засыпалъ его вопросами: „Однако, какъ же вы живете изо дня въ день? Что вы дѣлаете?“ Но на все былъ тотъ же отвѣтъ, съ прибавленіемъ, что „это мѣсто походитъ на ваше европейское небо; здѣсь никто не женится и не выходитъ замуж“.

Гонга Дассъ воспитывался въ миссіонерской школѣ и по его словамъ, еслибъ только, „какъ благоразумный чловѣкъ“, перемѣнилъ вѣру, то избѣгъ бы участи быть заживо погребеннымъ въ этой могилѣ. Мнѣ, впрочемъ, казалось, что пока я былъ съ нимъ, онъ былъ положительно счастливъ. Сагибъ, представитель господствующей расы, оказывался безо-

мощнымъ, какъ малый ребенокъ, и находился въ полной зависимости отъ своихъ туземныхъ сосѣдей. Онъ принялся мучить меня съ расчитанной жестокостью, чуть ли не послѣ каждаго слова повторяя, что бѣжать отсюда нѣтъ „никакой возможности“, и что я останусь здѣсь, „пока не умру и не буду брошенъ въ песокъ“. Я представляю себѣ, что, когда новая душа прибываетъ въ мѣсто нахождения осужденныхъ грѣшниковъ, то они встрѣчаютъ ее такими же рѣчами, какими угощаль меня Гонга Дассъ въ теченіе долгой половины дня. У меня не было силы ни протестовать, ни отвѣчать. Всѣ мои духовныя силы были направлены только на борьбу съ непостижимымъ ужасомъ, который грозилъ снова овладѣть мной. Чувство это я могу сравнить развѣ только съ сильнѣйшимъ припадкомъ морской болѣзни, съ той разницей, что мои страданія были духовнаго характера, и несравненно тяжелѣе.

Къ срединѣ дня всѣ обитатели выползли изъ своихъ норъ, чтобы погрѣться на солнышкѣ, лучи котораго теперь отвѣсно проникали черезъ отверстіе кратера. Они собирались небольшими кучками и толковали между собой, причемъ никто изъ нихъ ни разу даже не взглянулъ въ мою сторону. Приблизительно около четырехъ часовъ, Гонга Дассъ поднялся съ мѣста, на минуту скрылся въ свою нору и появился оттуда, неся въ рукахъ живую ворону. Несчастная птица была вся перепачкана и, вообще, имѣла плачевный видъ, но, повидимому, нисколько не боялась своего хозяина. Подойдя осторожно къ берегу, Гонга Дассъ перебрался по камешкамъ до гладкой песчаной дорожки, совершенно открытой для выстрѣловъ изъ лодки, и остановился тамъ. Находившіеся въ лодкѣ не обратили на это никакого вниманія. Тутъ онъ приподнял свою ворону вверхъ, быстро повертѣлъ ее нѣсколько разъ въ рукѣ и ловкимъ движеніемъ положилъ ее на песокъ, брюшкомъ вверхъ, съ распростертыми крыльями. Какъ и можно было ожидать, ворона начала пронзительно кричать и бить въ воздухъ лапами. Спустя короткое время, шумъ этотъ привлекъ вниманіе стаи дикихъ воронъ, которыя расположились въ разстояніи ста ярдовъ отъ насъ на отмели, гдѣ онѣ вели споръ изъ-за какого-то предмета, похожаго на трупъ. Съ полдюжины воронъ прилетѣли поближе, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и затѣмъ напасть на

птицу, которая имѣла такой видъ, какъ будто она связана и не можетъ двинуться. Гонга Дассъ прилежъ на землю за камень и дѣлалъ мнѣ знаки, чтобы я не шевелился, хотя я и безъ его предостереженія не былъ расположенъ двигаться. Не успѣлъ я оглянуться, какъ ужъ дикая ворона, бросившаяся на беспомощную, казалась, птицу, билась въ когтяхъ у этой послѣдней, откуда Гонга Дассъ проворно освободилъ ее и швырнулъ на землю. Повидимому, любопытство овладѣло и остальной стаей, и едва мы съ Гонга Дассомъ спрятались за камень, уже двѣ другія плѣнницы попали въ когти вороны, служившей приманкой. Спортъ, если только здѣсь можно примѣнить столь почетное названіе, продолжался до тѣхъ поръ, пока Гонга Дассъ не поймалъ семи воронъ. Пять изъ нихъ онъ тутъ же задушилъ, а двухъ оставилъ живыми до слѣдующаго дня. Этотъ своеобразный способъ добыванія пищи чрезвычайно заинтересовалъ меня, и я похвалилъ Гонга Дасса за сообразительность.

— Ничего, — отвѣчалъ онъ. — Завтра вы сдѣлаете это для меня. Вы сильнѣе, чѣмъ я.

Такое беззащитное присвоеніе себѣ власти вывело меня изъ себя, и я воскликнулъ:

— Ты что это выдумалъ, старый разбойникъ! За что же тогда я далъ тебѣ деньги?

— Хорошо, — невозмутимо отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть — не завтра, и не послѣ завтра; но, въ концѣ концовъ, долгіе годы вы будете ловить воронъ, ѣсть ихъ и благодарить своего европейскаго Бога за то, что можете добывать ихъ.

Я способенъ былъ задушить его за эти слова; но при данныхъ обстоятельствахъ счелъ за лучшее подавить свое раздраженіе. Часъ спустя, я уже ѣлъ одну изъ воронъ, и, какъ справедливо предсказалъ Гонга Дассъ, благодарилъ моего Создателя, что у меня была эта ворона. Во всю свою жизнь не забуду я этой вечерней трапезы. Всѣ обитатели вылѣзли на свѣтъ Божій, и сидѣли на корточкахъ у маленькихъ костровъ, разведенныхъ ими изъ сухого тростника на площадкахъ, расположенныхъ около пещеръ. Избѣгнувъ смерти, послѣ того, какъ она уже наложила однажды на нихъ свою руку, эти люди, казалось, были какъ бы позабыты смертью: большинство мужчинъ были очень стары и согнуты подъ тяжестью годовъ; а что ка-

сается женщинъ, то по виду они были столь же преклоннаго возраста, какъ сами Парки. Онѣ сидѣли маленькими кучками и разговаривали—одинъ Богъ знаетъ, что онѣ могли обсуждать—тихими ровными голосами, что составляло любопытный контрастъ съ той рѣзкой, крикливой болтовней, которая такъ несносна въ туземцахъ. Отъ времени до времени какимъ-нибудь мужчиной или женщиной внезапно овладѣвалъ припадокъ той слѣпой ярости, которую я уже испыталъ въ это утро. Съ воплями и проклятіями несчастный начиналъ видаться на песчаную стѣну, пова измученный, оглушенный, не падалъ назадъ на дно кратера, не въ состояніи пошевелить ни однимъ членомъ. Остальные не подымали при этомъ даже глазъ, такъ какъ имъ было слишкомъ хорошо извѣстно, насколько бесплодны попытки ихъ товарищей, и такъ какъ они давно уже присмотрѣлись къ подобнымъ сценамъ. Въ теченіе этого вечера подобныхъ взрывовъ отчаянія было четыре.

Гонга Дассъ взглянулъ на мое положеніе съ чисто дѣловой точки зрѣнія и во время обѣда—теперь я могу смѣяться при воспоминаніи объ этомъ, но въ то время я очень страдалъ—предложилъ мнѣ условія, на которыхъ онъ будетъ *работать* для меня. Во-первыхъ, за мои девять рупій и восемь аннасъ, считывалъ онъ, по три аннасы въ день, онъ будетъ доставлять мнѣ пищу въ продолженіе, приблизительно, семи недѣль. По истеченіи этого времени я долженъ буду заботиться о себѣ самъ. Затѣмъ, я долженъ отдать ему свои сапоги, и за это могу занять пещеру, сосѣдную съ его собственной, и онъ уступитъ мнѣ нѣсколько охапокъ сухой травы для устройства постели.

— Прекрасно,—отвѣчалъ я.—Первое условіе я охотно принимаю; что же касается второго, то я скорѣе отправлю васъ на тотъ свѣтъ со всѣмъ вашимъ имуществомъ (я подразумѣвалъ двухъ несчастныхъ воронъ, которыя были у него), чѣмъ отдамъ свои сапоги; а пещеру я выберу, какую вздумается!

Ударъ былъ мѣтокъ, я чрезвычайно обрадовался, увидавъ, какою онъ произвелъ эффектъ. Гонга Дассъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ и отказался отъ намѣренія отобрать у меня сапоги. Въ то время мнѣ нисколько не казалось страннымъ, что я, англичанинъ, гражданскій инженеръ, тридцать лѣтъ находившійся на правительственной службѣ, могъ такъ хладно-

кровно грозить убійствомъ человѣку, который, хотя и за нѣкоторое вознагражденіе, все-таки взялъ меня подъ свое покровительство. Казалось, будто прошли цѣлыя столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ цивилизованный міръ. Но въ этомъ проклятомъ учрежденіи господствовало только право сильнаго. Живые мертвецы сожгли всѣ корабли того свѣта, который заточилъ ихъ здѣсь. А потому для сохраненія своей жизни я могъ разсчитывать только на собственную силу и энергію. Люди, составлявшіе экипажъ злополучной „Mignonette“ *) могли бы отлично понять мое состояніе духа. „Теперь,—разсуждалъ я самъ съ собой,—я настолько силенъ, что могу справиться съ шестью изъ этихъ несчастныхъ. Ради своего спасенія, я долженъ, насколько только возможно, поддерживать свои силы и здоровье, пока не настанетъ часъ избавленія—если только онъ настанетъ когда-нибудь“. Эти разсужденія ободрили меня, и я ѣлъ и пилъ, сколько могъ, и далъ понять Гонга Дассу, что желаю быть его хозяиномъ, и что за малѣйшій знакъ неповиновенія съ его стороны, онъ будетъ немедленно подвергнутъ мучительной смерти. Вскорѣ послѣ этого я отправился спать. Гонга Дассъ далъ мнѣ двѣ охапки сухой травы, которую я сунулъ въ отверстіе пещеры, находившейся рядомъ съ его, и вползъ туда ногами впередъ. Пещера представляла углубленіе въ песокъ, длиной футовъ въ девять, потолокъ былъ искусно укрѣпленъ балками; дно имѣло покатость кнаружи. Отверстіе ея приходилась какъ разъ напротивъ берега, такъ что съ своего мѣста я могъ свободно любоваться видами Сѣтлея, освѣщенными свѣтомъ молодой луны.

Никогда не забуду я ужасовъ этой ночи. Моя нора была узка, какъ гробъ, и стѣнки ея, отполированныя и засаленныя отъ прикосновенія безчисленнаго множества нагихъ тѣлъ, издавали отвратительное зловоніе.

При томъ возбужденномъ состояніи духа, въ какомъ я находился, нечего было и думать о снѣ. Когда ночь окутала все своимъ покровомъ, казалось, будто весь амфитеатръ наполнился цѣлыми легіонами отвратительныхъ демоновъ, которые, собравшись внизу на отмели, поддразнивали несчастныхъ обитателей пещеры.

Хотя по натурѣ я и не склоненъ къ сверхъ-естественному; но тутъ, какъ женщина, дрожалъ отъ страха. Однако, спустя

*) Разсказъ Эдгара Поэ.

нѣкоторое время я нѣсколько пришелъ въ себя и могъ спокойно обсуждать шансы побѣга. Выбраться по песчаной стѣнѣ представлялось совершенно невозможнымъ. Въ этомъ я уже достаточно убѣдился. Но было вполне возможно при слабомъ свѣтѣ мѣсяца избѣжать выстрѣловъ со сторожевой лодки. Мѣсто это было такъ ужасно, что я готовъ былъ подвергнуться какому угодно риску, чтобы только выбраться отсюда. Вообразите же мою радость, когда, украдкой подползши къ берегу, я увидѣлъ, что проклятой лодки не было на ея обычномъ мѣстѣ! Стоило сдѣлать нѣсколько шаговъ — и я свободенъ!

Пройдя въ бродъ по мелкой лужѣ, окружающей лѣвый отрогъ подковы, мнѣ уже не трудно будетъ, держась наружной стороны песчаной стѣны, выбраться на твердую землю. Не колеблясь ни минуты, я быстро направился къ камнямъ, у которыхъ Гонга Дассъ занимался ловлей воронъ, и затѣмъ далѣе, по направленію къ гладкой бѣлой песчаной поверхности, разстилавшейся вокругъ. Но едва сдѣлавъ первый шагъ съ участка, поросшаго пучками сухой травы, на чистый песокъ, я убѣдился, что всякая попытка къ побѣгу бесполезна. Нога моя стала быстро погружаться въ песокъ, и въ одно мгновеніе ее засосало туда почти по колѣно. При свѣтѣ мѣсяца казалось, будто бы вся эта песчаная равнина всколыхнулась отъ сатанинской радости при видѣ моей неудачи. Сдѣлавъ страшное усиліе, я освободился и бросился обратно къ камнямъ, гдѣ и упалъ ничкомъ на землю, весь покрытый потомъ отъ ужаса и напряженія. Единственный путь къ побѣгу оказался загражденнымъ зыбучими песками!

Сколько времени пролежалъ я такъ, сказать не могу; но очнулся я отъ противнаго хихиканья Гонга Дасса у самого моего уха. „Я бы совѣтовалъ вамъ, покровитель бѣдныхъ, — негодяй говорилъ по-англійски, — вернуться домой. Здѣсь нездорово лежать. Кромѣ того, когда вернется лодка, вы непременно будете убиты“. Онъ стоялъ надо мной освѣщенный блѣднымъ свѣтомъ утренней зари, подсмѣиваясь и кривляясь изо всѣхъ силъ. Подавивъ свое первое побужденіе схватить этого человѣка за шиворотъ и бросить въ сыпучій песокъ, я быстро поднялся съ земли и послѣдовалъ за нимъ къ площадкѣ, находившейся подъ отверстіями пещеръ.

Вдругъ одна мысль поразила меня, и я спросилъ Гонга Дасса. „Для чего же эта лодка, если и безъ того нельзя бѣжать?“ Какъ глубоко ни былъ я потрясенъ, все же могъ сообразить, что было бы нелѣпо охранять берегъ, который хорошо защищенъ самой природой.

Гонга Дассъ снова разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Они держатъ лодку только днемъ, это показываетъ, что *тамъ долженъ быть проходъ*. Но я надѣюсь, что мы долгие годы будемъ пользоваться вашимъ пріятнымъ обществомъ. Какъ поживете здѣсь подольше и будете ѣсть жареныхъ воронъ, такъ убѣдитесь сами, что это за веселенькое мѣстечко.

Тутъ силы совершенно покинули меня; въ какомъ-то оцѣпенѣннн я еле дотащился до своей зловонной норы и, повалившись на полъ, заснулъ мертвымъ сномъ. Приблизительно черезъ часъ я былъ внезапно разбуженъ рѣзкимъ крикомъ — пронзительнымъ крикомъ лошади, которой причиняютъ боль. Кто разъ слышалъ этотъ звукъ, тотъ не забудетъ его никогда.

Выкарабкавшись не безъ усилія изъ своего логовища, я увидалъ Порника, моего бѣднаго стараго Порника, лежащимъ мертвымъ на землѣ. Какимъ способомъ они убили его, я не знаю. Гонга Дассъ объяснилъ, что лошадь все же лучше вороны, а „выбирать меньшее изъ золъ является правиломъ даже въ политикѣ. У насъ здѣсь республика, господинъ Джексъ, и на вашу долю такъ же достанется хорошенькій кусочекъ конины. Если угодно, мы вотируемъ вамъ благодарность. Не войти ли мнѣ съ соответствующимъ предложеніемъ?“

Да, дѣйствительно, мы составляли республику! Республику дикихъ животныхъ, заключенныхъ на днѣ ямы, единственнымъ удѣломъ которыхъ было ѣсть, драться и спать, пока смерть не придетъ за ними. Я даже не пытался протестовать и тупо смотрѣлъ на отвратительное зрѣлище, находившееся передъ моими глазами. Въ болѣе короткое время, чѣмъ то, которое понадобилось мнѣ, чтобы написать эти строки, трупъ Порника былъ уже растерзанъ на части. Мужчины и женщины втащили свои куски на песчаное возвышеніе и приготавливали себѣ пищу. Гонга Дассъ варилъ завтракъ для меня. Тутъ меня опять было охватило почти непобѣдимое желаніе броситься на песчаную стѣну, но мнѣ уда-

лось сдержать себя. Гонга Дассъ опять принялся подтрунивать надо мной, пока я не заявилъ ему, что если онъ позволить себѣ хотя еще одно подобное замѣчаніе по моему адресу, то я задушу его на мѣстѣ. Это заставило его совсѣмъ замолчать; однако вскорѣ и это молчаніе стало невыносимымъ для меня, и я попросилъ его сказать хоть что-нибудь.

— Вы будете жить здѣсь, пока не умрете, какъ и другой чужеземецъ, — холодно проговорилъ онъ, наблюдая за мной изъ-за кости, которую обгладывалъ въ то время.

— Какой другой сагибъ, ты, свинья? Говори сейчасъ и не смѣй лгать!

— Онъ тамъ, — отвѣчалъ Гонга Дассъ, указывая на четвертую пещеру влѣво отъ моей. — Можете сами посмотреть. Онъ умеръ въ своей пещерѣ. Также умрете и вы, такъ умру и я, такъ умрутъ всѣ мужчины и женщины, и единственное дитя, которое здѣсь находится.

— Ради Бога, расскажите мнѣ, чтò вы знаете о немъ. Кто онъ былъ? Какъ и когда попалъ сюда, когда умеръ?

Обратившись въ просительномъ тонѣ, я какъ бы проявилъ нѣкоторую слабость, что тотчасъ же отразилось на отношеніи ко мнѣ Гонга Дасса. Онъ подмигнулъ глазомъ и проговорилъ:

— Не скажу ни слова, пока не дадите мнѣ чего-нибудь.

Тутъ, вспомнивъ, гдѣ я находился, я такъ сильно ударилъ его между глазъ, что на минуту оглушилъ его. Поднявшись съ земли, онъ, рыдая, сталъ обнимать мои колѣни, а затѣмъ съ низкими поклонами повелъ меня къ пещерѣ, на которую указывалъ.

— Я ничего не знаю объ этомъ господинѣ. Богъ вамъ свидѣтель, что я говорю правду. Онъ случайно упалъ сюда и, такъ же, какъ вы, хотѣлъ какъ можно скорѣе выбраться отсюда и былъ убитъ выстрѣломъ съ лодки, хотя мы предупреждали его, чтобы былъ остороженъ. Выстрѣлъ попалъ сюда, — указалъ Гонга Дассъ рукой на свой тощій желудокъ и повалился до земли.

— Ну, а потомъ? Продолжай!

— Потомъ, потомъ, ваша честь, мы принесли его въ его домъ и дали ему воды и положили ему моврыя тряпки на рану, и онъ лежалъ тамъ, пока не испустилъ духъ.

— Какъ долго, лежалъ онъ?

— Съ полчаса послѣ того, какъ получилъ рану. Призываю Вишну въ свидѣтели,—вопилъ негодай,—что я сдѣлалъ все для него, все, что только могъ.

Онъ опять бросился на землю и обнялъ мои колѣни. Но, такъ какъ я имѣлъ нѣкоторое основаніе сомнѣваться въ сострадательности Гонга Дасса, то, оттолкнувъ его, проговорилъ:

— Я думаю, что вы обобрали его до чиста. Впрочемъ, мы сейчасъ увидимъ это. Какъ долго господинъ прожилъ здѣсь?

— Почти полтора года. Мнѣ кажется, онъ совсѣмъ сошелъ съ ума. Но клянусь вамъ, покровитель бѣдныхъ! Пусть ваша честь повѣритъ моей клятвѣ, что я не тронулъ ни одной вещи, которая принадлежала ему! Но что вы хотите дѣлать, ваша милость?!

Я схватилъ Гонга Дасса за воротъ и потащилъ его къ площадеѣ, расположенной у отверстія побинтовой пещеры. При этомъ я думалъ, какъ невыносимо долженъ былъ страдать мой товарищъ по несчастью, проживъ цѣлыхъ восемнадцать мѣсяцевъ среди этихъ ужасовъ, и какъ онъ умеръ, точно крыса въ норѣ, въ своей тѣсной пещерѣ отъ ужасной раны въ животѣ. Гонга Дассъ вообразилъ, что я собрался убить его—и жалобно завизжалъ. Остальные обитатели, отяжелѣвъ отъ обильной мясной ѣды, наблюдали за нами, не двигаясь съ мѣста.

— Гонга Дассъ, ступай и вытащи его сюда.

Онъ повалился на землю и громко завылъ.

— Господинъ мой, но вѣдь я браминъ, высокорожденный браминъ! Ради спасенія вашей души, ради спасенія души вашего отца, не заставляйте меня дѣлать этого!

— Будь ты хоть разбраминъ, но, клянусь памятью моего отца, ты сдѣлаешь это,—отвѣтилъ я.

Затѣмъ, схвативъ его за плечи, я протолкнулъ его голову въ отверстіе пещеры, пинкомъ втиснулъ его туда и, сѣвъ на землю, сталъ ждать, закрывъ лицо руками.

Спустя нѣсколько минутъ послышался сперва порошокъ и скрипъ, затѣмъ всхлипыванье, сопѣнье и бормотанье Гонга Дасса и, наконецъ, глухой шумъ. Отерывъ глаза, я увидѣлъ около себя трупъ, отъ долгаго пребыванія въ сухомъ пескѣ, превратившійся въ желто-бурую мумію. Приказавъ Гонга Дассу не двигаться съ мѣста, я принялся за осмотръ трупа.

Онъ былъ одѣтъ въ испачканную и сильно поношенную охотничью куртку оливковаго цвѣта и принадлежалъ человѣку 30—40 лѣтъ, средняго роста, съ свѣтло-рыжими волосами, длинными усами и съ жесткой спутанной бородой. Не доставало влыка въ верхней лѣвой челюсти и части мочки праваго уха. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки былъ перстень, красный желѣзнякъ въ формѣ щита, оправленный въ золото, съ монограммой „В. К.“ или „В. Ё.“. На третьемъ пальцѣ правой руки—другой перстень, серебряный, въ формѣ свернутой змѣйки, очень старый и стертый.

Приказавъ Гонга Дассу нащипать сухой травы и устроить подстилку, и, покрывъ лицо трупа своимъ носовымъ платкомъ, я приступилъ къ подробному осмотру его. Прилагаю здѣсь полный списокъ найденныхъ вещей, въ надеждѣ, что это поможетъ восстановленію личности несчастнаго.

1) Трубка изъ терноваго дерева, зазубренная по краямъ, подержанная и закопченная; мундштукъ связанъ веревочкой.

2) Два ключа;—оба сломаны.

3) Перочинный ножъ, съ черепаховой ручкой, на которой серебряная или никелевая пластинка съ монограммой „В. К.“.

4) Конвертъ, со стертой маркой съ изображеніемъ Викторіи, адресованный „миссъ Мон“ (дальше нельзя разобрать)— „Гам“—нт“.

5) Записная книжка въ переплетѣ изъ искусственной крокодиловой кожи, снабженная карандашемъ. Первые сорокъ пять страницъ чистыя; четыре съ половиной страницы исписаны неразборчиво; слѣдующія пятнадцать наполнены частными замѣтками, касающимися преимущественно трехъ лицъ: какой-то мистриссъ Л. Синглетонъ, имя которой мѣстами сокращено въ Лотъ-Сингль, мистриссъ С. Мэй и Гармисона, кое-гдѣ переименованнаго въ Джерри или Жака.

6) Ручка отъ небольшого охотничьяго ножа. Лезвее почти все обломано. Олений рогъ, складной алмазь и кольцо для подвѣшиванія мишени съ прикрѣпленнымъ обрывкомъ веревки.

Не подумайте, что я тамъ же на мѣстѣ занялся составленіемъ приведеннаго здѣсь инвентаря вещей. Мое вниманіе было привлечено прежде всего записной книжкой, которую я и засунулъ себѣ въ карманъ, намѣреваясь потомъ заняться изученіемъ

ея. Остальные же предметы, чтобъ предохранить ихъ отъ расхищенія, я перенесъ въ свою пещеру, и уже тамъ аккуратно переписалъ ихъ. Послѣ этого я вернулся къ трупу и приказалъ Гонга Дассу помочь мнѣ перетащить его на берегъ. Когда мы подняли трупъ съ земли, изъ одного изъ кармановъ выпала капсуля отъ стараго законченаго патрона. Гонга Дассъ не замѣтилъ этого, а я сталъ раздумывать, что этотъ человѣкъ не сталъ бы носить при себѣ разряженныхъ, закопченныхъ пороховъ, патронныхъ капсуль, которыхъ нельзя зарядить вторично, еслибъ онъ не занимался стрѣльбой, — другими словами, что патроны были разряжены внутри кратера, и что, слѣдовательно, тутъ должно быть ружье. Я хотѣлъ уже было обратиться съ вопросомъ къ Гонга Дассу, но удержался, зная напередъ, что онъ солжетъ. Мы принесли тѣло къ упомянутымъ выше камнямъ и положили у края зыбуна. Я намѣревался столкнуть трупъ въ песокъ, чтобы послѣдній засосалъ его, такъ какъ здѣсь это былъ единственный способъ погребенія. Приказавъ Гонга Дассу удалиться, я съ осторожностью приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Во время спуска тѣло перевернулось лицомъ внизъ, ветхая охотничья куртка лопнула, и глазамъ моимъ представилась страшная зіяющая рана на спинѣ. Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться, что она причинена ружейнымъ выстрѣломъ, направленнымъ почти въ упоръ. Охотничья куртка была цѣла; очевидно, ее накинули на тѣло уже послѣ смерти, которая, по всей вѣроятности, наступила мгновенно. Стало ясно, какъ умеръ мой несчастный соотечественникъ. Кто-нибудь изъ обитателей кратера, всего вѣроятнѣе Гонга Дассъ, застрѣлилъ его изъ его собственнаго ружья, того ружья, отъ котораго и остались закопченные пороховъ патроны. Самъ онъ никогда не рѣшился бы бѣжать подъ выстрѣлами со сторожевой лодки.

Едва только успѣлъ я столкнуть тѣло, какъ оно мгновенно было втянуто пескомъ. При видѣ такого явленія я содрогнулся отъ ужаса. Повернувшись, чтобы уйти, я какъ-то бессознательно вынулъ записную книжку, найденную у бѣдняка, и сталъ перелистывать ее, причемъ выпалъ елочокъ испачканной выцвѣтшей бумаги, который былъ засунутъ между корешкомъ и внижечкой. На этой бумажкѣ было

написано слѣдующее: „Четыре впередъ отъ вороньихъ камней; три влѣво; девять впередъ; два вправо, три назадъ; два влѣво; четырнадцать впередъ; два влѣво; семь впередъ; одинъ влѣво; девять назадъ; два вправо; шесть назадъ; четыре вправо; семь назадъ“. По краямъ бумажка была обожжена. Не понимая, что бы это могло значить, я усѣлся на сухую траву и сталъ машинально вертѣть въ рукахъ свою находку, какъ вдругъ замѣтилъ Гонга Дасса, который стоялъ за моей спиной, съ горящими глазами, вытянувъ руки впередъ.

— Вы нашли *это*?—задыхаясь, проговорилъ онъ.—Нельзя ли и мнѣ посмотреть? Клянусь, я отдамъ.

— *Что* нашель, *что* отдадите?—спросилъ я.

— То, что у васъ въ рукахъ. Это спасетъ насъ обоихъ.

И онъ вытягивался на своихъ длинныхъ ногахъ, похожихъ на птичьи лапы, весь дрожа отъ нетерпѣнія.

— Я никакъ не могъ найти этого; онъ всегда хранилъ это при себѣ. За это я и застрѣлилъ его; но все-таки я не нашель того, что мнѣ было нужно.

Гонга Дассъ забылъ уже рассказанную имъ басню о выстрѣлѣ съ лодки. Я выслушалъ его совершенно хладнокровно. Нравственное чувство неизбѣжно притупляется, когда поживешь между живыми мертвецами.

— Что за чушь ты городишь? Что ты хочешь, чтобы я далъ тебѣ?

— Ключокъ бумаги изъ записной книжки. Это спасетъ насъ обоихъ. О, безумный, развѣ вы не видите, какое значеніе имѣетъ это для насъ? Да вѣдь мы можемъ бѣжать!

Онъ вопилъ громкимъ голосомъ и въ возбужденіи прыгаль вокругъ меня. Возможность бѣгства вернула мнѣ самообладаніе.

— Не скажи. Объяснись толкомъ. Ты говоришь, этотъ влочокъ бумаги спасетъ насъ? Что это значитъ?

— Прочтите это громко, прочтите громко! Умоляю васъ, прочтите это вслухъ!

Я исполнилъ его просьбу.

Гонга Дассъ напряженно слушалъ, чертя въ то же время пальцами какую-то кривую линію на пескѣ.

— Теперь посмотрите! Это длина его ружейныхъ стволовъ. Они у меня. Четыре ствола впередъ отъ того мѣста,

гдѣ я ловлю воронь. Прямо впередъ. Вы слѣдите за мной? Потомъ три влѣво. О, я припоминаю, какъ этотъ человѣкъ работалъ надъ этимъ изъ ночи въ ночь! Затѣмъ девять впередъ, и такъ дальше. Впередъ—это значитъ прямо отъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, по зыбуну. Онъ объяснилъ мнѣ это прежде, чѣмъ я убилъ его.

— Но если ты зналъ все это, отчего же ты не бѣжалъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что я *не зналъ*. Онъ только говорилъ мнѣ, что работалъ надъ этимъ цѣлыхъ полтора года, и что онъ работалъ по ночамъ, когда лодка уѣзжала, и онъ могъ безъ опасенія подходить къ сыпучимъ пескамъ. Потомъ онъ говорилъ, что мы бѣжимъ вмѣстѣ. Но я боялся, что какъ-нибудь ночью, когда работа будетъ окончена, онъ покинетъ меня и бѣжитъ одинъ, и я убилъ его. Кромѣ того, нельзя допустить, чтобы кто-нибудь, разъ попавъ сюда, могъ бѣжать. Это могу только я одинъ, потому что я браминъ.

При появленіи надежды на бѣгство къ Гонга Дассу вернулась вся гордость его касты. Онъ всталъ съ мѣста и, размахивая руками, сталъ прогуливаться взадъ и впередъ. Не безъ труда удалось мнѣ заставить его говорить сколько-нибудь послѣдовательно. Тутъ онъ сталъ рассказывать, какъ англичанинъ употребилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, работалъ каждую ночь, на отысканіе пути черезъ зыбунъ, какъ онъ говорилъ, что, обогнувъ лѣвый отрогъ подковы, не представляло никакой трудности взобраться на берегъ, который былъ тутъ не выше двадцати ярдовъ.

Возможность бѣгства привела меня въ такой восторгъ, что я сталъ горячо пожимать руки Гонга Дассу, и мы порѣшили попытаться бѣжать въ эту же ночь. Какъ тяжело показались намъ нѣсколько часовъ, остававшихся до этого времени!

Приблизительно около десяти часовъ, когда луна поднялась надъ отверстиемъ кратера, Гонга Дассъ отправился въ свою пещеру, чтобы принести ружейные стволы, которыми мы должны были измѣрять тропинку. Всѣ другіе несчастные обитатели кратера давно уже убралась въ свои норы. Сто-рожевая лодка также уплыла по теченію, и мы были совсѣмъ одни у вороньихъ камней. Когда стволы были принесены, Гонга Дассъ какъ бы нечаянно уронилъ влочокъ бумажки, служив-

*

шей намъ путеводителемъ. Быстро нагнувшись, чтобы поднять его, я вдругъ почувствовалъ страшный ударъ по затылку, тысячи огней запрыгали передъ моими глазами, и я безъ чувствъ повалился у края зыбуна.

Когда я пришелъ въ сознаніе, мѣсяць уже зашелъ, Гонга Дасъ исчезъ, я чувствовалъ невыносимую боль въ задней части головы, и ротъ у меня былъ полонъ крови. Я легъ опять и молилъ Бога послать мнѣ поскорѣе смерть. Потомъ мной снова овладѣло то безумное бѣшенство, о которомъ я уже упоминалъ, и я бросился къ песчанымъ стѣнамъ кратера. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то шепотомъ зоветъ меня: „сагибъ! сагибъ! сагибъ!“—совсѣмъ такъ, какъ бывало по утрамъ звалъ меня мой слуга. Сперва мнѣ показалось, что я брежу; но вотъ къ моимъ ногамъ упала горсть песка. Взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ свѣсившуюся надъ краемъ кратера голову—голову моего надсмотрщика надъ рабочими, Дюну. Увидавъ, что ему удалось привлечь мое вниманіе, онъ поднялъ вверхъ руку и показалъ веревку. Я отошелъ нѣсколько въ сторону, и онъ спустилъ ее внизъ. Это были кожанья вожжи, связанныя вмѣстѣ съ петлей на концѣ. Предѣвъ съ трудомъ эту петлю себѣ подъ мышки, я, какъ въ туманѣ, слышалъ, что Дюну понукалъ кого-то, потомъ меня лицомъ книзу потащили вверхъ по крутой песчаной поверхности, наконецъ, совсѣмъ оглушенный, въ полубезсознательномъ состояніи, я очутился наверху песчаного холма, возвышающагося надъ кратеромъ. Дюну, наклонивъ ко мнѣ пепельное лицо, умолялъ меня не оставаться тутъ долѣе и вернуться поскорѣе въ свою палатку.

Обязалось, что онъ на протяженіи четырнадцати миль разыскалъ на пескѣ слѣды ногъ Порника и добрался такимъ образомъ до кратера; затѣмъ вернулся за рабочими; но всѣ они отказались наотрѣзъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, будь онъ бѣлый или черный, который разъ попалъ въ отвратительную общину живыхъ мертвецовъ. Тогда онъ взялъ одну изъ моихъ лошадей, вожжи, вернулся одинъ къ кратеру и вытащилъ меня наверхъ, какъ это и было уже описано.

А. Н.

* * *

Затишье... Ни звука. Листы не шумят—
И лѣсъ, и рѣка молчаливы,
И золотомъ брызжетъ огнистый закатъ
На даль засыпающей нивы.
Въ блѣднѣющихъ краскахъ—желанный покой
Природа печально встрѣчаетъ,
Какъ будто ее этотъ лучъ золотой
Послѣднимъ лобзаньемъ смущаетъ...

—

Затишье... Покой. Но, вдали отъ людей,
Отъ ихъ суетливаго шума—
Печаль мое сердце сжимаетъ сильнѣй,
Томить неотвязная дума.
Ужели мнѣ жалко обманчивыхъ сновъ,
Несбывшихся грезъ... и страданья,
Какъ этой природѣ—заснувшихъ цвѣтовъ,
Какъ жалко ей солнца лобзанья?

Вл. Ладыженскій.

СТАРАЯ НИЩЕНКА.

Предлагаемый ниже небольшой рассказ «Старая нищенка» написанъ финскимъ писателемъ Пьетари Пейверинта. Считаемо не лишнимъ познакомить читателя кратко съ своеобразной личностью этого писателя-крестьянина и съ тѣми условіями жизни, среди которыхъ онъ, уступая непреодолимому внутреннему побужденію, промѣнялъ плугъ на перо.

Пьетари Пейверинта родился 18 сентября 1827 г., въ Финляндіи. Родители его были бѣдные поденщики, съ трудомъ зарабатывавшіе средства къ жизни для своей многочисленной семьи. Часто нужда доходила до того, что маленькому Пьетари, какъ старшему изъ дѣтей, приходилось просить милостыню. Образование онъ получилъ самое элементарное: его научили читать, писать—и только.

Съ десятилѣтняго возраста Пьетари собственнымъ трудомъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, находясь въ услуженіи у чужихъ людей. Двадцати двухъ лѣтъ онъ женился на крестьянской дѣвушкѣ, купилъ небольшой участокъ земли и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ получилъ мѣсто кистера (причетника) при церкви въ родной деревнѣ, гдѣ и живетъ до настоящаго времени. Въ 1882 г. онъ былъ избранъ депутатомъ отъ крестьянскаго сословія въ финляндскій ландтагъ.

Вотъ и вся несложная біографія Пейверинта. Что касается исторіи его внутренняго развитія, то преобладающей чертой въ характерѣ Пьетари, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, была любовь къ чтенію. Несмотря на свои скудные средства, онъ дѣлалъ сбереженія, чтобы покупать книги. Мысль попробовать свои силы на литературномъ поприщѣ пришла ему въ голову въ 1867 г. — въ то время, какъ онъ шелъ за плугомъ, обрабатывая поле. Ему было тогда уже сорокъ лѣтъ. Первое его произведеніе было напечатано подъ заглавіемъ «Эпизоды изъ великаго войны». За этой книгой послѣдовали другія, и съ тѣхъ поръ Пейверинта неутомимо работаетъ на литературномъ поприщѣ.

Тонкая психологическая наблюдательность, глубина чувства и необыкновенная простота и наивность изложенія составляютъ отличительныя черты таланта этого писателя-крестьянина. Въ его произведеніяхъ много чувства; въ каждой строкѣ сказывается человѣкъ, способный не только

любить, но и ненавидѣть, и вотъ почему его кроткій, любящій, голосъ такъ часто переходитъ въ грозныя, обличительныя ноты.

Недлинень и неутѣшителень мой рассказъ. Не знаю только, займетъ ли онъ читателя. Вѣдь это не болѣе, какъ страничка изъ прошлаго, — боюсь, какъ бы не показался онъ скучень.

Притомъ же, событія, подобныя тому, о которомъ я хочу рассказать, такъ же многочисленны, какъ падающія звѣзды на зимнемъ небѣ, и, можетъ быть, потому-то мы такъ и привыкли къ нимъ, что они почти не производятъ на насъ впечатлѣнія.

Падающія звѣзды привлекаютъ насъ своимъ блескомъ. Мы слѣдимъ, какъ онѣ появляются на небѣ, горятъ, скатываются и — потухаютъ; тогда мы забываемъ о нихъ.

То же самое и въ человѣческой жизни: и тутъ передъ нашими глазами проходятъ событія, поражающія своимъ блескомъ, какъ падающія звѣзды; но мы спѣшимъ забыть ихъ, потому что герои этихъ событій — маленькіе, ничтожныя люди.

Маленькіе, несчастные... но въ груди ихъ вѣдь тоже бьется сердце.

Они способны всѣми силами души любить, чувствовать, радоваться, скорбѣть, страдать, какъ и сильныя міра сего. Но что они еще способны дѣлать не хуже послѣднихъ, такъ это — умирать, и мнѣ кажется, что подобное сходство въ значительной степени уравниваетъ между собою всѣхъ людей.

Но если это такъ, то почему же мы забываемъ о нихъ, презираемъ ихъ? по какому праву мы стараемся не смотрѣть на нихъ, не слушать ихъ, закрываемъ отъ нихъ наши сердца?

По какому праву?.. я спрашиваю.

Какъ бы то ни было, но я во всю свою жизнь не забуду того происшествія, о которомъ намѣренъ рассказать теперь.

* * *

Это случилось зимой. Я былъ въ дорогѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей. Намъ предстояло проѣхать три мили отъ одной деревни до другой. Неотложныя дѣла заставили меня выѣхать въ довольно сильную мятель, заметавшую почти совсѣмъ дорогу.

На полпути намъ попалось нѣсколько дворовъ, гдѣ можно было покормить лошадей. До сихъ поръ все шло благополучно, и наше путешествіе не сопровождалось особенными опасно-

стями. Но мятель усиливалась съ каждой минутой, ѣхать было почти невозможно, и, несмотря на это, намъ приходилось продолжать путь. Мы ѣхали лѣсомъ. Скоро дорогу занесло такъ, что мы совсѣмъ бы ее потеряли, еслибы просвѣтъ между деревьями не указывалъ намъ, куда надо ѣхать. На прогалинахъ исчезала и эта путеводная нить, но тутъ насъ выручала лошадь, привычная къ такимъ мѣстамъ. Сани ежеминутно наклонялись то направо, то налево, и намъ приходилось постоянно быть на сторожѣ, чтобы не вывалиться. Снѣгъ былъ такъ глубокъ, что мѣстами лошадь напрягала всѣ силы, перебираясь черезъ снѣжные сугробы, и бѣдное животное по временамъ останавливалось, чтобы собраться съ силами.

Такъ отъѣхали мы около четверти мили отъ послѣдняго двора. Лѣсъ кончился, и мы выбрались на открытое, ровное мѣсто. Я сидѣлъ въ саняхъ и задумался, стараясь насколько возможно отворачиваться отъ рѣзкаго вѣтра, бывшаго мнѣ прямо въ лицо, а сынъ смотрѣлъ въ темную даль.

— Посмотри-ка!..— вскричалъ онъ.— Тамъ кто-то идетъ впереди.

Я взглянулъ по указанному направленію, но не видѣлъ никого. Единственный предметъ, который я замѣтилъ, походилъ скорѣе на кустъ, чѣмъ на человѣческую фигуру.

— Никого нѣтъ, это кустъ,— сказалъ я и принялъ снова прежнее положеніе.

Мы оба замолчали; лошадь, выбиваясь изъ силъ, съ трудомъ тащила сани; вьюга попрежнему бушевала. •

Однако сынъ, очевидно, не могъ согласиться со мной и все еще продолжалъ напряженно вглядываться въ темноту; вдругъ онъ закричалъ:

— Смотри, смотри, батя!.. онъ движется!.. Нѣтъ, это, должно быть, человѣкъ.

Я снова посмотрѣлъ впереди, стараясь различить что-нибудь сѣвось снѣжную мятель. Мальчикъ былъ правъ: предметъ, принятый мною за кустъ, въ самомъ дѣлѣ двигался и, повидимому, по одному направленію съ нами. Ясно, что это было живое существо.

— Да, это человѣкъ,— сказалъ я.— Надо догнать его. Можетъ быть, ему нужна помощь.

Мы стали погонять лошадь. Путникъ, очевидно, замѣтилъ насъ, потому что сталъ оглядываться и замедлилъ шаги. Наконецъ, отойдя въ сторону, онъ остановился. Приблизившись, мы увидѣли маленькую сгорбленную старушонку съ огромнымъ мѣшкомъ на спинѣ. Она стояла по поясъ въ снѣжномъ сугробѣ и робко поклонилась намъ, пожелавъ „добраго вечера“.

— Здорово, старушка! Трудно, должно быть, идти пѣшкомъ-то въ такую погоду?—спросилъ я, останавливая лошадь.

— Охъ, какъ не трудно, кормилецъ,—едва переводя духъ, проговорила старушка.

Ея лицо было мокро отъ таявшаго на немъ снѣга. Холодная вьюга успѣла уже поглотить слишкомъ большой запасъ жизненной теплоты ея старческаго тѣла; лицо старушки ооченѣло, языкъ съ трудомъ повиновался ея волѣ, какъ это часто замѣчается у сильно иззябшихъ людей; смерзшіяся рѣсницы мѣшали старушкѣ смотрѣть, волосы заиндевели, старья лохмотья совершенно обледѣли и шумѣли при каждомъ движеніи ея, словно накрахмаленныя.

— Садись-ка, бабушка, въ намъ въ сани!—сказалъ я.

— Нѣтъ, спасибо, родной,—отвѣтила она:—дотащусь какъ-нибудь!

— Садись, садись, гдѣ тутъ дотащиться...

— Нѣтъ, ничего... вотъ, если милость будетъ, мѣшокъ не возьмете ли у меня довести до деревни,—сказала она кроткимъ, забитымъ голосомъ.

— Ну вотъ еще!.. не замерзаетъ же тебѣ на дорогѣ. Я тогда всю жизнь не прощу себѣ этого... Садись скорѣе!

— Я стану лучше сзади на полозья,—сказала старуха.

— Ну, такъ давай сюда мѣшокъ, по крайней мѣрѣ, а то тебѣ будетъ очень неловко стоять съ нимъ сзади.

Старуха передала намъ мѣшокъ, который мы привязали къ передку саней; сама же она стала на полозья сзади, но такое положеніе было крайне неудобно, потому что, когда мы тронулись, старуха рисковала свалиться на каждомъ сугробѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя, садись лучше въ сани,—обратился я къ ней.

— Ни за что на свѣтѣ; поѣзжайте безъ меня. А я безъ мѣшка и сама доберусь кое-какъ.

— Пустяки... Садись скорѣе въ сани,—строго проговорилъ я, остановивъ лошадь.

Старушка наконецъ, согласилась. Придерживаясь руками за сани, она съ трудомъ добралась до указаннаго мѣста, но до того окоченѣла и обезсилѣла, что влѣзть безъ нашей помощи уже не могла. При этомъ мы замѣтили, что на ногахъ у нея не было ничего, кромѣ старыхъ, покрытыхъ множествомъ заплатокъ, туфель. Мы устроили ее по возможности удобнѣе, усадивъ спиной къ лошади, а лицомъ къ намъ, укрыли попоной и полостью и снова тронулись въ путь.

— Откуда вы, голубчики? — спросила старушка, глядя на насъ благодарными, ласковыми глазами.

Мы назвали себя и сказали—откуда.

— Какіе вы добрые!.. Никто еще въ моей жизни не обходился со мной такъ ласково,—проговорила она.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, бабушка. Надо помогать другъ другу,—возразилъ я.

— Да, только для такого человѣка, какъ я, это слишкомъ много.

— Э, милая, всѣ люди—люди... не всѣ счастливы—это правда, да не всѣ богаты.

— Ахъ нѣтъ, не говорите: между мной и вами очень большая разница.

Я видѣлъ, что всѣ мои усилія вразумить старуху были напрасны. Суровая школа жизни давно уже приучила ее смотрѣть на себя, какъ на существо низшее. Самое обыкновенное человѣческое отношеніе казалось ей рѣдкимъ проявленіемъ доброты. Замѣтивъ это, я постарался переменить разговоръ и спросилъ:

— А ты сама откуда, бабушка?

— Изъ прихода П.

— Откуда же ты теперь-то идешь?

— А изъ вашего прихода...

— Что же ты тамъ дѣлала?

— Какія дѣла могутъ быть у такого человѣка, какъ я? Ходила по дворамъ да милостыньку просила.

— А никто не побранилъ тебя, что ты въ чужомъ приходѣ собираешь?

— Нѣтъ, никто. Вездѣ подавали, слава тебѣ, Господи.

— Что же, ты въ первый разъ была въ нашемъ приходѣ-то?

— Нѣтъ, ужъ третій разъ хожу въ этомъ году.

— А много ли собрала?

— Да вотъ этотъ мѣшокъ весь полонъ хлѣбомъ, да по крайней мѣрѣ столько же осталось еще въ деревнѣ... Мнѣ не подъ силу было дотащить всего-то. Вотъ завтра, если, дастъ Богъ, погода поправится, пойду за остальнымъ. Да, кромѣ того, у меня еще дома почти такой же запасъ.

Лицо старухи на минуту просвѣтлѣло при воспоминаніи о всѣхъ ея богатствахъ.

— Ты совсѣмъ одинока, бабушка?—продолжалъ я свои разспросы.

— Нѣтъ, я была замужемъ, кормилецъ, только пожила съ мужемъ-то недолго. Умеръ онъ черезъ 6 лѣтъ послѣ свадьбы.

— Ну, а дѣти есть у тебя?

— Какъ же, двое: сынъ и дочь. Сперва я работала, пока могла, чтобы выростить и поставить ихъ на ноги; ну, а теперь ужъ стара стала, ослабѣла. Не могу больше работать, а все-таки вѣдь надо жить-то какъ-нибудь, пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

— Что же сынъ-то у тебя живъ?

— Живъ, какъ же... женатый ужъ.

— Развѣ онъ не можетъ кормить тебя?

— Куда ему кормить, онъ и самъ голъ, какъ соболю, да и семья у него большая; немало ему приходится работать, чтобы заткнуть голодные рты.

— Ну, а дочка?

Мрачная тѣнь скользнула по лицу старухи; она глубоко вздохнула.

— Бѣдная Санна!—сказала она.—Несчастливая, бросилъ ее одинъ безсовѣстный человѣкъ. Кромѣ меня, безпомощной, нищей старухи, у нея теперь нѣтъ никого на свѣтѣ. Одна только я теперь и осталась у нея. Что выпрошу—тѣмъ и живы, и дѣлимъ пополамъ. Да это бы еще ничего, еслибы у нея не ребенокъ; вотъ горе-то наше! Вотъ почему я и хожу такъ часто по деревнямъ. Только бы мнѣ прокормить ее до тѣхъ поръ, какъ она встанетъ на ноги и станетъ работать. Вѣдь

она у меня куда какая работячала!.. навѣрное пробьется. Вотъ обрадуется то, какъ увидить, сколько я хлѣба набрала!..

— Гдѣ же ты живешь, бабушка?

— А въ домищеѣ, родной, въ своемъ домищеѣ. Мой мужъ выстроилъ его незадолго до смерти. Да что!.. только слава, что домъ... а самъ чуть стоитъ!.. а все-таки онъ нашъ. Никто насъ изъ него не выгонитъ, и никто не запретитъ питаться подаляніемъ добрыхъ людей.

— Почему же вы не просите общину помочь вамъ?

— Пробовала, да ничего не вышло. Мало-ли, говорятъ, васъ тутъ, попрошаекъ, шляется!.. Бездѣльничаете всю жизнь, а потомъ и помогай вамъ!.. Очень горько мнѣ было это слышать; развѣ я не работала всю свою жизнь?.. И рада бы не просить, да коли нѣтъ силъ больше работать!.. Санна тоже хорошая работница, только бы поправиться ей!..

— И все-таки вы не жалуетесь?

— Чего же жаловаться? Мнѣ ужъ и жить-то остается недолго,— сказала старуха и горько заплакала.

Тяжело было смотрѣть на нее. Крупныя слезы катились по ея морщинистымъ, исхудалымъ щекамъ. Плечи и грудь вздрагивали отъ рыданій, обледенѣвшіе волосы издавали при каждомъ ея движеніи какой-то странный звукъ, а лохмотья на рукавахъ шуршали, какъ накрахмаленныя, всякій разъ, когда она утирала руками катившіяся изъ глазъ слезы. Мы молчали, не находя словъ въ утѣшеніе несчастной женщинѣ. Я украдкой взглянулъ на сына и увидѣлъ, что глаза его полны слезъ. Да и самому мнѣ трудно было сохранить хладнокровіе.

— Не холодно ли тебѣ, бабушка?—спросилъ я нищенку, когда она немного успокоилась.

— О, нѣтъ! Напротивъ, я обогрѣлась подъ полостью; мнѣ очень хорошо. Ахъ, если бы вы могли только видѣть, что у меня на сердцѣ!.. Какъ вы добры ко мнѣ!.. Спаси васъ, Господи!.. Бѣдная, бѣдная Санна!..

Между тѣмъ мы подвигались впередъ очень медленно и съ большимъ трудомъ. Наша случайная спутница и ея тяжелый мѣшокъ, конечно, не облегчили нашихъ саней. Лошадь выбивалась изъ силъ и поминутно останавливалась передохнуть.

— Теперь ужъ я слѣзу,— сказала нищенка, видя, съ ка-

вимъ трудомъ мы подвигаемся впередъ.—Я только еще больше загружаю сани...

— Нѣтъ, ни за что, ни за что,—прервалъ я ее.—Мы тебя здѣсь не оставимъ.

— Ну, такъ вотъ что: недалеко отсюда, почти у самой дороги есть маленькая избушка,—сказала наша спутница.—Тамъ живутъ добрые люди, мои знакомые. Только бы намъ до нихъ добраться, тамъ я могу отдохнуть, а вы поѣзжайте дальше безъ меня. Вамъ будетъ легче. Если удастся, такъ я, можетъ быть, передохнувъ, сегодня же успѣю добраться до деревни. Ваши слѣды не дадутъ мнѣ сбиться съ дороги.

— А далеко ли отъ этой лачужки до деревни?

— Три четверти мили.

— А отсюда сколько до избушки?

— А отсюда около полумили.

— Если ты остановишься у своихъ знакомыхъ, то непременно переночуй тамъ. Опасно идти въ такую погоду. И напрасно ты думаешь, что наши слѣды не дадутъ тебѣ заблудиться: повѣрь, что уже въ десяти саженьяхъ позади насъ всѣ слѣды будутъ замечены снѣгомъ.

— Какъ же мнѣ быть? вѣдь мнѣ необходимо сегодня же добраться до деревни.

— Это почему?

— А вотъ видишь, кормилецъ, сегодня у насъ суббота, а завтра утромъ мнѣ необходимо быть въ церкви.

— Для чего это?

— Есть у меня одно порученіе туда.

— Что это за порученіе?

— Да вотъ какое: одна дѣвушка изъ вашей общины много лѣтъ назадъ вышла замужъ за крестьянина нашего прихода. Недавно она отправилась погостить къ себѣ на родину, у нея и родился ребеночекъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія ребеночекъ-то этотъ умеръ, царство ему небесное, а теперь она сама при смерти. Такъ я общала извѣстить объ этомъ ея мужа, чтобы онъ немедленно поѣхалъ къ ней и похоронилъ ребенка-то.

— Конечно, это дѣло важное, но вѣдь все равно, если ты и опоздаешь немного. Мертваго ребенка ужъ не воскресить, а о матери навѣрное позаботятся добрые люди. Мнѣ важется,

тебѣ вовсе не слѣдуетъ рисковать жизнью изъ-за того только, чтобы какъ можно скорѣе исполнить обѣщаніе.

— Да, но она меня такъ просила, такъ просила!.. и я обѣщалась обо всемъ извѣстить мужа. Онъ живетъ за милою отъ церкви, и если его самого тамъ не будетъ завтра, то кто-нибудь изъ прихожанъ передастъ ему мое порученіе.

— Отчего бы тебѣ не пойти въ деревню, на примѣръ, завтра утромъ?

— А если завтра погода будетъ еще хуже?

— Хуже, чѣмъ сегодня, она не можетъ быть. Если ты не останешься въ избушкѣ, пока не перестанетъ вѣять, то мы такъ или иначе доведемъ тебя до деревни.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Лошади не подъ силу тащить всѣхъ насъ; а если она выбьется изъ силъ, вы сами можете замерзнуть въ дорогѣ. Лучше ужъ я пережду въ избушкѣ, пока не утихнетъ погода. Хлѣба у меня довольно, съ голоду не помру. Нѣтъ, лучше я пережду.

Она говорила торопливо, словно боясь, что мы не отпустимъ ее.

Между тѣмъ мы добрались до хижины. Она стояла на окраинѣ пустыря. Небольшой навѣсъ для коровы и крохотная баня были единственными надворными строеніями невзрачной лачужки. Чѣмъ-то заброшеннымъ и жалкимъ вѣяло отъ этого жилища, одиноко стоявшаго среди степи.

Мы подвѣхали, высадили старуху, отвязали ее мѣшокъ и вошли въ хижину. Въ ней было холодно, хотя огонь, ярко горѣвшій въ печкѣ, распространялъ вокругъ свѣтъ и теплоту. Куча грязныхъ, оборванныхъ дѣтей жалась у огня; они, молча, во всѣ глаза смотрѣли на насъ.

Жилище, куда мы вошли, производило далеко непривлекательное впечатлѣніе, но въ эту ужасную погоду даже и здѣсь казалось хорошо. Старуха, какъ видно, коротко знакомая съ обитателями хижины, тотчасъ же подошла къ печкѣ и стала грѣть у огня закоченѣвшія руки. Потомъ она вынула изъ мѣшка хлѣбъ и раздала по куску всѣмъ дѣтямъ. Она начала было искать воды, но хозяйка успѣла предупредить ее, предложивъ молока.

Обогрѣвшись, старуха рассказала о своей встрѣчѣ на до-

рогѣ съ какими-то „чужими людьми“, помѣстившими ее въ себѣ вмѣстѣ съ тяжелымъ мѣшкомъ; рассказывая объ этомъ, она положительно сіяла отъ радости и въ заключеніе прибавила, что „никогда еще во всю ея жизнь никто не обходился съ ней такъ хорошо“. Потомъ она попросила хозяевъ, нельзя ли ей остаться у нихъ до тѣхъ поръ, пока утихнетъ мятель, причемъ сообщила, что кормить имъ ее не придется, такъ какъ хлѣба въ мѣшиѣ хватитъ надолго. Хозяева тотчасъ же согласились на ея просьбу, говоря, что она можетъ погостить у нихъ, сколько ей захочется. По всему видно было, что старуха и обитатели бѣдной хижины отлично понимали другъ друга. Въ ихъ отношеніяхъ не замѣчалось ни стѣсненія, ни робости, и навѣрно не возникало даже и мысли о неравенствѣ ихъ общественнаго положенія. Общія лишенія, общая нужда уравнивали и сблизили ихъ между собой.

Хозяинъ очень жалѣлъ о томъ, что у него нѣтъ сарая, куда можно было бы поставить лошадь. Что же касается ночлега, то, по его мнѣнію, проѣзжіе могли бы какъ-нибудь размѣститься въ избѣ, хотя она была и очень мала.

Я поблагодарилъ добраго человѣка за его радушіе и сказалъ, что у меня время не терпитъ, и потому я долженъ ѣхать, несмотря ни на какую погоду.

Наказавъ еще разъ старой нищенкѣ, чтобы она не выходила, пока не утихнетъ мятель, мы поѣхали дальше.

Была уже темная ночь, когда мы, проѣхавъ самую трудную часть пути, добрались наконецъ до деревни. У самой деревни дорога была до того занесена снѣгомъ, что изъ-подъ него были видны только верхушки вольевъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ плетня. Лошадь ежеминутно проваливалась въ рыхлый снѣгъ, сани валялись съ боку на бокъ. Иногда намъ казалось, что мы такъ и не выберемъ изъ сугробовъ. И лишь благодаря недюжинной силѣ нашей лошади, мы, наконецъ, все-таки кое-какъ добрались до ночлега.

Въ конецъ измученные, совершенно мокрые отъ снѣга, мы остановились у перваго жилья. Ласковые и радужные хозяева не могли надивиться, какъ это мы не заблудились и не замерзли въ такую ужасную погоду. Они поспѣшно выпрягли нашу лошадь, вытерли ее насухо, напоили черезъ нѣсколько

времени, засыпали корму и, накрывъ попоной, поставили въ стойло.

Вскорѣ стали отовсюду собираться сосѣди, узнавшіе о нашемъ пріѣздѣ и пожелавшіе посмотрѣть и побесѣдовать съ проѣзжающими. Народу набралось много. Гости усѣлись во-кругъ ярко пылавшаго огня и весело болтали, забывая про непогоду, бушевавшую на дворѣ. Но я не могъ забыть нашей старушки и рассказалъ всѣмъ о встрѣчѣ съ нищенкой, почти выбившейся изъ силъ.

— Это навѣрное была Аннушка,—замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.—Да, она дѣйствительно проситъ милостыню. Да ничего еще, еслибы только для себя собирала, а то вѣдь она кормитъ и дочь свою, бездѣльницу.

— Вотъ что правда, то правда,—прибавилъ другой.—По настоящему, ей и подавать-то не слѣдовало бы.

Всѣ, очевидно, раздѣляли его мнѣніе.

— Какая разница!..—подумалъ я.—Здѣсь, среди этихъ довольныхъ людей, бѣдная уже не встрѣтила бы того радужнаго приѣма, какъ въ жалкой избушкѣ, и навѣрное въ ея головѣ не безъ основанія промелькнула бы мысль о коренномъ различіи между нею и моими собесѣдниками.

Такъ прошелъ вечеръ, и всѣ разошлись по домамъ.

Наступило утро. Но мятежь не только не утихла, а еще усилилась. Сквозь густой снѣгъ едва можно было различить церковь, расположенную на другомъ берегу ручья. Воскресная служба была отмѣнена, такъ какъ почти никто изъ прихожанъ къ ней не явился. Пришло лишь нѣсколько чело-вѣкъ на похороны маленькаго ребеночка. Печальный звонъ колоколовъ вмѣстѣ съ завываніемъ бури производилъ въ высшей степени зловѣщее впечатлѣніе.

Явившійся на отпѣваніе причетъ исполнилъ свои печальныя обязанности и тотчасъ же послѣ погребенія оставилъ церковь. Въ такую погоду каждый предпочиталъ оставаться дома.

Замерзшій широкой ручей, этотъ единственный путь отъ церкви до деревни, занесло такъ, что лошади, отвозившія церковный причетъ, а также нѣсколькихъ, участвовавшихъ въ похоронахъ, крестьянъ, буквально утопали въ снѣгу. Измученныя лошади едва могли справиться съ санями, опрокидывав-

шимися на сугробахъ, и тонули въ снѣгу, точно такъ же, какъ крестьяне, тщетно старавшіеся удержаться сзади на полозьяхъ.

Наступилъ понедѣльникъ, а мятель не унималась. Пришелъ и вторникъ, а погода стояла все та же. Тщетно ожидали мы переменъ. Трудно выразить, до чего намъ надоѣло это томительное ожиданіе на постояломъ дворѣ. Мы всячески старались убить время: пробовали было читать, но, въ сожалѣнію, не оказалось ни одной новой и сколько-нибудь интересной книги. Оставалось только ходить въ гости, рискуя утонуть въ глубокомъ снѣгу. Вездѣ, гдѣ только заходилъ разговоръ о нищенѣ, судьба которой не давала мнѣ покоя, я не слыхалъ ни одного слова состраданія къ несчастной женщинѣ—можетъ быть, именно вслѣдствіе ея бѣдности. Что же касается ея дочери, то на всѣ мои вопросы о ея положеніи я получалъ только беспощадные презрительные отвѣты: „Что дѣлается этой бездѣльницѣ!.. Мать кормить ее, собирая подаяніе во всякую погоду, чего же ей больше?..“ Я не могъ возразить этимъ людямъ, не будучи знакомъ съ дѣломъ, по все-таки горькое чувство разливалось у меня въ душѣ при такихъ рѣчахъ.

Во вторникъ послѣ полудня погода нѣсколько исправилась—снѣгъ пересталъ идти. Но рѣзкій, холодный вѣтеръ продолжалъ дуть попрежнему, взметая облака снѣжной пыли. Солнце по временамъ выглядывало изъ-за темныхъ, быстро несущихся по небу, облаковъ и на мгновеніе освѣщало мрачный пейзажъ.

Я успѣлъ покончить всѣ свои дѣла за эти нѣсколько дней. Намъ хотѣлось поскорѣе вернуться домой, несмотря на то, что одна мысль о предстоящей дорогѣ заставляла сжиматься наши сердца. Какъ бы то ни было, мы отправились, рассчитывая на то, что крестьяне окрестныхъ деревень наѣздятъ дорогу. Ожиданія наши однако не оправдались: всѣ были заняты около своихъ домовъ, амбаровъ, сараевъ. Нуждавшіеся въ топливѣ разбирали изъ-подъ снѣга заборы и плетни, вытаскивая изъ нихъ колья.

Въ этотъ день мы проѣхали только четверть предстоявшаго намъ пути и были очень рады, когда наконецъ къ ночи добрались до постоялаго двора. Хозяева немало удивлялись нашей рѣшимости ѣхать въ такое время. Съ самой субботы нието еще не проѣзжалъ по этой дорогѣ, кромѣ насъ.

Я спросилъ хозяевъ: не проходила ли здѣсь старая нищенка съ большимъ мѣшкомъ на спинѣ?

— Ахъ, это, должно быть, Анна. Что это вамъ вздумалось справляться о ней?

— А вотъ что: въ субботу мы встрѣтили ее чуть не замерзшей въ снѣжномъ сугробѣ. Мы довели ее до ближайшаго жилья. А тамъ не знаемъ, что съ ней случилось. Если она ушла оттуда въ такую погоду, то навѣрное замерзла гдѣ-нибудь на дорогѣ.

— Она-то замерзнетъ? Ну, врядъ ли, не таковская. Положимъ, мы ея не видали, но она привыкла ходить въ дурную погоду. Всего вѣрнѣе, что она преспокойно осталась у своихъ знакомыхъ.

Такъ говорилъ пожилой крестьянинъ, повидимому хозяинъ постоялаго двора.

— А если и умерла,—добавилъ его сынъ:—большой бѣды не будетъ: кому она нужна, не много ли чести жалѣть о важной нищенкѣ?

— Ну, ну, такъ нельзя говорить, всѣ равны передъ Богомъ; слѣдуетъ подумать, прежде чѣмъ говорить,—остаповилъ его отецъ.

Наступила ночь, и всѣ въ домѣ улеглись спать. Въ полночь мы были разбужены стукомъ въ дверь. Кто-то пріѣхалъ съ колокольчиками. Проѣзжіе вошли въ избу. Это были мясники, везшіе въ городъ на продажу нѣсколько тушъ скота. Ихъ тоже задержала въ дорогѣ на нѣсколько дней дурная погода. Но имъ такъ надоѣло это ожиданіе, что они наняли еще нѣсколько лошадей, распредѣлили между ними свой товаръ и снова пустились въ путь по снѣжной пустынѣ. Кромѣ нихъ, никто еще не проѣзжалъ по снѣжнымъ наносамъ, потому легко себѣ представить, до какой степени они устали и продрогли. Они просили затопить для нихъ печву, чтобы согрѣться.

— Не останавливались ли вы въ маленькой избушкѣ на краю дороги?—спросилъ я проѣзжихъ.

— Да, а что?..

— Не видѣли ли вы тамъ нищей старухи?..

— Вотъ странный человѣкъ: до сихъ поръ онъ не можетъ забыть о своей нищенкѣ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Кто это такая?—спросили мясники.

— Это одна старуха изъ нашихъ мѣсть. Она собирала милостыню по сосѣднымъ деревнямъ и теперь возвращается домой,—пояснилъ хозяинъ.

— Только-то!.. Неважная птица! Ну, мы на такихъ не обращаемъ вниманія. Намъ нуженъ крупный, откормленный скоть, а старухи... Богъ съ ними! Нѣтъ, мы ея не видали,—сказали мясники.

— Не проѣзжалъ никто по этой дорогѣ въ деревню послѣ мятели?—спросилъ одинъ изъ вновь пріѣзжихъ хозяина.

— Только одни сани.

— А, чортъ возьми! Но что бы тамъ ни было, а только я выѣду отсюда не раньше, какъ откроется ѣзда по дорогѣ, хотя бы намъ пришлось съѣсть всѣ 14 тушъ,—громко проговорилъ одинъ изъ нихъ.

Поворчавъ еще нѣкоторое время, они, наконецъ, успокоились и заснули.

На утро мы снова пустились въ путь. Не скрою, что мнѣ было очень приятно найти на дорогѣ слѣды, проложенные въ снѣгу наканунѣ мясниками. Правда, на открытыхъ мѣстахъ эти слѣды были почти совершенно замечены, но зато въ лѣсу они тянулись глубокой колеей, по обѣимъ сторонамъ которой поднимались высокіе снѣжные сугробы.

Лошадь могла идти только шагомъ. Я сидѣлъ, погруженный въ глубокое раздумье; о ѣздѣ рысью нельзя было и думать. Мой сынъ тоже молчалъ, очевидно, не желая мѣшать мнѣ. Наконецъ, онъ все-таки рѣшился заговорить.

— О чемъ ты такъ задумался?—спросилъ онъ.

— Я все думаю о бѣдной старушкѣ, которую мы встрѣтили на дорогѣ,—отвѣтилъ я.

— Я думаю, ты напрасно о ней безпокоишься. Вѣдь мы оставили ее въ хижинѣ; не могла же она уйти оттуда во время мятели.

Слова мальчика показались мнѣ настолько справедливыми, что мнѣ нечего было возразить на нихъ. Мы спокойно продолжали нашъ путь.

Скоро мы доѣхали до обширной равнины. Дорога или,

*

лучше сказать, слѣдъ, оставленный санями мясниковъ, кончался здѣсь—его совсѣмъ замело. Усердно погоняя нашу лошадь, мы добрались почти до середины поляны, когда я увидѣлъ въ сторонѣ снѣжный сугробъ, довольно высокій для такого ровнаго мѣста. Снѣгъ казался здѣсь утоптанннмъ: поверхность его была не ровная.

Я остановилъ лошадь, передалъ возжи мальчику и вышелъ изъ саней, чтобы осмотрѣть наносъ, возбудившій мое подозрѣніе.

На каждомъ шагу я проваливался въ глубокой снѣгъ. Но мнѣ все-таки удалось добраться до сугроба. Я сталъ разрывать ногами и черезъ нѣсколько мгновеній почувствовалъ что-то твердое. Это былъ мѣшокъ, наполненный хлѣбомъ—мѣшокъ старой нищенки! Не было никакого сомнѣнія, что она бросила его, борясь со смертью.

— Ахъ, Боже мой!...—вскрикнулъ мальчикъ, увидя мѣшокъ, торчащій изъ-подъ снѣга.

Онъ понялъ значеніе нашей находки. Мы инстинктивно чувствовали, что гдѣ-нибудь по близости должна была находиться также и обладательница мѣшка, — и, дѣйствительно, предчувствіе наше не замедлило оправдаться; когда я перетащилъ мѣшокъ на дорогу, то, послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ, я, наконецъ, отрылъ сначала старыя лохмотья, въ которыхъ была закутана нищенка, а потомъ и ее саму. Несчастная вся ооченѣла. Теперь снѣгъ уже не таялъ на ея мертвенномъ, холодномъ, какъ мраморъ, лицѣ, и оно было совсѣмъ сухое. Я отряхнулъ ее, насколько это было возможно, и понесъ въ сани. Лицо ея было такъ мирно, спокойно, такъ красиво... гораздо красивѣе, чѣмъ въ послѣдній разъ!.. Какъ будто старушка все еще благословляла насъ за наши заботы о ней, какъ будто хотѣла сказать: „спаси васъ, Господи, за вашу доброту; никогда и никто еще не былъ такъ ласковъ со мной, какъ вы. Вы слишкомъ милостивы ко мнѣ, вѣдь что я такое?.. развѣ я не знаю, какая между нами разница?“

Губы старушки какъ будто улыбались; мнѣ казалось, что онѣ шевелятся и что-то шепчуть, и что изодранные рукава ея платья опять трясутся и шумятъ. Мнѣ чудился ея тихій голосъ: „чего же жаловаться, какъ бы шептала она:—вѣдь мнѣ уже немного осталось до конца“...

— Да, теперь ужь очень немного осталось тебѣ до конца, — повторилъ я.

Мой мальчикъ повялъ меня; онъ еще не забылъ, къмъ произнесены были эти слова. Они и тогда произвели на него глубокое впечатлѣніе. Но въ эту минуту они поразили его еще сильнѣе, и онъ зарыдалъ. Онъ часто говорилъ о томъ, какъ тряслись рукава бѣдной старушки, и какъ звенѣли на нихъ ледяныя сосульки, когда она произнесла эти слова.

— Намъ придется вернуться въ деревню, — сказалъ я ему.

Мы молча повернули лошадь, положили въ сани старуху, ея мѣшокъ, и двинулись въ путь.

Такимъ образомъ мы во второй разъ посадили ее къ намъ въ сани; но какая разница!.. Тогда въ ея груди еще билось горячее человѣческое сердце, умѣвшее любить и страдать; теперь ея чувства умерли, страданія прекратились. Тогда она вполне сознавала свое безправное, всѣми презираемое положеніе и, какъ бы пророчески угадывая близкое будущее, желала, чтобы смерть скорѣе освободила ее изъ безпощадныхъ условій человѣческаго общества; теперь этотъ часъ освобожденія для нея наступилъ. Она кончила свою послѣднюю борьбу и цѣной страданій купила себѣ право на успокоеніе — то самое право, какое имѣютъ всѣ смертные на землѣ, не исключая и богачей. Можетъ быть, въ этомъ одномъ только и проявилась ея равноправность со всѣми прочими людьми.

Когда мы въ первый разъ встрѣтили несчастную женщину и приняли ее въ себѣ въ сани, въ ея груди еще билось любящее сердце матери, страдавшее за свою покинутую, всѣми оставленную дочь. Теперь это единственное сердце, любившее Санну, остыло; оно не могло больше любить. Никто больше не скажетъ: „Бѣдная Санна!“ Можетъ быть, это остановившееся теперь сердце билось любовью ко всѣмъ людямъ, но никто не отвѣчалъ тѣмъ же на его чувства.

Мы молчали всю дорогу. Когда мы подѣхали ко двору, гдѣ провели послѣднюю ночь, на встрѣчу намъ вышелъ хозайскій сынъ и спросилъ, почему мы вернулись.

— Мы кое-что нашли на дорогѣ, — отвѣтилъ я.

— Что такое? — спросилъ онъ и, подбѣжавъ въ сани, послѣшно приподнялъ полость.

Передъ нимъ было лицо покойной, холодное и суровое. Молодой крестьянинъ въ ужасѣ отшатнулся и прошепталъ:

— Боже мой! нищенка Анна!

Лицо старой нищенки казалось мнѣ чрезвычайно выразительнымъ, но могъ ли понять этотъ юноша то, что чувствуется сердцемъ и понимается недремлющей совѣстью? Я невольно припомнилъ ему сказанныя имъ слова.

— А еслибы она и умерла, такъ большой бѣды не было бы. Кому она нужна, кто пожалѣетъ о ней?..

Тяжкимъ укоромъ прозвучали ему эти слова, и онъ невольно вздрогнулъ.

— Я былъ очень жестокъ, говоря такъ,— тихо сказалъ онъ и, едва удерживая рыданія, пошелъ въ избу.

Вскорѣ оттуда вышелъ хозяинъ и всѣ остальные обитатели дома, а въ числѣ ихъ также и мясники.

— Значитъ, старая нищенка и въ самомъ дѣлѣ замерзла... Недаромъ вы такъ безпокоились о ней,—равнодушно сказала хозяйнѣ.

Прежде онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, относившимся съ нѣкоторымъ состраданіемъ къ бѣдной старушкѣ. „Нельзя быть жестокимъ“,—сказалъ онъ своему сыну. Теперь же, наоборотъ, онъ держалъ себя такъ, какъ будто то, что случилось, было самымъ обыденнымъ и естественнымъ явленіемъ. А между тѣмъ говорятъ, что онъ всю свою жизнь пользовался репутаціей добраго человѣка. Это вполнѣ возможно, но все-таки врядъ ли въ его душѣ когда-нибудь шевельнулось истинное чувство гуманности.

Мясники и сынъ хозяина стояли тутъ же возлѣ саней. Всѣ они молчали. Я взглянулъ на мясниковъ: у одного изъ нихъ на глазахъ были слезы, и его видъ заставилъ меня удержаться отъ упрека.

Мы отправились дальше въ деревню, откуда была покойная. Къ счастью, проѣзжіе крестьяне успѣли уже нѣсколько проторить дорогу, благодаря чему мы могли ѣхать рысью. Въ деревнѣ мы остановились съ тѣломъ умершей прямо передъ домомъ предсѣдателя общиннаго суда.

Выслушавъ насъ, онъ равнодушно сказалъ:

— Ну чтожъ, надо распорядиться, чтобы ее похоронили.

Вѣсть объ ужасной смерти нищей въ снѣгу, на дорогѣ, разнеслась по всей деревнѣ съ быстротой молніи. Повсюду, во всѣхъ домахъ, у каждаго воротъ только и говорили, что объ этомъ происшествіи. Дворъ предсѣдателя общиннаго суда наполнился женщинами, и каждая изъ нихъ спѣшила упомянуть покойную добрымъ словомъ. Вдругъ она сдѣлалась кроткой, смиренной, честной, трудолюбивой, бережливой; словомъ, не было достаточнаго количества хвалебныхъ эпитетовъ для выраженія къ ней сочувствія.

Такъ всегда случается въ жизни. Гдѣ были всѣ эти поздніе друзья и доброжелатели въ то время, когда бѣдная, больная, голодная и несогрѣтая человѣческой любовью женщина дѣйствительно нуждалась въ людскомъ участіи; отчего тогда никто изъ нихъ не взялъ ее къ себѣ, не позаботился накормить ее, обуть, одѣть?.. Отчего?..

И мнѣ казалось, что на лицѣ покойной застыла горькая, насмѣшливая улыбка въ отвѣтъ на всѣ эти лицемѣрные соболѣзнованія непрошенныхъ друзей...

— Теперь уже старая нищенка не нуждается ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ состраданіи,—сказалъ я собравшимся женщинамъ.—Но между вами осталась ея безпомощная, беззащитная дочь съ маленькимъ ребенкомъ. Позаботьтесь о ней, помогите ей и другимъ такимъ же бѣднымъ женщинамъ, если хотите исполнить послѣднюю волю умершей.

На обратномъ пути повсюду, гдѣ намъ приходилось останавливаться, мы слышали разговоры о смерти старой нищенки. Проѣзжіе передавали другъ другу эту новость съ такой радостью, съ такими сіяющими лицами, какъ будто со смертью несчастной они избавились отъ величайшаго бремени.

— Слава Богу, наконецъ-то избавились отъ нея,—услышалъ я въ одномъ мѣстѣ.

Я молча отвернулся и поспѣшилъ дальше.

Проѣзжая мимо хижины, гдѣ въ субботу ночевала старушка, мы рѣшили остановиться. Насъ встрѣтила хозяйка съ вопросомъ:

— Не видали ли вы въ деревнѣ нашей старухи?

— Нѣтъ, мы ее нашли на дорогѣ,—отвѣтилъ я.

— Нашли?.. какъ нашли? что это значить?—съ тревогой спросила она, какъ бы предчувствуя несчастье.

— Ну да, на дорогѣ...

— Что же, мертвую, значить?..

— Да. Она, по всей вѣроятности, выбилась изъ силъ и замерзла въ сугробѣ. Мы нашли ее и отвезли въ деревню.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—простонала, бессильно опустившись на скамью, глубоко потрясенная этимъ извѣстіемъ женщина.

Нельзя было не замѣтить, что ужасная судьба старой нищенки дѣйствительно поразила ее, и что это сочувствіе было не притворнымъ.

Вотъ эти люди искренно любили старую нищенку. Ни у кого изъ нихъ не вырвалось ни шутки, ни притворнаго состраданія по поводу смерти несчастной, никто не сказалъ: „наконецъ-то Богъ ее прибралъ!..“

— Когда она ушла отсюда?—спросилъ я.

— Мы этого и сами точно не знаемъ. Въ субботу она весь вечеръ говорила о своей дочери и о томъ, что ей необходимо быть въ воскресенье въ церкви, чтобы передать порученіе одной больной женщины ея мужу. Мы всячески старались уговорить ее остаться. Если даже мятель и утихнетъ, говорили мы, то все-таки невозможно будетъ пробраться по занесеннымъ дорогамъ. Какъ видите, въ избѣ-то у насъ и мѣста мало, да и холодно очень; а баня въ субботу была истоплена. Когда старуха увидала, что съ нами не сговоришь, такъ и притворилась, какъ будто соглашается съ нами; только просила, чтобы мы позволили ей переночевать въ теплой банѣ, жалуясь, что она очень продрогла. Отчего же бы и не позволить? Мы принесли ей туда сѣна—соломы-то у насъ нѣтъ. Уложили мы ее, все какъ слѣдуетъ. Только утромъ погода стала еще хуже. Такъ и мететь, зги не видно. Всѣ мы давно уже встали, принялись за работу. Что это, думаю, старухи нашей нѣтъ, неужели же она еще не встала? кажись, вѣдь рано просыпалась. Хоть я и молчала, а все вертѣлось на душѣ-то. Наконецъ, я и говорю мужу: что бы это такое могло быть со старухой, до сихъ поръ нѣтъ ея? Онъ сейчасъ же послалъ одного изъ ребятъ посмотрѣть, что тамъ съ ней дѣлается. Мальчикъ сбѣ-

галь въ баню да и говорить: вѣдь старухи-то тамъ нѣтъ. Тутъ только мы замѣтили, что и мѣшокъ съ хлѣбомъ исчезъ изъ избы—она вчера же взяла его съ собой въ баню. Тогда только мы поняли, что старуха обманывала насъ, соглашаясь съ нами, и что еще когда уходила вечеромъ въ баню, такъ задумала уйти потихоньку. Ужасно мы безпокоились о ней. Но, какъ нарочно, никто не проѣзжалъ здѣсь всѣ эти дни, и мы не могли получить о ней никакихъ извѣстій. Вотъ почему мы и обрадовались, когда увидѣли, что вы подъѣзжаете ко двору. И вдругъ—это ужасное извѣстіе!..

Дѣти, спокойно игравшія при нашемъ приходѣ, бросили свои игры и стали прислушиваться къ разговору. Изъ разсказа матери они поняли, что со старухой случилось что-то недоброе. Они обступили мать съ вопросами.

— Замерзла она на дорогѣ,—отвѣчала мать.

Я хотѣлъ, было, упрекнуть хозяйку въ томъ, что она отпустила старуху въ мятель, но изъ ея словъ убѣдился, что несчастный случай произошелъ не по ея винѣ. У старой нищенки были свои основательныя причины отправиться въ путь, не сообразуясь со своими силами. Во-первыхъ, она торопилась домой, чтобы успокоить тревожившуюся на ея счетъ Санну, а, во-вторыхъ, на ней лежала обязанность выполнить безотлагательно принятое порученіе. Вотъ почему она отправилась на встрѣчу смерти.

Немногимъ, какъ ей, удастся оставить жизнь съ такимъ глубокимъ чувствомъ безграничной материнской любви и беззаветной готовности исполнить свой долгъ.

СТАНСЫ.

Рѣдѣютъ пышныя аллеи,
Тусклѣетъ золото ракичь,
И съ каждымъ вечеромъ блѣднѣе
Закатъ задумчивый горитъ.
Въ саду однѣ сѣдыя ели
Зеленымъ строемъ тѣшатъ взглядъ;
И георгины облетѣли,
И липы сбросили нарядъ.
За днями дни чередой угрюмой
Плывутъ, и каждый новый день
Туманитъ новой черной думой
Небесъ нахмуренную сѣнь.
Ненастный дождь, какъ гость доувчный,
Стучится въ окна... Грустно мнѣ
Подъ этотъ ропотъ однозвучный
Мечтать о будущей веснѣ...

Но, осень хмурюю встрѣчая,
Тотъ чуждѣ глухой ея тоски,
Чье сердце бьется не смолкая,
Чьи зимы жизни далеки.
Пускай злобѣщій вѣтеръ стонетъ,
Пусть замираетъ все кругомъ
И съ грустью тайною хоронитъ
Мечты о счастья земномъ, —
Своею пѣсней сиротливой
Имъ все равно не омрачить
Стремленій юности счастливой,
Ея надеждъ не погасить...
Что ей природы увяданье,
Что слезы осени больной?
Она—вся трепеть, вся—желанье,
Вся дышетъ свѣтлою весной!..

Аполлонъ Коринфскій.

ВЪ ЧЕМЪ ЖЕ СЧАСТЬЕ?

I.

Въ одной изъ глухихъ петербургскихъ улицъ, въ небольшой меблированной комнатѣ, за круглымъ столомъ, на которомъ горѣла низенькая лампочка, сидѣла съ работой въ рукавахъ румяная, высокая, красивая молодая дѣвушка. Все обличало въ ней цвѣтущее здоровье: и пухлыя, алыя губы, и полныя руки съ красивыми ямочками въ изгибахъ пальцевъ, и нѣсколько густой румянецъ щекъ, и смуглый цвѣтъ лица, и живые, черные глаза, осѣненные очень длинными рѣсницами. Ея густые, черные, какъ смоль, волосы съ блестящимъ отливомъ, прихотливо вьющіяся на вискахъ, были небрежно зачесаны въ косу и, зашпиленные на макушкѣ, украшали голову на подобіе черной діадемы.

— Что вы такъ мрачно на меня посматриваете?—спросила молодая дѣвушка, улыбаясь и откусывая нитку у воротничка, который она строчила. Она бросила работу на столъ и, въ упоръ взглянувъ на сидѣвшаго въ углу собесѣдника, скрестила на груди руки, тщетно выжидая отвѣта.— Что же вы молчите, Алексѣй Осиповичъ? Право, вы все болѣе пугаете меня! У васъ такая фізіономія, точно собираетесь меня хоронить... А я такая здоровая! Такъ хочу жить! Да и возможно ли не любить жизнь, не желать жить? Всѣ люди, прибѣгающіе къ самоубійству, навѣрно помѣшанные...— говорила она съ какой-то еще дѣтской интонаціей въ голосѣ, съ каждымъ словомъ все болѣе оживляясь.— Лишаютъ себя жизни отъ сора и нищеты... Да вѣдь не вѣчно же горе! Пройдетъ же оно когда-нибудь! А нужда, лишенія, ну, съ

этимъ я, кажется, достаточно знакома! Будь я богата, какъ Крезъ, и бѣдна, какъ послѣдняя нищенка, мнѣ всегда было бы страшно подумать, какъ это вдругъ совсѣмъ, совсѣмъ потерять способность видѣть, слышать, двигаться, говорить... Какъ хотите,—это ужасно! Нѣтъ! я на себя не наложу рукъ! Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ! Жизнь,—да вѣдь это такая любопытная штука!

— Не скажу, чтобы очень любопытная!—какъ-то вяло отвѣтили, наконецъ, молодой человѣкъ,—борьба, вѣчная борьба, очень тяжелая и сложная.

— Вотъ въ этомъ-то и интересъ. Только машина можетъ выносить разъ заведенный порядокъ. А тутъ на каждомъ шагу сюрпризы... А, опять новое! Прекрасно! Какъ-то я изъ этого выпутаюсь, что изъ этого выйдетъ, а какъ на это посмотреть другіе? Всегда новый матеріалъ для мысли, для провѣрки себя, для знакомства съ людьми. Положимъ, я теряю учительское мѣсто,—хотя бы изъ-за того, что разоблачила злоупотребленія мѣстнаго писаря... Начинаю размысливать новое занятіе, являются различныя затрудненія... Конечно, все это очень тяжело, но тутъ есть и утѣшеніе—страдать за правду!

— Я не говорю о борьбѣ за существованіе: съ ней одной еще можно было бы справиться. Но вѣдь въ жизни не одна эта борьба! Иному, чтобы мало-мальски жить по совѣсти, приходится всю свою жизнь враждовать и съ своимъ семействомъ, и съ обществомъ. Бываютъ положенія и болѣе трагическія... Представьте себѣ человѣка, исполненіе самыхъ завѣтныхъ надеждъ котораго, самыхъ страстныхъ желаній противорѣчить чувству долга... Ну, Ольга,—добавилъ онъ полусуто, — вы все такъ легко рѣшаете, скажите-ка, какъ тутъ быть?

— Вы тоскуете, что нѣтъ общихъ правилъ на всѣ житейскія невзгоды?.. Вы, вѣрно, хотите, чтобы въ вашемъ распоряженіи была книга съ прописными истинами. Случилось что,—раскрой книгу, наполненную универсальными житейскими правилами, и примѣняй ихъ къ практикѣ. Гдѣ же дѣятельность для ума и чувства? Однако, я не дамъ вамъ вдаваться въ общія разсужденія, да еще имѣющія лишь самое отдаленное отношеніе къ дѣлу. Нѣтъ, сегодня вы отъ меня не такъ легко отдѣляетесь! Говорите прямо: что озна-

чають ваши слова? Меня особенно интересуетъ послѣдняя фраза. Сдается, что это одинъ изъ грустныхъ мотивовъ вашей личной жизни... Вы мнѣ это скажете теперь, сію минуту, или я съ вами... серьезно разсорюсь... Да право же это преобидно: когда у меня что-нибудь на душѣ, мысль въ головѣ какая-нибудь блеснетъ, я просто не могу дожидаться, когда вы придете, чтобы все поскорѣй сообщить вамъ... А вы?

— Ольга, вы упрекаете меня въ скрытности?

— И даже очень. Я знаю ваши убѣжденія, кое-что изъ вашей прошлой жизни, но изъ вашихъ словъ я не могла составить никакого представленія о вашемъ семействѣ, о вашихъ отношеніяхъ къ матери и сестрамъ, о вашихъ планахъ на будущее. Мало того: вы изо дня въ день худѣете, блѣднѣете, васъ снѣдаетъ какая-то тоска, можетъ быть, горе, и вы не обмолвитесь ни единымъ словечкомъ! Если вы не считаете меня достойной вашего довѣрія, если вы не смотрите на меня, какъ на вашего лучшаго друга... Да что угрозы! Можетъ быть, онѣ не имѣютъ для васъ никакого значенія! Вы поставили меня и мою семью на ноги... Не мѣшайте, дайте кончить... Вы слишкомъ много потратили своей жизни для всѣхъ насъ, чтобы мнѣ разсыпаться передъ вами въ благодарностяхъ. Можете успокоиться: съ этой стороны ничего не грозитъ вашей щепетильности. Я буду говорить совсѣмъ о другомъ. Я думала, что, кромѣ вашей самой задушевной симпатіи ко всѣмъ моимъ, я лично... кое-что значила для васъ... Но, можетъ быть... вы, какъ и четыре года тому назадъ, считаете меня дѣвочкой, съ которой нельзя говорить серьезно?

При этихъ словахъ молодой человѣкъ совсѣмъ растерялся, поблѣднѣлъ, вскочилъ со стула и сталъ быстро ходить.

— Замолчите, Ольга, не мучьте меня, пожалѣйте немного, погодите... недолго... Вы узнаете, что мое молчаніе о личныхъ дѣлахъ происходитъ вовсе не изъ недовѣрія къ вамъ. Я знаю вашу симпатію ко мнѣ, — что же напрасно заставлятъ васъ страдать... Я разскажу вамъ обо всемъ только тогда, когда это окажется необходимымъ... для васъ. — Онъ какъ-то нѣжно посмотрѣлъ на нее. — А теперь уже поздно... Давно пора по домомъ... Прощайте же, моя хорошая, — и онъ вдругъ горячо поцѣловалъ ея руку.

Переконфуженная неожиданнымъ финаломъ, молодая дѣвушка не могла выговорить ни слова; она только вскочила со стула и молча подала руку, когда онъ началъ прощаться.

II.

Радомцевы, мать и отецъ Ольги Николаевны, такъ звали молодую дѣвушку, принадлежали къ мелкой чиновничьей средѣ. Когда Екатеринѣ Ивановнѣ, матери Ольги, было лѣтъ 16, тетя-бѣлошвейка, у которой она жила послѣ смерти отца, поручила ей снести работу въ одинъ домъ, гдѣ ей сказали, что барыня больна и что она должна сдать работу барышнѣ. Когда передъ ней открыли двери барышниной комнаты, она совсѣмъ растерялась: и барышня-то ей показалась нарядно одѣтой, и обстановка очень богатой, между тѣмъ не было ни того, ни другого. Барышня была, хотя со вкусомъ, но очень просто одѣта, и комната со всѣмъ не поражала роскошью. Молодая дѣвушка встала при ея приходѣ, протянула ей руку и, разсматривая бѣлье, спросила, одна ли она занимается бѣлошвейной работой.

— Никакъ нѣтъ-съ... Тетенька скрывать, а я помогаю. — отвѣчала Катя въ совершенномъ смущеніи.

— Какіе у васъ славные, добрые глаза, — сказала ей вдругъ барышня и этимъ окончательно переконфузила дѣвушку. — Присядьте, пожалуйста... Да вы меня, Бога ради, не бойтесь.

Катя сѣла, не осмѣливаясь отказаться.

— Отчего же вы работаете у вашей тетюшки? У васъ матери нѣтъ?

— Маменька-съ давно померли... когда мнѣ еще былъ четвертый годокъ... Я съ той поры жила только съ папенькой... И папенька тоже померли-съ три года тому назадъ... Какъ я круглой сиротой осталась, такъ меня тетенька и взяли-съ.

— Кто же былъ вашъ отецъ?

— Почтамтскій чиновникъ-съ.

— Вы умѣете читать и писать, были въ шкولѣ?

— Папенька сами учили, но только по вечерамъ-съ... имъ времени не хватало... Я читать и писать научилась, нѣсколько

даже книгъ прочла... а какъ папенька померли-сь, я въ тетькѣ на тринадцатомъ году поступила, тутъ мое ученье и прикончилось: нужно работать-сь... Тетенька тоже бѣлошвейной работой живутъ-сь.

— Вы любите читать?

— Очень люблю-сь, только времени нѣтъ, развѣ иногда въ воскресенье вечеркомъ-сь... да и опять же состоянія не имѣемъ книгъ приобрѣтать-сь.

— Книгъ я вамъ дамъ... хоть сейчасъ. — И дѣвушка, подумавъ, сняла съ полки одну изъ книгъ. — Когда прочтете, придите перемѣнить.

Черезъ недѣлю Катя прибѣжала спросить барышню, не нужна ли ей книга, такъ какъ она не успѣла ее прочесть. Та просила ее держать, сколько ей нужно. Такимъ образомъ она прочла произведенія Лермонтова, Гоголя, Пушкина и нѣсколько переводныхъ иностранныхъ романовъ. На этомъ прекратилось все ея образованіе и развитіе. Заваленная работой и послылками, Катя могла читать лишь очень рѣдко и въ подобному чтенію была совсѣмъ не подготовлена. Хотя при чтеніи она и напрягала свое вниманіе до того, что жилы выступали на вискахъ, но даже самую фэбулу понимала едва на половину. Тѣмъ не менѣе, чтеніе и знакомство съ образованной дѣвушкой, съ настоящей барышней, какъ она ее называла, сильно повліяло на весь складъ ея кроткаго, вдумчиваго характера. Ей удавалось встрѣчать у новой знакомой „все такихъ же хорошихъ барышень“. Ее поразило прежде всего то, что всѣ онѣ такъ рѣзко отличались отъ ея подругъ и знакомыхъ дѣвицъ, которыя тоже считали себя барышнями, но держали себя совсѣмъ иначе. Никто изъ „настоящихъ барышень“ не врывался, не манерничалъ, не закатывалъ глазъ, не жеманился, не хвасталъ женихами и ухаживаніями. Рассказывая объ этомъ знакомствѣ уже гораздо позже своимъ дочерямъ, она вспоминала о немъ, какъ о величайшемъ событіи своей жизни и никогда безъ слезъ не могла говорить, какъ просто всѣ онѣ обращались съ ней, какъ разъ онѣ даже уговорили ее отправиться съ ними въ театръ, увѣривъ ее, что у нихъ въ ложѣ осталось свободное мѣсто. — „А отчего эта простота, хорошія манеры, умный разговоръ?“ разсуждала она. „Образованіе, всему при-

чиной образованіе! У нашего брата какое мечтанье? Женихъ! Одна хвастаетъ, что женихъ общаетъ ей кухарку нанять, другая, что онъ ей духовъ подарилъ... И очень часто все это навреть, а другія потомъ этимъ же и корятъ ее. Мать съ отцомъ попрекають дочь, что жениха богатаго не сумѣла удержать, а подруги въ глаза кричатъ, когда она съ работы идетъ: „чего узлы сама таскаешь, прислугу бы нарузила!“ И такъ кругомъ укору, дразги, да пересуды“.

Какъ ни недостаточно было чтеніе, какъ ни поверхностно было знакомство съ образованными дѣвушками, все-таки что-то съ тѣхъ поръ нашептывало Катѣ, что есть другой міръ, несравненно болѣе обаятельный, чѣмъ тотъ, который она знала до сихъ поръ.

Однажды, когда ей уже исполнилось 17 лѣтъ, тетка объявила ей, что завтра онѣ отправятся на именинный пирогъ, что сама она и не пошла бы, но Катя такъ засидѣлась дома, что она непременно поведетъ ее въ гости. На именинахъ у знакомыхъ Катя встрѣтилась съ Николаемъ Петровичемъ Радомцевымъ, которому она понравилась съ перваго раза. Поразспросивъ о ней у хозяйки, онъ узналъ, что Катя круглая сирота. Имѣтъ жену изъ небольшой семьи, которая не объѣдала бы его на кофейхъ и чайхъ, не совала бы своего носа въ его семейныя дѣла, всегда входило въ его планы. „Конечно, хорошо было бы взять невѣсту съ нѣкоторымъ состояніемъ, особу, примѣрно, съ тремя-четырьмя сотнями рубликовъ приданаго... Ну да и то сказать, не даромъ пословица говоритъ: „и черезъ золото слезы льются!“ Къ тому же, и откуда ее взять богатую? Дожилъ до сорока лѣтъ, а куда ни оглянись,—вездѣ голь перекатная, да туда же еще лѣзетъ барыню разыгрывать, форсу задавать. Эта же по крайности сирота, всего натерпѣлась въ жизни,—значить и работы не побоятся, и нуждѣ-горю не удивится“. Не откладывая своего намѣренія въ долгій ящикъ, онъ уже черезъ нѣсколько дней далъ знать Катиной теткѣ, что желаетъ выразить свое уваженіе почтенной старушкѣ. Та поняла тотчасъ причину этого желанія, съ своей стороны тоже навела справки и, искренно любя племянницу, молила Бога, чтобы все устроилось ко взаимному удовольствію.

Въ назначенный день и часъ явился Николай Петровичъ и, нѣсколько минутъ поговоривъ о совершенно ненужныхъ предметахъ, безъ обиняковъ свелъ разговоръ на сватовство. Когда въ его предложеніи уже нечего было сомнѣваться, тетка, не отвѣчая прямо на вопросъ, схватила за руку тутъ же сидѣвшую Катю и энергично потащила ее къ образу. Слезы въ три ручья катились по лицу старухи; она упала на колѣни и торжественно произнесла:—Молись, молись... проси у Бога счастья!—Изумленная Катя послушно стала на колѣни возлѣ нея, къ нимъ присоединился и Николай Петровичъ. Когда всѣ помолились, тетка сняла образъ въ серебряной ризѣ и благословила имъ жениха и невѣсту.

Это былъ день сюрпризовъ не только для Кати, но и для Николая Петровича. Когда, послѣ взаимныхъ поздравленій, всѣ сѣли за столъ, тетка объявила, что хотя Николай Петровичъ, какъ всѣмъ извѣстно, и завидный женихъ, и люди побогаче съ радостью отдали бы за него свою дочь, но что и она, Катя, не совсѣмъ безприданница. Ея отецъ скопилъ для нея по копѣечкамъ 100 рублей серебромъ, изъ которыхъ она половину истратила въ разное время на ея одежду: „вѣдь за четыре года не мало на нее пошло!“ но за то остальные она сохранила въ неприкосновенности и передастъ ихъ ему съ рукъ на руки тотчасъ послѣ брака, подвѣчное же платье сошьетъ ей на свои кровныя деньги. Къ тому же, у Кати отъ матери тоже осталось кое-что: на это существуетъ и реестръ, написанный рукой ея отца, который она тотчасъ и вытащила изъ большого сундува. Трубить объ этомъ, какъ выразилась старуха, она не хотѣла: охотники на такую невѣсту всегда найдутся, да если бы кто изъ корысти женился, могла ли бы Катя рассчитывать на счастье. Къ тому же у Кати, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать каждый знающій ее, золотыя руки и ангельскій характеръ: работать она можетъ съ утра до ночи, ниѣогда ни на что не пожалуется, понятлива на всякое дѣло, держать себя всегда скромно и прилично, мужа и въ высокой должности краснѣть не заставитъ. Развѣ когда призадумается, да въ ошошечью часокъ другой зазѣвается, — вѣдь тоже молода, пойти куда — некогда, да и сама она совсѣмъ не рвется по чужимъ людямъ пу-

таться.... Такъ вотъ эдакъ сядетъ она, моя голубушка, вечеромъ у окошечка, на подоконникъ обловетится, сама смотритъ, а слёзы-то изъ глазъ такъ и текутъ, такъ и текутъ... Ну, думаю, пусть поплачетъ, вѣдь это она сиротство свое оплакиваетъ... Анъ вонъ и выплакала: Господь Богъ сиротскими слезами тронулся и настоящаго женишва послалъ.

Николай Петровичъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ всего слышаннаго, — къ тому же Катя и сама по себѣ ему нравилась, что онъ въ сердечномъ умиленіи нѣсколько разъ поцѣловалъ ручку тетенькѣ, не иначе называя ее съ этой минуты, какъ почтеннѣйшей женщиной. И дѣйствительно, хотя онъ мечталъ о приданомъ въ 300—400 рублей, но очень хорошо видѣлъ, что это мечты совсѣмъ несбыточныя. Святаясь къ Катѣ, онъ думалъ, что ему придется отложить свадьбу по крайней мѣрѣ на полгода, чтобы копить на ея экипировку по три, по четыре рубля въ мѣсяцъ. И вдругъ такое неожиданное счастье!.. Онъ, какъ человекъ вполне прямой, высказалъ это откровенно и тутъ же прибавилъ, что Богъ наградилъ его за безкорыстіе.

Кажется, все случилось ко взаимному удовольствію, но Катя, чтобы заглушить какой-то непонятный для нея самой ропотъ сердца, поминутно повторяла себѣ, что Николай Петровичъ завидный женихъ, а между тѣмъ слезы, не переставая, лились вплоть до самаго брака. „Плакса я, вотъ что!“ говорила она сама себѣ каждую минуту, не будучи въ состояніи подыскать и мотивировать хотя бы для себя причину своей грусти.

Послѣ брака множество новыхъ обязанностей оставляли мало свободнаго времени для слезъ, но Катя какъ-то еще болѣе замкнулась въ себѣ, работала съ утра до поздней ночи, никуда не ходила въ гости, всѣ свои обязанности и требованія мужа исполняла безпрекословно. Но вотъ черезъ три года супружеской жизни у нея родилась дочь, и она дала себѣ слово, что ея дѣвочка получитъ образованіе, пойдетъ не по той дорогѣ, по которой пришлось идти ей и ея мужу. Когда Ольгѣ минуло семь лѣтъ, она объѣгала весь Петербургъ, собирая свѣдѣнія о своей прежней знакомой барышнѣ, которая должна была ее научить, что ей дѣлать съ ребенкомъ. Въ поискахъ прошелъ почти цѣлый годъ, пока она узнала фамилію ея бывшей знакомой, которая теперь была уже замужемъ и

имѣла своихъ дѣтей. Та посовѣтовала отдать дѣвочку въ элементарную школу своей сестры. Въ 10 лѣтъ Ольга была опредѣлена въ гимназію на казенный счетъ и обратила на себя такое вниманіе своими успѣхами, что ея вторая сестра, Маша, моложе ея четырьмя годами, тоже была принята на казенный счетъ и уже безъ всякихъ хлопотъ со стороны знакомой Екатерины Ивановны.

Трудно представить, какія чудеса энергіи и экономіи выказала въ это время Екатерина Ивановна. Хотя жалованье Николая Петровича уже нѣсколько лѣтъ съ 35 рублей было повышено до 50, но и съ этими деньгами вся его семья могла существовать лишь впроголодь. Съ прибавленіемъ семейства пришлось и квартиру нанять побольше, къ тому же для гимназіи нужно было и дѣтей одѣть поприличнѣе. Екатерина Ивановна не только попрежнему не имѣла прислуги, но ей приходилось теперь прихватывать швейную работу на сторонѣ и выполнять ее уже по ночамъ. Но что это было въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, которое она испытывала при мысли, что дочки ея будутъ образованными дѣвушками!

Вдругъ неожиданно-негаданно надъ семьей разразился страшный ударъ: Николай Петровичъ скоропостижно умеръ, и Екатерина Ивановна на силу удалось выхлопотать послѣ него половинную пенсію. Похоронивъ мужа, она задумала перебраться съ дѣтьми въ какой-нибудь уголь, но когда она объявила объ этомъ домовладѣльцу, тотъ посовѣтовалъ ей взять жильца, тѣмъ болѣе, что въ этомъ домѣ одинъ студентъ искалъ квартиры. Екатерина Ивановна отправилась къ нему съ предложеніемъ осмотрѣть комнату мужа; помещеніе было обривизовано, понравилось, условились въ цѣнѣ, и Радомцевы остались на прежней квартирѣ.

III.

Новый жилецъ Радомцевыхъ, Алексѣй Осиповичъ Никитинъ, 25-лѣтній молодой человѣкъ, кончавшій тогда курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, своей наружностью не представлялъ ничего особенно выдающагося. Это былъ высокій,

*

худощавый, чуть-чуть сутуловатый человѣкъ съ жилистыми руками, съ нѣсколько угловатыми движеніями, съ маленькой, клинообразной бородкой. Передняя прядь его мягкихъ, волнистыхъ, каштановыхъ волосъ при всякомъ движеніи спадала на высокій лобъ, что постоянно заставляло молодого человѣка какъ-то конфузливо отбрасывать ее назадъ. Совершенное противорѣчіе этому, не то нервному, не то застѣнчивому движенію представляли его сѣрые, покойные глаза, глядѣвшіе на каждаго присутствующаго какъ-то особенно внимательно, и упорно. Не только въ его пристальномъ взглядѣ, но въ его сдержанности, въ отсутствіи въ немъ какой бы то ни было самонадѣянности и ходульности, въ его блѣдныхъ, тонкихъ, крѣпко-сжатыхъ, рѣдко улыбавшихся губахъ сказывалась упорная воля и самообладаніе. Люди, мало его знавшіе и встрѣчавшіе въ веселой компаніи, обыкновенно, удивлялись, какимъ образомъ онъ, несмотря на свою молчаливость, на серьезное выраженіе лица, на полное отсутствіе шутовности, никогда никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, не смущалъ самой безпардонной болтовни, шума и веселья кружка, а какъ будто еще болѣе подзадоривалъ его къ дружескимъ изліяніямъ.

— Да выпей ты, Алексѣй! Ахъ, аспидъ какой!—кричалъ ему кто-нибудь изъ подгулявшихъ товарищей, подливая пива.

— Что же мнѣ дѣлать!.. Не могу!—какъ-то робко оправдывался онъ, и лицо его принимало въ эту минуту выраженіе искренняго сожалѣнія.

Онъ одной рукой суетливо хватался за стаканъ и торопливо отпивалъ глотокъ, другой—откидывалъ волосы назадъ.

Тихій, скромный, совсѣмъ не требовательный жилецъ съ перваго же знакомства понравился Екатеринѣ Ивановнѣ. Но первое время онъ держался особнякомъ, и лишь въ концѣ мѣсяца, при взносѣ платы за квартиру, вошелъ въ ея комнату и, вручая ей деньги, началъ благодарить ее за хлопоты. Онъ заявилъ, между прочимъ, что считаетъ себя у нея въ долгу, такъ какъ она, Екатерина Ивановна, приготовляетъ для него за ничтожную плату слишкомъ хорошей столъ. Онъ тутъ же прибавилъ, что ему чрезвычайно скучно весь день сидѣть

одному въ своей комнатѣ и просилъ дозволенія съ этихъ поръ обѣдать вмѣстѣ съ ея семействомъ. Екатерина Ивановна была польщена его словами и немедленно съ благодарностію приняла его предложеніе, но тотчасъ стала упрекать себя за свою поспѣшность. Онѣ живутъ такъ просто, скатерть накрыть не всегда приходится, къ тому же она необразованная, дѣвочки будутъ его дичиться, и какими такими разговорами могутъ онѣ занимать его. Но дѣло сдѣлано, и уже поздно идти на попятный дворъ.

Никитинъ теперь только въ первый разъ познакомился съ ея дочерьми, изъ которыхъ Ольгѣ было 16, а Машѣ 12 лѣтъ. Онъ началъ разспрашивать ихъ о занятіяхъ, учителяхъ, предложилъ по окончаніи обѣда нѣсколько книгъ для чтенія, тутъ же записалъ, что, по его соображенію, требовалось прочесть той и другой, и обѣщалъ все это доставить имъ на-дняхъ. Екатерина Ивановна тотчасъ сообразила, какую пользу онъ можетъ принести ея дѣвочкамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ, къ ея удивленію, нисколько не дичились его и, судя по выраженію его лица, производили на него благопріятное впечатлѣніе. Да и то сказать, не даромъ же Ольга первая ученица и на самомъ лучшемъ счету въ гимназій. Убирая со стола и чутко прислушиваясь къ ихъ разговору, Екатерина Ивановна, наконецъ, была растрогана до слезъ.

— Батюшка, Алексѣй Осиповичъ!—заговорила она, оставившись передъ нимъ и утирая концомъ передника градомъ катившіяся слезы.—Матерь Божія услышала мои молитвы, послала мнѣ руководителя моимъ дѣвочкамъ. Не оставьте ихъ своими учеными совѣтами: бродятъ онѣ у меня, бѣдняжечки, какъ въ лѣсу... Всего приходится имъ самимъ добиваться, некому имъ совѣтъ умный подать... Вѣдь я совѣтъ неученая женщина... Не оставьте ихъ и напредки!

Ольгѣ не понравились простыя слова матери,—она вспыхнула и отвернулась. Переконфуженный Никитинъ, путаясь, началъ увѣрять, что, напротивъ, онъ обязанъ ей... Онъ чувствуетъ себя въ ея семьѣ менѣе одинокимъ... Къ тому же всѣ эти совѣты такъ дешево стоятъ,—кто же скупится на нихъ.

Екатерина Ивановна скоро искренно привязалась къ новому жильцу и полюбила его, какъ родного сына. Не только

она, но и дѣвочки перестали на него смотрѣть, какъ на чужого. Когда онѣ возвращались изъ гимназіи, Никитинъ серьезно вникалъ въ ихъ занятія, объясняя имъ все, чего онѣ не понимали, и, наконецъ, поставилъ себя относительно ихъ такъ, что онѣ бѣжали къ нему, какъ къ родному брату, за рѣшеніемъ всѣхъ своихъ недоразумѣній. Но за что Екатерина Ивановна чувствовала особенную признательность въ Алексѣю Осиповичу, о чемъ безъ слезъ никогда не могла говорить и впоследствии, состояло въ слѣдующемъ: проживъ съ полгода у Радомцевыхъ, Никитинъ вдругъ началъ уговаривать Екатерину Ивановну нанять прислугу, ссылаясь на то, что это ему теперь особенно необходимо, и потому жалованье ей долженъ уплачивать онъ, а не она. Необходимость держать прислугу онъ доказывалъ самымъ неопровержимымъ образомъ: это ему нужно было для бѣлья, отдавая которое на сторону, онъ переплачиваетъ вдвое, нужно чинить это бѣлье, чистить одежду, исполнять множество порученій. Но все это была, по словамъ Екатерины Ивановны, „лишь деликатная и благородная хитрость“. Какъ только у Радомцевой поуменьшилось работы, Никитинъ сталъ говорить о томъ, что ей можно приступить теперь къ ученю, и что въ какой-нибудь годъ она можетъ подготовиться къ экзамену на народную учительницу, а затѣмъ получить возможность занять мѣсто въ народной школѣ.

„Какъ, ей, женщинѣ въ 37 лѣтъ, начать теперь науками заниматься, держать экзамены, когда она не училась ни въ какомъ заведеніи? Она можетъ быть учительницей, она будетъ въ состояніи своей головой на старости лѣтъ заработать кусокъ хлѣба? Нѣтъ! Это невозможно!“

— Батюшка, родной, что съ вами, да, кажется, горѣ-то легче сдвинуться съ мѣста!..

Но Никитинъ не далъ ей долго разсуждать на эту тему, а тутъ же порылся у себя на полкахъ, досталъ какую-то популярную книгу по исторіи, просилъ ее прочитать указанную главу и рассказать ему вечеромъ, когда онъ возвратится съ урока.

— Видите ли... вѣдь можете, же — сказалъ онъ ей, когда она, краснѣя и путаясь, какъ институтка, отвѣтила заданный урокъ. — Отчего же вамъ и не попробовать? Въ годъ навѣрно успѣете...

— Да развѣ это возможно, Алексѣй Осиповичъ!—говорила она, качая головой. — Подумайте сами, жизнь-то моя какава была: горшки да тряпки!.. Какъ же умъ-то этотъ теперь собрать на такое важное дѣло! Да и то сказать, чѣмъ я могу заслужить такое счастье!

— Полноте, Екатерина Ивановна,—перебилъ ее Никитинъ,—вотъ у меня теперь полчаса свободного времени осталось, возьмите-ка карандашъ да бумагу и попробуемъ арифметику. Ольга, дайте вашъ задачникъ, да и сами присядьте къ намъ. Я начну, а вы будете продолжать. Завтра покажете мнѣ, какъ у васъ дѣло шло.

И такъ начала Ольга заниматься съ матерью подъ непосредственнымъ руководствомъ Алексѣя Осиповича. 37-лѣтняя ученица съ трогательнымъ благоговѣніемъ, съ необыкновеннымъ рвеніемъ и усидчивостью относилась къ занятіямъ. Она вставала чуть свѣтъ, бѣжала въ рынокъ, сдавала провизію на руки кухаркѣ, надѣвала чистое платье, прежде, чѣмъ приступить къ книгѣ, каждый разъ становилась передъ образомъ на колѣни, умоляя Господа отереть ей премудрость, и садилась повторять урокъ, накануне объясненный дочерью или Никитинымъ. Черезъ годъ съ небольшимъ она сдала экзаменъ на народную учительницу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого получила мѣсто сельской учительницы въ окрестностяхъ Петербурга. Ольга въ это время уже покончила съ гимназіей и перешла на педагогическіе курсы.

Всѣ эти событія въ одно и то же время несказанно радовали и огорчали Екатерину Ивановну: она получила теперь возможность самостоятельно заработать кусокъ хлѣба, но, къ ея великому прискорбію, семья распадалась. Ее ужасала разлука съ дочерьми и съ Никитинымъ. Ей было также безконечно тяжело покончить съ жизнью совмѣстнаго обученія и развитія, съ жизнью чисто школьной, которая ей выпала на долю такъ поздно, но которая такъ припала ей по душѣ.

Вотъ, наконецъ, она спѣшитъ къ своимъ домашнимъ съ счастливою вѣстью: всѣ формальности, связанныя со вступленіемъ ея на службу, окончены, и она должна начать занятія въ предназначенной ей школѣ уже черезъ недѣлю. „Что-то будетъ съ Машей, которая остается теперь исключительно

на рукахъ Ольги?“ думала Екатерина Ивановна. Разсѣянная дѣвочка требовала за собой серьезнаго присмотра. „Это не то, что Ольга!“ И Екатерина Ивановна представила себѣ свою Машу за книгой: она дѣлаетъ усилія читать, вникать въ смыслъ прочитаннаго, но вотъ подняла свои большіе, синіе глаза къ окошку, задумалась и вдругъ чистымъ, яснымъ голоскомъ затинула: „Да исправится, молитва моя!“ „Какъ же будетъ она теперь? Развѣ Алексѣй можетъ оставить безъ вниманія ея дѣтей! Онъ всегда устроитъ такъ, чтобы быть имъ полезнымъ. Вчера, когда она высказала ему свои опасенія на счетъ Маши, свой страхъ, что ей едва ли удастся такъ же, какъ и Ольгѣ, добывать въ будущемъ хлѣбъ своимъ трудомъ, онъ и тутъ сумѣлъ ее успокоить.— „Погодите, можетъ быть, Маша артисткой будетъ. Сестра моего товарища опытная учительница пѣнія. Я съ ней уже познакомился, и она обѣщала мнѣ со временемъ попробовать голосъ Маши и, если онъ окажется заслуживающимъ обработки, давать ей уроки даромъ“.—Господи! Она не сумѣла даже его поблагодарить! Она убѣжала только въ уголь поплакать! И вдругъ Екатерина Ивановна вспомнила, какъ на дняхъ пиновала у нея молодежь: два, три товарища Алексѣя, нѣсколько подругъ старшей дочери. „Что за славный народъ! Какъ весело смотрѣть на нихъ, когда они шутятъ, спорятъ между собой! Она далеко не все понимаетъ, о чемъ они разговариваютъ. Что же дѣлать! Но какая польза дѣвочкамъ, какое для нихъ развлеченіе! Ольга рассказала имъ, что ея мама великолѣпно жарить алады. Всѣ попросили ее угостить ихъ! Хорошо, что они захотѣли того, что она можетъ сдѣлать! Безъ Алексѣя дѣвочки не сумѣли бы собрать около себя кружокъ такихъ милыхъ людей! Но чѣмъ же, наконецъ, она можетъ заплатить ему за все?“

— Мѣсто за вами? Да, да?—спрашивалъ Никитинъ Екатерину Ивановну, отворяя ей дверь.

— Алексѣй! Я всѣмъ обязана вамъ!—бросилась она въ его объятія.

IV.

Ольга заняла съ сестрой меблированную комнату, Никитинъ поселился по близости. Онъ уже покончилъ съ университетомъ, но не получилъ еще мѣста и пока жилъ попрежнему частными уроками. Молодые люди условились вмѣстѣ обѣдать и проводить свободные вечера. Екатерина Ивановна получила мѣсто въ 20 верстахъ отъ Петербурга, но каждую субботу аккуратно являлась въ дочерямъ, куда приходилъ и Никитинъ, и какъ этотъ, такъ и слѣдующій вечеръ они проводили вмѣстѣ, какъ и въ былое время.

Странное дѣло: не смотря на то, что семья Радомцевыхъ болѣе двухъ лѣтъ прожила въ самыхъ родственныхъ, близкихъ отношеніяхъ съ Никитинымъ, она очень мало знала этого съ виду чрезвычайно простаго, обязательнаго и добраго человѣка. Никитинъ искренно высказывалъ свои убѣжденія и мнѣнія, какъ обо всемъ прочитанномъ, такъ и о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, лишь о себѣ лично онъ почти ничего не говорилъ. Но изъ своего прошлаго онъ не дѣлалъ тайны.

Алексѣй Осиповичъ былъ сынъ бѣднаго крестьянина-земледѣльца въ одной изъ захолустныхъ деревень жалкой С—кой губерніи. Только годъ тому назадъ умеръ его отецъ, а мать и старшая сестра до сихъ поръ занимались крестьянской работой. Семья его еще недавно считалась очень бѣдной, даже съ деревенской точки зрѣнія, и только теперь, получивъ порядочныя занятія, онъ могъ помогать своимъ роднымъ. Его младшая сестра Лиза, дѣвочка 14-ти лѣтъ, по особому ходатайству принята въ народную школу. Онъ самъ въ дѣтствѣ былъ отданъ въ такую же школу, гдѣ народный учитель обратилъ на него вниманіе и отрекомендовалъ его сыну бывшаго помѣщика его отца, Венелину. Это былъ человѣкъ 26—27 лѣтъ, за два года передъ этимъ получившій въ наслѣдство, въ полуверстѣ отъ родной деревни Никитина, огромное имѣніе своихъ родителей и взявшійся за управленіе имъ со всѣмъ пыломъ и страстью честнаго молодого человѣка, весьма образованнаго, искренно, всей душой сочувствовавшаго лучшимъ стремленіямъ того времени. За-

мѣтивъ способности мальчика, онъ выписалъ ему для чтенія нѣсколько подходящихъ книгъ и журналовъ, отъ времени до времени болталъ съ нимъ и, наконецъ, лѣтомъ, когда школьныя занятія окончились, онъ самъ началъ заниматься съ нимъ очень серьезно. Осенью онъ взялъ Никитина съ собой въ Петербургъ и отдалъ его въ гимназію. Но такъ какъ по нѣкоторымъ предметамъ мальчикъ не былъ подготовленъ даже къ первому классу и былъ принятъ лишь въ виду его исключительнаго положенія, то Венелинъ устроилъ его у одного своего знакомаго студента. Въ годъ, хотя съ большимъ трудомъ, Никитинъ догналъ въ занятіяхъ школьныхъ товарищей, а весной получилъ письмо отъ Венелина, въ которомъ тотъ требовалъ, чтобы мальчикъ, по окончаніи экзаменовъ, немедленно пріѣхалъ на все лѣто въ деревню.

„Меня не удивило это извѣстіе,—такъ рассказывалъ Никитинъ:—оно было для меня лишь подтвержденіемъ необыкновенной доброты моего патрона и его безконечныхъ милостей ко мнѣ. Тутъ, конечно, думалъ я, прежде всего была забота о моемъ здоровьѣ, затѣмъ желаніе расширить кругъ моихъ знаній. Отъ природы я не былъ ни тщеславнымъ, ни честолюбивымъ, тѣмъ не менѣе уже рисовалъ въ воображеніи свое лѣтнее времяпрепровожденіе, уже мысленно выбиралъ для своихъ занятій и жизни комнату въ домѣ своего благодѣтеля, представлялъ, какъ каждый изъ моихъ деревенскихъ сверстниковъ отнесется ко мнѣ, что скажетъ въ виду совершенно измѣнившагося моего положенія. Моему характеру была чужда заносчивость, но я все-таки воображалъ себя уже добродѣтельнѣйшимъ помѣщикомъ, чѣмъ-то въ родѣ Венелина въ миниатюрѣ: я мысленно раздавалъ своимъ деревенскимъ сверстникамъ запрятанные въ карманы куски сахара и булокъ, товарищески просто рассказывалъ имъ диковинки, вычитанныя изъ книгъ и видѣнныя въ столицѣ. Но каково было мое удивленіе, когда въ первую же минуту моей встрѣчи съ Венелинымъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ, какъ и въ прошломъ году, въ продолженіе всего лѣта жить одной жизнью съ моими родителями, т.-е. работать на ряду съ ними, жить съ ними въ одной избѣ, чутъ свѣтъ вставать на работу, ѣсть со всѣми за однимъ столомъ. И только самое

усердное выполненіе въ продолженіе всего лѣта всѣхъ деревенскихъ обязанностей, добавлялъ онъ, дать ему возможность осенью снова опредѣлить меня въ гимназію“.

Девятимѣсячное пребываніе въ столицѣ не успѣло еще разобщить съ деревенской жизнью, убить навыкъ и сметку въ деревенскому труду въ 13-лѣтнемъ мальчикѣ, который выполнялъ въ деревнѣ почти всѣ работы на ряду со взрослыми работниками. Онъ не страдалъ отъ тяжести труда, но его самолюбію былъ нанесенъ неожиданный ударъ, и Никитинъ не только никогда не заходилъ къ Венелину, но употреблялъ всѣ усилія, чтобы не встрѣтиться съ нимъ какъ-нибудь съ глазу на глазъ. Въ первыхъ числахъ августа мальчика позвали въ нему.

— Ты отчего же по праздникамъ не приходилъ ко мнѣ брать книгъ для чтенія?

— Не посмѣлъ... Не зналъ, что это для меня возможно...

— Не то, не то...—возразилъ Венелинъ,—ты былъ золъ на меня, что я не далъ тебѣ возможности задрать носъ и задавать форсу передъ родителями и сверстниками. Ты не глупый мальчикъ и могъ бы понять, что чтеніе въ праздничное время не отвлекаетъ отъ крестьянскихъ работъ, а я только этого и хотѣлъ. Видишь ли: я желаю, чтобы ты оставался мужикомъ теперь хотя потому, что я этого хочу, а затѣмъ я употреблю всѣ усилія, чтобы ты этого самъ захотѣлъ. Если я увижу, что я не могу добиться этого, я перестану съ тобой возиться. Ежегодная работа лѣтомъ въ деревнѣ, наравнѣ съ остальными крестьянами, не должна вредить твоимъ гимназическимъ занятіямъ. А если тебѣ изъ-за этого и пришлось бы зимой поработать больше другихъ, тѣмъ лучше для тебя. Теперь ты будешь жить въ Петербургѣ самостоятельно, получая отъ меня ежемѣсячную стипендію въ 15 рублей, кромѣ платы за ученье, но я немедленно лишу тебя своей помощи, если только ты хотя одно лѣто не приѣдешь сюда или вздумаешь перейти на барское положеніе.

Возвратившись въ гимназію, Никитинъ началъ съ трудомъ пробиваться на маленькую стипендію, далеко не имѣя возможности тратить и всю ее на свое содержаніе: книги и одежда отъ времени до времени требовали затраты нѣ-

сколькихъ рублей. Тяжелая жизнь впроголодь, въ душныхъ, сырыхъ или холодныхъ помѣщеніяхъ такъ истощала его къ концу зимы, что онъ съ каждымъ годомъ все съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ лѣта, когда въ деревнѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, могъ выйти на работу. Такъ время прошло до 17 лѣтъ, когда онъ долженъ былъ уже перейти въ 6-й классъ.

Чѣмъ болѣе мужалъ Никитинъ, тѣмъ серьезнѣе останавливался онъ на требованіяхъ Венелина, самостоятельнѣе относился къ нимъ. На этотъ разъ, когда онъ пріѣхалъ въ деревню, Венелинъ былъ за границей. Юноша немедленно написалъ ему длинное письмо, исполненное самой глубокой благодарности за его заботу о немъ, и извѣщаль, что теперь онъ постарается обходиться безъ его помощи. Тотъ отвѣтилъ ему теплымъ, дружескимъ письмомъ, хвалилъ его намѣреніе самостоятельно зарабатывать свой кусокъ хлѣба, прислалъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, которыя должны были помочь ему въ Петербургѣ въ присканіи работы съ осени, объяснялъ почему онъ желалъ, чтобы Никитинъ, получая образованіе, оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по своему рожденію. „У меня были матеріальныя средства, — писалъ онъ, между прочимъ, — было и самое горячее, самое искреннее желаніе улучшить положеніе крестьянъ, съ которыми столонула меня судьба, на сколько возможно избавить ихъ отъ предрасудковъ и невѣжества. Но что я сдѣлалъ? Рѣшительно ничего!.. Тяжкимъ опытомъ пришелъ я къ убѣжденію, что причиной этого было мое барское воспитаніе, незнаніе и непониманіе народной среды, моя жизнь, не имѣющая ничего общаго съ жизнью народа, мое положеніе барина, всегда возбуждающее недо-вѣріе. Ты отказываешься отъ стипендіи, — это послужить тебѣ прекрасной школой закалить характеръ, приобрѣсти усидчивость и стойкость, но это далеко не все, и теперь пробиться для тебя ужъ не ахти какая заслуга. Если, получивъ высшее образованіе, ты пойдешь по дорожкѣ, проторенной нашимъ братомъ, если оно послужить тебѣ для того, чтобы жить и дѣйствовать по-барски, ты окажешься въ положеніи, несравненно болѣе преступномъ, чѣмъ послѣдній воръ: тотъ, вслѣдствіе неразвитости и нерасчетливости, лишаетъ собст-

венности одно или нѣсколько лицъ, ежеминутно подвергая себя опасности быть опельмованнымъ, ты же, получивъ въ руки общественный капиталъ, съ полной увѣренностію въ безнаказанности можешь расходовать его по своему усмотрѣнію. Помни: мужиѣ, очутившійся въ такомъ положеніи и сдѣлавшійся бариномъ, расходуетъ такой капиталъ еще болѣе безалаберно и преступно, чѣмъ настоящій баринъ. Берегись хотя на шагъ отступить отъ разъ намѣченной цѣли“.

Все это знала семья Радомцевыхъ; эти свѣдѣнія вполне удовлетворяли Екатерину Ивановну, и она находила, что они сами по себѣ совершенно достаточны, чтобы благоговѣть предъ Никитинымъ, который пробилъ себѣ дорогу такимъ тяжелымъ трудомъ.

— Да, мамочка, все это совершенно справедливо,—возражала Ольга,—но онъ все-таки человекъ съ замочкомъ. Замѣть, онъ обо всемъ разсуждаетъ откровенно, только никогда словечкомъ не обмолвится ни о себѣ, ни о своихъ планахъ и надеждахъ на будущее. Что мы знаемъ о его родныхъ, имѣемъ ли мы какое-нибудь представленіе о томъ, какъ ему жилось дома?

— Да все это ты сочиняешь: когда я спрашиваю, онъ всегда охотно отвѣчаетъ.

— То-то отвѣчаетъ, а это совсѣмъ не то.

Прошло еще два года. Ольгѣ оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія педагогическихъ курсовъ. Но и теперь ея отношенія къ Никитину не измѣнились: и теперь, какъ прежде, она мало думала о томъ, что будетъ съ нею, когда, по окончаніи курса, ей придется уѣхать изъ Петербурга. Да и когда объ этомъ думать? Занятія на курсахъ, частные уроки, переводы,—все это оставляло слишкомъ мало свободнаго времени, а если и выпадала свободная минута, ей такъ много что нужно было передать Никитину за два, за три дня, въ которые они не видѣлись. Всѣмъ дѣлиться съ пріятелемъ, передавать ему каждую блеснувшую мысль, самый ничтожный фактъ своей жизни, малѣйшее происшествіе на лекціяхъ и на своихъ урокахъ, новость, слышанную отъ подруги, впечатлѣніе, вынесенное изъ только-что прочитанной книги,—вошло у нея въ привычку, сдѣлалось ея второй на-

турой, и въ то же время все это давало ей безконечный матеріалъ для шутокъ и острогъ надъ собой.

— Еще, еще минуточку подождите, — упрашивала она Никитина, собиравшася уходить. — Я что-то вамъ не рассказала... Какая досада! Вотъ такъ и вертится, а вспомнить не могу. Между тѣмъ отлично знаю, что что-то осталось! А вотъ потомъ вспомню и...

— Ну и что же тогда? — съ добродушной улыбкой, съ нѣжной заботливостью засматривая ей въ глаза, спрашивалъ Никитинъ.

— Что тогда...—она весело расхохоталась.—Почемъ я знаю, отчего у меня такая глупая привычка! Стоитъ мнѣ передъ вами не все высыпать изъ своего мѣшка, и излишекъ багажа мѣшаетъ заниматься дѣломъ. Все думаю, какъ бы это я вамъ рассказала, что бы вы на это замѣтили... Даже мысленно при этомъ завожу съ вами горячіе споры...

Ольга часто журила Никитина и дулась на него, когда тотъ 3—4 дня вряду не могъ провести съ ней нѣсколько часовъ, но ей и въ голову не приходило скрывать это, и она одинаково откровенно высказывала ему свое неудовольствіе, какъ съ глазу на глазъ, такъ и при матери и при постороннихъ. Глубже она не анализировала своего чувства, да въ этомъ и не было надобности: женщина еще не просыпалась въ ней. Въ послѣднее время она начала замѣчать въ Никитинѣ рѣзкую переменъ. За недосугомъ она однажды отвѣтила отказомъ на его предложеніе провести съ ней вечеръ; онъ какъ-то особенно растерялся и, ничего не говоря, сейчасъ же ушелъ. Когда потомъ она до смерти обрадовалась, столкнувшись съ нимъ на улицѣ, и встрѣтила его словами: „вы вѣрно отвываете скучать, когда долго меня не видите“, — онъ покраснѣлъ до ушей. Но въ послѣднее время ее серьезно стали пугать его болѣзненный видъ, его печальное выраженіе лица, его особенная молчаливость и сдержанность. Сегодня, наконецъ, она высказала ему свою тревогу, настоятельно потребовала отвѣта.

V.

Уже два часа ночи. Завтра Ольгѣ нужно рано вставать, но она и не думаетъ ложиться: разговоръ съ Никитинымъ сегодня особенно взволновалъ ее. — „Отчего же это теперь я не должна знать о томъ, что его волнуетъ, а потомъ это можетъ оказаться для меня необходимымъ?“ — раздумывала она. — „Что же все это значить? Онъ страдаетъ, есть что-то тяжелое въ его жизни, а между тѣмъ онъ находитъ, что знать это мнѣ понадобится лишь впоследствии. Когда же это потомъ, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я все покончу здѣсь и уѣду на мѣсто и, можетъ быть, больше никогда, никогда его не увижу! Какъ, совсѣмъ, совсѣмъ разстаться съ нимъ? Да что же я буду дѣлать безъ него?“ — и вдругъ густой румянецъ покрылъ ея щеки, ужасъ разлуки съ нимъ въ первый разъ въ жизни охватилъ все ея существо. Пораженная, она, не двигаясь, стояла на мѣстѣ, точно теперь только узнала, что ей придется съ нимъ разстаться. — „Нѣтъ, это невозможно! Да какъ же это? Все жила, жила...“ — и она бросилась на постель и зарыдала. „Итакъ, одна, одна среди чужихъ, безъ его привѣта и добраго слова! Что же, прожили и довольно: у него своя дорога, у меня своя!“ Ей пришло на память, съ какою грустью и нѣжностью онъ смотрѣлъ на нее еще нѣсколько часовъ тому назадъ. — „Какъ, и разомъ вырвать этотъ грустный образъ изъ своего сердца? Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Но онъ самъ гонитъ меня отъ себя! Я не нужна ему! Онъ говоритъ: „когда будетъ нужно, узнаете, а можетъ быть, вамъ никогда и не понадобится знать... А!“ — и она вдругъ съ ужасомъ вскочила съ постели. — „Наконецъ-то я поняла! Онъ влюбленъ, влюбленъ въ кого-то безнадежно! И до сихъ поръ я не могла объ этомъ догадаться!“ — у нея болѣзненно сжалось сердце. — „Такъ вотъ откуда эта безысходная тоска! Такъ вотъ почему онъ не можетъ говорить съ нами о своихъ личныхъ дѣлахъ!.. Какъ же мнѣ-то быть? Бѣжать къ нему, умолять его сказать „да“ или „нѣтъ!“ Его искреннее признаніе сразу бы охладило меня...“ — и она стала придумывать, какъ подавить чувство, которое сразу охватило ее, какъ она

серьезно отдастся занятіямъ, какъ переломитъ себя и какъ затѣмъ попрежнему будетъ любить его, какъ брата.— „И какъ это будетъ хорошо: разлука съ нимъ уже не будетъ леденить кровь въ моихъ жилахъ! Но въ кого онъ влюбленъ? Ей не нужно знать даже имени, лишь бы онъ подтвердилъ самый фактъ! Какъ бы это помогло ей хладнокровно обдумать свое положеніе. Все-таки кто же она? Вѣдь у него нѣтъ почти никого знакомыхъ, кромѣ меня и моихъ подругъ! Можетъ быть, въ одну изъ нихъ? Нѣтъ, это должно быть честнѣйшее и идеальнѣйшее существо. Почему знать, можетъ быть, и совершенная дрянь! Развѣ мало примѣровъ, что умнѣйшіе люди увлекались самыми ничтожными, пустыми? Будетъ ли она любить его жену? Нѣтъ! Она можетъ отдавать ей полнѣйшую справедливость, но будетъ сторониться ихъ обоихъ: она не можетъ его разлюбить!“ Измученная до послѣдней степени своимъ открытіемъ, размышленіями по этому поводу и еще болѣе вопросами, которые на каждомъ шагу возникали въ ея головѣ и нестерпимо жгли ея мозгъ, до того утомленная непрерывной ходьбой взадъ и впередъ, что ноги подкашивались и отказывались служить, она машинально сѣла на постель, но голова ея закружилась, опустилась на подушку, она наконецъ легла и забылась.

Первое послѣ этого свиданіе съ Никитинимъ изумило ее самую. Она, всегда бѣжавшая къ нему навстрѣчу съ веселымъ и привѣтливымъ лицомъ или съ упрекомъ, что онъ такъ долго заставилъ себя ждать, теперь не могла подняться съ своего мѣста, когда изъ другой комнаты услышала его шаги. На его вопросъ, можно ли войти, она покраснѣла до корня волосъ, руки задрожали, и, съ минуту помолчавъ, она сухо отвѣчала: „войдите“. вмѣсто привѣтствія, она, вся покраснѣвшая и смущенная, упорно глядѣла внизъ, не имѣя силъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Пораженный, онъ пытливо взглянулъ на нее и вдругъ вспыхнулъ и сразу переконфузился еще болѣе ея. Прежде, даже послѣ непродолжительной разлуки въ нѣсколько часовъ, у нихъ былъ неизсякаемый источникъ разговора,—теперь они не знали, о чемъ говорить, и оба обрадовались, когда Маша вбѣжала въ комнату и начала торопить ихъ идти къ обѣду.

Въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, то намѣренно удаляясь другъ отъ друга, то ставя между собой третье лицо, они провели болѣе трехъ мѣсяцевъ. Никитинъ исхудалъ и поблѣднѣлъ, Ольга, напротивъ, разцвѣтала и хорошѣла съ каждымъ днемъ. Но вотъ однажды Маша объявила за обѣдомъ, что она на весь вечеръ отправляется къ подругѣ вмѣстѣ съ ней готовить уроки. Никитинъ, по обыкновенію провожая Ольгу послѣ обѣда до ея квартиры, попросилъ позволенія переговорить съ ней съ глазу на глазъ и вошелъ въ ея комнату. Лишь только они остались вдвоемъ, онъ, въ сильномъ волненіи, заговорилъ съ ней о своихъ чувствахъ. Путаясь, краснѣя и конфузясь, онъ разсказалъ ей, что уже болѣе двухъ лѣтъ его братская привязанность и симпатія къ ней перешли въ болѣе глубокое чувство. Но онъ не встрѣчалъ взаимности, и, хотя это болѣзненно отзывалось въ его душѣ, онъ въ то же время находилъ въ этомъ и нѣкоторую поддержку.. Теперь онъ не имѣетъ силы молчать... Но пусть Ольга сама рѣшитъ, пусть откровенно скажетъ, выслушавъ его, имѣетъ ли право онъ, вся жизнь котораго должна быть посвящена лишь выполненію суроваго долга, связать ея судьбу съ своей.

Никитинъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить послѣдовательно, но это была самая искренняя, самая задушевная исповѣдь честнаго, страстно влюбленнаго человѣка. Когда онъ передавалъ, какъ старался подавить свое чувство къ ней, у него затряслись руки, и въ эту минуту онъ снова переживалъ всѣ жестокия пытки. Но вотъ онъ замѣтилъ, что и въ Ольгѣ вспыхнуло то же чувство; тогда онъ не могъ болѣе бороться, имъ всецѣло овладѣла страсть. За себя онъ рѣшилъ и письменно уже спрашивалъ мать, какъ бы она взглянула на его бракъ. Она отнеслась къ нему недружелюбно... Но дѣло не только въ его семьѣ... Конечно, онъ не имѣетъ права ни на минуту забыть ее: за все время своего воспитанія онъ лишилъ ее работника, предоставлялъ нуждѣ и нищетѣ болѣе, чѣмъ это могло бы быть, если бы онъ оставался среди нея... Но вопросъ далеко не въ одномъ этомъ. Можетъ ли, имѣетъ ли нравственное право онъ, сынъ крестьянина, нести свой трудъ, свои знанія и свои силы въ чуждую ему среду?

— Не мнѣ указывать вамъ, какъ направить свою дѣятель-

ность. Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я не буду тянуть васъ внизъ! Право, гордость мѣшаетъ говорить объ этомъ... Меня тутъ интересуеть письмо вашей матери... Дайте мнѣ его!

Вмѣсто отвѣта, Никитинъ поднялъ на нее глаза, которые безъ словъ молили ее отказаться отъ просьбы.

— Зачѣмъ оно вамъ!.. Я же говорю... семейный вопросъ во всякомъ случаѣ... дѣло второстепенное—какъ-то сбивчиво повторялъ онъ.

— Все равно, — перебила его Ольга, — я непременно должна видѣть это письмо! Леша, милый, (она не помнила себя и въ первый разъ назвала его такъ, какъ будто уже давно привыкла къ этому), дай мнѣ его сейчасъ, сію минуту! Оно подскажетъ мнѣ, какъ дѣйствовать, откроетъ глаза на многое... Женское чутье не обманетъ меня!

Нѣжныя слова Ольги, простота, задушевность и близость, которая сразу появилась въ ея манерѣ держать себя и говорить, растрогали Никитина до глубины души, и онъ прижалъ ее къ груди.

— Хорошо... потомъ... Можетъ быть... Но чтѣ бы ты ни почувяла въ этомъ письмѣ, ты моя навѣки... если ты на это согласишься... если ты только можешь принести мнѣ такую жертву! Я увѣренъ, даже мать и сестры, узнавъ тебя поближе, искренно полюбятъ тебя! Развѣ такая чудная дѣвушка, какъ ты, можетъ заставить забыть родную мать? Развѣ ты не поможешь мнѣ въ воспитаніи младшей сестры? Развѣ ты не простишь имъ привычекъ, взглядовъ на вещи, часто даже поступковъ, несомнѣстныхъ съ понятіями образованнаго, тонко развитаго человѣка?

Несмотря на то, что въ жизни Ольги это была первая восторженная минута, которая впервые зажгла огонь въ ея крови, несмотря на то, что Никитинъ все говорилъ съ трогательной нѣжностью, покрывая ея лицо, руки, шею страстными поцѣлуями, какая-то нотка въ его послѣднихъ словахъ вдругъ поразила слухъ молодой дѣвушки.

— Какъ, сомнѣніе? Такое обидное недовѣріе!—вскричала она, освобождаясь изъ его объятій.—Нѣтъ! Не тутъ лежитъ причина твоего мрачнаго настроенія!

— Ты постоянно подозрѣваешь меня въ скрытности? Это и прежде было не вполнѣ справедливо, тѣмъ болѣе теперь! Дорогая моя! Могъ ли я говорить съ тобой о всѣхъ житейскихъ невзгодахъ! Ты такъ молода, неопытна, такъ мало знаешь жизнь и еще меньше ту среду, изъ которой я вышелъ... Вотъ видишь ли, даже мои послѣднія слова, которыя должны были бы подсказать тебѣ, какъ я высоко тебя ставлю, какъ я вѣрю и надѣюсь, что въ концѣ концовъ ты сумѣешь понять мою семью, сумѣешь не только простить ея невѣжество и грубость, но и полюбить ее,—эти слова подстрекнули лишь твое самолюбіе, которое не прощаетъ мнѣ и минуты сомнѣнія! Моя свѣтлая, моя хорошая! Вѣрь мнѣ, только на словахъ легко все понимать и все прощать, на дѣлѣ это очень, очень трудно!

— Такъ дай же мнѣ возможность сколько-нибудь познакомиться съ твоей матерью и сестрами... Дай же мнѣ прочесть письмо!

— Но зачѣмъ же это тебѣ сію минуту? Моя судьба теперь въ твоихъ рукахъ. Скажи же мнѣ, но обдумай хорошенько, согласна ли ты соединить свою судьбу съ моей, согласна ли быть моей женой? Не буду обманывать тебя несбыточными надеждами и мечтами: супружеская жизнь со мной сулитъ тебѣ впереди не покой и радость, а вѣчный трудъ и лишенія. Помни, у меня на рукахъ мать и двѣ сестры. При большой семьѣ существовать въ Петербургѣ на учительское жалованье невыносимо. Необходимо ѣхать въ провинцію, но тамъ ты будешь лишена всякаго общества и волей-неволей втиснута въ тѣсный домашній кружокъ. Если бы онъ состоялъ изъ людей, близкихъ тебѣ по духу, имѣющихъ хотя какіе-нибудь общіе интересы, это было бы еще сносно. Но въ моей семьѣ ты будешь окружена людьми, съ которыми у тебя не будетъ ничего общаго...

— Лѣша!—вскричала Ольга въ испугѣ.—Почему же ты не договариваешь? Скажи, что же еще? Ты какъ будто говорилъ не то, что хотѣлъ, не то, что тебя болѣе всего тревожитъ!

— Да... ты права... Все это еще не главное...—съ усиленіемъ выговаривая каждое слово, продолжалъ онъ послѣ длинной паузы.—Но и то... то-есть... что особенно меня пугаетъ...

право, я тебѣ говорилъ... Ты только забыла... Ты какъ-то не можешь на этомъ остановиться... Что же мнѣ дѣлать?

— Такъ что же это такое? Я, кажется, все помню... Все равно! Повтори еще и еще....

— Но, можетъ быть, это пройдетъ... не случится... Видишь ли... если... если я вдругъ окажусь непригоднымъ...— собравшись наконецъ съ силами и пытливо заглядывая въ глаза молодой дѣвушкѣ, продолжалъ онъ уже болѣе твердымъ голосомъ,—непригоднымъ къ этой роли... то-есть... я хочу сказать... къ учительскому званію... Ну, что, если я черезъ годъ-два вдругъ найду, что я долженъ дѣлать другое, совсѣмъ другое дѣло,—то, къ которому я готовился всю свою жизнь! Твоя обстановка, твое положеніе будутъ тогда еще болѣе ужасны, еще менѣе будутъ соответствовать твоимъ привычкамъ!.. Оля, говори прямо: смѣю ли я просить твоей руки, требовать отъ тебя величайшихъ жертвъ, когда я, въ свою очередь, ничего, ничего не могу дать тебѣ, кромѣ любви, когда, вмѣсто комфорта и домашняго покоя, я предлагаю лишь жизнь, полную лишеній....

Ольга молчала. Онъ смутился, но потомъ заговорилъ съ прежней тревогой, то обращаясь къ ней, то какъ бы про себя. „Требовать отъ любимаго существа такихъ жертвъ,—развѣ это не величайшій эгоизмъ? Неужели всего этого недостаточно, чтобы терзаться до отчаянія?“

Ольга продолжала молчать.

— Ты молчишь? Не бойся меня огорчить! Я вижу, и тебя начинаетъ брать раздумье! Что же дѣлать,—не щади меня, моя дорогая! Мнѣ нечего болѣе говорить о себѣ: мнѣ 29 лѣтъ, я никого никогда не любилъ до тебя и никогда никого не полюблю. Я знаю, и ты будешь горевать! Но ты молода, хороша собой, и мнѣ кажется даже, что для тебя возможно невозможное—личное счастье...

Ольга не перебивала его увѣреніями въ своей страстной любви, не опровергала его: положивъ голову на руки и облокотившись на столъ, она грустно вслушивалась въ его слова.

— О, Боже, какъ мало у тебя вѣры въ будущее, въ наши силы, въ нашу взаимную любовь! Мнѣ кажется, если любишь, настоящимъ образомъ любишь; и любимый человѣкъ отвѣ-

часть взаимностью, является столько силъ, что все становится возможнымъ! А ты говоришь, какъ разбитый жизнью, дряхлый старикъ! Ты знаешь, что невзгоды не могутъ особенно удручать меня, воспитанную въ крайней бѣдности. Остается твоя семья... Ты боишься, что я не съумѣю съ нею сладить. Ты мало познакомишь меня съ нею и мнѣ трудно что-нибудь обѣщать, не имѣя понятія о людяхъ, но мой характеръ ты долженъ былъ узнать за четыре года, и онъ, кажется, не изъ строптивыхъ. И какъ ты мало вѣришь въ меня!—продолжала она уже сквозь слезы.—Постой, постой... не перебивай... мнѣ такъ обидно, что я и безъ того затрудняюсь... Ты говоришь, что, можетъ быть, задумаешь взяться совсѣмъ за другое дѣло... болѣе трудное... Вѣдь за это можно только любить еще, еще горячѣе... если бы это только было для меня возможно... Но ты... я вижу... я чувствую... не считаешь меня способной...

Слезы заглушили ея слова и, въ порывѣ охватившаго ее чувства, она припала головой къ его плечу.

— О, моя чистая, моя свѣтлая, моя чудная дѣвушка!— вскричалъ Никитинъ, страстно прижимая ее къ своей груди.

— Только, Лѣша, милый, дорогой, смотри бодрѣй, побольше вѣры въ свои силы... Нѣтъ, нѣтъ, въ наши общія силы. Могу ли я не любить то, чтò ты будешь любить? А мнѣ такъ тяжело было тебя слушать,—говорила она, прижимаясь къ нему.—Ты какъ будто даже самъ боишься оплошать въ дорогомъ для тебя дѣлѣ только изъ-за того, что оно сулитъ мнѣ затрудненія! Готовъ отказаться отъ личнаго счастья и любви, которыя одни только и могутъ дать силу и энергію бороться съ житейскими невзгодами. Мнѣ вдругъ показалось,—можетъ быть, это и самонадѣянно до комизма,—но ты не смѣйся... У меня явилось столько силъ, что ихъ хватить на насъ обоихъ, и не только для борьбы съ семейными недоразумѣніями, но и для живого, общественнаго дѣла. Я знаю, что моя дорога не будетъ усѣяна розами, но знаю также и то, что люди сами создаютъ множество страданій лишь по своей нерѣшительности и дряблости. Я глубоко убѣждена, что человѣкъ—кузнецъ своего счастья! Я бы, кажется, сейчасъ ушла съ тобой на край свѣта, все бы нашла, все бы съумѣла отвоевать, чтò нужно и для тебя, и для себя.

— Если бы ты знала, сколько энергіи придаютъ мнѣ твои слова! — и онъ въ порывѣ истиннаго восторга снова и снова страстно обнималъ ее.

— А теперь, Алексѣй Осиповичъ, — прощаясь, сказала она ему шутливо, но настойчиво, — извольте мнѣ отдать ваши письма. Что же вы не двигаетесь? Опять колебаніе? — И она протянула руку. — Хорошо, — сказала она, припрятывая въ карманъ поданный пакетъ, — пора идти за Машей: она въ томъ же домѣ, куда вы ходили за ней нѣсколько разъ...

И они разстались, счастливые и сіяющіе.

VI.

Когда Ольга затворила дверь за Никитинымъ, она быстро вытащила изъ конверта два большихъ полулиста простой желтой бумаги, полуграмотно исписанныхъ неровнымъ, неустановившимся почеркомъ, взглянула на подпись въ концѣ второго листа и разобрала: „единокровная и единоутробная твоя сестра Лизавета Осипова“. — А, Лиза, его младшая сестра! но она прежде начала читать письмо матери.

„Милому моему сынку, Алексѣю Осиповичу, родная матушка, Марфа Васильевна, шлетъ низкій поклонъ и родительское благословеніе на вѣки нерушимое. Шлетъ тебѣ поклонъ единокровная и единоутробная старшая сестрица твоя, Настасья Осиповна, а также и младшая единокровная и единоутробная сестрица твоя, Лизавета Осиповна.

„Любезный мой сыночекъ, Алексѣй Осиповичъ, оповѣщаю тебя, что мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ отъ всей нашей души до скончанія вѣка, а также, что письмо твое получено, въ которомъ сказываешь, что ты, почитай, совсѣмъ собрался жениться на дѣвицѣ изъ благороднаго званія. Ты въ своемъ разумѣ, взрослый и ученый, а я сказываю — этому не бывать. Какъ ты, почитай, до 23-хлѣтняго возраста, oprичъ малости какой, работникомъ, кормильцемъ и поильцемъ семьѣ своей не былъ, а мы тебя ученью предоставили, а какъ теперь работникъ круглый годъ 70 рублей, такъ ты долженъ это чувствовать и до конца дней пропитывать и покоить старуху-мать съ сестрами, какъ

она тебя съ лютыми муками на свѣтъ породила, въ горѣ, нищетѣ, да въ слезахъ вспоила-вскормила. Хоть ты и не сказываешь, что жена изъ благороднаго званья, а видно по письму. Можетъ она тебѣ и ближе по мысли, какъ ты отъ нашего званья ученостью отошелъ, почитай, какъ благороднаго званья сталъ, но все жъ ты нашей крови, только она тебѣ не жена, а мнѣ, изъ крестьянскаго званья мужичкѣ,—не сноха, сестрамъ твоимъ—не невѣства. По своему званью захочетъ она себѣ почетъ да покорство, а мнѣ, хочба и мужичкѣ, да какъ матери, это не пристало. Сестры твои тоже будутъ ее въ конфузъ вводить: ни ейной учености нѣтуту у ихъ, а простыя, какъ есть, мужички. Въ бракѣ надоть, сыночекъ, миръ, совѣтъ, да любовь въ семьѣ, а подумай-ка, что у насъ-то выйдетъ: вы врозь, мы врозь, мы не умѣемъ по вашему, вы — по нашему. Безъ поправокъ да мужскаго призора мы хату на нѣтъ свели, новую строить дорого тебѣ будетъ, да и другія дѣла таки, что въ ней намъ не житье. Сѣно въ прошломъ году погнило не такъ изъ-за дождей, какъ за упрямствомъ работника: обиждался на приварокъ, а коли намъ самимъ жрать нечего, да безъ мужскаго призору лядачій мужиченка вышелъ,—нѣтъ, значить, хозяина, чтобъ изъ него озорничество да лѣнтяйство выбить. Тожъ и съ зерномъ: три куля ржи посѣяли, а не сняли и четырехъ, а работнику отдай. Мнѣ на старости топоръ въ руки не брать, по мужской части не опредѣляться стать, али дочекъ на страмотину да безчестье пустить? А тутъ сыскался по нашей мѣстности арендатель — Григорій Якимовъ: земли скупаеть, а которыя на ренту беретъ. Такъ его пашня въ сусѣдствѣ съ нашимъ низовьемъ, тамъ по осени мы 10 возовъ сѣна накопили, да ужъ писала—прогнило. Такъ онъ говоритъ: твоя, говоритъ, корова зайдетъ, али моя лошадь—потрава да судбище, такъ лучше, говоритъ, намъ по любовному. Значить, ты мнѣ свою землю въ ренту предоставь на 7 лѣтъ, я, говоритъ, въ годъ по 30 рублевъ тебя рассчитаю. По нашему мѣсту цѣна красная, а нашими бабьими силами, безъ мужика въ домѣ,—не хозяйствовать, пропадать надоть; какъ хата таперича разваливается, такъ я оченно объ этомъ подумываю. Какъ ты сестру свою Лизавету съ панталыку сбиль на счетъ книгъ, что она отъ

крестьянской работы отчуждается, а я за книги, почитай, два ухвата на ней разломила, а все не беретъ, таеъ умишкомъ и раскинъ. Значить, мы всѣ къ тебѣ отправляемся и хату заколотимъ, потому мать старуха съ незамужними дочками по нашему, по мужицкому закону должна у взрослога сына проживать. Такъ ты, сыночекъ, какъ ни на есть скорѣй, съ первой почтой, деньги на чугунку на насъ на всѣхъ присылай, на подводы тожь, гдѣ безъ чугуни, и на прожитокъ безпримѣнно. Значить, всѣ съ тобой жить будемъ оченно скоро, а насчетъ женитьбы изъ головы выкинъ. Намъ ейна семья не подь масть. Какъ ты съ ними жилъ, они тебя оббирали, къ рукамъ прибрали да жениться заставили, а тебѣ не вдоmekъ: при учености ты, какъ есть, простыня остался, самый простяцкій мужиченко. Приказъ мой материнскій должонъ блюсти и уважать: выкинъ женитьбу изъ головы, говорю, — этому не бывать, а ежели какимъ моимъ приказамъ перечить задумаешь, хоча ты какъ баринъ сталь, не сумлѣвайся, я защиты по вдовьему положенію просить буду у судовъ, и проклятье мое вмѣсто благословенья материнскаго положу, а теперь, пока что, посылаю родительское благословеніе на вѣки нерушимое“.

Окончивъ письмо, Ольга бросила его на столъ.

— Бѣдный Лѣша! — вскричала она, всплеснувъ руками. — Вѣдь дѣло тутъ совсѣмъ не въ невѣжествѣ! Это письмо диетовало не сердце матери, а неугомонная злоба мачихи, которая готова на все, лишь бы выжать изъ пасынка послѣдніе соки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали жить вмѣстѣ съ Алексѣемъ, онъ безпрестанно высылалъ имъ деньги по почтѣ. Это было, вѣроятно, все, что онъ получалъ, кромѣ того, что ему стоило его содержаніе. Слѣдовательно, къ остальнымъ ея качествамъ нужно присоединить еще алчность. И какая презлая и сварливая старуха! — и въ конецъ измученная, Ольга закрыла глаза и опрокинулась на спинку дивана.

Ей вдругъ повезалось, что она прикоснулась къ чему-то грязному, физически постылому. Она внезапно почувствовала дрожь во всѣхъ членахъ и, какъ нѣжный листокъ отъ дуновения рѣзкаго, осенняго вѣтра, вся затряслась съ головы до ногъ, зубы застучали. Нѣсколько часовъ сидѣла она неподвижно, безъ опредѣленной мысли, внезапно охвачен-

ная сильнѣйшей лихорадкой, кутался въ теплый платокъ. Но вотъ горячая струйка крови притекла къ похолодѣвшему сердцу и отозвалась во всемъ организмѣ пріятной истомой. Она сразу перестаетъ отличать дѣйствительность отъ фантазіи и видитъ себя съ удивительной отчетливостью, съ подробностями до мелочей, въ прелестномъ бѣломъ платьѣ съ померанцевымъ вѣнкомъ на головѣ. — „Да развѣ это сонъ? Конечно, нѣтъ! Вотъ и Лѣша смотритъ на нее изумленно-восторженными глазами.

— О, моя красавица, моя сильная, моя свѣтлая, моя чистая дѣвушка! — говоритъ онъ ей, падая предъ ней на колѣни. И искренность его словъ отражается на его простомъ, открытомъ лицѣ. — Ольга, ты такъ божественно-прекрасна! Я боюсь... я не заслужилъ такого счастья!

— Ты находишь, я похорошѣла? — спрашиваетъ она его. — А знаешь ли почему? Тамъ, у алтаря, я готовлюсь произнести величайшую клятву! — и, подъ руку съ своимъ женихомъ, она идетъ въ церковь по какой-то тѣнистой аллеѣ. Какъ легко дышется въ этомъ благоуханномъ воздухѣ весенняго утра, напоенномъ ароматомъ только-что распустившихся ландышей. Солнце какъ-то особенно пріятно согрѣваетъ послѣ недавнихъ суровыхъ дней, птицы провожаютъ ихъ своимъ чуднымъ концертомъ. — Какъ хорошо, — вдругъ прерываетъ молчаніе Ольга, — что мы именно днемъ вздумали вѣнчаться! Простой народъ вѣдь обыкновенно вѣнчается днемъ... Намъ во всемъ нужно опроститься, чтобы глубже понять его, чтобы онъ относился къ намъ, какъ къ людямъ своей среды, чтобы имѣть возможность болѣе приносить ему пользы. Но чу! не развлекаться! Теперь нужно думать только о клятвѣ! — Она задумывается, и они долго идутъ молча. — О, ангелы хранители! — начинаетъ она произносить сначала тихо, а затѣмъ, помимо своей воли, какъ-то все громче и громче, забывая даже о присутствіи своего жениха. — Придите ко мнѣ на помощь! Дайте мнѣ силы работать, работать безъ усталы, чтобъ облегчить его трудъ! Дайте мнѣ возможность устроить его жизнь такой, чтобы изъ его сердца навсегда исчезло не только страданіе, но даже всякая тѣнь сомнѣнія! Дайте мнѣ возможность перелить въ его сердце мою свѣтлую вѣру въ будущее, вѣру въ то, что вмѣстѣ мы бу-

демъ безконечно счастливы, безконечно сильны! Пошлите ему постоянство, постоянство прежде всего, чтобы онъ до послѣдняго вздоха любилъ меня одну, только меня одну!— Въ эту минуту кто-то тронулъ ее за плечо. — А, Лёша! Ты тутъ! — Она подняла на него глаза и видитъ, что онъ хочетъ что-то сказать, но не можетъ, слезы катятся по его щекамъ.

— Но ты забыла одно, моя дорогая, — наконецъ, кротко замѣтилъ онъ: — у своихъ ангеловъ-хранителей ты просишь постоянства только для меня?

— Мнѣ оно не нужно.

Тутъ они подошли къ церковной паперти, и Ольга опустилась на колѣни на ступеньки церкви, подняла глаза на крестъ, блестящій на куполѣ, и съ трогательнымъ благоговѣніемъ продолжала произносить свою молитву:

— Могу ли я просить постоянства? Кто такъ любитъ, тотъ любитъ только одинъ разъ въ жизни! Клянусь, о, Господи, какія бы страданія ты ни уготовалъ мнѣ, не приписывать ихъ ему, а смотрѣть на нихъ лишь какъ на испытаніе.

И вдругъ, въ ту минуту, когда она, умиленная и растроганная, произносила свой обѣтъ, кто-то быстро подбѣжалъ къ ней. „Какая фурія!“ промелькнуло въ ея головѣ, когда она обернулась и увидѣла деревенскую бабу съ искаженнымъ отъ злости лицомъ. Ольга задрожала отъ испуга, проснулась, и вскочила съ дивана. Еще не опомнившись отъ сна, она нѣсколько разъ быстро прошлась по комнатѣ и пылающимъ лбомъ прижалась къ оконному стеклу. Долго стояла она въ такомъ положеніи, припоминая все только-что видѣнное.

— Любопытно, какъ бы онъ поступилъ, если бы она меня оскорбила? Господи! И я задаюсь такимъ вопросомъ! Можетъ ли онъ поступить иначе, какъ съ полной справедливостью! Можетъ ли онъ кому-нибудь дать въ обиду меня, которую онъ любитъ со всѣмъ пыломъ первой страсти!—И нѣсколько успокоенная, она выпила стаканъ холодной воды и усѣлась за чтеніе второго письма.

„Любезный, единокровный и единоутробный братецъ Лешенька! Матушка приказала, какъ я пойду въ школу, такъ по дорогѣ занести въ волость ея письмо, а я сама тебѣ приписываю. Ильинишна, что здѣсь торгуетъ водкой, краснымъ

товаромъ и баранками, намедни подарила мнѣ гривну. Ея сынъ со мной въ школѣ, да дрянъ мальченка вышелъ, лѣн-
тай и ротозѣй, а Ильинишна, его мать, хочетъ его скорѣй
за прилавогъ вмѣсто себя посадить, а онъ только всѣмъ до-
саждаетъ, щиплетъ и надсмѣшничаетъ. Вчера трехъ мышей
за хвосты посвязалъ, да какъ учительница пришла въ классы,
такъ ей подъ ноги и пустилъ, да онѣ въ другую сторону
поползли. Такъ Ильинишна просила меня его подучить, чтобы
онъ по торговлѣ все записать могъ. Я три мѣсяца съ нимъ
билась; Ильинишна подарила матушкѣ за это пять фунтовъ
крупчатой муки, а мнѣ гривну. Оттого я тебѣ и пишу, а
то марки бы не было, а матушкино письмо и безъ того тяжелое, а
она мнѣ не дала бы. Ты матушкѣ не сказывай, а мнѣ при-
шли чрезъ Ильинишну почтовыхъ марокъ. Она меня жалѣетъ,
и матушка не узнаетъ, потому что матушка меня часто бьетъ.
Настя грубіянствуетъ, а она ей спущаетъ, а мнѣ все по-
падаетъ; ей я не перечу, а матушка серчаетъ, зачѣмъ я чи-
таю, а у насъ зимой по вечерамъ и дѣлать почитай нечего.
Да у насъ все такое безпокойство въ домѣ! Сусѣди матушкѣ
связываютъ: „сынъ тебя не оставляетъ, ученый, кроткій та-
кой вышелъ, благодари Бога, что не въ тебя, сварливаго
чорта!“ И такъ ее костятъ! И какъ это мнѣ стыдно и обидно,
братецъ мой милый, сказать не могу. Хотѣлось бы, чтобы
про мать родную все хорошее говорили, но ее въ примѣръ
хорошій ни за что не поставятъ, потому что она сварлива
характеромъ; работникъ къ намъ не идетъ, говорить: ужиться
съ ней трудно, когда осерчаетъ, такъ чѣмъ попало и пу-
ститъ въ того. Очень мнѣ за нее передъ сусѣдами стыдно.
Она на тебя обижается, а чего бы кажись: сколько твоихъ
денегъ чрезъ волость перешло, такъ она даже у всѣхъ на
завистяхъ живетъ, что много ты ей посылаешь, а она все
плачется. „Горе-горькая, я, говорить, вдова, нѣтъ у меня,
говорить, ни копѣйки мѣдной“. А куда ей деньги-то дѣвать?
Работнику заплатитъ, да развѣ когда обнову Настѣ спра-
вить, такъ все же, еслибъ жила по-Божьи, на это всѣхъ де-
негъ не потратить, которыя отъ тебя ей идутъ. Только мнѣ,
братецъ, не житье: бьюсь, бьюсь, потрафить не могу. Вотъ
и письмо отъ нея тебѣ писала, что теперъ тебѣ посылаемъ;

только все не такъ говорить, не такъ я тебѣ приказывала, я все и переписывала. Возьми ты меня къ себѣ, родной мой братецъ. Матушка жалится тебѣ на меня, а я ни въ малости ей не перечу и тебѣ не стану, только чтобъ учиться по настоящему позволилъ и содома этого въ хатѣ не было, и люди бь меня матушкой не корили. Матушка по началу больно ругала тебя, что ты жениться задумалъ. Да ты жди перемены. Твой благодѣтель, что тебя учиться въ Питеръ отдавалъ, пріѣхалъ къ намъ въ свое помѣстье женатымъ. Такъ они горничную выписали. Такая расфуфыря, только не горячка, если что спросить у ней—ничего, пояснить. Настя ей про твою женитьбу сказывала, такъ она совѣтовала не перечить тебѣ, „потому все равно“, говорить, „женится, на васъ не посмотритъ, я, говорить, ученыхъ да благородныхъ больше васъ видывала, будете, говорить, ругать его за женитьбу, такъ, попомните мое слово, онъ жениться—женится, а отъ васъ потомъ отшатнется. Лучше вы съ нимъ теперь по хорошему, не озлобьте его, а какъ станете вмѣстѣ съ нимъ жить, такъ, говорить, ты, Настя, какъ барыня будешь, онъ тебя приберетъ, можетъ, за богатаго да за благороднаго просватаетъ“. Настя это на носу очень зарубила, она страсть любить наряжаться, а чего она захочетъ, такъ тому и быть: матушка всегда по ейному. Какъ Богъ святъ, жди въ скорости отъ матушки другого рѣшенія. А я такъ Бога молю, Лешенька, братецъ милый, чтобъ ты женился на этой самой, которую росписалъ, какъ она, значить, умна и добра. Не простую же дѣвку тебѣ за себя взять! Какой ты ласковый, добрый да умный, давно тебя не видала, а все же помню, можешь ли ты взять за себя злую, глупую, безграмотную бабу! Ахъ, кабы я съ вами пожила, не видали бы глаза мои во вѣкъ сумятицы, криковъ да ругани! Тоже хочется мнѣ узнать кое-что, и иногда такъ захочется, что даже заснуть не могу, все думаю. Прочитала я какъ-то въ одной книжкѣ маленькій разсказецъ про море: чего только нѣтъ въ немъ на двѣ! Какія диковинныя чудеса творятся, какое невиданное звѣрье живетъ, а и травы, какихъ у насъ нѣтъ, какими цвѣточками цвѣтистыми доньшко его разуврашено! И, Боже мой, какъ бы мнѣ это, братецъ, въ подробности все хотѣ-

лось разузнать. Нѣтъ ли про это цѣльной книжки? А то вотъ тоже, когда ночью на небѣ звѣзды зажгутся... смотрю я, смотрю... и вдругъ та, на которую больше залуюбуюсь, вдругъ пропадетъ. Сказываютъ, новая душка Богу представилась... Правда ли, братецъ, нѣтъ ли, пришли и про это отдѣльную книжку прочитать, чтобы про все про это въ подробности разузнать. А еще пуще у меня мученія на счетъ людодѣвъ. У насъ раздавали книжку про Робинзона, такъ я въ ней вычитала, что такіе люди тоже были: какъ въ плѣнъ недруговъ заберутъ, такъ они ихъ и пожрутъ; такъ и этакую книжку пришли, заставъ за себя Богу молить и не оставъ меня, братецъ родный, возьми къ себѣ; не увидишь ты ни моего озорничества, ни упрямства". Слѣдовала подпись и новая просьба писать ей на имя Ильинишны.

— Лиза убѣдительными доводами поддерживаетъ мое первое впечатлѣніе! Хороша должна быть и эта Настя!— думала Ольга, ложась въ постель.— Но что же дѣлать? Отчего бы Алексію не взять къ себѣ Лизу, а съ тѣми двумя ограничить свои отношенія ежемѣсячной высылкой денегъ? Согласна была бы отдавать весь свой заработокъ, лишь бы откупиться! Зачѣмъ имъ ѣхать къ намъ? Изба плоха, можно построить новую! Да и полно, такъ ли плоха, что уже и годъ другой въ ней прожить нельзя?

Молодые люди встрѣтились на другой день только за обѣдомъ. Никитинъ какъ-то боязливо поглядывалъ украдкой на блѣдное, утомленное лицо Ольги. Нѣсколько дней сряду имъ не удавалось ни на минуту остаться съ глазу на глазъ.

— Наконецъ-то мы одни!— сказала Ольга, когда Никитинъ вошелъ въ ея комнату.— А мнѣ такъ много нужно тебѣ передать.

— Да, да, говори скорѣй, — какъ-то глядя по сторонамъ, торопилъ ее Никитинъ, и ужасъ, смѣшанный съ отчаяніемъ, все болѣе охватывалъ его.

— Леша, да что это ты въ такомъ волненіи? Точно ты ждешь отъ меня рокового рѣшенія?

— Конечно... ты читала письма... Можетъ быть, ты уже все перерѣшила?

— Какъ перерѣшила? Это, наконецъ, поражаетъ меня!

Ты говорилъ мнѣ, что для себя самого ты этотъ вопросъ вырѣшилъ, все дѣло за мной. Я тогда же тебѣ отвѣчала, что не могу даже представить своего существованія отдѣльно отъ твоего. Какія же послѣ этого могутъ быть недоразумѣнія? Неужели кто бы то ни было, даже наши родные, могутъ стать на нашей дорогѣ? Неужели ты или я поставимъ между нами третье лицо?—Онъ молча схватилъ ея руку и покрывалъ поцѣлуями.

Она продолжала:

— Не скрою, письмо оставило во мнѣ тяжелое впечатлѣніе, но даже и въ ту минуту мнѣ ни разу не пришла въ голову мысль перерѣшить уже разъ рѣшенное. Чего же ты можешь требовать отъ меня относительно твоихъ родныхъ? Чтобы я не помѣшала тебѣ отнестись къ нимъ, какъ слѣдуетъ честному человѣку, дать возможность обезпечить ихъ матеріально, дать образованіе Лизѣ... Относительно перваго я буду настаивать, чтобы ты половину всего, что будешь получать, отдавалъ своей семьѣ. Что же касается Лизы, ты, конечно, не сомнѣваешься, что забота о ней будетъ для меня величайшимъ счастіемъ.

— Дорогая моя, я все сдѣлаю, чтобы взять къ себѣ только одну Лизу, но можетъ быть обстоятельства заставятъ водворить съ нами всю семью...

— Надѣюсь, ты сдѣлаешь это въ самомъ крайнемъ случаѣ. Тогда я отнесусь къ твоей матери съ полнымъ почтеніемъ, вниманіемъ и любовью, на какую только способна, и буду требовать къ себѣ лишь твоей справедливости.

— Спасибо же тебѣ, моя женушка, моя умница,—говорилъ онъ, крѣпко обнимая молодую дѣвушку и снова повеселѣвъ.—Посмотри, какія со мной чудеса творятся: посидѣлъ съ тобой полчаса, глядишь, и щемящую тоску какъ рукой сняло! Говори же, говори все, что ты хотѣла... Сообщи мнѣ все, что тебѣ приходило въ голову за это время. Болтай, дай тебя послушать, моя хорошая!—старался онъ разшевелить себя, точно желая отогнать послѣднее облачко, которое все еще мѣшало ему насладиться хотя минутой счастья.

Она не сейчасъ отвѣтила, внимательно наблюдая за выраженіемъ его лица.

— Все перезабыла! Да! Между прочимъ, вотъ что: мнѣ какъ-то вдругъ стало неловко за обѣдомъ, обращаясь къ тебѣ, ломать языкъ: „Алексѣй Осиповичъ, хотите хлѣба?“ — „Алексѣй Осиповичъ, передать вамъ соли?“ Вѣдь это притворство и обманъ! Разъ я къ тебѣ отношусь совсѣмъ иначе, не такъ тебя называю съ глазу на глазъ, мнѣ стыдно обманывать не только Машу, но даже нашу хозяйку.

— Какое счастье! — восторженно вскричала Никитинъ, окончательно оживляясь. — Такъ ты, несмотря на все... однимъ словомъ, ты серьезно обдумала? — онъ бросился ее обнимать. — Назначай же свадьбу, пожалуйста, поскорѣй! Нельзя ли въ концѣ будущей недѣли?

— Это невозможно! Нужно окончить экзамены. Подождать придется, по крайней мѣрѣ, мѣсяца полтора.

— Ахъ, да, — у тебя экзамены!

— Какъ же, я съ завтрашняго дня начинаю работать, да какъ еще! Ничего! все пойдетъ прекрасно, — увидишь! Ты вечеромъ каждый день будешь приходить поболтать на полчаса, а затѣмъ ты домой, а я за книги! Вотъ что значить, когда все выяснилось, — силы такъ и растутъ! А послѣ перваго нашего объясненія я думала, что мнѣ придется бросить экзамены.

— Хорошо, что такъ пришлось... Обязанности, во всякомъ случаѣ, должны быть на первомъ планѣ!

— Какъ? — перебила его изумленная Ольга, — даже и въ этомъ случаѣ? Экзамены я могла бы держать во второй разъ. А вѣдь тутъ — вся наша жизнь! Обязанности прежде всего! Все это прекрасно, разумно, въ высшей степени разсудительно, похвально. Но пойми, всѣ эти мысли разрывали мнѣ сердце, да и тебѣ также, я увѣрена, не давали покоя ни днемъ, ни ночью. Неужели, Лѣша, ты и во всемъ остальномъ такой пай-мальчикъ?

— Согласенъ, что не только непріятно, но и въ высшей степени тяжело всегда и во всемъ прежде всего руководиться обязанностями, а не требованіями сердца и чувства. Что же дѣлать? Мы, маленькіе люди, простые смертные, сильны только выполненіемъ своихъ обязанностей... Да, — я поклонникъ самообладанія, самообузданія!

— Помилуй! Въ чемъ же ты видишь мою необузданность? Теперь, когда наше дѣло выяснилось, я тебѣ первая говорю, что я не только буду работать, но даже чувствую особенный приливъ энергіи, но тогда...

— Дорогая моя, — сказала Никитинъ, взявъ ее за руку. — Ты точно оправдываешься! Развѣ я могу въ чемъ-нибудь тебя упрекнуть! Я и говорю-то о самообладаніи и о самообузданіи потому только, что самъ не отличаюсь этими добродѣтелями.

— Конечно, вѣроятно, прекрасно обладать всѣми этими качествами, но, сдается, нужно и побаиваться, чтобы въ нихъ не пересолить... Впрочемъ, это все философія, а мнѣ о многомъ нужно съ тобой переговорить, не мудрствуя лукаво, а исключительно о нашемъ личномъ дѣлѣ. Скажи, голубчикъ, какъ же ты на первыхъ порахъ поступишь съ матерью: вѣдь она собирается къ тебѣ пріѣхать?

— Послѣ перваго разговора съ тобой я написалъ ей, что мой бракъ будетъ зависѣть не отъ нея, не отъ меня, а исключительно отъ тебя... Успокоилъ ее на счетъ того, что моя женитьба ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ моихъ отношеній къ семьѣ. Что же касается до ихъ пріѣзда, то въ настоящее время это уже потому невозможно, что я самъ не знаю, долго ли останусь въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что я получу мѣсто чрезъ мѣсяцъ, другой, гдѣ-нибудь далеко, и пока не обживусь на немъ, не буду убѣжденъ въ томъ, что оно болѣе или менѣе прочно, нивоимъ образомъ не могу ихъ выписывать къ себѣ. Когда я потомъ обдумалъ свой отвѣтъ, онъ мнѣ показался слишкомъ жесткимъ, немного неделикатнымъ...

Расширивъ зрачки, со взглядомъ, выражавшимъ полное недоумѣніе, слушала Ольга, не прерывая своего жениха, его конфузливья, смущенно-торопливья рѣчи. Онъ это тотчасъ замѣтилъ.

— Что же дѣлать, — заговорилъ онъ, точно оправдываясь, — я не такъ юнъ, чтобы переубѣждать мать въ какихъ бы то ни было ея воззрѣніяхъ... Наконецъ, каковы бы ни были предрасудки народа, какъ бы грубы ни были его взгляды на родительскій авторитетъ, все же въ крестьянской семьѣ

держатся казія-нибудь семейныя начала, существуютъ кое-какіе семейные идеалы, положимъ, нерѣдко первобытныя, но тѣмъ не менѣе поддерживающіе солидарность между собою отдѣльныхъ членовъ для борьбы противъ экономическихъ невзгодъ. Какіе же семейные идеалы находимъ мы въ тѣхъ классахъ общества, которые, какъ ненужную ветошь, выкинули за бортъ всѣ семейныя традиции?

— То, что я вижу въ семьяхъ средней руки и даже въ моей собственной, заставляетъ меня отдавать преимущество современнымъ отношеніямъ, которыя зиждутся не на пьедесталѣ неограниченнаго авторитета родительской и супружеской власти, а исключительно на общечеловѣческихъ правахъ, на любви и взаимномъ уваженіи. Въ моей семьѣ отецъ по принципу держался авторитета родительской власти, и хотя я не видала ни малѣйшаго насилія съ его стороны и совершенно привыкла къ поученіямъ въ родѣ слѣдующихъ: „помните у меня, что вы мнѣ все одно, что крѣпостные, что ни прикажу—ни гу-гу...“, но тѣмъ не менѣе все это отдаляло насъ, сестеръ, отъ него. Отношенія къ матери были другія: мы видѣли въ ней не только искренній интересъ къ нашему дѣтскому горю и радостямъ, но всегда безбоязненно разсуждали съ ней обо всемъ, что насъ занимало; она никогда не показывала надъ нами своей власти, всегда и во всемъ мы находили только любовь и ласку, слышали только кроткую просьбу... И что же? Ты долго жила съ нами тѣсной жизнью, но я, думаю, не припомнишь, чтобы мамѣ пришлось въ этомъ расквдываться!

— Можно ли приводить въ примѣръ вашу семью? Екатерина Ивановна натура совершенно исключительная!

— Я нисколько не сомнѣваюсь, что настоящее образованіе и развитіе въ концѣ концовъ подорветъ и въ крестьянской семьѣ первобытныя традиции и этотъ родительскій деспотизмъ, который приводитъ тебя въ такой восторгъ! Ха... ха... ха...—вдругъ неожиданно даже для самой себя закончила она свое возраженіе.— Вотъ тебѣ и самообладаніе! Меня взбѣсила твоя предшествующая тирада, но я вспомнила твое преклоненіе передъ самообладаніемъ и рѣшилась доставить тебѣ удовольствіе, хладнокровно, благоразумно опровергая

тебя, но не вытерпѣла... Тутъ же пришло на память, какъ мы, бывало, дѣвчонками разсуждали съ тобой, спорили, пере-крикивали тебя, ссорились... Сознайся: на практикѣ ты совсѣмъ не придержишься своихъ теорій и, вѣжета, не можешь объ этомъ пожалѣть: мы всѣ такъ тебя любили! Ну, мой милый деспотъ, мы все съ тобой отклоняемся въ сторону... Однако, о чемъ, бишь, мы съ тобой говорили?

— Ты не поняла меня: я не думалъ оправдывать родительскаго деспотизма... да все равно. Мнѣ совсѣмъ не охота пускаться сегодня въ отвлеченныя разсужденія... Ты, вѣроятно, хочешь знать, что было послѣ того, какъ я отослалъ матери свое письмо? Оно еще и теперь не могло дойти, между тѣмъ вчера я получилъ отъ нея новое письмо... Она благословляетъ меня на бракъ.

— Однако, какая Лиза наблюдательная дѣвочка! Она предсказывала, что въ возрѣніяхъ матери на твой бракъ скоро произойдетъ перемѣна..

— Лиза очень огорчила меня своимъ письмомъ: она такъ быстро стала мѣняться къ худшему.

— А меня, наоборотъ, она очень порадовала: въ ней столько искренней любознательности, такое горячее стремленіе къ знанію, къ свѣту... Мы навѣрно будемъ съ ней большими друзьями!

— Не отрицаю, любознательности въ ней не мало... Меня печалитъ особенно то, что у нея уже въ такіе ранніе годы проявляется критическое отношеніе къ матери... Если 14-тилѣтняя дѣвочка уже осмѣливается такъ авторитетно произносить свой судъ надъ старухой-матерью,—это не обѣщаетъ ничего хорошаго!

— Ты преувеличиваешь... это не совсѣмъ такъ... Изъ письма видно одно: ей надоѣли дразги и скандалы въ домѣ, ее видимо тянетъ къ другой жизни, болѣе свѣтлой и разумной. Во всемъ этомъ я вижу только хорошее..

— И я въ дѣтствѣ чувствовалъ потребность другой жизни, но мнѣ и на умъ не приходило осуждать мать, жаловаться на нее или на свое положеніе... Я далеко отъ мысли выставить себя образцомъ совершенства, но не думаю, чтобы при такихъ свойствахъ характера, если они еще усилятся съ

лѣтами, можно было бы ужиться въ той средѣ, изъ которой вышла Лиза и которой она обязана будетъ служить всю свою жизнь.

— А я и на это иначе смотрю. Мнѣ кажется, чѣмъ всестороннѣе понимаешь свою среду, чѣмъ болѣе критически относишься къ ней, чѣмъ болѣе опередилъ ее головой и сердцемъ, тѣмъ полезнѣе будетъ ей твое служеніе. Въ Лизѣ тебя коробитъ болѣе всего то, что ты замѣтилъ въ ней стремленіе называть вещи своими именами... Ты говоришь, въ тебѣ этого не было. Но то была иная пора: новое время, новыя пѣсни! Почемъ знать, что лучше? Можетъ быть, протестъ для современнаго дѣятеля и болѣе пригоденъ, чѣмъ твое хваленое всепрощеніе и всеповорность...

Въ эту минуту раздался звонокъ, и въ комнату вошла Екатерина Ивановна.

— Мамочка!—закричала Ольга, бросаясь въ ея объятія. — Поздравь меня, я невѣста... Я выхожу замужъ за Алексѣя Осиповича... Прости, что не сказала тебѣ этого, когда ты была въ послѣдній разъ. Но между нами тогда это еще не было окончательно рѣшено. Да и теперь! Мы только на-дняхъ настоящимъ образомъ женихъ и невѣста, а уже столько разъ повздорили... Знаешь, вдругъ оказалось множество вопросовъ, на которые мы смотримъ совершенно различно.

— Постой же, постой... дай опомниться!—говорила изумленная Екатерина Ивановна, снимая шубу. — Все это такія важныя новости, а ты примѣшиваешь къ нимъ столько пустяговъ! Алексѣй Осиповичъ, дорогой мой, правда это? Да какъ же я-то между вами ничего не примѣтила?

— Нечего было и замѣчать, Екатерина Ивановна, — отвѣчалъ Никитинъ. — Если бы въ послѣднее время съ Ольгой не произошла перемѣна въ отношеніи ко мнѣ, я бы никогда въ жизни не обнаружилъ своихъ чувствъ къ ней. Да и теперь я буду просить васъ хорошенько подумать объ этомъ: Ольга вамъ все передастъ и, въ виду моихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, скажите мнѣ откровенно, — я это заслужилъ глубочайшимъ къ вамъ уваженіемъ и сыновней преданностію, имѣю ли я нравственное право на руку вашей дочери?...

— Какъ? Опять старое!

— Что же дѣлать! Это такъ серьезно, что невольно приходится возвращаться къ одному и тому же...

— Посмотри...—возразила Ольга, обращаясь къ Никитину и указывая на мать.—Ты все болѣе изумляешь маму. Она, навѣрно, того мнѣнія, что еслибы ты сдѣлалъ предложеніе настоящей принцессѣ, такъ и та должна бы обезумѣть отъ радости. Видишь ли, мамочка, все, что онъ хочетъ тебѣ сказать, заключается прежде всего въ предположеніи, что я, будто бы, могу сдѣлать болѣе блестящую партію, могу располагать въ будущемъ комфортомъ и покоемъ, а онъ ничего этого не можетъ предложить женѣ. Сама подумай, какой выводъ можно сдѣлать изъ этого. Разумѣется тотъ, что онъ не увѣренъ въ моей любви, считаетъ меня слишкомъ пустой, чтобы не на словахъ, а всей душой сочувствовать его стремленіямъ и идеаламъ. Вотъ потому-то эта мысль и преслѣдуетъ его такъ неотступно. Когда мы съ нимъ начнемъ бесѣдовать по этому поводу, онъ немедленно развеселится, а черезъ часъ, другой опять вспоминаетъ о счастья, которое его ждетъ со мной и, глядишь, снова уже очутился въ положеніи преступника, ожидающаго смертной казни. Нѣтъ, Лѣша! Твои вѣчныя предчувствія чего-то недобраго, желаніе снова и снова рѣшать уже рѣшенное, твое недобѣріе ко мнѣ начинаютъ, наконецъ, и меня серьезно тревожить! Подумай, мамочка: еще часъ тому назадъ онъ торопилъ меня свадьбой, а теперь опять затынулъ старую пѣсенку.... А я такъ вотъ не такъ отношусь къ нему... Вдругъ сразу оказалось между нами множество недоразумѣній, на многое мы смотримъ различно и тѣмъ не менѣе..

— Ахъ, Оленька!—прервала ее Екатерина Ивановна.—Вѣдь чай все это только ребячество! Какія тамъ недоразумѣнія могутъ быть у тебя съ Алексѣемъ Осиповичемъ? Дай Богъ, чтобы и ты придерживалась въ жизни такихъ же честныхъ правилъ, какъ онъ. Меня не это беспокоитъ, а то, что женитьба такъ пугаетъ его!

— Что вы говорите!—воскликнулъ Никитинъ, отчаянно хватая за руки Екатерину Ивановну.—Если для меня возможна любовь, возможно какое-нибудь личное счастье, то

только съ ней! Я такъ часто и со страхомъ возвращаюсь къ будущему только потому, что для такой дѣвушки, какъ она, каждый пожертвовалъ бы всѣмъ на свѣтѣ, лишь бы добиться ея любви, работалъ бы съ утра до ночи ради нея и для нея, считалъ бы заботу не только о ея покоѣ и комфортѣ, но и объ исполненіи каждой ея прихоти своей первѣйшей обязанностью....

— Ну ужъ извини,—перебила его Ольга,—я сама не способна съ будущимъ супругомъ всю жизнь распѣвать любовные дуэты и презирала бы человѣка, который посвятилъ бы свою жизнь исполненію прихотей своей жены.

— Да въ чемъ же дѣло, дѣти мои?—спрашивала Екатерина Ивановна.—Я все же не могу хорошенько въ толкъ взять, чтѣ васъ такъ мучить, Алексѣй Осиповичъ?

— Пусть Ольга объяснитъ... Простите, мнѣ какъ-то не по себѣ,—и онъ въ ту же минуту взялся за шапку и, несмотря на просьбы остаться, началъ прощаться, попросивъ Ольгу выйти съ нимъ на минуту въ другую комнату.

— Ольга, скажи, ты ничего не взяла назадъ, даже и обѣщанія повѣнчаться со мной тотчасъ послѣ экзаменовъ?

— Ничего не взяла — рѣшительно отвѣчала Ольга,— и ничего не возьму назадъ, кромѣ послѣдняго. Твой вѣчный страхъ и опасенія за наше будущее заразили, наконецъ, и меня. Къ тому же эти недоразуменія, такъ внезапно обнаружившіеся.... Конечно, все это пустяки... Сама знаю, что при извѣстномъ настроеніи... Да теперь не стоитъ объ этомъ говорить! Только послѣ экзаменовъ, прежде чѣмъ рѣшиться на бракъ, я хочу серьезно обдумать, испытать себя....

Никитинъ поблѣднѣлъ какъ полотно и молча протянулъ ей руку на прощанье. Ей стало его жалко, она хотѣла броситься къ нему на шею, утѣшить его. Но, грустно вздохнувъ, рѣшительно махнула рукой и торопливо вышла изъ комнаты.

Когда Ольга рассказала матери все, чтѣ произошло въ послѣднее время между нею и Никитинымъ, прочитала уже извѣстныя намъ письма къ нему, та, со слезами на глазахъ, стала обнимать свою дочку.

— Ты любишь, вижу, да и какъ его не любить! Съ нимъ

ты была бы вполнѣ счастлива, и этому уже никакъ не помѣшало бы то, что вы разно смотрите на многое. Душа моя, вѣдь и говорить-то другъ съ другомъ было бы не о чемъ, если бы вы на все смотрѣли одними глазами! По моему все дѣло въ его семьѣ. Тяжко ему, бѣдному, Оленька, очень тяжело. Понятно мнѣ теперь, что ему и за тебя боязно, и раздумье его беретъ. Ты тоже, голубка моя, не обманывай себя: трудненько тебѣ будетъ ладить съ ними.

Хотя Ольга откровенно передала матери все, что было въ послѣднее время между ними, но она вовсе не останавливалась на нѣкоторыхъ сомнѣніяхъ своего жениха, такъ какъ сама не придавала имъ особеннаго значенія. Она готова идти за нимъ на край свѣта, можетъ ли онъ или кто бы то ни было усомниться въ этомъ хотя на минуту.

— Да... не легко ему, сама вижу, — заговорила она помолчавъ, сдерживая подступавшія слезы. — Что же? можетъ быть, ему легче будетъ безъ меня?

— Нѣтъ ужъ, дочурка, отъ судьбы, видно, не уйдешь!

— Не уйдешь отъ судьбы! — запальчиво повторила молодая дѣвушка. — Судьба эта существуетъ только для тѣхъ, кто во что бы то ни стало хочетъ выйти замужъ или кого насильно выдаютъ. Я сама съумѣю направить эту судьбу, какъ найду для насъ обоихъ наиболѣе честнымъ и удобнымъ. Если я замѣчу, что тѣ же сомнѣнія все еще одолеваяютъ его, я съумѣю отказаться отъ него, не посмотрю ни на его, ни на свою любовь.

— Напрасно! Сдается мнѣ, этимъ только измучаешь и себя, и его! Дочурка моя милая, какія названія новыя ты ни придумывай, а все же судьба надъ всѣмъ возьметъ верхъ, помни мое слово. И сердисься ты теперь потому, что, сама чувствуешь, не такъ-то легко тебѣ отказаться отъ него, да и его-то пожалѣй: не перенести ему твоего отказа! Жутко на него смотрѣть, какъ онъ ловитъ каждое твое слово, какъ въ лицѣ мѣняется, когда замѣчаетъ, что его слова тебѣ не по сердцу... Право, мнѣ за него еще страшнѣе становилось, чѣмъ за тебя, когда вы тутъ оба разсуждали!

Е. Бѣлавинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИНЛЯНДІЯ^{*)}.

Страна и народъ.

Финны, господствующее населеніе Финляндіи, живутъ не только въ этой странѣ, но и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ губерній Олонецкой и Архангельской. По своему языку они принадлежатъ къ туранскому или урало-алтайскому племени, къ которому въ Европѣ причисляются также мадьяры или венгры, вогулы, зыряне, пермяки, вотяки, мордва, черемисы, лопари и др. Изъ всѣхъ названныхъ племенъ только мадьяръ и финновъ можно причислить къ цивилизованнымъ народамъ: выдвинутые болѣе другихъ на западъ, они легче могли усвоить западную цивилизацію, тогда какъ остальные вѣтви этого племени до сихъ поръ находятся въ полудикомъ, первобытномъ состояніи и чуть не съ каждымъ годомъ уменьшаются въ числѣ, вымираютъ, или до такой степени сливаются съ другими народами, что совершенно утрачиваютъ свою національности. Только финны Финляндіи и мадьяры Венгріи вполне сохранили свой языкъ, свои нравы и обычаи, свой національный характеръ, что краснорѣчиво доказываетъ ихъ національную устойчивость, самобытность, энергію—истинные задатки національной независимости и самостоятельности. И дѣйствительно, если мадьяры и финны среди славянскихъ и нѣмецкихъ племенъ могли уцѣлѣть и сохранить свой національный характеръ и свой языкъ, то теперь уже смѣло можно предсказать тому и другому народу полную устойчивость и прочность въ ихъ самобытномъ существованіи.

^{*)} Продолженіе. См. «Міръ Божій», № 9, II отдѣлъ, стр. 1.

Финны въ концѣ седьмаго, или въ началѣ восьмаго столѣтія заняли Финляндію—свою нынѣшнюю родину; сосѣдство съ моремъ скоро дало имъ возможность войти въ сношеніе со шведами. Въ половинѣ XII столѣтія шведы покорили часть западной Финляндіи и силой меча заставили побѣжденных жителей принимать христіанскую вѣру римскаго исповѣданія. Восточная часть Финляндіи, съ помощью новгородцевъ, долго отбивалась отъ завоеванія шведами, но и она была покорена ими въ XIII столѣтіи. Финны весьма долго и упорно противились введенію у нихъ христіанской религіи, но послѣ жестокой борьбы, продолжавшейся 160 лѣтъ, католицизмъ сдѣлался господствующей религіей во всей странѣ.

Времена католицизма были самыми несчастными въ жизни этого народа: онъ жестоко страдалъ подъ тяжкимъ игомъ католическаго духовенства. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ церквахъ остались слѣды этого ужаснаго времени въ видѣ тайныхъ подземелій, гдѣ за одно неосторожное слово противъ духовныхъ властей томились сотни несчастныхъ жертвъ. Но съ восшествіемъ на престолъ шведскаго короля Густава-Вазы началось сильное противодѣйствіе своеволю римскаго духовенства, а въ 1527 году на сеймѣ было рѣшено, что шведская церковь совершенно отдѣляется отъ римской. Папа призналъ шведовъ и финновъ еретиками, но это не помѣшало распространенію между ними лютеранской религіи. Съ тѣхъ поръ и понынѣ лютеранская религія остается господствующей между финнами и шведами.

Вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства, чтобы основательнѣе упрочить свою власть въ покоренной странѣ, шведское правительство уже въ XIII столѣтіи начало заселять шведами прибрежныя части Финляндіи и почти всѣ ея острова. Чтобы плотнѣе заселить шведами покоренную страну, правительство завлекало въ нее своихъ соотечественниковъ всевозможными торговыми привилегіями и льготами. Однако, шведы никогда не обращались съ финнами, какъ съ рабами, какъ это было въ обычаѣ у побѣдителей относительно побѣжденныхъ. Уже въ половинѣ XIV-го вѣка была признана равноправность финляндскихъ провинцій съ шведскими, какъ въ отношеніи законодательства, такъ и при избраніи королей.

Съ этихъ поръ между шведами и финнами не было никакого неравенства и политическаго различія: Финляндія сдѣлалась составной частью шведскаго королевства, съ той же конституціей, съ такими же гражданскими законами, какъ и въ Швеціи. Хотя финны отличались отъ шведовъ своимъ племеннымъ происхожденіемъ, нравами, обычаями и языкомъ, но это нисколько не мѣшало политической солидарности обоихъ народовъ. Многочисленныя шведскія колоніи въ Финляндіи лишь помогали укрѣплять эту солидарность. Не смотря на это, ассимиляціи, т. е. поглощенія финновъ шведами, не произошло: они сохраняли свои обычаи, свой языкъ. Правда, шведскій языкъ мало-по-малу сталъ языкомъ всѣхъ образованныхъ финновъ, языкомъ литературы, администраціи, судебныхъ мѣстъ, словомъ, получилъ преобладаніе, но при богослуженіи финны продолжали употреблять свой народный финскій языкъ. Но это неравенство, это преобладаніе шведскаго языка надъ финскимъ сглаживалось и уравнивалось равенствомъ гражданскихъ правъ. Финны и шведы одинаково пользовались выгодами и невыгодами того или другого положенія: непріятельское нашествіе, войны, пораженія имѣли тяжелыя послѣдствія какъ для той, такъ и для другой страны; побѣда заставляла одинаково ликовать какъ финновъ, такъ и шведовъ. И дѣйствительно, за все время своего соединенія со шведами, т. е. въ продолженіи почти 600 лѣтъ, эти два народа были тѣсно связаны другъ съ другомъ, дружно переживали всѣ невзгоды, всѣ перемѣны въ гражданской, общественной и религіозной жизни и шли всегда рука объ руку другъ съ другомъ. Финны приняли католичество отъ шведовъ и вмѣстѣ съ ними перешли въ лютеранство. Кромѣ христіанства, финны получили отъ шведовъ и западное просвѣщеніе, и конституціонное устройство, и либеральные законы, и болѣе раціональные способы хлѣбопашества и сельскаго хозяйства, и нѣкоторые демократическіе принципы въ общественной и государственной жизни. Хотя въ древнюю эпоху, какъ видно изъ ихъ эпоса „Калевала“, у финновъ существовало рабство, но въ болѣе поздній періодъ ихъ существованія, когда народъ вездѣ страдалъ отъ ига крѣпостничества, финны избѣгли этого ярма, нравственно и умственно губившаго всѣ слои общества

тамъ, гдѣ оно существовало. Такъ какъ престо­народе въ Швеціи, а слѣдовательно и въ Финляндіи, не испы­тало крѣпостнаго состоянія, финскій крестьянинъ и при шведскомъ владычествѣ оставался свободнымъ землевладѣльцемъ; изъ его рядовъ вышла не только большая часть средняго сословія страны, но и большинство дворянскихъ родовъ. вмѣстѣ со шведами финны участвовали въ избраніи короля, присягали платить ему подати, а король, въ свою очередь, присягалъ народу безъ его согласія не увеличивать повинностей. Такимъ образомъ голосъ представителей финляндскаго народа издавна свободно раздавался на государственныхъ сеймахъ. Вотъ почему за все время своего соединенія со Швеціей финны, несмотря на то, что имъ пришлось перенести много страданій, отличались непово­лебимою вѣрностью шведскому правительству. Своими побѣдами во время тѣхъ или другихъ войнъ, а ихъ такъ много пришлось вести за продолжительный періодъ времени ихъ соединенія, Швеція не мало была обязана мужеству, энергіи и преданности финновъ.

Но когда военное величіе Швеціи начало ей измѣнять, а послѣ Полтавскаго боя и окончательно погибло, завоеваніе Финляндіи Россією стало лишь вопросомъ времени. Швеція, побѣжденная въ великой сѣверной войнѣ, окончившейся Ништадтскимъ миромъ 1721 г., вынуждена была уступить Россіи югозападный уголъ Финляндіи и пограничную крѣпость Выборгъ, а двадцать два года спустя (во время войнъ 1741—43 гг.) уступила Россіи часть Финляндіи до рѣки Кюмени, а также крѣпости Фридрихсгамъ, Нейшлотъ и Вильманстрандъ. Однако большая часть Финляндіи, еще въ продолженіи 65 лѣтъ, принадлежала Швеціи. Только въ 1808—1809 гг. эта шестисотлѣтняя связь между Швеціей и Финляндіей порвалась окончательно. Императоръ Александръ I-й завоевалъ всю Финляндію и, подъ именемъ Великаго Княжества Финляндскаго, страна эта вошла въ составъ Россійской Имперіи. Императоръ Александръ I-й, собравъ на общій сеймъ земскіе чины Финляндіи и принявъ отъ нихъ присягу, какъ великій князь Финляндіи, удостовѣрилъ финновъ въ ненарушимомъ сохраненіи ихъ религіи, основныхъ законовъ страны, правъ и преимуществъ, которыми они пользовались до сихъ поръ. „Этотъ храбрый и честный народъ“, — сказали

Государь, — „благословить Провидѣніе, ниспославшее настоящій порядокъ вещей. Поставленный отнынѣ въ рядъ націй подъ властью своихъ законовъ, онъ станетъ вспоминать о прежнемъ владычествѣ только для сохраненія дружественныхъ сношеній, когда они будутъ возстановлены миромъ“. На это профессоръ Валленіусъ отвѣчалъ Государю рѣчью, которая до сихъ поръ остается лучшей характеристикой финновъ. „Государь! Ты видѣлъ народъ суровый, бѣдный, терпѣливый въ трудахъ, привышій довольствоваться малымъ, гостепріимный, простой въ своихъ нравахъ, сильно привязанный къ вѣрѣ, къ уставамъ и обычаямъ предковъ, свято почитающій законъ и правосудіе, храбрый, твердый, преданный повелителямъ, готовый на все ради вѣры и отечества, мнительный, опасаящійся быть предметомъ презрѣнія или порицанія, но воздающій любовью за любовь, кроткій, податливый, смиренный и чуждый всякихъ смятеній“.

Финскій народъ, послѣ завоеванія Финляндіи императоромъ Александромъ I-мъ, не только сохранилъ религію и основные законы, но вновь получилъ и свое государственное единство, такъ какъ высочайшимъ повелѣніемъ 1811 г. ранѣе завоеванныя Россією части Финляндіи были вновь присоединены къ Великому Княжеству.

Послѣдующая жизнь финновъ подъ русскимъ скипетромъ, какъ государственная, такъ и общественная, показываетъ, что русское правительство поступило весьма благоразумно, утвердивъ въ Финляндіи государственный строй и общественные порядки, заимствованные отъ шведовъ и пустившіе въ жизни народа глубокіе корни. Но свободныя учрежденія этой мирной маленькой страны многимъ у насъ очень не нравятся, почему-то постоянно тревожатъ у насъ очень многихъ. Вскорѣ послѣ покоренія Финляндіи, въ Россіи стали выражать опасеніе, что финны, продолжая развиваться согласно прежнимъ шведскимъ законамъ, могутъ въ концѣ-концовъ утратить свою національность. Но эти опасенія оказались совершенно неосновательными: финны, хотя и получили отъ шведовъ свою цивилизацію и свой государственный строй, но, будучи иного племеннаго происхожденія, чѣмъ шведы, они страстно любятъ свою родину, свой языкъ, который посто-

янно культивирують и къ преобладанію котораго надъ шведскимъ они особенно стали стремиться послѣ присоединенія къ Россіи. Когда, въ виду очевидныхъ фактовъ, нельзя было уже выражать тѣ же опасенія, у насъ стали настойчиво утверждать, и это проникло даже въ печать, что въ силу того, что Россія оставила въ неприкосновенности законы Финляндіи и ея государственныя учрежденія, полученныя ею отъ шведовъ, она въ концѣ-концовъ будетъ стремиться къ новому воссоединенію съ Швеціей. Но эти опасенія были еще болѣе нелѣпы: хотя финны мирно жили со шведами, чувствовали признательность къ нимъ за дарованные законы, но они никогда, конечно, не стремились промѣнять новое положеніе на прежнее. Со времени своего соединенія съ Россіей, финны пользуются миромъ почти непрерывно, между тѣмъ подъ владычествомъ шведовъ имъ приходилось вести постоянныя войны, которыя опять сдѣлались бы неизбежными при новомъ соединеніи съ Швеціей. И это въ Финляндіи понимаетъ каждый грамотный человекъ, и никто никогда въ этой странѣ не выказывалъ подобныхъ неразумныхъ стремленій.

Но и теперь свободныя учрежденія финновъ продолжаютъ беспокоить у насъ очень многихъ. Въ послѣднее десятилѣтіе пошли толки объ ихъ стремленіи къ сепаратизму, т. е. къ отдѣленію отъ Россіи, къ желанію зажить обособленной, самостоятельной политической жизнью. Эти толки уже не только нелѣпы, но и вредны для мирнаго преуспѣянія этой маленькой страны, такъ какъ тормозятъ ея правильное развитіе и могутъ нанести ущербъ ея автономіи. Народонаселеніе Финляндіи состоитъ менѣе чѣмъ изъ $2\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей, — слѣдовательно, въ количественномъ отношеніи, сравнительно съ Россіей, это совсѣмъ небольшой народъ, къ тому же онъ и раньше никогда не игралъ въ исторіи видной роли: рано утративъ свою политическую самостоятельность и присоединенный къ Швеціи, онъ въ продолженіи 600-лѣтней связи своей съ этой страной никогда не дѣлалъ ни одной попытки къ достиженію самостоятельнаго существованія, обособленности, къ отдѣленію отъ Швеціи; но, напротивъ, какъ мы уже видѣли выше, шелъ всегда рука объ руку съ своими побѣдителями, отдавая свою кровь и жизнь, когда это было нужно

для безопасности Швеции. Точно также сохранять финны признательность и къ Россіи, оставившей имъ ихъ законы неприкосновенными. И финны дали этому уже не мало доказательствъ! Да иначе и быть не можетъ: хотя въ силу историческихъ причинъ Финляндія и управляется особыми законами и учрежденіями, но тѣмъ не менѣе она неразрывно связана съ Россіей и ея интересами. Въ 1812 г., а также въ Крымскую кампанію и въ нашу послѣднюю войну съ Турціей, финны считали наши побѣды и пораженія своими, всегда съ готовностью проливали свою кровь на ряду съ русскими. Мало того: за все время соединенія Финляндіи съ Россійской Имперіей, т. е. въ продолженіе слишкомъ 80 лѣтъ, въ Финляндіи не произошло ни одного событія, которое указывало бы на стремленіе нарушить это соединеніе „Въ чемъ же заключается нашъ сепаратизмъ?“ — спрашиваетъ одна финская газета и отвѣчаетъ: „безъ сомнѣнія, только въ томъ, что мы всей душой привязаны къ основъ и необходимымъ условіямъ своего духовнаго и физическаго существованія, къ законамъ и учрежденіямъ, безъ которыхъ мы влачили бы лишь жалкую жизнь“. Между тѣмъ постоянныя неразумныя обвиненія этого народа въ сепаратизмъ раздражаютъ русское общество противъ ни въ чемъ неповинныхъ финновъ, заставляютъ придумывать разныя средства для руссификаціи края, для лишенія этого честнаго народа учрежденій, которыя вошли въ его плоть и кровь, порождаютъ смуту, недовольство и рознь между русскими и финнами. И къ чему все это, когда мы, русскіе, постоянно видѣли со стороны финновъ только полную преданность нашимъ интересамъ и не имѣемъ никакихъ данныхъ для обвиненія ихъ въ сепаратизмъ? „Попытка уничтожить автономныя финскія учрежденія“, справедливо говоритъ одинъ финскій писатель, „явились бы въ Финляндіи дѣломъ разрушенія, которое не доставило бы Россіи ни выгоды, ни могущества, ни славы, ни уваженія“. И что было бы съ Финляндіей, если бы, по желанію нѣкоторыхъ нашихъ писателей, обрусили ея университетъ и ея школы? Возможна ли автономія націи безъ національнаго языка и школы? Но этого, конечно, несмотря на старанія писателей, не по разуму ретивыхъ, никогда не будѣтъ, и удостовѣреніе императора

Александра I въ ненарушимомъ сохраненіи конституціи Финляндіи, ея законовъ и привилегій останется во всей силѣ.

Финскій языкъ только недавно получилъ права гражданства. Послѣ покоренія финновъ шведами, шведскій языкъ, какъ мы уже знаемъ, мало-по-малу сталъ языкомъ всѣхъ образованныхъ финновъ, языкомъ не только лучшихъ произведеній литературы, но также и школъ, администраціи и судебныхъ мѣстъ. Только при общественномъ богослуженіи продолжали употреблять народный языкъ. Послѣ реформаціи, въ 1527 г., священное писаніе было переведено на финскій языкъ. Но и послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, русское правительство сохранило въ этой странѣ шведскій языкъ въ качествѣ административнаго и судебного. Такимъ образомъ туземными языками Финляндіи считались шведскій и финскій языки, но послѣдній долго оставался языкомъ просто-народа. Финны уже давно сокрушались и скорбѣли о преобладаніи шведскаго языка; ихъ представители постоянно ходатайствовали у властей объ употребленіи своего роднаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Финскіе поэты на разные лады выражали свою скорбь о преобладаніи шведскаго языка, постоянно высказывали мысль, что если бы на финскомъ языкѣ писали тѣ, которые чинятъ судъ и расправу между сынами Финляндіи, тогда каждый приговоръ былъ бы понятенъ, если бы законы родины были объясняемы на финскомъ языкѣ, они ясно и отчетливо понимались бы всѣмъ народомъ.

Наконецъ, въ 1886 г., къ великой радости и счастью финновъ, установлена была въ дѣлопроизводствѣ и служебныхъ сношеніяхъ полная равноправность какъ шведскаго, такъ и финскаго языковъ; нужно помнить, что финскій считается роднымъ языкомъ почти $\frac{9}{10}$ населенія страны. Теперь и самые образованные люди въ Финляндіи стараются изучать финскій языкъ, говорить, даже писать на немъ: изъ 60 періодическихъ изданій 40 выходятъ въ свѣтъ на финскомъ языкѣ. Образованный классъ теперь усердно изучаетъ финскій языкъ и вводитъ его даже въ свои семейства. Даровавъ финскому языку полную равноправность съ шведскимъ, русское правительство болѣе всего способствовало обособленности финновъ отъ шве-

довъ, дало толчокъ въ самостоятельному развитію ихъ въ будущемъ, положило прочное основаніе духовной связи Россіи съ Финляндією. Только такимъ путемъ, т. е. споспѣшествуя умственному и нравственному преуспѣянію финновъ, давая имъ полную возможность свободно развиваться на изстари укоренившихся основахъ ихъ государственнаго быта, русское правительство и общество создадутъ прочную связь, дружбу и уваженіе между русскими и финнами.

По еще не обнародованнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, народонаселеніе Финляндіи въ началу 1891 года состояло изъ 2.338,404 человекъ. Какъ въ большинствѣ европейскихъ странъ, женскій полъ и здѣсь преобладаетъ своею численностью надъ мужскимъ: на 1.000 мужчинъ приходится 1.039 женщинъ. Причина этого, вѣроятно, кроется въ занятіяхъ мужчинъ, чаще сопряженныхъ съ большею опасностью а также и въ болѣе неправильномъ ихъ образѣ жизни; наконецъ, пьянство и другія излишества распространены почти исключительно между мужчинами.

Несмотря на то, что Финляндія занимаетъ территорію даже большую, чѣмъ Великобританія, ея народонаселеніе не равняется и половинѣ числа жителей Лондона. Но страна гранита и озеръ, при своемъ суровомъ климатѣ, не всегда можетъ прокармливать даже и это маленькое населеніе. На одну квадратную версту въ Финляндіи приходится около 7 человекъ; если мы вспомнимъ, что въ сосѣдней съ нею Швеціи населеніе одной квадратной версты въ среднемъ около 12-ти человекъ, а въ Европейской Россіи около 16 человекъ, то Финляндію можно назвать страню весьма слабо населенною. Но нужно помнить, что названныя страны болѣе, чѣмъ Финляндія, надѣлены дарами природы и пользуются менѣе суровымъ климатомъ. Если же сравнивать Финляндію по густотѣ населенія со странами, лежащими подъ одной съ ней широтой, то она окажется населеннѣе и несравненно лучше ихъ воздѣланною. Густота населенія здѣсь вдвое болѣе населенія провинціи Норландъ въ Швеціи или Олонеккой и Вологодской губ., въ 12 разъ болѣе, чѣмъ въ Архангельской, и почти въ 20 разъ болѣе, чѣмъ въ Сибири. При этомъ Финляндія одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ населеніе возрастаетъ съ наибольшей бы-

строю (въ 1815 г. 1.095.950, въ 1870 г. 1.767.200, въ 1879 г. 2.028.021). Такое быстрое приращеніе народонаселенія можно объяснить миромъ, которымъ пользуется этотъ край со времени завоеванія его Россіей, а также большимъ развитіемъ въ XIX столѣтіи земледѣлія, промышленности и торговли. Но^н нужно помнить, что быстрый ростъ населенія, въ извѣстные періоды, какъ, напр., въ неурожайные годы, совершенно пріостанавливался, и частые неурожаи въ этой странѣ дѣйствуютъ чувствительнѣе даже самыхъ тяжелыхъ войнъ.

Въ Финляндіи живутъ не только финны, но и шведы, а также въ небольшомъ количествѣ и другія національности. Но главное ядро населенія составляютъ финны — ихъ болѣе 85⁰/₀, шведовъ въ странѣ лишь 14⁰/₀ (кромѣ приморскихъ рыбаковъ, которыми въ Финляндіи являются шведы, — въ городахъ они преимущественно составляютъ зажиточный классъ общества — дворянъ, купцовъ, духовенства); ¹/₂⁰/₀ падаетъ на русскихъ и нѣмцевъ, и еще столько же придется положить на цыганъ, евреевъ и лопарей.

Финны, однако, не представляютъ вполне однородной массы: по внѣшнему виду, по характеру, отчасти даже по говору они раздѣляются на *тавастовъ* (собственно финновъ) и на *карелу* или *кареловъ*. Тавасты занимаютъ всю юго-западную Финляндію, т. е. всю Абовскую губернію, юго-западную часть Вазаской, большую часть Тавастгусской, весь сѣверъ Нюландской и западную часть Выборгской губерніи. Карелы занимаютъ всю остальную Финляндію, т. е. сѣверо-восточную ея часть; но ихъ можно встрѣтить и за предѣлами Финляндіи: въ Архангельской и Олонецкой, даже въ Новгородской, Тверской и Ярославской губерніяхъ. Пространство, занимаемое карелами въ Финляндіи, въ пять разъ болѣе того, которое занимаютъ тавасты, но тѣхъ и другихъ почти одинаковое количество, такъ какъ тавасты живутъ въ мѣстностяхъ, несравненно болѣе плодородныхъ, которыя вслѣдствіе этого и заселить можно было несравненно плотнѣе. Тавасты и карелы, въ давно прошедшія времена, постоянно враждовали между собою; карелы дружили съ новгородцами и вмѣстѣ съ ними часто вели кровопролитныя войны съ своими единоплеменниками. Но послѣ покоренія шведами всей Финляндіи, го-

сударственная жизнь какъ западныхъ, такъ и восточныхъ финновъ шла однимъ и тѣмъ же путемъ. Тѣмъ не менѣе тавасты носятъ на себѣ слѣды шведскаго, карелы—русскаго вліянія. Тавастъ—типичный финнъ, наиболѣе характерный представитель финскаго племени: онъ ниже средняго роста, широкоплечъ, сухощавъ, но мускулистъ и коренастъ. Его большой ротъ всегда вѣрно сжатъ и говоритъ объ упорной волѣ, настойчивости, отсутствіи болтливости и экспансивности. Особенно бросается въ глаза его широкая, но короткая голова, часто угловатая; лицо у него тоже большое, широкое, скорѣе квадратное, чѣмъ круглое; узкіе, нерѣдко косые, голубые глаза до того свѣтлы, что кажутся иногда совсѣмъ бѣлыми; совершенно свѣтлые, прямые волосы очень часто съ желтоватымъ оттѣнкомъ, или совсѣмъ льняные. Вотъ почему русскій народъ называетъ западнаго финна (таваста) „бѣлоглазымъ и бѣловолосымъ чухной“. Западные финны никогда почти не носятъ бороды, а если она и есть у кого, то, сравнительно съ русскимъ крестьяниномъ, совсѣмъ жидкая и короткая. Вообще, западные финны (тавасты), какъ мужчины, такъ и женщины совсѣмъ не отличаются ни красотой тѣлесной, ни изяществомъ манеръ, ни граціей, ни привѣтливостью. Въ психическомъ отношеніи у таваста еще болѣе рѣзкія характерныя черты: онъ серьезенъ, задумчивъ, всегда какъ будто углубленъ въ размышленіе, очень скрытенъ, молчаливъ, не отличается ни энтузіазмомъ, ни живостью манеръ и жестикюляціи, ни подвижностью ума ни быстрой сообразительностью; напротивъ, онъ вялъ, сумраченъ, неповоротливъ и неуклюжъ въ движеніяхъ. Несмотря на либеральные законы, которыми финны издавна пользуются, тавасты не охотники до новшествъ, и ихъ взгляды вообще весьма консервативны. Самая непріятная черта ихъ характера — подозрительность и особенно мстительность и злопамятность: они могутъ обдуманно отыскивать мечь до поры до времени, при этомъ рассчитываютъ самымъ грубымъ, самымъ детальнымъ образомъ, какъ болѣе жестоко поразить врага, и хладнокровно ждуть удобнаго случая: грубо обдуманное преступленіе здѣсь не рѣдкость. Лучшія качества ихъ характера: — довольство малымъ, умѣнье переносить самыя тяжкія страданія съ уди-

вительной стойкостью и терпѣніемъ, неутомимое трудолюбіе и упрямство въ достиженіи цѣли: они не бросаютъ своего предпріятія, въ какомъ бы отчаянномъ положеніи оно ни было, разъ есть еще какая-нибудь возможность бороться. Та-вастъ во всѣхъ отношеніяхъ въ высшей степени честный человекъ и надежный другъ: онъ никогда ни передъ кѣмъ не рассыпается въ нѣжностяхъ, не говоритъ хорошихъ словъ, не выражаетъ на словахъ сочувствія, но доказываетъ свои чувства на дѣлѣ. Вообще, онъ не многорѣчивъ: говоритъ только дѣло и никогда не выражается въ превосходной степени. Хотя онъ не отличается быстрой сообразительностью, но долго и глубоко обдумываетъ всякій свой приговоръ, всякое свое сужденіе, почти всегда основательное, но которое достается ему очень медленнымъ путемъ. Несмотря на то, что древніе финны придавали огромное значеніе пѣнію, музыкѣ и дару слова и смотрѣли на эти искусства, какъ на величайшій даръ, противъ котораго ничто въ мірѣ не могло устоять, западные финны одарены этими дарами несравненно менѣе кареловъ: въ западной Финляндіи несравненно чаще, чѣмъ пѣніе, васъ преслѣдуютъ звуки природы: завываніе и вой вѣтра, монотонный шумъ и плескъ отъ прибоя волнъ. Хотя западные финны (та-васты), какъ мужчины, такъ и женщины, не отличаются красотой, зато они могутъ гордиться физической крѣпостью и нравственной устойчивостью, теплой, глубокой и искренней любовью къ ближнему, истинно-гуманной симпатіей къ нему, неутомимостью въ работѣ и замѣчательнымъ благоразуміемъ характера, — эти качества ума и сердца дѣлаютъ этотъ народъ сильнымъ и мужественнымъ, такъ что можно смѣло предсказать, что онъ и въ будущемъ устоитъ въ борьбѣ за существованіе.

Карелы, особенно живущіе за предѣлами Финляндіи, по типу нѣсколько напоминаютъ русскихъ. И это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что они гораздо долѣе, чѣмъ та-васты, развивались подъ влияніемъ русскихъ, да и теперь чаще своихъ соплеменниковъ приходятъ съ ними въ соприкосновеніе. Костюмъ кареловъ уже болѣе напоминаетъ русскій, въ ихъ языкѣ, чѣмъ они ближе къ Россіи, тѣмъ болѣе испорченныхъ русскихъ словъ. Карелія была и осталась родникомъ народныхъ пѣсень; между карелами всегда было

много пѣвцовъ, импровизаторовъ и поэтовъ; среди нихъ преимущественно и собраны были гѣсни „Калевалы“. Карелы, сравнительно съ тавастами, выше ростомъ, несравненно болѣе ихъ подвижны, пропорціональнаго сложенія, болѣе стройны и съ болѣе правильными чертами лица. Цвѣтъ ихъ лица уже болѣе смуглый, чѣмъ у таваста, голова тоже не такая короткая, какъ у него, точнѣе сказать, она пропорціональна росту и организаціи; глаза только въ рѣдкихъ случаяхъ съ косыми щелями; глазная радуга—сѣроголубая, брови и волосы темные и пушистые, при этомъ густые волосы карела очень часто выются. Борода, также какъ и у таваста, очень слабо развита, и ее обыкновенно сбриваютъ; выраженіе лица живое и симпатичное. Между карелами, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, можно встрѣтить не мало красивыхъ: у женщинъ довольно правильныя черты лица: прямой носъ, сініе глаза, красиво очерченный ротъ, вообще, въ ихъ лицахъ больше жизни и выраженія, чѣмъ у ихъ соплеменницъ на западѣ. Точно также и карелы несравненно болѣе подвижны и предприимчивы, менѣе упрямы, но и менѣе трудолюбивы. Въ ихъ характерѣ нѣтъ той мрачности, которая служитъ отличительной чертой тавастовъ. Въ экономическомъ отношеніи карелы бѣднѣе тавастовъ и по умственному развитію стоятъ тѣмъ ниже, чѣмъ далѣе къ востоку они живутъ. Но это происходитъ не потому, что карелы въ умственномъ отношеніи одарены бѣднѣе своихъ единоплеменниковъ, а вслѣдствіе историческихъ, географическихъ и климатическихъ условій. Восточная часть Финляндіи, которую занимаютъ карелы, менѣе плодородна и отличается болѣе суровымъ климатомъ, чѣмъ западная. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что послѣ завоеванія шведовъ умственное и общественное развитіе кареловъ шло несравненно медленнѣе, чѣмъ это было у тавастовъ: вліяніе русской образованности исчезло съ присоединеніемъ ихъ къ Швеціи, финскія же образовательныя вліянія, хотя и были близки и доступны, но прививались къ нимъ весьма туго. Еще и въ настоящее время на ихъ нарѣчій написано чрезвычайно мало книгъ, а тѣмъ болѣе это было тогда; еще и теперь карелы совсѣмъ не могутъ читать по-русски и многіе изъ нихъ не совсѣмъ легко понимаютъ по-фински.

*

Тѣмъ не менѣе, какъ между восточными, такъ и между западными финнами чрезвычайно много общихъ чертъ характера. Самая характерная черта финскаго народа—его горячая любовь къ родинѣ. Въ его трогательномъ національномъ гимнѣ вполне выражается это чувство. „Нашъ край, нашъ край, нашъ край родной — звучи громко, о дорогое слово! Нѣтъ горы, идущей къ небесамъ, не стелется той долины, не обмывается волной тотъ берегъ, которые были бы любимы болѣе, чѣмъ мы любимъ нашу страну на сѣверѣ, нашу отцовскую землю!

„Наша страна бѣдна и останется такой для того, кто жаждетъ золота. Чужеземецъ гордо проѣзжаетъ мимо насъ, но эту страну мы любимъ. Для насъ, со своими болотами, скалами и шхерами,—она все-таки золотая страна.

„Твой цвѣтъ, еще скрытый въ почвѣ, разовьется изъ своего плѣненія: смотри, изъ нашей любви возродятся твой свѣтъ, твой блескъ, твоя радость, твоя надежда! И пусть раздастся еще разъ наша отечественная пѣснь“.

Финны чрезвычайно чувствительны къ красотамъ своей природы. Если чужеземецъ приобретаетъ довѣріе и привязанность финна, что бываетъ очень рѣдко и достается съ большимъ трудомъ, и если тотъ разговариваетъ съ нимъ не стѣсняясь, онъ обыкновенно описываетъ ему красоту той или другой мѣстности своей страны.

Несмотря на страстную любовь къ родинѣ, финну приходится отъ времени до времени повидать ее, но его любовь сказывается съ особенной силой и въ его жизни на чужбинѣ. Хотя сравнительно со многими другими европейскими странами эмиграція изъ Финляндіи вообще совершенно ничтожна, но въ самое послѣднее время она все же нѣсколько усилилась. По словамъ финляндскихъ газетъ, въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ насчитываютъ уже до 80 тысячъ финновъ. Особенно много эмигрируетъ ихъ изъ Эстерботніи—изъ губерній Вазасской и Улеоборгской, а именно среднимъ числомъ въ годъ (за послѣднее пятилѣтіе) отсюда отправляется въ Америку около 4.400 человекъ обоого пола, что, по отношенію къ населенію обѣихъ губерній, составляетъ $\frac{2}{3}$ ‰. Къ сожалѣнію, громадное боль-

шинство эмигрантовъ—самаго цвѣтущаго возраста (отъ 21-го до 39-ти лѣтъ) и принадлежитъ къ сельскому населенію. Если, при любви финновъ къ родинѣ, эмиграція среди нихъ усилилась, то для этого несомнѣнно явились серьезныя экономическія причины. Въ виду этого въ Эстерботніи въ прошедшемъ году и была сдѣлана попытка выяснить значеніе этого явленія. Оказывается, что огромное большинство эмигрантовъ принадлежитъ къ людямъ, или совсѣмъ не имѣющимъ земли, какъ, напримѣръ, бобыли, прислуга, или имѣющимъ ея настолько мало, что она не можетъ прокормить семью селянина. Въ Эстерботніи такихъ землевладѣльцевъ, земельные участки которыхъ чрезвычайно ничтожны, гораздо больше, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ Финляндіи. При этомъ нужно помнить, что населеніе этой страны, какъ мы уже указывали выше, сильно увеличивается, слѣдовательно на ничтожныхъ земельныхъ участкахъ становится все менѣе возможнымъ прокармливать постоянно увеличивающемуся количеству ртовъ. Вотъ почему за послѣднее время такъ усилилась эмиграція. Но такъ какъ даже и въ Эстерботніи, гдѣ она считается наиболѣе сильной, она все же не достигаетъ и одного процента, мы бы, по размѣрамъ нашей статьи, могли и не упоминать объ этомъ фактѣ, дѣлаемъ же это въ виду въ высшей степени оригинальнаго значенія, которое онъ имѣетъ въ этой странѣ. Въ то время, когда эмиграція вездѣ оказываетъ самое пагубное вліяніе, отчасти потому, что лишаетъ страну здоровыхъ рабочихъ рукъ (эмигрируютъ обыкновенно здоровые и сильные молодые люди), отчасти потому, что эмигранты увозятъ съ собою на чужбину тѣ крохи, которыя у нихъ остаются, и родственники первое время, пока они не устроятся, посылаютъ имъ деньги,—въ Финляндіи это явленіе вовсе не имѣетъ такихъ вредныхъ послѣдствій. Въ другихъ странахъ, гдѣ процентъ эмигрирующихъ великъ, деньги, которыя такимъ образомъ вывозятся съ родины на чужбину, представляютъ чувствительную потерю. Совсѣмъ другое въ Финляндіи: останавливаясь на вопросѣ объ экономическихъ послѣдствіяхъ эмиграціи для Эстерботніи, статистики, собиравшіе эти свѣдѣнія, пришли къ заключенію, что она не причиняетъ никакого вреда. Эми-

грація хотя и отвлекаетъ рабочія силы отъ мѣстнаго земледѣлія, но это вознаграждается тѣмъ, что финляндскіе эмигранты никогда не разрываютъ связи съ родиной и ежегодно высылаютъ домой крупныя денежныя суммы; такъ, въ одномъ изъ уѣздовъ двухъ вышеупомянутыхъ губерній отъ эмигрантовъ получается не менѣе 300 тысячъ марокъ въ годъ. Къ тому же финны, оставляя родину, не вывозятъ изъ нея никакихъ капиталовъ уже потому, что эмигрируютъ лишь въ томъ случаѣ, когда на родинѣ остаются безъ заработка и когда находятся въ совершенно безвыходномъ матеріальномъ положеніи. На свой переѣздъ въ чужую страну они обыкновенно занимаютъ деньги у родныхъ и знакомыхъ, переселившихся раньше ихъ и услѣвшихъ уже устроиться на новомъ мѣстѣ. Если же это почему-нибудь не удастся, и заемъ на путешествіе приходится сдѣлать на родинѣ, то долгъ всегда выплачивается аккуратно, и притомъ, очень скоро: первыя деньги, заработанныя на чужбинѣ, финнъ посылаетъ на родину въ уплату долга, а затѣмъ, какъ только нѣсколько устроится, начинаетъ урывать изъ своихъ сбереженій, чтобы сколько-нибудь помочь своимъ близкимъ, что ему всегда удается, — вѣдь онъ такъ скромнень въ своихъ требованіяхъ комфорта.

Большинство эмигрирующихъ повидаютъ родину не на всегда: высчитано, что домой совсѣмъ не возвращается только отъ 20 до 25% общаго числа, да и изъ нихъ большинство такихъ, которые вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ не въ состояніи предпринять далекое путешествіе. Обыкновенно же финнъ, эмигрировалъ ли онъ въ Америку съ семьей, или только тамъ женился, при этомъ непременно на своей землячкѣ, лѣтъ черезъ 5—6 возвращается на родину, и въ первый разъ обыкновенно только на побывку: тоска по родинѣ такъ истомила его, что онъ счелъ за лучшее посѣтить ее хотя ненадолго. Отправляясь снова въ Америку, онъ имѣетъ твердое намѣреніе, скопивъ небольшую сумму, купить на родинѣ землю. Такимъ образомъ, эмигрируя, финнъ всегда мечтаетъ возвратиться домой и заняться земледѣліемъ; его мечты, для осуществленія которыхъ онъ не жалѣетъ силъ, обыкновенно сбываются. Возвратившись на родину болѣе

обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, съ большимъ запасомъ знаній и основательно ознакомившись съ рациональными способами сельскаго хозяйства и примѣненія рабочихъ силъ къ самымъ разнороднымъ отраслямъ труда, онъ становится болѣе полезнымъ на родинѣ, чѣмъ прежде, и такимъ образомъ вознаграждаетъ ее за тотъ вредъ, который нанесъ ей своимъ временнымъ отсутствіемъ. Но Финляндія чуть ли не единственный примѣръ того, что эмиграція пока не наноситъ странѣ тяжелаго уцѣрба и не имѣетъ пагубнаго вліянія, и это объясняется тѣмъ, что ея граждане питаютъ страстную любовь къ родинѣ и своимъ близкимъ и одарены необыкновеннымъ постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ.

Несмотря на то, что финны почти 600 лѣтъ были подъ чужеземнымъ владычествомъ, въ ихъ манерѣ и отношеніи къ людямъ нѣтъ ничего раболѣпнаго, скорѣе проглядываетъ чувство собственнаго достоинства и уваженія къ личности ближняго, — результатъ свободныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій, которыми они пользовались такъ долго, и которыя дали возможность народу уже издавна участвовать въ самоуправленіи, а также — слѣдствіе отсутствія крѣпостнаго права, которое губило въ зародышѣ всѣ нравственные инстинкты человѣка. Кто бы ни стоялъ передъ финномъ — знатный, богатый или нищій, онъ строго исполняетъ относительно каждаго свои обязанности, но ни къ кому не обращается ни высокомерно, ни низкопоклонно, никому безнаказанно не позволить унижить себя, грубо бранить себя безъ всякой причины. Необыкновенно терпѣливый, онъ можетъ придти въ ярость, способенъ на дерзость, если видитъ незаслуженное оскорбленіе.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ трудолюбіе финновъ, ихъ добросовѣстность, постоянство и упорство въ трудѣ, настойчивость въ достиженіи цѣли и покорность судьбѣ. Эти характерныя качества — результатъ суровой природы. Финляндскій поэтъ Топеліусъ, въ одномъ стихотвореніи, совершенно справедливо говоритъ:

«У моря бурнаго мятель
«Качала нашу колыбель,

«И мы, какъ ель родной земли,
«Въ сугробахъ сѣвера выросли».

Бесплодная почва, суровый климатъ, непроходимые лѣса, безчисленное количество болотъ, голые гранитные утесы уже издавна заставили финновъ вести упорную борьбу за существованіе, работать, не покладая рукъ, чтобы сдѣлать свою страну болѣе обитаемой, чѣмъ она была при первоначальномъ ихъ водвореніи. И они достигли блестящихъ результатовъ: и изъ всѣхъ народовъ сѣверной Европы только финны распространили земледѣліе до столь отдаленной сѣверной широты на почвѣ самой неблагоприятной. Опустошительныя войны и періодическіе неурожаи приучили ихъ стойко выносить несчастія, развили покорность судьбѣ, доходящую до фатализма.

Работа финна не отличается ни особенной опрятностью, ни изяществомъ, зато она всегда прочна и хорошаго качества, но онъ медленно, чрезвычайно медленно, ее выполняетъ! Это отчасти объясняется его расчетливостью, — боязнью испортить матеріаль, а также добросовѣстностью и упрямствомъ срабатывать именно такъ, какъ онъ это напередъ задумалъ: настойчивость и упрямство — выдающіяся черты его характера.

Финну нельзя отказать въ способности къ сложнымъ и труднымъ предпріятіямъ, что можно видѣть въ его постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, различныхъ грандіозныхъ сооруженій въ родѣ Сайминскаго канала, а также и въ его промыслахъ. Духъ обогащенія всегда былъ чуждъ характеру финна: въ немъ сильно развито опасеніе промѣнять вѣрное на невѣрное, какъ бы ни было оно заманчиво, какое бы богатство ни сулило оно ему въ будущемъ.

Несмотря на широкое гостепрійство, съ какимъ финнъ принимаетъ каждаго, входящаго въ его жилище, онъ весьма недовѣрчиво относится къ мало знакомому человѣку, никогда не будетъ съ нимъ болтать ни о своихъ дѣлахъ, ни о себѣ лично. Для русскаго человѣка, съ душой на распашку, финнъ черезчуръ скрытенъ и степененъ; и дѣйствительно, онъ оцѣниваетъ людей не по первому впечатлѣнію, а по ихъ внутреннему достоинству.

Хотя финнъ угрюмъ и молчаливъ, но, разговорившись, онъ

становится мѣткимъ и остроумнымъ, что особенно видно въ его пѣсняхъ (рунахъ) сатирическаго характера. Такую руну слагають то одинъ, то нѣсколько человекъ вмѣстѣ на какое-нибудь происшествіе, комичное или достойное осмѣянія, но еще чаще въ нихъ бичуютъ негодяя, обидчика, клеветника или хвастуна. Когда финнъ разгуливаетъ по ярмаркѣ, которая даетъ такой богатый матеріалъ для рунъ, и видитъ что-нибудь смѣшное, забавное или дѣлается свидѣтелемъ воровства, къ которому онъ относится съ особеннымъ презрѣніемъ, онъ говоритъ: „Это стоило бы рунъ“.

Однажды на ярмаркѣ одинъ крестьянинъ укралъ изъ лавки платокъ; его сильно исколотили за это, но гораздо болѣе ужаснымъ для него наказаніемъ была руна, вызванная этимъ проступкомъ, которой долго его преслѣдовали. Передать подобную руну въ переводѣ такъ, чтобы она не утратила своего оригинальнаго характера, — очень трудно, и мы приведемъ только заключительныя слова руны, написанной по вышеозначенному поводу: „Пѣсню эту сложилъ я тогда же, будучи очевидцемъ приключенія; но имени своего не скажу, не назову отца этой пѣсни“.

Руны сочиняются также изъ мести, и тогда онѣ нерѣдко представляютъ настоящій пасквиль. Противникъ отвѣчаетъ на нее не менѣе колкой руной, и такимъ образомъ завязывается пѣсенная перебранка, которая въ концѣ концовъ порождаетъ цѣлую серію рунъ, что, конечно, раздражаетъ обѣ стороны, и иногда доходить до того, что первый потерявшій терпѣніе отправляется въ судъ. Впрочемъ, финну вовсе не надобно быть въ особенно раздраженномъ состояніи духа, чтобы настрочить жалобу: сутяжничество весьма выдающаяся черта его характера, и финскіе суды завалены массой жалобъ. Осмѣянный въ рунѣ обыкновенно подаетъ жалобу въ судъ на то, что его доброе имя несправедливо очернено. Для разбора призываютъ автора руны, и если находятъ виновнымъ, то приговариваютъ къ уплатѣ штрафа. Говорятъ даже, что бывають случаи, когда призваннаго въ судъ сатирика заставляютъ произнести руну, чтобы узнать, насколько она могла опозорить доброе имя истца. Сатирикъ, если только онъ не отказывается повторить руну, говоритъ обыкновенно, что

произнести ее онъ не можетъ, а можетъ только спѣть, такъ какъ пѣсня сама собою вытягиваетъ слова, и въ такомъ случаѣ начинаетъ ее пѣть. Нѣкоторые изъ этихъ доморощенныхъ сатириковъ-поэтовъ поютъ руну на судѣ не иначе, какъ сильно измѣняя ея содержаніе: склонность къ импровизаціи мѣшаетъ имъ запомнить пѣсню слово въ слово; другіе измѣняютъ ее изъ боязни отвѣтственности и при этомъ присочиняютъ что-нибудь такое, что служитъ истцу скорѣе въ похвалу, чѣмъ въ порицаніе; попадаются и такіе, которые при допросѣ поютъ руну въ ея первоначальномъ видѣ, или еще злѣе осмѣиваютъ истца, чѣмъ въ первый разъ. Сатирическій родъ рунъ совершенно чуждъ древней поэзіи: это явленіе уже новѣйшихъ временъ; точно также и пѣсни веселаго содержанія несравненно болѣе сродни современной поэзіи, чѣмъ древней.

Сатирическими рунами не исчерпывается вся поэзія финновъ, — вы услышите въ этой странѣ и руны историческія, анекдотическія, благодарственные, хвалебныя, — словомъ, пѣсни самаго разнообразнаго характера и содержанія. Но особенно трогательной силой, простотой и непосредственнымъ чувствомъ дышатъ руны лирическія, въ которыхъ высказывается грусть и печаль одинокаго существованія. Рунъ съ грустными, меланхолическими мотивами несравненно больше, чѣмъ веселыхъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ и полныхъ надеждъ молодости. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Почему онѣмѣли твои уста, почему не болтаешь ты такъ весело, какъ прежде? Не звучатъ болѣе алыя уста, не болтаютъ также весело, какъ прежде, языкъ потому, что нѣтъ здѣсь моего друга... Любимецъ моего сердца бродитъ въ отдаленныхъ странахъ, далеко отъ меня въ обширномъ пространномъ, мірѣ и не показываются передо мною, какъ прежде, его дорогія черты, чудныя, какъ разсвѣтъ весенняго дня, нѣжныя, какъ утренняя заря! Будь онъ опять со мною, появись онъ передо мною, какъ прежде, на пожогѣ, онъ — весна и радость моего сердца, онъ — моя нѣжно-утренняя заря, я маленький, бѣдный чижъ, выводилъ бы весело, какъ и прежде, мои трели... Сердце трепещетъ отъ радости при одной мысли объ этомъ“. А вотъ и другая: „Никогда не могу забыть времени моего дѣтства! Никогда не забыть мнѣ моей свѣтлой и тихой весны, когда я, какъ ма-

ленькій зябликъ, пѣла въ лѣсу, когда я, какъ жаворонокъ, рассыпалась въ треляхъ среди тучъ. Молодая грудь не знала тогда мученій! Какъ порывъ вѣтра, прокрадывалась я между деревьями въ лѣсу, какъ, листъ, неслась я впередъ по рощѣ, какъ бабочка, увивалась я вокругъ цвѣточныхъ куртинъ, какъ лучъ солнца, сверкала я на краю пожоги, какъ лучъ съ высоты, блестяла я на крутизнѣ потока, какъ цвѣтокъ, мелькала въ красивомъ кругу сверстницъ. Тихо засыпала я, убаюкиваемая дунуvenіемъ западныхъ вѣтровъ и, какъ птичка, покойно лежала въ гнѣздышкѣ съ беззаботными мыслями... Но я не знаю, что со мною теперь, что закралось въ мою грудь? Тяжелыя думы раньше никогда не посѣщали меня, неиспытанный прежде огонь не жегъ моего сердца, — вотъ что со мною теперь. Изба мнѣ кажется такой мрачной и тяжелой, радость не живетъ теперь для меня въ полевомъ верескѣ, пожога не сулитъ мнѣ больше никакого счастья, тѣнь роши не даетъ никакой прохлады, тревога сторожить меня у постели, тревога вызываетъ тяжкія картины, которыя смущаютъ мой сонъ, и съ разсвѣтомъ я просыпаюсь опять для новаго мученія“. Въ одной пѣснѣ дѣвушка упрекаетъ Создателя за то, что онъ гораздо лучше и цѣлесообразнѣе сотворилъ подводные камни въ нѣдрахъ моря и острые утесы, чѣмъ ее: она создана, чтобы переживать безконечно тяжкіе дни, чтобы, какъ маленькая щепка, носиться въ водоворотѣ шумнаго водопада, какъ гибкій тростникъ — сгибаться при сѣверномъ вѣтрѣ, какъ нѣжный цвѣтокъ, противиться страшнымъ бурямъ и ливнямъ. „Или: „Кто могъ меня создать, меня, несчастное существо? зачѣмъ сотворена я, чтобы вѣчно проводить грустные дни, чтобы вѣчно выносить столько страданій!“ Эта пѣсня оканчивается такъ: „Вечеромъ я плачу у окна, утромъ у порога амбара, при свѣтѣ луны — на порогѣ сада“.

Но чѣмъ финны по справедливости стяжали славу и извѣстность во всемъ свѣтѣ — это своей безукоризненной честностью. При продажѣ финнъ никогда не воспользуется вашей неопытностью, никогда не присвоитъ себѣ находки даже и въ томъ случаѣ, если увѣренъ, что она принадлежитъ случайному путешественнику. Лишь только онъ найдетъ что-нибудь на дорогѣ, — все равно, цѣнную или ничтожную вещь, — онъ торо-

пится отдать ее смотрителю ближайшей станціи, или, если возможно, догнать потерявшаго ее. Отпускаетъ ли онъ въ долгъ товаръ, даетъ ли деньги займы, онъ относительно мало-мальски знакомаго человѣка довольствуется честнымъ словомъ. Но разъ вы не сдержали даннаго ему слова, по разсѣянности, или по неакуратности, вы навсегда теряете его довѣріе.

Строго относясь къ чужой собственности, финнъ также добросовѣстно смотритъ на каждую заработанную копѣйку. Если только онъ не пьяница, онъ считаетъ позоромъ отнять у семьи хотя грошъ на свое удовольствіе и, благодаря такому качеству, а также и своему неослабному трудолюбію, онъ живетъ весьма порядочно и при такихъ условіяхъ, при которыхъ другой бы нищенствовалъ. Также строго и добросовѣстно относится финнъ къ общественному капиталу и къ казеннымъ деньгамъ. На эту черту народнаго характера, мы уже указывали при описаніи устройства Сайминскаго канала; такъ же дѣйствуютъ финны и во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ.

Чудная природа страны и удобное сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ привлекаютъ теперь много путешественниковъ въ Финляндію, но они объѣзжаютъ обыкновенно лишь ея побережье. Между тѣмъ еще и въ настоящее время мало извѣстны и рѣдко посѣщаются внутренняя, и самая прелестная, часть Финляндіи. И это понятно: путешествовать въ такихъ мѣстностяхъ приходится самымъ разнообразнымъ способомъ: то плавать вверхъ и внизъ по быстрымъ, смѣняя лодку на паромъ, то ѣхать верхомъ или въ таратайкѣ, а то и просто пробираться пѣшкомъ. Дороги во всей Финляндіи, гдѣ только возможно было ихъ проложить, иногда въ самыхъ глухихъ уголкахъ страны, содержатся въ такомъ порядкѣ, какъ это рѣдко можно встрѣтить даже въ самыхъ культурныхъ государствахъ: онѣ замѣчательно твердыя и гладкія, какъ паркетъ. Нерѣдко, извиваясь по крутымъ горамъ, различнымъ неровностямъ, холмамъ, онѣ устроены однако такъ хорошо, что это не имѣетъ никакого вліянія на скорость и безопасность ѣзды. Тѣмъ не менѣе, внутри страны дороги иногда до того узки, что по нимъ не всегда возможно проѣхать на таратайкѣ (кареолкѣ) и приходится пробираться верхомъ, а то и пѣшкомъ; расширить эти тропинки нѣтъ ни-

кавой возможности: съ одной стороны скала, съ другой—пропасть. Карабкаться по этимъ крутизнамъ то вверхъ, то внизъ въ темную осеннюю ночь было бы въ высшей степени опасно, если бы нельзя было вполне положиться на инстинктъ здѣшнихъ лошадей; ихъ приуроченность къ мѣстнымъ крутизнамъ просто поразительна: взобравшись на гору и видя передъ собой крутой спускъ, лошадь такъ медленно начинаетъ спускаться, съ такой осторожностью ступаетъ впередъ, серьезно и заботливо осматривая каждый камешекъ, что ее приходится даже понукать. Хотя финляндскія дороги прекрасно устроены, но если путникъ не имѣетъ возможности запастись экипажемъ, и ему приходится ѣхать въ кареолкѣ, дорога покажется ему не особенно покойной. Вотъ что такое таратайка или кареолка: надъ двумя первобытными колесами, соединенными осью, устроена настилка изъ простыхъ, грубыхъ досокъ, которая представляетъ собой продолговатый и неглубокій ящикъ съ возвышающимся надъ нимъ сидѣнемъ со спинкой. Этотъ первобытный экипажъ до того неудобенъ, что избалованные туристы, желая избавиться отъ тряски, предпочитаютъ путешествовать пѣшкомъ или, по крайней мѣрѣ, садиться въ таратайку лишь отъ времени до времени.

Ѣзда зимой несравненно покойнѣе, но, конечно, менѣе интересна. Форма здѣшнихъ саней чрезвычайно разнообразна: бывають широкія, но не мало попадается и очень узкихъ и длинныхъ. Въ восточной и въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной Финляндіи сидѣнье нерѣдко покрываютъ чѣмъ-то въ родѣ кузова, сдѣланнаго изъ рогожи. Сбруя тоже очень разнообразна, и финны любятъ щеголять ею; въ восточныхъ частяхъ страны она напоминаетъ русскую сбрую, въ западныхъ — скандинавскую; особенно оригинальны полукруглая, пестро размазанная дуга и узда, украшенная бѣлыми раковинками, называемыми змѣиными головками. Зимой всюду раздаются звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ.

Почтовая Ѣзда очень обременительна для мѣстныхъ жителей. Каждый крестьянинъ обязанъ во всякое время года посылать на станцію, на извѣстное число дней, человѣка, лошадь и повозку. Лѣтомъ это особенно тяжело, и крестьяне

стараются отправлять для отбыванія этой повинности наименѣе **полезныхъ** въ хозяйствѣ членовъ семьи. Поэтому, путешественнику часто **приходится** имѣть кучеромъ ребенка или женщину. Въ жаркій день **кучерь-женщина** надѣваетъ соломенную шляпку и, нисколько не **вонфузаясь**, прекрасно справляется съ своей обязанностью. Исправлять **обязанность** ямщика не легко: плохо одѣтые, сидятъ они зимой на мерзломъ сидѣньѣ, въ вѣтеръ, дождь, зимнюю стужу и осеннюю темень возвращаются къ станціи по лѣсистымъ дорогамъ, по крутымъ спускамъ и подъемамъ, чтобы подждать новаго путешественника до тѣхъ поръ, пока некончится ихъ очередь.

Подъ почтовые станціи снимаютъ обыкновенно крестьянскіе дворы при дорогахъ. Комната для путешественниковъ всегда въ высшей степени опрятная и уютная, но съ незатѣйливой обстановкой: двѣ кровати, покрытыя пестрыми одѣялами съ жесткими тюфяками, набитыми осокой, нѣсколько разнокалиберныхъ стульевъ и большой столъ съ книгой, куда заносятъ имена путешественниковъ,—вотъ и вся обстановка такой станціи. На стѣнахъ аляповатыя картинки, изображающія библейскія событія; полъ покрытъ чистыми половиками. Хозяйка станціи радушно принимаетъ каждаго заѣзжаго путника: если холодный день, она растапливаетъ печу и вноситъ незамысловатую закуску.

Въ давнопрошедшія времена, вѣроятно, еще тогда, когда слагались первыя пѣсни „Калевалы“, въ Финляндіи можно было встрѣтить лишь жалкія лачужки, изъ жердей, поставленныхъ въ видѣ конуса. Такое жилище называлось „kota“; посреди его, на грудѣ камней, разводили огонь, надъ которымъ висѣлъ желѣзный котель; полъ былъ земляной, безъ всякой деревянной настилки. Еще и теперь можно встрѣтить въ самыхъ глухихъ уголкахъ Финляндіи такую „kota“; она стоитъ недалеко отъ дома и служитъ чѣмъ-то въ родѣ кухни.

Позже финны стали строить жилища, нѣсколько болѣе напоминающія постройки культурныхъ людей: это, такъ называемая, „rörte“. Это жилище уже представляло грубый срубъ изъ стволовъ деревьевъ, съ крышей изъ коры и жердей, но тоже безъ потолка и пола; вмѣсто оконъ и дверей — дыры; большую часть помещенія занимаетъ огромная печь, сложен-

ная, какъ и въ „kota“, примитивнымъ образомъ изъ камней безъ цемента и безъ трубы: дымъ проходитъ черезъ узкое отверстіе въ крышѣ. Эти постройки точно также можно встрѣтить еще и теперь кое-гдѣ въ глуши страны. Во время рыбной ловли человѣкъ пятьдесятъ рыбаковъ поселяются въ такой „rögte“, по вечерамъ поютъ пѣсни и даже танцуютъ. Нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ не имѣютъ даже хозяина, никто не поддерживаетъ ихъ, и они стоятъ, пока сами не развалятся. Но, когда строятъ новыя жилища, и чувствуется потребность въ подобной застройкѣ, ей придаютъ уже болѣе современный характеръ. Эти „rögte“, отстроенныя въ новѣйшее время, служатъ зимой убѣжищемъ для скота.

Жилища финновъ въ деревняхъ построены въ разбросъ: поселки въ 6—8 дворовъ большая рѣдкость. Каждый дворъ обыкновенно находится на разстояніи 1—2 версты другъ отъ друга, но нерѣдко можно встрѣтить и поселки въ 2—3 двора. Жилища въ большинствѣ случаевъ покрыты корой, на которой настланы круглыя жерди, а поверхъ ихъ еще нерѣдко разбросаны камни. Финны позажиточнѣе кроютъ крышу дома коротельскими дранками, накладывая ихъ, какъ черепицу. Даже въ очень бѣдныхъ деревняхъ васъ поражаетъ необыкновенная опрятность: нигдѣ подлѣ избъ не высится навозныхъ кучъ, какъ въ нашихъ великорусскихъ деревняхъ; не найдете здѣсь и грязныхъ скотныхъ дворовъ, въ которыхъ можно завязнуть по колѣно, и нечистоплотныхъ улицъ съ помойными ямами и глубокими выбоинами, гдѣ вѣчно стоитъ жидкая грязь. Финскія деревенскія улицы и дворы совершенно чисты и постоянно выметаются; нигдѣ не найдешь ни навозныхъ кучъ, ни курныхъ избъ; во всѣхъ домахъ трубы и окна со стеклами, площадь, занимаемая жилищемъ, несравненно больше прежней. Избы со всѣми службами и пристройками почти повсюду обнесены изгородью; всѣ домики выглядятъ такими чистоплотными и уютными, и часто у самыхъ бѣдныхъ финновъ на окнахъ висятъ занавѣски, и стоятъ горшки съ цвѣтущими растеніями. Впрочемъ, въ деревенскихъ захолустьяхъ, удаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ, гдѣ крестьянину нѣтъ возможности сбывать свои хозяйственныя сбереженія и домашнія издѣлія, можно встрѣтить финскія жилища

нерѣдко съ полуразвалившимися крышами и изгородами; но если финнъ не содержитъ въ порядкѣ своего жилища, это происходитъ не отъ лѣности, а изъ-за неурожайныхъ годовъ, во время которыхъ онъ продалъ все свое имущество для уплаты долговъ и послѣ которыхъ обыкновенно очень долго не можетъ оправиться. Но войдите въ это жилище, — его бѣдность, почти нищета не оттолкнутъ васъ: и здѣсь все чисто, опрятно, убрано, выметено, все на своемъ мѣстѣ, а главное, что болѣе всего удивляетъ русскаго человѣка, — тутъ не встрѣтите ни паразитовъ, ни духоты, ни зловонія. Стѣны, гдѣ нѣтъ дверей и печей, заняты скамейками, служащими въ одно и то же время и постелями, и сидѣньемъ; тамъ, гдѣ онѣ сходятся, длинный столъ со скамейкой передъ нимъ. Кромѣ скамеекъ, вы найдете обыкновенно нѣсколько стульевъ съ круглыми ножками, нѣсколько табуретокъ, большей частью домашняго производства. Въ избѣ два-три окна съ мелкими стеклышками и огромная печь съ очагомъ, съ большимъ висящимъ надъ нимъ котломъ, въ которомъ варятъ кушанья; самая же печь почти никогда не топится, потому что огонь постоянно поддерживаютъ въ очагѣ, особенно въ зимнее время, когда вокругъ него, съ работой въ рукахъ, сидитъ вся семья. Кровать не въ каждой избѣ, а если она есть, то въ углу у печки. Если нѣтъ кровати, спать на скамейкахъ, а то и просто на полу, на соломѣ. Для дѣтей существуетъ обыкновенно люлька; ее можно качать, и она представляетъ собой корзину, сплетенную изъ лучинъ. Иногда плетеную корзину замѣняетъ что-то въ родѣ мѣшка изъ тряпокъ, гдѣ ребенокъ и лежитъ въ первый годъ жизни. Въ жилищѣ каждаго финна вы найдете нѣсколько веретенъ, самопрялку, а нерѣдко и ткацкій станокъ. По стѣнамъ висятъ домашняя утварь и одежда, а въ южной и западной частяхъ страны и маленькіе шкафчики для посуды, а иногда въ нихъ прячутъ библію и священныя книги. У печи и у очага, на полкахъ, кружки, ступки, чашки, блюда, вадочки. Кромѣ чашекъ, вся домашняя утварь собственнаго издѣлья. Безъ ступокъ не обходится ни одно хозяйство: въ нихъ толкутъ кофе и соль; онѣ выдолблены изъ дерева и украшены корой и берестой. Во многихъ избахъ можно найти ручной жерновъ, совершенно сходный

съ тѣми, какіе употреблялись у финновъ въ древности. Котель, въ которомъ варять пищу, виситъ обыкновенно на желѣзномъ крюкѣ. Въ каждомъ хозяйствѣ найдешь ушаты, вадки и чаны. Особенно оригинальны боченки съ обручами, гдѣ держатъ квась, молоко,—ихъ берутъ съ собой на работу въ поле. Полъ въ хижинахъ всегда чистый, усыпанъ, по финляндскому обычаю, ельникомъ, нерѣдко съ разбросанными по немъ полевыми цвѣточками, и наконецъ, по потолку, протянуты жерди съ нанизанными на нихъ сухими и черствыми лепешками. Эти лепешки съ отверстиемъ по срединѣ, чтобы ихъ можно было нанизывать для просушки, называются „кнаке-брэ“ — хлѣбъ финновъ.

Таково жилище бѣдняка, у болѣе же зажиточнаго оно раздѣляется на двѣ половины, и, кромѣ домашняго, жилого, помѣщенія, нами только-что описаннаго, у нихъ есть и парадная половина, изъ одной небольшой комнаты, въ одно, рѣдко въ два окошечка, оклеенной дешевыми обоями, а то и простой бумагой; въ такой гостиной вы встрѣтите обыкновенно небольшое зеркало, комодъ, столъ, нѣсколько стульевъ, на стѣнахъ—полки, на которыхъ разставлены священныя книги и разложены трубки и курительныя принадлежности. Въ Финляндіи всѣ курятъ; эта страсть замѣтна уже у 9—10-лѣтнихъ мальчиговъ; нѣкоторые нюхаютъ и даже жуютъ табакъ.

Неизмѣнная принадлежность каждаго, мало-мальски зажиточнаго, дома—почетное кресло, нѣчто въ родѣ вольтеровскаго, съ высокой спинкой и устроенное такъ, что оно качается при малѣйшемъ движеніи. Хозяинъ дома садится въ это кресло въ праздничные дни и читаетъ домашнимъ священныя книги, а въ будни—на немъ работаетъ хозяйка дома, или старая бабушка.

Любопытно заглянуть въ избу финна въ зимній вечеръ. Керосиновая лампа далеко еще не вездѣ въ употребленіи, и въ очень многихъ уголкахъ Финляндіи избу до сихъ поръ освѣщаютъ смолистой сосновой лучиной, которую втыкаютъ или просто въ щель между бревнами, или въ особую, для этого устроенную, подставку, вбитую въ стѣну. Двухъ-трехъ такихъ лучинъ (аршина полтора длиной) достаточно, чтобы освѣтить всю избу. Женщины сидятъ за прялками, шьютъ,

штопають, мужчины же занимаются самыми разнообразными работами, — вѣдь финны сами готовятъ все необходимое въ домашнемъ быту: мебель, всю свою незатѣйливую обстановку, ткацкій станокъ для жены, свои разнообразные ступы, кадки и ведра, а также чинятъ рыболовные снаряды; очень многіе изъ нихъ шьютъ сапоги и плетутъ изъ бересты самые разнообразные предметы. Трудно исчислить всю пользу, какую извлекаютъ финны изъ своей березы. Они готовятъ изъ бересты множество различныхъ вещей — совершенно въ томъ же видѣ, какъ они ихъ дѣлали въ то время, когда еще слагались пѣсни „Калевалы“. Не даромъ въ одной изъ пѣсенъ этой финской эпопеи береза жалуется на безсердечное отношеніе къ ней людей и природы: „Дѣти краткою весною къ моему стволу приходятъ, острымъ ножикомъ здѣсь рѣжутъ изъ моей середины соки. Злой пастухъ въ теченіе лѣта бѣлый поясъ мой снимаетъ и ножны плететъ, и чашки, и коробочки для ягодъ. У меня, у нѣжной, часто у ствола сидятъ дѣвицы, здѣсь вокругъ меня бываютъ, зелень сверху обрѣзаютъ, вяжутъ вѣники изъ вѣтокъ, часто къ нѣженкѣ подходятъ. Часто нѣжную березу при порубкѣ подсѣкаютъ, на полѣнья расщепляютъ“. Теперь домашнія издѣлія изъ бересты стали значительно разнообразнѣе. Чтобы этотъ матеріалъ сдѣлать годнымъ къ употребленію, съ березы снимаютъ кору длинными полосами и сматываютъ ее въ клубки. Болѣе всего употребляютъ бересту на лапти самой разнообразной формы; но для этого разрѣзаютъ на полосы надлежащей ширины, размачиваютъ ихъ въ водѣ и плетутъ обувь, которая имѣетъ видъ или туфель, или калошъ, смотря по тому, для чего она предназначена. И дѣйствительно, эта обувь прекрасно приурочена къ нуждамъ народа и къ природѣ страны: въ туфляхъ изъ бересты финны свободно ходятъ по болоту, не накалывая себѣ ногъ, вода же легко втекаетъ и вытекаетъ изъ нихъ. Во время холодовъ одѣваютъ берестовые высокіе боты, но напередъ кладутъ въ нихъ сѣно, а ногу заворачиваютъ въ тряпку. Эту обувь почти повсюду употребляютъ внутри страны, какъ мужчины, такъ и женщины, надѣвая кожаные башмаки и сапоги только въ праздничное время; но въ городахъ почти

всегда носить кожаную обувь. Изъ бересты плетутъ также родъ бутылокъ, въ которыхъ хранятъ соль; въ тѣхъ изъ нихъ, которыя поменьше размѣромъ, ее сохраняютъ для домашняго употребленія, а въ большихъ отправляютъ для соленія рыбы; въ такихъ же бутылкахъ держатъ червей для рыбной ловли. Изъ полосъ бересты плетутъ канаты и веревки, преимущественно для лодокъ и невода; теперь, впрочемъ, болѣе входятъ въ употребленіе обыкновенныя веревки. Дѣлаютъ изъ бересты и дѣтскія игрушки: размочивъ въ водѣ такую полосу, обматываютъ ею круглый камень и приготавливаютъ мячики. Изъ берестяныхъ полосъ дѣлаютъ также родъ губокъ для чистки посуды. Но особнно много приготавливаютъ изъ бересты лукошекъ и всевозможныхъ корзинокъ, табакерокъ и различныхъ ящичковъ, которые украшаютъ самымъ всевозможнымъ образомъ.

Вотъ въ такихъ-то работахъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ и разказами, проходитъ вечеръ финскаго семейства. Лучина горитъ, потрескивая и наполняя избу дымомъ; но не это досаждаеть, а то, что она быстро сгораетъ. Дѣти подбѣгаютъ вставлять новую лучину, и вечеръ проходитъ мирно и незамѣтно.

Если не при каждой избѣ, то уже непременно въ каждой деревнѣ, выстроены бани, до которыхъ финны такіе же охотники, какъ и наши великорусскіе мужики. Финская баня—низенькое строеніе безъ трубы, съ дверью, совершенно прокопченной дымомъ. Налѣво отъ входа—низенькая печь, черная отъ копоти; рядомъ съ ней,—для любителей париться,—лавки, на которыя взлѣзаютъ по лѣстницѣ; направо—скамейка для мытья, и тутъ же сложена куча вѣшниковъ, покрытая холстомъ. Финны страстно любятъ париться, и парильщики и парильщицы взлѣзаютъ на лавку къ желающему париться, трутъ и хлещутъ его вѣшникомъ изо всѣхъ силъ. Для увеличенія жара, парильщицы отъ времени до времени выливаютъ шайку, другую воды на круглые камни печки. Нѣкоторыя парильщицы до такой степени прославились своимъ искусствомъ, что къ нимъ приходитъ народъ прямо съ цѣлью попариться для исцѣленія отъ какой-нибудь болѣзни, и онѣ парятъ и трутъ тѣло съ разными искусственными прие-

*

мами, перебирая мускулы и жилы. Что особенно оригинально при чистотѣ и строгости финскихъ нравовъ, въ здѣшнихъ баняхъ мужчины и женщины моются вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, но это уже издавна вошло въ обычай и ничуть не вліяетъ не только на нравственность народа, но даже на уменьшеніе скромности застѣнчивыхъ финскихъ дѣвушекъ. Преступленіе противъ нравственности, совершенное въ банѣ, считается у финновъ несравненно болѣе тяжелымъ и позорнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Но какъ эти жаркія дымныя бани, такъ и жаръ очага, и дымъ лучины, а также обычай сушить и молотить хлѣбъ въ нагрѣтыхъ овинахъ, видимо имѣютъ вредное вліяніе на зрѣніе: слѣпота въ Финляндіи болѣе распространена, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ.

Зимой ходятъ въ баню разъ или два въ недѣлю, а лѣтомъ во время жатвы каждый день. При нѣкоторыхъ домахъ бани такія маленькія и низенькія, что приходится все время стоять согнувшись, да и лежать, вытянувшись, во весь ростъ, тоже невозможно. Но это для финна не имѣетъ ни малѣйшаго значенія: безъ бани онъ не можетъ существовать, и предпочитаетъ стоять или сидѣть въ ней, согнувшись въ три погибели, чѣмъ пропустить банный день. Иностранецъ совершенно не можетъ понять, какимъ образомъ финнъ, въ продолженіе часа и болѣе, выноситъ температуру до 70° по Цельзію; но эта-то, въ высшей степени разгоряченная, температура, наполненная паромъ, и нравится финнамъ. Если вы внесете въ баню термометръ, во время разгара банныхъ удовольствій, онъ накаляется такъ, что его едва можно держать въ рукахъ. Все время, когда финны въ банѣ, они безостановочно и немилосердно трутъ свое тѣло и бьютъ себя вѣниками, и оно становится красно, точно сырое мясо. Чтобы освѣжиться и отдохнуть съ минуту, они выбѣгаютъ изъ бани совсѣмъ голыми, будь то лѣтомъ, или зимой при тридцатиградусномъ морозѣ, что даетъ имъ возможность еще поваляться въ снѣгу, затѣмъ снова вбѣгаютъ въ баню и опять начинаютъ мыться, обливаться и париться. Если путешественникъ проѣзжаетъ по селу, расположенному въ глухой мѣстности, и нуждается въ какой-нибудь помощи въ то

время, когда крестьяне въ банѣ, они безъ церемоніи выбѣгаютъ къ нему безъ одежды, отпрягаютъ его лошадь и исполняютъ услуги, не стѣсняясь своей наготы, не страдая отъ холода, между тѣмъ какъ путешественникъ мерзнетъ и дрожить въ своей мѣховой шубѣ.

И. въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться, какъ такой переходъ отъ страшной жары къ морозу не дѣйствуетъ на ихъ здоровье. Финны утверждаютъ, что безъ бани они не въ состояніи были бы выносить тяжелую работу, что баня для нихъ даже болѣе освѣжающее и подкрѣпляющее средство, чѣмъ сонъ. Баней финны такъ закаляютъ свой организмъ, что легко переносятъ всевозможныя перемѣны температуры, могутъ безнаказанно подолгу оставаться съ мокрыми ногами, могутъ подвергаться вліянію сквознаго вѣтра или мерзнуть, не наживая не только жестокихъ ревматизмовъ, воспаленія легкихъ и т. под. простудныхъ болѣзней, но даже и насморка.

Въ жизни финна баня имѣетъ огромное значеніе: въ ней рождаются всѣ финскія дѣти, сюда приходятъ больные со всевозможными болѣзнями и лечутся растираніями. Любовь къ банѣ, какъ мы уже знаемъ изъ „Калевалы“, національная страсть, укоренившаяся въ финнѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

На ряду съ баней овинъ или рига, существенная постройка въ крестьянскомъ быту. Овинъ построенъ почти такъ же, какъ и баня, и бываетъ различной величины, смотря по средствамъ и потребностямъ хозяина: въ одномъ углу его такая же печь, какъ и въ банѣ. Овинъ назначенъ для просушки посѣвовъ, и въ немъ такая же высокая температура. Когда рожь, овесъ и ячмень убраны съ полей, ихъ стараются свезти какъ можно скорѣе въ овинъ, чтобы обезопасить отъ частыхъ дождей.

Изъ другихъ построекъ можно указать еще на амбаръ, который, однако, бываетъ лишь при болѣе или менѣе зажиточныхъ домахъ. Въ западной и восточной части страны эти амбары построены во дворѣ, и обыкновенно, въ два этажа: нижній — для храненія различныхъ полевыхъ орудій и домашнихъ припасовъ, въ верхнемъ — можно найти двѣ, три низенькихъ и темныхъ конурки съ крытымъ балкономъ,

въ которому ведетъ лѣстница снаружи. Эти комнаты въ верхнемъ этажѣ служатъ спальнями молодымъ членамъ семейства, прислугѣ, а также для сохраненія платьевъ, которыхъ у болѣе зажиточныхъ женщинъ очень много. Эти спаленки всегда безъ оконъ; первое, что въ нихъ бросается въ глаза, — кровати, прикрѣпленныя къ стѣнамъ, состоящія изъ сколоченныхъ досокъ съ пуховыми, а еще чаще съ соломенными тюфяками. Въ восточной и сѣверо-восточной части страны эти амбары находятся не во дворѣ, а внѣ его, и тогда уже ихъ строятъ не въ два этажа, а они состоятъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ амбарчиковъ, поставленныхъ въ рядъ, другъ возлѣ друга; они на каменныхъ или деревянныхъ подставкахъ (безъ фундамента), такъ что домашнія животныя во время жары и ливня прячутся подъ нихъ.

Недалеко отъ двора конюшня, хлѣвъ и сарай для телѣгъ, построенные очень незатѣйливо и покрытые соломой или дранками. Лошадь, быкъ и корова составляютъ главное богатство крестьянина. Лошадью и быкомъ онъ пашетъ свою пашню; корова главный предметъ пропитанія каждой семьи.

Пища финновъ, по ихъ бѣдности, въ высшей степени незатѣйлива: даже мягкій ржаной хлѣбъ они считаютъ большою роскошью. Они пекутъ хлѣбъ лишь два раза въ годъ, въ видѣ круглыхъ лепешекъ съ отверстіемъ по срединѣ, называемый „кнаке-брэ“. Эти хлѣбы или, точнѣе, ржанныя лепешки, нанизанныя на шесты и подвѣшенныя въ избахъ подъ самымъ потолкомъ, финны снимаютъ по мѣрѣ надобности. Эти лепешки, просушиваемыя по полугодю, превращаются наконецъ просто въ камни: ихъ трудно разжевать человѣку непривычному, и отъ нихъ страдаютъ и зубы, и желудокъ. Въ сѣверныхъ и во многихъ внутреннихъ частяхъ Финляндіи въ неурожайные годы, которые такъ часто повторяются, бѣдность финновъ доходитъ до того, что они пекутъ хлѣбы изъ мелко-истертой древесной коры, примѣшивая къ ней лишь небольшое количество ржаной муки. Послѣ ржи главная пища народа ячмень, картофель и молоко, но оно такой жестокой кислоты, что просто рѣжетъ горло; молоко въ свѣжемъ видѣ никогда не употребляютъ: какъ только его отливаютъ, тотчасъ въ старое, кислое молоко снова подливаютъ свѣжаго,

такъ что для домашняго употребленія всегда бываетъ въ запасѣ кислое молоко. Сыра финны почти никогда не ѣдятъ; къ маслу питаютъ большое пристрастіе, но ѣсть его имъ приходится лишь въ праздничные дни, да и то далеко не всѣмъ; оно такъ у нихъ насолено, что иностранцу не придется по вкусу. Мясо финны тоже сильно просаливаютъ, и притомъ, оно такъ сухо и крѣпко, что нужно особое искусство, чтобы его разжевать. У морского побережья салакушка употребляется въ самомъ разнообразномъ видѣ, а внутри страны ее замѣняетъ озерная рыба „муйка“. Изъ напитковъ въ большомъ употребленіи „гаракалја“, родъ кваса, очень непріятнаго на вкусъ, водка, и особенно кофе, точнѣе—цикорія, поглощаемая въ неимовѣрномъ количествѣ женщинами. Кофе чрезвычайно любятъ здѣсь и мужчины, женщины же совсѣмъ не могутъ безъ него обходиться. Когда онѣ приглашаютъ гостей на кофе, то каждая изъ нихъ можетъ выпить до тридцати чашекъ.

Кофе въ Финляндіи первое угощеніе: имъ запиваютъ горе, имъ встрѣчаютъ всякую радость. Когда путешественникъ заходитъ къ зажиточному крестьянину, его тотчасъ угощаютъ кофе, въ какое бы время дня это ни случилось. Отказъ отъ кофе равносильнъ обидѣ хозяевамъ. Бѣднякамъ кофе служить пищей и питьемъ, и многіе по цѣлымъ мѣсяцамъ исключительно имъ питаются. Кофейникъ вы найдете въ самой убогой хижинѣ; его можно встрѣтить даже у бѣдняка, не имѣющаго никакой хижины: у нахлѣбника, живущаго по чужимъ угламъ, и въ сумѣхъ нищенки. Кофе—національная страсть въ Финляндіи, и она также сильна среди интеллигенціи, какъ и среди простонародья. Въ провинціальныхъ городахъ еще до сихъ поръ въ ходу кофейныя собранія. По приглашенію той или другой барыни, къ ней являются, часа черезъ два послѣ обѣда, знакомыя барышни и женщины; мужчины не допускаются на эти собранія. Не стѣсняемая ихъ присутствіемъ, дамы передаютъ другъ другу городскія новости и сплетни, и между ними идутъ самыя безцеремонныя пересуды о всѣхъ отсутствующихъ; кофе на этихъ собраніяхъ выпивается въ безчисленномъ количествѣ. Послѣ девяти часовъ всѣ поднимаются съ мѣстъ, начинаютъ цѣловаться и очень

низко присѣдать, — это означаетъ, что собраніе кончилось, и всѣ расходятся по домамъ.

Рабочій людъ встаетъ лѣтомъ часа въ два, съѣдаетъ кусокъ „кнаке-брэ“, запиваетъ его квасомъ „гаракалја“, или кислымъ молокомъ, и отправляется на работу. Между 8—9 ч. возвращаются домой и ѣдятъ горячую пищу: вареный картофель и кашицу изъ ржаной или ячменной муки, либо рыбный супъ съ картофелемъ. Послѣ этой трапезы финны ложатся отдохнуть на часокъ, и затѣмъ опять идутъ на работу. Въ два часа у нихъ обѣдъ, но тутъ уже нѣтъ ни вареной пищи, ни масла (то и другое можно видѣть лишь въ воскресные дни), подаютъ только хлѣбъ, кислое молоко и соленую рыбу. Послѣ обѣда опять одинъ часъ сна, затѣмъ работаютъ до 9 или 10 часовъ. Ужинъ почти всегда повтореніе обѣда, иногда лишь съ прибавкой кашицы. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой, ѣда почти одинакова, только встаютъ зимой позже, около 6 ч., и ложатся спать между 6—7 ч. вечера. Но для бѣднѣйшей части населенія, въ сѣверныхъ частяхъ Тавастланда и Кареліи, только-что описанное дневное продовольствіе считается, въ большинствѣ случаевъ, недосыгаемой роскошью. Здѣсь люди рады, когда можно, хотя изрѣдка, приготовить кашицу изъ ржаной муки и поѣсть, въ небольшомъ количествѣ, кислаго молока. Здѣсь, въ очень многихъ семьяхъ, старшіе члены уходятъ, на заработокъ на цѣлую недѣлю, довольно далеко отъ своего дома. Маленькихъ дѣтей они оставляютъ подъ надзоромъ семи-восьмилѣтнихъ братьевъ и сестеръ. Родители оставляютъ дѣтямъ опредѣленную порцію пищи, и если тѣ не придерживаются строгой экономіи въ распредѣленіи пищи на первыхъ порахъ, то остаются совсѣмъ безъ нея вторую часть недѣли.

Вообще, крестьяне въ сѣверныхъ частяхъ Тавастланда и Кареліи рѣдко столько собираютъ съ своего поля, чтобы у нихъ хватило сѣмянъ для обсѣмененія полей. Питаясь впроголодь, по крайней мѣрѣ, цѣлое полугодіе, они спѣшатъ поскорѣе собрать хлѣбъ съ полей, и потому не даютъ ему вполне дозрѣвать. Ихъ скотъ въ такомъ же положеніи: лѣтомъ онъ пасется по лѣснымъ опушкамъ и прогалинамъ и далеко не до сыта можетъ наѣсться; зимой ему приходится

еще хуже:—не всегда хватает и соломы. При такихъ условіяхъ корова не можетъ много давать молока, и его часто не хватаетъ даже для дѣтей. Можно себѣ представить всю тяжесть народнаго бѣдствія въ случаѣ неурожая: тогда уже наступаетъ голодъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Въ такія тяжкія години умираетъ много людей. Въ неурожайные, 1866—1868 г., въ Финляндіи умерло 269.388 чловѣкъ. Въ это время люди ѣли, кажется, все, что только можно было жевать; хлѣбъ пекли изъ древесной коры и соломы съ примѣсю какой-нибудь горсти муки, да и то не всегда. Воли, крысы, мыши съ неслыханной дерзостью врывались въ деревни и города, бросаясь на все, что попадалось на глаза; изголодавшіеся пѣтухи перестали пѣть. Но не только въ тяжкія години бѣдствій финны страдаютъ отъ недостатка пищи: это бываетъ нерѣдко даже и въ годы обычнаго средняго урожая. Во многихъ мѣстностяхъ Финляндіи, весной можно видѣть у крестьянъ въ корытахъ мелко наскобленную кору. Если вы спросите финна, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтитъ: „для приготовленія хлѣба“. Кору обыкновенно берутъ съ молодыхъ сосенъ, но въ пищу идетъ и березовая кора. Кромѣ сосновой и березовой коры, къ ржаной мукѣ примѣшиваютъ и сѣмена щавеля, мякину, олений мохъ и другія растенія.

Но какая бы бѣда ни стряслась, вѣра финна въ Провидѣніе — непоколебима: онъ твердо вѣритъ, что несчастіе ниспосылается ему лишь для его испытанія, но что въ концѣ концовъ Богъ скалится надъ нимъ, и потому терпѣливо выносить напасти. Пэйверинтъ, извѣстный народный финскій писатель, трогательно описываетъ картины финской нужды, трудолюбія и взаимной помощи членовъ семьи. „Мы не можемъ жаловаться,—разсказываетъ ему хозяинъ-старикъ, глава многочисленной семьи,—потому что мы дружно переносимъ наши бѣды. Но вѣдь у главы семейства могутъ быть еще другія заботы. У насъ было нѣсколько неурожайныхъ годовъ сряду, послѣ которыхъ мы не ѣдимъ чистаго хлѣба, а печемъ его съ подмѣсю древесной коры, и кромѣ того вошли въ долгъ, а Эрки изъ Тинкилэ (мѣстный кулакъ) требуетъ возвращенія его съ процентами и грозитъ судомъ. Чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ такой бѣды, мы всѣ работали,

не покладая рукъ, и теперь есть надежда, что мы поправимся, потому что рожь выровнялась славная, густая. Да вотъ погода-то опять посвѣжѣла, и вѣтеръ подулъ съ полнотной стороны, я и боюсь, что морозъ пожалуетъ къ намъ въ гости! Если только это случится, придется совсѣмъ пропадать! Тогда Эрки изъ Тинкилэ навѣрное станетъ взыскивать долгъ судомъ, продадутъ нашъ скотъ, который былъ намъ такимъ подспорьемъ въ это трудное время, а это уже будетъ для насъ настоящимъ разореньемъ!“

Водка — врагъ сѣверныхъ націй, и финны сильно страдаютъ отъ пьянства. Періодическія голодовки, постоянныя лишения, тяжелый трудъ усиливаютъ этотъ порокъ. Когда человѣкъ много лѣтъ работалъ, не покладая рукъ, и передъ нимъ явилась уже надежда стать, наконецъ, на ноги, расплатиться съ долгами, нѣсколько улучшить положеніе своей семьи,—и вдругъ морозъ губитъ всходы его полей, онъ махаетъ на все рукой и начинаетъ пьянствовать. Но здѣсь очень часто за пьяницу можно принять и человѣка, выпившаго двѣ, три рюмки: не употребляя долго питательной пищи, финнъ скоро и легко пьянѣетъ.

Прежде во всѣхъ частяхъ страны носили національную одежду, теперь сохранились лишь ея остатки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Эстерботни, южной Карелии, а иногда и въ другихъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ женщины носятъ пеструю національную одежду: на сорочку одѣваютъ кофту съ длинными рукавами, узкую юбку съ ваймой, передникъ съ поперечными разноцвѣтными полосами, поясъ, на которомъ висятъ маленький ножъ въ футлярѣ и ключи; на боку прикрѣплена вышитая сумка, на шеѣ—ожерелье, на головѣ платокъ, своеобразно одѣтый, на пальцахъ—вызолоченныя кольца. Зимой одѣваютъ еще душегрѣйку изъ сермяжнаго сукна. Въ одеждѣ мужчинъ, кромѣ лаптей изъ бересты, которыхъ еще сильно придерживаются во многихъ глухихъ мѣстностяхъ страны, нѣтъ и слѣда прежней національной одежды. Финнъ одѣвается въ суконную куртку, большей частью, сѣраго цвѣта, суконный жилетъ съ мѣдными пуговками и суконныя панталоны; поверхъ панталонъ носитъ поясъ, на которомъ виситъ ножъ; кромѣ башмаковъ и ботовъ изъ бересты, носятъ са-

поги съ высокими голенищами, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ замѣняютъ кожаные башмаки съ мѣдными пряжками, съ длинными нитяными или темными шерстяными чулками. Бѣлая рубашка съ отложнымъ воротникомъ одѣта обыкновенно безъ галстука.

Образъ жизни финновъ прежде былъ болѣе патріархальный, чѣмъ теперь: жили вмѣстѣ большими семействами; женившись, сынъ не дѣлился, а оставался въ семьѣ. Еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, во многихъ мѣстностяхъ Финляндіи можно было встрѣтить хозяйство изъ сорока-пятидесяти членовъ. Въ XIX вѣкѣ такой патріархальный бытъ немислимъ, онъ все болѣе и болѣе исчезаетъ, и только лишь въ очень глухихъ и немногихъ мѣстностяхъ сохранились его остатки, но все же такихъ большихъ хозяйствъ, какія были прежде, теперь нѣтъ и въ поминѣ. Но финскія семейства и до сихъ поръ довольно многочисленны, такъ какъ они состоятъ не только изъ членовъ собственной семьи, но въ болѣе зажиточныхъ домахъ дополняются еще слугами, а также нахлѣбниками и нищими; впрочемъ, этихъ послѣднихъ можно встрѣтить даже у очень бѣдныхъ людей. Гостепріимство финновъ не знаетъ границъ: придетъ гость, и трудно представить, сколько радушія выражаетъ ему самая бѣдная семья! Немедленно накрываютъ столъ, подаютъ все, что только есть въ домѣ, готовятъ для гостя особую постель, чрезвычайно чисто и аккуратно застланную, хотя бы предложившему ее пришлось мерзнуть безъ всякихъ покрывежь. Если финнъ такъ гостепріименъ и радушенъ къ чужестранцу, то еще болѣе онъ готовъ претерпѣть всякія лишения для земляка и, въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣлитъ съ нимъ послѣднюю корку хлѣба. Какъ въ болѣе зажиточномъ, такъ и въ бѣдномъ финскомъ домѣ вы всегда встрѣтите много, такъ называемыхъ, бездомныхъ нахлѣбниковъ. Это обыкновенно старики и старухи, большей частью, немощные, или люди, по какой-нибудь уважительной причинѣ неспособные къ усидчивому труду. Такіе нахлѣбники часто живутъ въ семьѣ крестьянина даже съ своими малыми ребятами. Вмѣсто платы за свое содержаніе и уголь, они занимаютъ у хозяевъ легкой работой, да и это совершенно зависитъ отъ ихъ доброй воли: они колятъ лучину, рубятъ дрова и

перебрасываютъ ихъ со двора въ избу, ходятъ на охоту и рыбную ловлю. Если такому нахлѣбнику кто-нибудь подаритъ теленка или корову, а это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на его рукахъ имѣется ребенокъ, онъ помѣщаетъ подаренную ему скотину вмѣстѣ со скотомъ хозяина, у котораго живетъ въ это время. Нерѣдко хозяинъ даетъ ему даже маленькій клочекъ земли, и онъ садитъ на немъ картофель или рѣпу. Но обыкновенно эти нахлѣбники, пользуясь всѣмъ готовымъ, въ концѣ излѣбниваются и лишь валяются у очага, а лѣтомъ въ какой-нибудь пристройкѣ.

Кромѣ нахлѣбниковъ, въ жилищѣ крестьянина зачастую живетъ какой-нибудь нищій, нерѣдко тоже съ своей семьей. Нищіе не такъ засиживаются на одномъ мѣстѣ, какъ нахлѣбники, но зато не проходитъ дня, чтобы они не посѣщали живущихъ при дорогѣ крестьянъ. Нищаго здѣсь не презираютъ, не смотрятъ на него свысока, а встрѣчаютъ и провожаютъ, какъ гостя; объѣдковъ ему тоже не принято подавать: онъ, какъ и нахлѣбникъ, садится за столъ вмѣстѣ съ семействомъ хозяина, его дѣти сидятъ тутъ же, а по вечерамъ играютъ съ хозяйскими ребятами. Онъ рассказываетъ приключенія своей страннической жизни и нисколько не стѣсняется своимъ положеніемъ. Вечеромъ онъ отправляется спать въ какой-нибудь уголокъ, на скамью, а если это невозможно, то ложится и на полъ. Когда онъ собирается уходить въ другое мѣсто, если только онъ старъ и слабъ, хозяинъ запрягаетъ ему лошадь и довозитъ его до перваго двора. Но это радушіе, доброта и участіе ложатся въ высшей степени тяжелымъ бременемъ на хозяйство бѣднаго финна.

Свободное отъ работы время финны проводятъ въ чтеніи книгъ, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго содержанія, въ пѣніи священныхъ псалмовъ, а нерѣдко и въ танцахъ.

Финны большіе любители танцевъ, и, несмотря на это, изслѣдователи финской старины сомнѣваются, чтобы у нихъ существовали танцы въ древности. Впрочемъ, правда, въ очень немногихъ сѣверныхъ частяхъ страны танцы до сихъ поръ не вошли въ общее употребленіе. Но, кромѣ очень немногихъ мѣстностей, во всей остальной Финляндіи танцы играютъ въ праздничное время чуть ли не первую роль среди

народныхъ развлеченій. Кромѣ праздниковъ, финны танцуютъ и послѣ окончанія жатвы: для этого они собираются въ избѣ и при свѣтѣ сальной свѣчи или зажженныхъ лучинъ очень аккуратно выдѣлываютъ па. Танцовать или смотрѣть на танцующихъ набирается въ тѣсную избу отъ 70 до 80 человекъ, и тогда волей-неволей приходится переходить въ какую-нибудь пристройку, не загроможденную столами, скамейками и стульями. Послѣ окончанія „talko“ (наши помочи или толока) финская молодежь уже совсѣмъ не можетъ обойтись безъ танцевъ, поэтому къ слову „talko“ присоединяютъ другое — „dansfest“ и говорятъ обыкновенно „talko-dansfest“; такимъ образомъ работа помочью немыслима безъ танцевъ. Финны танцуютъ обыкновенно вальсъ и польку на старинный ладъ. Кавалеры безъ церемоніи, съ словами „иди сюда“, помянутъ пальцемъ дѣвушку, покружатъ ее, и идутъ въ другой. Однако у нихъ существуетъ и довольно старинный національный танецъ: шведско-французскій кадрили. Во время него танцоры стараются какъ можно точнѣе, правильнѣе и аккуратно выдѣлывать па, что заставляетъ ихъ какъ-то комично прискакивать. Но этотъ національный танецъ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, все чаще танцуютъ вальсъ и польку. Но, что бы ни танцовали финны, танцы не вызываютъ въ нихъ ни малѣйшаго увлеченія, никакого страстнаго порыва и одушевленія, какъ мы это видимъ у испанцевъ и мадьяръ. Финны, хотя и большіе любители танцевъ, но неуклюжіе танцоры: стараясь какъ можно аккуратно выдѣлывать свои па, они безпрестанно спотыкаются и падаютъ. Танцуютъ обыкновенно подъ скрипку, а въ Выборгской губерніи и въ восточныхъ частяхъ страны также и подъ пѣніе; извѣстные танцы, аккомпанируемые пѣніемъ собравшейся публики, почти вездѣ въ ходу въ Финляндіи. Отъ времени до времени танцы прерываются поцѣлуями. Но если молодая дѣвушка поцѣловалась съ парнемъ, она навѣрно его невѣста: здѣшніе нравы отличаются необыкновеннымъ цѣломудріемъ и чистотой, и случаи невѣрности женъ или несоблюденія дѣвушками невинности въ высшей степени рѣдки.

Рождество—самый торжественный праздникъ. Всю рожде-

ственскую недѣлю полъ избы устланъ соломою. Прежде, во время этихъ праздниковъ, убирали еще потолокъ и стѣны лучинами, и притомъ самыми разнообразными узорами, — теперь этотъ обычай удержался лишь въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ.

Въ канунъ Рождества въ Финляндіи принято посылать другъ другу подарки. Человѣкъ, который приноситъ подарокъ, обыкновенно замаскированъ. Открывая дверь избы, онъ бросаетъ подарокъ съ надписью, кому онъ предназначенъ, и тотчасъ исчезаетъ. Въ этотъ вечеръ у каждаго бѣдняка на столѣ рисовая каша и „лютфисъ“ (рыбное кушанье).

Во время Троицы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по вечерамъ зажигаютъ на холмахъ костры, но въ Нюландской губерніи и восточной Финляндіи эти костры горятъ въ Ивановъ день и называются „кокко“. Въ тотъ день, когда вечеромъ зажигаютъ костры, утромъ украшаютъ дворъ березами и другими листовными деревьями; очень часто среди двора устраиваютъ бесѣдку изъ деревьевъ, украшаютъ ее цвѣтами, вносятъ въ нее столъ, пьютъ въ ней компаніей кофе, обѣдаютъ, и она стоитъ до тѣхъ поръ, пока на деревьяхъ не облетятъ листья. Въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто бесѣдки, ставятъ большую березу, и молодежь танцуетъ вокругъ дерева.

Въ то время, когда слагались пѣсни „Калевалы“, мужчины искали для себя невѣсть въ отдаленныхъ селахъ; нерѣдко похищали ихъ и брали силой. Въ старину вообще финны находили неприличнымъ выбирать жену изъ своей мѣстности. Если ея не всегда похищали, то очень рѣдко спрашивали согласія на бракъ: родители заключали условіе и за назначенную цѣну отдавали дочь жениху. Переговоры шли черезъ свата, избраннаго женихомъ. Въ настоящее время въ Финляндіи никто не похищаетъ женъ: этотъ обычай исчезъ давнымъ-давно; теперь, напротивъ, женихъ, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, обыкновенно хорошо знакомъ съ невѣстой и часто прежде всего спрашиваетъ ея согласія, а потомъ уже ея родителей, но, тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ существуетъ обычай сватать дѣвушку черезъ свата. Кстати замѣтимъ, что финны ищутъ въ невѣстѣ прежде всего трехъ качествъ: здоровья, крѣпкаго тѣлосложенія и трудо-

любія; онъ обращаетъ большое вниманіе и на то, чтобы она была изъ хорошаго дома, т. е. чтобы родители невѣсты были не только честными и трудолюбивыми людьми, но и усердными хранителями финскихъ нравовъ и обычаевъ, а именно, чтобы они были гостепріимны и отличались добротой и радушіемъ въ бѣднымъ и неимущимъ. За красотой финскій юноша не гонится, да бѣдная Суоми никогда и не славилась красотой своихъ дѣвушекъ. Богатства онъ тоже не ищетъ: онъ твердо помнитъ зарокъ любимаго героя „Калевалы“ — Вейнемейнена, который ни при какихъ условіяхъ, не позволялъ своимъ согражданамъ „сватать дѣву золотую“. Молодой человѣкъ глубоко убѣжденъ, что такой бракъ не принесетъ ему ни счастья, ни успѣха въ его тяжелыхъ трудахъ; онъ твердо помнитъ, что „блескъ у золота холодный, серебро морозомъ дышетъ“; если онъ и подумываетъ иногда о томъ, что хорошо-де было бы, еслибы родители невѣсты были людьми зажиточными, то для того лишь, чтобы проводить большіе праздники вмѣстѣ съ женой у тестя и тещи. Но это только мечта: выборъ невѣсты никогда не зависитъ отъ степени зажиточности ея родителей.

Когда финнъ уже присмотрѣлся къ дѣвушкѣ, а иногда и получилъ ея согласіе на бракъ, онъ посылаетъ свата въ домъ ея родителей.

Сватомъ можетъ быть только человѣкъ, пользующійся хорошей репутаціей и въ то же время отличающійся краснорѣчіемъ; въ вознагражденіе за труды по сватовству онъ обыкновенно получаетъ рубашку. Этотъ свать обращается къ родителямъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прямо къ дѣвушкѣ и, какъ свадебный подарокъ, приподноситъ при этомъ не менѣе десяти рублей звонкой монетой (финскія деньги, въ этомъ случаѣ, гораздо менѣе цѣнятся).

Входитъ свать въ избу и дѣлаетъ видъ, что не знакомъ съ хозяевами, хотя бы они и водили между собой пріятельство. Онъ проходитъ всю избу и садится на лавку. Невѣста при этомъ спрашиваетъ его: „кто онъ такой, откуда пришелъ и за какимъ дѣломъ“, хотя прекрасно знаетъ это сама. Вмѣсто отвѣта, свать кладетъ передъ дѣвушкой десять рублей. Если родители ничего не имѣютъ противъ этого брака,

они обыкновенно отвѣчаютъ: „почему же нѣтъ“, или: „попробуй“; если же они противъ него, то говорятъ: „зачѣмъ же вамъ себя беспокоить“, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Весьма своеобразный обычай сватовства существуетъ въ Выборгской губерніи. Дѣвушки, желающія выйти замужъ, идутъ въ церковь съ пустымъ футляромъ для ножа, висящимъ у пояса. Тотъ, кто хочетъ посвататься къ дѣвушкѣ, кладетъ тихонько ножъ въ ея футляръ; если дѣвушка желаетъ выйти за него замужъ, она оставляетъ ножъ въ футлярѣ до слѣдующаго воскресенья.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свадебныя торжества, если только этому не мѣшаетъ неурожай, продолжаются очень долго: 5—6 дней; большая часть свадебъ почти вездѣ совершается въ послѣднее воскресенье передъ Рождествомъ, или на другой день послѣ этого праздника. Женихъ и невѣста являются въ праздничномъ нарядѣ, но вовсе не заботятся объ особенно щегольскомъ убранствѣ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, головной уборъ невѣсты представляетъ корону изъ цвѣтовъ, украшенную лентами, камешками, стеклышками и т. п. Свадебный пиръ не всегда бываетъ послѣ вѣнчальнаго обряда, иногда его справляютъ черезъ нѣсколько дней, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и черезъ нѣсколько недѣль. За все это время новобрачные не должны видѣть другъ друга. Наканунѣ свадебнаго пира новобрачный, вмѣстѣ съ своими сватами, приѣзжаетъ въ домъ родителей жены, куда собираются и другіе гости. Немедленно начинается пиръ, который продолжается не только до поздней ночи, но и на другой день до полуночи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, у людей болѣе зажиточныхъ, онъ длится, какъ мы уже говорили, нѣсколько дней. Но вотъ пиръ кончился, и мужъ долженъ увозить въ свой домъ молодую жену. Новобрачная бросается на колѣни передъ родителями и проситъ ихъ благословить ее въ послѣдній разъ: она рыдаетъ, и всѣ окружающіе, также рыдая и приговаривая разныя напутствія, прощаются съ ней. Послѣ этого одинъ изъ сватовъ ведетъ молодую къ столу, сажаетъ ее подлѣ мужа и предлагаетъ всѣмъ выпить за здоровье новобрачныхъ. Затѣмъ всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ, а хозяинъ дома начинаетъ пѣть духовные

стихи. Въ это время молодая съ матерью, мужемъ и сватами выходитъ изъ родительскаго дома и садится въ сани. Въ домѣ новобрачнаго уже накрытъ ужинъ, послѣ котораго, при пѣннѣ духовныхъ пѣсенъ, новобрачную ведутъ въ амбаръ, куда тотчасъ приходитъ и ея мужъ. Нужно замѣтить, что новобрачные финны, нѣсколько ночей сряду, должны проводить въ амбарѣ, и только затѣмъ они переходятъ ночевать въ овинъ или избу.

На другой день послѣ завтрака молодой показываютъ ея будущее хозяйство, а затѣмъ она вноситъ мѣшокъ съ подарками въ избу, гдѣ одариваетъ всю родню мужа: одному подноситъ передникъ, другому шерстяныя рукавицы, платокъ, полотенце и т. п. Послѣ этого она угощаетъ пивомъ всѣхъ находящихся въ избѣ; при этомъ каждый дарить ей сколько-нибудь денегъ, бросая ихъ въ еружку или бокальчикъ, который она подавала съ пивомъ; другіе, вмѣсто денегъ, громогласно обѣщаютъ подарить ей для новаго хозяйства телку, корову, овцу, и при этомъ, болѣе или менѣе точно, опредѣляютъ даже время, когда они исполнять свое обѣщаніе,—выполнить его каждый считаетъ своимъ священнымъ долгомъ.

Е. Водовозова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕРВАНТЕСЪ.

(Биографическій эскизъ).

Кто не читалъ „Донъ-Кихота“? Кто въ юности не восхищался этимъ бессмертнымъ твореніемъ, отъ души хохоча надъ приключеніями знаменитаго „рыцаря Печальнаго Образа“, кто въ зрѣлыхъ лѣтахъ не восхищался еще больше, но уже не только хохоча, а глубоко задумываясь, видя въ этомъ удивительномъ романѣ не только цѣпь всевозможныхъ смѣшныхъ приключеній, но и рѣшеніе нѣсколькихъ важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, чувствуя духовное родство бѣднаго героя со всѣми нами, по крайней мѣрѣ, съ тѣми изъ насъ, въ чьей душѣ идеальныя и въ большинствѣ случаевъ неосуществимыя стремленія къ добру, правдѣ, чело-вѣчности побѣдоносно господствуютъ надъ чисто-практическими, житейскими интересами...

Авторъ этого романа былъ во многихъ отношеніяхъ та-кой же, какъ созданный имъ, Донъ-Кихоть. „Его натура,—говорить о немъ одинъ изъ біографовъ,—все, имъ пережитое, его интимныя склонности—все приближало его къ Донъ-Кихоту. Дворянинъ и солдатъ, мечтатель и исправитель причи-няемаго зла, онъ не можетъ дать въ своей душѣ мѣста эгои-стической и грубой безпечности толпы... Странствующій ры-царь добра и правды, онъ думаетъ, что каждый можетъ слу-жить людямъ благородными примѣрами, и своего вѣрованія онъ не теряетъ и послѣ горькихъ разочарованій“...

Михаиль Сервантесъ Сааведра родился въ 1547 г. въ городѣ Алкалѣ, въ родовитой семьѣ, которая считала за со-

бой пять вѣковъ существованія и гдѣ во всей силѣ жили преданія о славныхъ предкахъ-рыцаряхъ и ихъ доблестныхъ подвигахъ; но знатность происхожденія не мѣшала крайней скудости матеріальныхъ средствъ, и эта послѣдняя была причиною и скудости образованія будущаго великаго писателя. Отсутствіе его мальчикъ восполнялъ, какъ могъ, чтеніемъ, любовь къ которому была такъ сильна въ немъ, что уже въ раннемъ дѣтствѣ онъ подбиралъ на улицѣ исписанные клочки бумаги,—и особенно чтеніемъ поэтовъ; они были первыми его учителями, наравнѣ, впрочемъ, съ живописной природою его родины, дѣйствовавшей не менѣ возбуждительно на его чувство и воображеніе. Но въ сердцѣ молодого гидальго развивались въ то же время стремленія воинственныя—чисто кастильская черта, находившая себѣ богатую пищу и въ тѣхъ героическихъ разсказахъ, которые онъ непрерывно слышалъ въ своей семьѣ, и рано приведшая его къ убѣжденію, что военная храбрость есть добродѣтель, соединяющая въ себѣ всѣ остальные, что она развиваетъ въ человѣкѣ либеральный духъ, рыцарское чувство, и что благороднымъ душамъ свойственно жить среди опасностей... И стремленія эти рано начали осуществляться: въ 1570 г. мы видимъ его поступившимъ въ военную службу, а годъ спустя провожаемъ его на войну...

То была война Испаніи съ побѣдоносными турками. Во главѣ испанскаго войска стоялъ знаменитый донъ-Жуанъ Австрійскій, прозванный „кастильскимъ Ахиллесомъ“, являвшійся представителемъ истинно рыцарскихъ чувствъ древней Испаніи, подъ знамена котораго стекались воины изъ всѣхъ мѣстъ государства, студенты изъ всѣхъ университетовъ, молодые художники и поэты... Не простымъ, автоматически дѣйствующимъ, солдатомъ явился Сервантесъ въ этихъ рядахъ: съ одушевленіемъ, часто переходившимъ въ пылкую экзальтацію, отдался онъ, горячій патриотъ, своему дѣлу, и Лепантская битва, составившая народную гордость и радость, выставила это восторженное настроеніе будущаго автора „Донъ-Кихота“ въ полномъ блескѣ. Постоянно стоя на самомъ опасномъ посту, получая одну рану за другой, видя раздробленной одну руку свою, онъ забывалъ всѣ физическія страданія въ жару

наслажденія побѣдой, „и такъ,—писалъ онъ позже одному изъ своихъ друзей,—когда труба прозвучала въ прозрачномъ воздухѣ побѣду христіанскаго оружія, — въ эту сладостную минуту я сжималъ одной рукой мою шпагу, изъ другой обильно лилась кровь; въ груди я чувствовалъ глубокую рану, и лѣвая рука моя была раздроблена на тысячу кусковъ; но такъ велика была радость моей души при видѣ невѣрнаго, побѣжденнаго христіаниномъ, что я не замѣчалъ моихъ ранъ...“

Участвіемъ въ Лепантской битвѣ,—за которую нашъ поэтъ-воинъ поплатился нѣсколькими мѣсяцами лежанія въ госпиталѣ,—военная дѣятельность его не ограничилась. Послѣ несчастной тунисской экспедиціи, гдѣ, проникнутый глубокой гуманностью, боецъ присутствовалъ при героической гибели трехъ тысячъ человѣкъ, и возвращенія на короткое время въ Европу, онъ снова двинулся въ походъ противъ турокъ; но на этотъ разъ ему суждено было уже не скоро вернуться въ отечество. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими изъ эскадры, былъ взятъ въ плѣнъ турками, и Сервантеса привезли въ Алжиръ, бывший въ ту пору пріютомъ корсаровъ, центромъ контрабандной торговли, чѣмъ-то въ родѣ разбойничьей трущобы.

Это произошло въ 1575 г., и съ этихъ поръ, въ продолженіе пяти лѣтъ, жизнь Сервантеса, съ одной стороны, полна чисто-романическихъ подробностей, съ другой—бросаетъ яркій свѣтъ на его нравственную личность. Мы уже знакомы съ нимъ, какъ съ горячимъ, даже восторженнымъ патриотомъ; изъ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ словъ его письма могли мы сдѣлать выводъ и о его приверженности къ христіанству; присоединимъ къ этому всегда жившее въ немъ глубокое чувство человѣчественности, состраданія ко всему гонимому, мучимому—и намъ легко будетъ составить себѣ ясное понятіе о тѣхъ терзаніяхъ, которыя онъ началъ испытывать съ перваго дня своего плѣна при видѣ жестокаго, звѣрскаго обращенія мусульманъ съ попавшими въ ихъ власть христіанами.

„Нѣтъ языка человѣческаго для выраженія всѣхъ этихъ бѣдствій, нѣтъ пера для изображенія ихъ“, —писалъ одинъ изъ современниковъ, и Сервантесъ, возмущаемый, скорбящій, но пламенный и энергическій здѣсь, какъ и во всемъ, немед-

ленно принимается работать словомъ и примѣромъ для прекращенія, по крайней мѣрѣ, ослабленія вошіющихъ беззаконій, совершающихся на его глазахъ. Ему достаточно было только взглянуть на нѣкоторыя изъ нихъ, даже самыя слабыя, чтобы въ немъ немедленно заговорили его человѣческія чувства, его религіозныя и политическія убѣжденія, его любовь къ свободѣ—той свободѣ, которая была для него высшимъ благомъ, о которой онъ впослѣдствіи писалъ: „свобода—сокровище, данное человѣку небомъ; ради свободы, какъ и ради чести, слѣдуетъ рисковать своею жизнью, ибо величайшее изъ золъ есть рабство“; съ свободою его бѣдный Донъ-Кихоть не хотѣлъ сравнить ни тѣ сокровища, которыя лежатъ въ нѣдрахъ земныхъ, ни тѣ, что скрыты въ глубинѣ морской. Онъ тотчасъ же начинаетъ строить и обдумывать во всѣхъ подробностяхъ планы для освобожденія плѣнныхъ, и, зная, что безъ содѣйствія ихъ ему нельзя будетъ обойтись, старается поддерживать въ нихъ энергію и патріотическое чувство;—онъ видитъ вокругъ себя, между своими земляками, людей, становящихся ренегатами отъ недостатка силы и мужества переносить свои несчастія, и моральнымъ воздѣйствіемъ своимъ удерживаетъ другихъ отъ слѣдованія этимъ примѣрамъ;—онъ, сильно нуждаясь самъ, удѣляетъ послѣднія свои крохи на помощь нуждающимся больше его. Въ разсказахъ современниковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ печальную участь плѣнниковъ, есть множество свидѣтельствъ обо всемъ этомъ. „Мнѣ говорили,—пишетъ одинъ монахъ, сперва бывший врагомъ Сервантеса,—о немъ много дурного; но я увидѣлъ его—и сдѣлался его другомъ, какъ всѣ плѣнные, которымъ удалось узнать его характеръ“; другой съ умиленіемъ рассказываетъ, что поэтъ, видя его матеріальную нужду, сталъ для него „отцомъ и матерью“, подѣлился съ нимъ своей комнатою, платьемъ, деньгами; „ахъ!—восклицаетъ третій,—плѣнъ Сервантеса былъ бы большимъ счастьемъ для христіанъ, еслибы этого человѣка не продавали его же товарищи: онъ поддерживалъ всѣхъ плѣнныхъ, рискуя собственной жизнью; четыре раза подвергался онъ опасности потерять эту жизнь вслѣдствіе желанія возвратити многимъ другимъ свободу...“ Эти „четыре раза“, съ добавленіемъ еще нѣсколькихъ, относятся къ тѣмъ освободительнымъ

планамъ и проектамъ, о которыхъ я только-что упомянулъ и въ которыхъ, рядомъ съ благородствомъ души Сервантеса, проявлялись и пылкость, и богатство его воображенія. „Я сталъ придумывать—писалъ онъ уже впослѣдствіи, рассказавъ о неудачѣ своего перваго замысла бѣжать съ нѣсколькими товарищами, чтобы возбудить народъ въ Испаніи—я сталъ придумывать другія средства для осуществленія столь пламенныхъ желаній моихъ, ибо надежда вернуть себѣ свободу никогда не оставляла меня. Я избрѣгалъ планъ, пускалъ его въ ходъ, и, когда успѣхъ не соотвѣтствовалъ намѣренію, то, не поддаваясь горю и унынію, тотчасъ же ковалъ себѣ другую надежду, которая, какъ ни была она слаба, поддерживала мою бодрость...“ Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій имѣютъ совершенно романическій характеръ. Такъ, на примѣръ, получивъ отъ своей семьи нѣкоторую денежную сумму, Сервантесъ замышляетъ на нее выкупить изъ плѣна своего брата Родриго, съ тѣмъ, чтобы онъ, вернувшись на родину, прислалъ оттуда корабль, который плавалъ бы вдоль алжирскаго берега и затѣмъ тайно увезъ обратно въ Испанію Сервантеса съ избранными товарищами—все съ тою же цѣлью, поднять на ноги испанскій народъ для освобожденія своихъ страждущихъ единовѣрцевъ. На этомъ берегу находитъ онъ таинственный гротъ, гдѣ должны прятаться предназначенные къ бѣгству, и въ то же время отыскиваетъ человѣка, для доставленія въ гротъ пищи и для наблюденія за ходомъ дѣла, не возбуждая подозрѣнія; самъ же авторъ плана будетъ оставаться въ Алжирѣ до послѣдней рѣшительной минуты, потому что отсутствіе такого выдающагося, крупнаго плѣнника немедленно вызвало бы большую тревогу... Различныя неблагопріятныя обстоятельства замедляютъ исполненіе замысла, но, наконецъ, препятствія устранены—Родриго уѣхалъ. Проходитъ восемь дней томительнаго ожиданія—желанный корабль появляется у берега, повидимому, все идетъ какъ нельзя лучше, и уже недалеко до цѣли. Но не даромъ—какъ мы только прочли—писалъ современникъ ¹⁰ „продававшихъ Сервантеса товарищамъ“: его довѣренное лицо оказывается ренегатомъ и гнуснымъ измѣнникомъ—и въ ту минуту, когда нашъ герой уже готовится сѣсть на корабль съ то-

варищами, въ гротѣ, откуда они еще не успѣли выйти, появляются турецкіе солдаты. Что же дѣлаетъ, какъ поступаетъ Сервантесъ? „Единственное средство вашего спасенія—говорить онъ своимъ компаньонамъ — единогласно обвинить меня“, и, обращаясь къ начальнику турецкой стражи, твердо заявляетъ: „ни одинъ между этими христіанами не виновенъ: исключительно я — виновникъ ихъ заговора; я — и никто иной—угворилъ ихъ бѣжать...“

Напрасно стараются сломить его упорство въ этомъ показаніи; просьбы, обольщенія, угрозы—все остается бесполезнымъ... Ему даютъ на выборъ—признаніе, т. е. выдачу всѣхъ своихъ участниковъ, или смерть; онъ выбираетъ смерть. Но Сервантесъ слишкомъ важный плѣнникъ, за выкупъ его турки надѣются получить слишкомъ крупную сумму для того, чтобы они лишили его жизни: постановленная приговоромъ казнь замѣняется „галерами“, т. е. каторжной работой... Подобныя неудачи не колебали, однако, ни на волосъ необычайной стойкости этого человѣка; онѣ, напротивъ, только усиливали его энергію, его изобрѣтательность, — усиливали еще потому, что, благодаря образу дѣйствій испанскаго короля Филиппа II, ожесточеніе мусульманъ противъ христіанъ возрастало съ каждымъ днемъ, проявляясь невѣроятными звѣрствами. И, по мѣрѣ того, какъ увеличивались эти бѣдствія, становились шире освободительныя стремленія Сервантеса; отъ частныхъ заговоровъ онъ перешелъ къ мысли о заговорѣ общемъ, государственномъ, о чемъ-то въ родѣ *coup d'état*—государственнаго переворота: ему захотѣлось поднять на ноги разомъ всѣхъ плѣнныхъ, соединить ихъ возстаніе съ высадкой Филиппа II въ Алжирѣ и возстановить на этомъ берегу испанское господство. За осуществленіе этого плана принялся онъ съ обычной своей энергіей: всячески поддерживая, воодушевляя сильно упавшихъ духомъ товарищей своихъ по плѣну, онъ въ то же время писалъ письма въ Мадридъ, въ Оранъ, повсюду; онъ обращался и къ королю, увѣряя въ легкости осуществленія задуманнаго имъ предпріятія, говоря, что „каждый день толпа несчастныхъ всматривается въ горизонтъ, надѣясь различить испанскіе корабли“, восклицая: „Господь, въ твоихъ рукахъ ключъ печальной тюрьмы,

въ которой погибають двадцать тысячъ христіанъ!..“ Его героизмъ и изобрѣтательность были, по словамъ одного изъ современниковъ, такъ велики, что еслибы имъ соотвѣтствовали обстоятельства, онъ возвратилъ бы королю Филиппу II городъ Алжиръ... Но мы уже упоминали о способѣ дѣйствій этого короля; въ настоящемъ случаѣ онъ былъ причиной того, что новый замыселъ Сервантеса рушился, какъ и предшествовавшіе. И, тѣмъ не менѣе, довольно скоро послѣ этого мы видимъ его снова устраивающимъ бѣгство свое собственное и своихъ товарищей—и здѣсь снова присутствуемъ при уничтоженіи его плана измѣной и при обнаруженіи непоколебимаго благородства его души: своихъ тревожащихся, дрожащихъ отъ ужаса, сообщниковъ онъ успокоиваетъ увѣреніемъ, что никакія пытки, никакая казнь не заставятъ его назвать по имени или скомпрометировать кого бы то ни было;—и дѣйствительно, когда его приводятъ на судебный допросъ, онъ настойчиво повторяетъ: „это я изобрѣлъ этотъ новый планъ вмѣстѣ съ четырьмя кабаллерами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ уже въ Алжирѣ...“

Такъ шло дѣло до 1580 г. Въ этомъ году одинъ монахъ собралъ у испанскихъ купцовъ сумму, достаточную для выкупа будущаго автора „Донъ-Кихота“ и нѣкотораго количества другихъ плѣнныхъ—и Сервантесъ снова увидѣлъ родину. Но впечатлѣнія, вынесенныя за пять лѣтъ изъ разбойничьяго притона, еще не скоро изгладились въ его душѣ, мысли и стремленія, которымъ онъ такъ всецѣло отдавался въ плѣну, продолжали волновать его и долго послѣ освобожденія. Только теперь все это нашло себѣ выраженіе въ его дѣятельности литературной: онъ взялся за перо, чтобы имъ послужить тому же самому дѣлу, и почти самый первый дебютъ его на писательскомъ поприщѣ былъ подвигомъ истиннаго патріота и человѣка свободы. Этотъ дебютъ—пѣса подъ заглавіемъ¹ „Алжирскіе нравы“, пѣса (правда, слабая въ художественномъ отношеніи), въ которой предъ глазами зрителя проходятъ всѣ, видѣнные и пережитые авторомъ, ужасы плѣна христіанъ у турокъ. Здѣсь христіанскія дѣти, насильно обращаемыя въ мусульманство и продаваемыя въ рабство; здѣсь продавецъ открываетъ у этихъ несчастныхъ рты, какъ у ло-

шадей, чтобы показать покупщику ихъ достоинство; здѣсь наказанія, изувѣчиванія, пытки. И авторъ не ограничивается только изображеніями: онъ, устами своихъ дѣйствующихъ лицъ (въ числѣ которыхъ находится и онъ самъ), постоянно обращается къ своимъ зрителямъ съ краснорѣчивыми призывами возстать общими силами противъ этого зла, онъ зоветъ всѣхъ, безъ различія сословій, къ общему братству, общей работѣ, взаимной помощи, онъ смѣло, даже рѣзко вышагаетъ свой голосъ въ ту страшную пору царствованія Филиппа II, когда подобныя заявленія могли стоить жизни тому, кто отваживался на нихъ... „Алжирскіе нравы“ были, однако, не единственнымъ произведеніемъ на эту тему: нѣсколько лѣтъ спустя Сервантесъ-писатель снова обратился къ этому же самому предмету въ другой пьесѣ— „Алжирскія галеры“, гдѣ тѣ же картины, тѣ же мысли и тѣ же стремленія, но въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ, еще болѣе густыхъ краскахъ...

И такъ, нашъ воинъ-поэтъ вернулся въ отечество; „при видѣ испанской земли,—писалъ онъ нѣсколько времени спустя,—мы забыли всѣ наши несчастія, всѣ наши бѣдствія и лишенія“. Но если, какъ мы только-что видѣли, забвеніе это у него, по отношенію къ тому, что онъ называлъ *нашими*, т. е. общими бѣдствіями, оказалось весьма кратковременнымъ, только подъ впечатлѣніемъ перваго сладостнаго свиданія съ родиной послѣ долговременной разлуки, то еще дольше, даже до послѣднихъ минутъ жизни, суждено ему было чувствовать и терпѣть свои собственныя, личныя невзгоды, лишенія, несчастія. Между ними на первомъ планѣ стала бѣдность, дѣйствовавшая однако на него удручающимъ образомъ больше нравственно, чѣмъ физически, потому что вѣдь „нищета,—какъ говорилъ онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній своихъ,—заставляетъ смолкать голосъ чести: она посылаетъ однихъ на висѣлицу, другихъ въ госпиталь, третьихъ заставляетъ стучать въ дверь своихъ враговъ съ просьбами и мольбами, а это—самое большое бѣдствіе, какое только можетъ постигнуть несчастнаго... Повседневная забота о насущномъ хлѣбѣ отнимаетъ у поэта половину его идей и божественныхъ плановъ...“ Въ самомъ Сервантесѣ однако по-

стоянная матеріальная нужда никогда, ни на минуту не заставляла „сморгнуть голосъ чести“; она только лишила его того, что, какъ намъ уже извѣстно, онъ признавалъ драгоцѣннѣйшимъ благомъ человѣка — свободы, — и, конечно, не только всѣхъ людей вообще, но и самого себя въ частности — въ этомъ именно отношеніи — имѣлъ онъ въ виду, когда въ послѣдствіи его донъ-Кихоть говорилъ своему Санчо Пансо: „Чувствовать себя обязаннымъ за милости, значитъ налагать оковы на душу свою; счастливъ тотъ, кому небо дало кусокъ хлѣба, за который онъ долженъ благодарить только небо!..“

На первыхъ порахъ, впрочемъ, онъ, для поддержанія своего существованія, прибѣгнулъ снова къ тому занятію, которое считалъ въ высшей степени почтеннымъ и истинно-патріотическимъ — поступилъ въ военную службу, и въ 1581, 1582 и 1583 гг. мы видимъ его участвующимъ въ походахъ за португальскій престолъ. Но распатанное перенесенными болѣзнями и тяжелыми испытаніями здоровье дѣлало теперь для него эту профессію слишкомъ тяжелой, — и пришлось выйти въ отставку, т. е. лишиться послѣднихъ средствъ къ существованію. А тутъ ко всему присоединилась еще его женитьба, о выгодности которой въ матеріальномъ отношеніи можно судить уже по тому, что въ спискѣ приданого, принесеннаго ему женой, помѣщено, какъ нѣчто довольно вѣское, полдюжины куриць!.. Правда, что въ это же время онъ выступилъ на то поприще, для котораго создала его природа, на которомъ по всей справедливости должны были ожидать его и деньги, и слава, которое наконецъ давало ему возможность сохранять въ неприкосновенности столь дорогую ему нравственную независимость свою — поприще писательское. Но до такой степени былъ обездоленъ этотъ гениальный человѣкъ, до такой степени судьба, съ первыхъ его шаговъ въ жизни и до послѣднихъ, была для него злой мачихой, что и тутъ, въ этой сферѣ дѣятельности, гдѣ предстояло ему въ послѣдствіи создать истинно гениальныя вещи — и тутъ, тоже съ первыхъ шаговъ до послѣднихъ, не испытывалъ онъ почти ничего, кромѣ разочарованій, невзгодъ, лишеній... Справедливость требуетъ признать, конечно, что по первымъ произведеніямъ его, и даже многимъ перваго періода его творчества,

никакъ нельзя было признать въ немъ будущаго генія, но точно также несправедливо было бы отрицать несомнѣнные поэтическія достоинства въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; такова, напр., трагедія „Нуманція“ — пьеса, при недостаткахъ въ строго драматическомъ отношеніи, полная силы и поэзіи, о которой одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей испанской литературы отзывался, что „романтическое въ дѣйствительной жизни рѣдко было изображено на сценѣ такъ кроваво, и еще рѣже подобное сочиненіе производило своими подробностями такое сильное поэтическое дѣйствіе“...

Такимъ образомъ въ писательской дѣятельности своей Сервантесъ сперва является драматургомъ. Къ сценѣ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ чувствовалъ природное влеченіе, усилившееся послѣ знакомства его съ пьесами Лопе де Рюэды, странствующаго актера-сочинителя (въ двадцатыхъ годахъ XVI в.) — пьесами наивными по мысли, слабыми по постройкѣ, лишенными серьезнаго литературнаго достоинства, но полными правды, естественности, простого здраваго смысла — т. е. тѣхъ свойствъ которыя выше всего ставилъ Сервантесъ и которыя впоследствии играли такую первостепенную роль и въ его собственныхъ произведеніяхъ. Съ годами сталъ онъ смотрѣть на эту сцену, какъ на трибуну для поученія народа, для возбужденія въ немъ гражданскихъ и человѣческихъ чувствъ, — слѣдовательно, придавалъ ей общественное и политическое значеніе; но въ то же время обнаруживалъ также ясное пониманіе литературныхъ законовъ ея и сознаніе ихъ важности, стараясь вывести испанскую драматическую поэзію изъ того плачевнаго положенія, въ которомъ она находилась до тѣхъ поръ, требуя присутствія въ искусствѣ самостоятельной и чистой свободы, стремясь освободить испанскій театръ отъ лежавшаго на немъ гнета вульгарности. Къ сожалѣнью, талантъ его, какъ драматурга въ истинномъ значеніи этого слова, не вполне соотвѣтствовалъ всѣмъ этимъ стремленіямъ и мыслямъ, и тутъ, между прочимъ, лежитъ причина тѣхъ неудачъ его на этой дорогѣ, о которыхъ упомянулъ я выше, и которыя заключались въ равнодушіи къ его драматическимъ произведеніямъ тогдашней публики, а слѣдовательно — въ усиленіи его нравственныхъ разочарованій, которыхъ и безъ того было у него не мало, и

въ ухудшеніи его матеріальныхъ средствъ. Неблагопріятно подѣйствовало въ этомъ случаѣ еще одно важное обстоятельство: одновременно съ Сервантесомъ появился въ области испанской драматической поэзіи знаменитый Лопе-де-Вега, обладавшій дѣйствительно сильнымъ драматическимъ дарованіемъ, необычайно плодовитый, легкій, увлекательный, „совершенно овладѣвшій, по словамъ самого же Сервантеса, комической монархіей“ и счастливо соперничать съ которымъ, при томъ, можно сказать, обожаніи, съ какимъ относилась къ нему публика, было немислимо даже для такой крупной силы, какъ авторъ „Нуманціи...“ Какъ бы то ни было, а результатъ для нашего поэта оказался, повторяю, весьма печальный: „Моимъ театромъ, — писалъ онъ гораздо позже (понимая подъ этимъ „театромъ“ трагедіи, которыми онъ дебютировалъ, и комедіи, за ними послѣдовавшія), — моимъ театромъ пренебрегли послѣ того, какъ ему апплодировали“; почти такую же участь испытали (мы забѣгаемъ здѣсь нѣсколько впередъ въ нашемъ разсказѣ) геніальныя „интермедіи“ его, эти удивительныя по своей правдивости, живости, веселости сцены изъ народнаго быта, гдѣ одинъ критикъ справедливо находитъ отраженіе того „божественнаго“ юмора, которымъ проникнуть „Донъ-Кихоть“, — и бѣдный Сервантесъ ясно видѣлъ, что „его вторая карьера ускользала отъ него, какъ и первая, что его двойное призваніе — къ военной службѣ и къ литературѣ, — было снова разбито ироніей судьбы...“ А ему въ это время было уже сорокъ лѣтъ!...

Натура Сервантеса была не изъ тѣхъ, которыя падаютъ или даже унываютъ подъ гнетомъ нравственныхъ потрясеній; но съ невзгодами матеріальными нельзя было не считаться, тѣмъ болѣе имѣя на рукахъ семью. И вотъ приходится ему не брезгать никакими занятіями, могущими доставить хотя самыя скудныя средства существованія, и жестокой насмѣшкой судьбы представляется намъ въ эту пору появленіе того, кто нѣсколько лѣтъ спустя удивитъ и восхититъ міръ своимъ „Донъ-Кихотомъ“ — въ должности интендантскаго чиновника при „непобѣдимой Армадѣ!..“ Никѣмъ не замѣчаемый, никѣмъ не поощряемый, поставленный въ положеніе самаго ординарнаго чиновника, влачить онъ на этой службѣ, такъ рѣзко

противорѣчащей его мыслямъ, чувствамъ, наклонностямъ, жалкую жизнь, а вдобавокъ ко всему, скоро попадаетъ подъ судъ, даже высиживаетъ нѣсколько времени въ тюрьмѣ, благодаря своей полнѣйшей, и въ этомъ случаѣ совершенно естественной, непрактичности, довѣрчивости: именно, получивъ, послѣ разныхъ служебныхъ мытарствъ, должность сборщика податей, онъ, собравъ значительную сумму, посылаетъ ее въ Мадридъ съ однимъ знакомымъ негоціантомъ; но тотъ на дорогѣ объявляетъ себя банкротомъ, казенныя деньги, порученныя ему, пропадаютъ—и у Сервантеса на рукахъ процессъ, отъ котораго онъ не избавится почти до конца своей жизни!.. Я долго не кончилъ бы, если бы сталъ рассказывать обо всѣхъ тѣхъ испытаніяхъ, сквозь которыя прошелъ бѣдный поэтъ въ этотъ періодъ своей жизни; но, какъ замѣчено мною выше, велика была духовная сила этого человѣка, и она-то помогла ему, подъ тяжелымъ гнетомъ матеріальныхъ бѣдствій, всецѣло отдаваться своей любимой работѣ—работѣ умственной, точнѣе говоря—литературной. Ничего покамѣстъ не печатая, „давая созрѣвать своему генію съ крайней устойчивостью“, въ терпѣливомъ и свойственномъ всякому великому природному таланту выжиданіи того дня, когда онъ сознаетъ, что можетъ вступить въ полное обладаніе самимъ собой и своей силой,—нашъ злополучный скупщикъ провіанта для арміи и сборщикъ податей въ то же время писалъ, писалъ много, въ разныхъ родахъ, а еще больше вынашивалъ въ своей свѣтлой, мощной головѣ. На помощь разнообразнымъ свойствамъ его дарованія и, главнымъ образомъ, наблюдательности его, приходила теперь и та жизнь, которую онъ велъ, точно также, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ алжирскія бѣдствія дали первый матеріалъ для его поэтического творчества. Только теперь впечатлѣнія были гораздо разнообразнѣе и заключали въ себѣ гораздо болѣе элементовъ для развитія истиннаго художника, какимъ предстояло явиться Сервантесу: постоянное кочеваніе съ мѣста на мѣсто служило для него превосходнымъ средствомъ для изученія испанской жизни въ самыхъ различныхъ ея проявленіяхъ, и тѣ вполнѣ жизненные изображенія андалузскихъ народныхъ особенностей, которыми мы восхищаемся въ столькихъ произведеніяхъ этого писателя,

конечно, могли быть продуктомъ только собственныхъ наблюдений; вообще, по замѣчанію одного историка испанской литературы, тотъ своеобразный тонъ, которымъ отличаются его позднѣйшія произведенія отъ первыхъ, граціозная шутка, легкая иронія, въ которыхъ достигъ онъ высокаго совершенства, слѣдуетъ приписать десятилѣтнему пребыванію въ Севильѣ и вообще въ этой провинціи, среди ея умныхъ и энергическихъ обитателей.

Все, рассказанное нами—послѣ возвращенія Сервантеса изъ Алжира—обнимаетъ собой время отъ 1580 до 1598 г. Съ этихъ поръ на цѣлыхъ пять лѣтъ превращаются всякія извѣстія о немъ, и только въ 1603 г. мы снова встрѣчаемъ странника-писателя, встрѣчаемъ въ Вальядолидѣ—и все въ прежней горемычной обстановкѣ. На рукахъ у него жена, дочь, сестра, племянница и еще одна родственница; женщины занимаются шитьемъ для добыванія скудныхъ грошей, глава семьи съ той же цѣлью бѣгаетъ съ утра до ночи по городу, исполняя порученія разныхъ вельможъ. Но теперь въ немъ уже окончилась та великая работа умственного созрѣванія, о которой мы говорили, и остается пройти всего одному году, чтобы этотъ великій талантъ выступилъ передъ цѣлымъ міромъ во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей силѣ и обаятельности: въ 1604 г. вышла въ свѣтъ первая часть „Донъ-Кихота“ (начатаго, какъ предполагаютъ, въ 1598 г., во время тюремнаго заточенія автора). Громаднымъ, небывалымъ успѣхомъ сопровождалось появленіе этой книги, представляющей собой полное, всестороннее выраженіе разнообразнаго генія ея творца, задуманной, какъ пародія на господствовавшіе тогда въ литературѣ такъ называемые „рыцарскіе“ романы, съ цѣлью убить ихъ насмѣшкой, но постепенно перешедшей въ удивительное психологическое изслѣдованіе, въ философское изображеніе міра, въ картину человѣческаго общества, безпредѣльную, всемірную,—книги, въ которой авторъ, „повинуясь неодолимому влеченію своего духа, соединилъ все, что есть своеобразнаго въ характерѣ испанскаго народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ свое родство со всѣми странами и временами, съ самыми низшими и самыми высшими ступенями цивилизаціи...“ Правда,

приобрѣтенной этимъ романомъ славой онъ былъ обязанъ не внутреннему, психологическому значенію его, которое въ ту пору едва ли кто-нибудь замѣтилъ, а его животрепещущей современности съ одной стороны и тому, что было въ немъ собственно комическаго, вызывавшаго неудержимый смѣхъ; но тѣмъ не менѣе, повторяемъ, успѣхъ былъ колоссальный. Первое изданіе, напечатанное въ количествѣ тридцати тысячъ экземпляровъ, совершенно разошлось въ нѣсколько недѣль, и въ томъ же году появилось, одно вслѣдъ за другимъ, еще четыре изданія; публика жадно зачитывалась приключеніями рыцаря „Печальнаго Образа“, и извѣстенъ, на примѣръ, анекдотъ о томъ, какъ король Филиппъ III, увидѣвъ изъ своего дворцоваго окна человѣка, ходившаго по площади съ книгой въ рукахъ и непрерывно хохотавшаго, сказалъ: „этотъ человѣкъ или сумасшедшій, или читаетъ Донъ-Кихота“; пошли, справились — дѣйствительно оказалось послѣднее. Дѣло не ограничилось Испаніей: въ короткое время романъ былъ переведенъ на нѣсколько европейскихъ языковъ, а приѣзжавшее въ 1615 г. въ Мадридъ французское посольство не находило словъ для выраженія удивленія, возбуждавшагося „Донъ-Кихотомъ“ (и нѣсколькими другими, появившимися за это время произведеніями Сервантеса) во Франціи. Повидимому, счастье улыбнулось измученному столькими тяжелыми испытаніями генію; но и теперь Сервантесъ болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ право сказать слова нашего поэта: „Что слава? яркая заплатка на ветхомъ рубищѣ пѣвца“. Да, громкая слава, выпавшая на долю автора великаго романа, не помѣшала „ветхому рубищу“ остаться на его тѣлѣ. Между тѣмъ какъ его издатели въ Испаніи и фабриканты противозаконныхъ перепечатокъ въ другихъ государствахъ наживали крупныя деньги и съ практической ловкостью эксплуатировали это выгодное предприятие, — онъ, неисправимый идеалистъ, такой же Донъ-Кихотъ, какъ и только-что созданный имъ рыцарь, оставался попрежнему въ бѣдности, едва-едва облегченной только небольшой пенсіей, которую начали выплачивать ему два его покровителя — кардиналъ Толедскій и графъ Лемось. Когда члены приѣхавшаго въ Мадридъ французскаго посольства пожелали быть представленными великому автору „Донъ-Кихота“, и

ихъ желаніе было исполнено, глубокое изумленіе и негодованіе овладѣло ими при видѣ той, болѣе чѣмъ скудной, обстановки, въ которой они нашли Сервантеса. „Какой стыдъ и срамъ для Испаніи, — воскликнулъ одинъ изъ нихъ послѣ этого свиданія, — что правительство не поддерживаетъ самымъ щедрымъ образомъ такого человѣка, и что онъ принужденъ писать ради хлѣба насущнаго!..“ — „Скажите лучше, — возразилъ ему другой, — какое это счастье для Испаніи, которая его бѣдности обязана столькими великими произведениями!..“ Французскій посланникъ предложилъ романисту отъ имени своего правительства довольно крупную пенсію; Сервантесъ не принялъ ее, объяснивъ, что пенсія графа Лемоса вполне достаточна ему для скромнаго, но безбѣднаго существованія. Еще съ большей гордостью и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства — при отсутствіи, однако, всякой желчи, при философско-юмористическомъ взглядѣ на вещи — относился онъ въ тѣмъ нравственнымъ неприяностямъ, которыя немедленно послѣ появленія „Донъ-Кихота“, т. е. послѣ покрытія его имени громкой славой, обрушились на него въ формѣ завистливыхъ насмѣшекъ, клеветъ, инсинуацій — словесныхъ и печатныхъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ независимость его успѣха, его политическихъ и литературныхъ убѣжденій, словомъ, всей его жизни. Грубыя преслѣдованія враговъ не препятствовали ему твердо идти по тому пути, на который онъ такъ блистательно вступилъ своимъ знаменитымъ романомъ, и время отъ 1604 до 1616 года, т. е. года его смерти, было временемъ непрерывной, богатой еще болѣе въ качественномъ, чѣмъ въ количественномъ отношеніи, литературной производительности. Въ этотъ періодъ появилась вторая часть „Донъ-Кихота“, нѣсколько новыхъ „интермедій“, поэма „Путешествіе на Парнасъ“, интересная въ автобіографическомъ отношеніи, наконецъ, удивительныя „новеллы“ — плодъ его десятилѣтняго, уже знакомаго намъ, пребыванія въ Севильѣ. Я безъ преувеличенія называю ихъ удивительными, потому что главныя свойства геніальнаго дарованія Сервантеса — наблюдательность, остроуміе, психологическій анализъ и т. п. являются здѣсь во всемъ своемъ блескѣ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ справедливо ставятся во многихъ отношеніяхъ

на ряду съ „Донъ-Кихотомъ“, — и это, главнымъ образомъ, тѣ, которыя имѣютъ социальный характеръ, гдѣ съ поразительной яркостью и глубиной проходитъ предъ читателемъ то, что можетъ быть названо „социальной комедіей“ въ полномъ смыслѣ этого слова, представляемой преимущественно низшимъ классомъ, и притомъ, въ темныхъ сторонахъ его быта, какъ послѣдствійхъ неудовлетворительнаго социального порядка Испаніи того времени... И широкой гуманностью вѣетъ отъ этихъ произведеній. Если авторъ проводитъ здѣсь предъ глазами читателя всевозможныя злоупотребленія, если, напримѣръ, въ самыхъ забавныхъ краскахъ рисуетъ плачевное состояніе тогдашняго правосудія, легковѣсность и испорченность тогдашняго двора, плачевныя стороны литературы, странное смѣшеніе въ испанскомъ обществѣ самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ одна другой идей, то поступаетъ такимъ образомъ именно съ этой, широко гуманной, точки зрѣнія. „Онъ—такъ характеризуетъ его въ этихъ новеллахъ французскій критикъ—не обнаруживаетъ здѣсь никакой ненависти къ сильнымъ и богатымъ, онъ требуетъ восстановления правъ слабого и бѣднаго, — требуетъ, чтобы съ самымъ смиреннымъ человѣкомъ обращались, какъ съ человѣкомъ, и чтобы личныя достоинства были уважаемы и цѣнимы въ новомъ обществѣ до возможности доставленія человѣку труда почетнаго мѣста въ правительствѣ...“

Эту неутомимую и гениальную производительность не оставивала, можно сказать, ни на одинъ день и болѣзнь (водяная), давно уже поселившаяся въ тѣлѣ Сервантеса, и теперь, въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, двинувшаяся впередъ быстрыми шагами, найдя себѣ сильнаго помощника въ преклонномъ возрастѣ поэта. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ окончилъ романъ (напечатанный уже его вдовой и особенными достоинствами неотличающійся) „Персилесъ и Сигизмонда“, да и лежа на смертномъ одрѣ, за четыре дня до роковой минуты, продиктовалъ посвященіе этого романа своему покровителю, графу Лемосу. Ясно чувствовалъ онъ приближеніе кончины и съ истинно-христіанской твердостью ожидалъ ея. По обычаю ревностныхъ католиковъ того времени — каковымъ былъ и Сервантесъ — онъ, 18 апрѣля

1616 г., принялъ схиму, а 23 апрѣля его не стало — не стало въ тотъ самый день, когда, по любопытному совпадѣнію обстоятельствъ, міръ лишился величайшаго драматурга всѣхъ временъ и народовъ—Вильяма Шекспира...

Тихо и незамѣтно отошелъ въ вѣчность геніальный писатель. То позорное равнодушіе, съ которымъ Испанія оставила чуть не въ ничетѣ одного изъ славнѣйшихъ сыновей своихъ, даже послѣ того, какъ вмѣстѣ съ остальной Европой рукоплескала его „Донъ-Кихоту“, проводило его и въ могилу. Современники не позаботились даже написать его имя на надгробной плитѣ, покрывшей его прахъ въ мадридскомъ женскомъ монастырѣ св. Троицы, гдѣ былъ онъ похороненъ, согласно выраженному имъ самимъ желанію, и такимъ образомъ тщетны были бы ваши поиски, еслибы, войдя въ этотъ храмъ, вы захотѣли узнать, въ какой именно изъ находящихся здѣсь гробницъ лежитъ Сервантесъ. Двѣсти слишкомъ лѣтъ должны были пройти для того, чтобы на родинѣ поставили ему памятникъ. Это произошло въ 1835 г., въ Мадридѣ, по инициативѣ короля Фердинанда VII. Памятникъ сдѣланъ изъ бронзы; фигура, болѣе чѣмъ въ натуральную величину, изображена въ костюмѣ рыцаря, съ рукописью въ правой рукѣ; на пьедесталѣ латинская надпись: „Мигурэлю Сервантесу, царю испанскихъ писателей“; съ другой стороны—та же надпись по-испански, а по бокамъ барельефы, предметъ которыхъ—двѣ сцены изъ „Донъ-Кихота“... Не лишено интереса—тоже не въ особенную похвалу Испаніи—и то обстоятельство, что *первая* біографія Сервантеса появилась только черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти...

Такъ кончилась эта жизнь, которую самъ носитель ея называлъ „долгимъ неблагоразуміемъ“, приписывая вину этого послѣдняго „богу Аполлону, который вселяетъ въ насъ свой духъ“, другими словами—своей поэтической непрактичности, своему поэтическому идеализму. „Я ухожу—грустно говорить онъ въ одномъ изъ произведеній, написанныхъ за годъ до смерти—унося на плечахъ камень, съ надписью, въ которой читается разрушеніе всѣхъ моихъ надеждъ“... Такой натурѣ и трудно было видѣть на землѣ что-нибудь, кромѣ печальнаго

разочарованія. „Ему, поэту съ дѣтства—читаемъ мы въ прекрасной общей характеристикѣ, сдѣланной его французскимъ біографомъ—вѣтреному и мечтательному, недоставало житейскаго умѣнья, и онъ не извлекъ пользы ни изъ своихъ военныхъ кампаній, ни изъ своихъ произведеній. Это была душа безкорыстная, неспособная дѣлать себѣ славу или рассчитывать на успѣхъ, открытая тому, что происходитъ предъ глазами, поочередно очарованная или негодующая, неодолимо отдававшаяся всѣмъ своимъ порывамъ... Его видѣли наивно влюбленнымъ во все прекрасное, великодушное и благородное, предающагося романическимъ грезамъ или любовнымъ мечтаніямъ, пылкимъ на полѣ битвы, то погруженнымъ въ глубокое размышленіе, то беззаботно веселымъ... Изъ анализа его жизни онъ выходитъ съ честью—выходитъ болѣе великимъ, чѣмъ онъ былъ, или, по крайней мѣрѣ, такимъ же, полнымъ великой и благородной дѣятельности, удивительнымъ и наивнымъ пророкомъ, героическимъ въ своихъ бѣдствіяхъ и добрымъ въ своей геніальности...“ Таковъ же онъ былъ и какъ писатель, на призваніе котораго смотрѣлъ самымъ серьезнымъ образомъ, въ дѣятельности котораго видѣлъ и гражданскій, и высоконравственный подвигъ,—взглядъ, побудившій его, въ предисловіи къ новелламъ, произнести слѣдующія знаменательныя слова: „Еслибы я могъ угадать, что чтеніе этихъ новеллъ внушило кому-либо какое-нибудь преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрѣзалъ бы написавшую ихъ руку, чѣмъ отдалъ бы ихъ въ публику“... Геніальное дарованіе помогло ему облечь эти стремленія и убѣжденія не въ сухой дидактизмъ, а въ высоко-поэтическую одежду, въ которой, несмотря на недостатки въ чисто-художественномъ отношеніи, все—жизнь, свѣжесть, сила, благородство...

Петръ Вейнбергъ.

*

КЛЕЩИ И ЗАРАЗА.

Въ распространеніи споръ и зародышей различныхъ микроскопическихъ организмовъ животныя играютъ не малую роль, и изъ нихъ нѣкоторыя насѣкомыя давно уже пользуются худой славой такихъ разнозчиковъ.

Каждому изъ насъ, вѣроятно, извѣстны случаи изъ обыденной жизни, когда укусъ мухи-жигалки, слѣпня, или даже обыкновеннаго комара и мошки, вызывалъ вокругъ укушеннаго мѣста значительную опухоль, сопровождавшуюся явлениями мѣстнаго воспаленія. Хорошо еще, если дѣло обходилось само собой, безъ помощи врача... Мы говоримъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ: „вѣроятно, муха укусила раньше какого-нибудь больного, и затѣмъ перенесла заразу на здороваго“. Но мухѣ совершенно не надо садиться на тѣло больного, чтобы перенести затѣмъ ядъ въ кровь здоровымъ: ядъ этотъ можетъ попасть на муху изъ тысячи другихъ мѣстъ. Мы знаемъ, что достаточно самыхъ незначительныхъ количествъ нѣкоторыхъ ядовъ, особенно, если дѣйствующее начало яда является въ видѣ микроскопическихъ бактерий и ихъ споръ, для того, чтобы вызвать въ нашей крови измѣненія, сопровождающіяся заболѣваніемъ. Присмотритесь къ комару, который сѣлъ къ вамъ на платье: посмотрите, какъ онъ постоянно, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, погружаетъ свой хоботокъ въ ткань матеріи; онъ, очевидно, чувствуетъ, благодаря тонко развитому у него обонянію, запахъ тѣла, незамѣтный для насъ,

но все же пропитывающей наше платье; комаръ принимаетъ наше платье за поверхность кожи и долго не можетъ убраться въ своей ошибкѣ. Но вотъ, наконецъ, повидимому, онъ понялъ, что здѣсь не встрѣтитъ пищи: порывистымъ движеніемъ онъ слетаетъ прочь, и снова вьется вокругъ васъ. Не пугайте его — и вы увидите, что онъ, наконецъ, добьется своего и найдетъ-таки открытое мѣсто тѣла. Если ваше платье чисто, вы можете не бояться укуса насѣкомаго, если же оно грязно, и комаръ при поискахъ встрѣтилъ какое-нибудь подозрительное пятно, то ничего не можетъ быть проще переноса вамъ въ кровь мельчайшихъ частичекъ грязи, приставшей къ его хоботку. Хорошо, если эта грязь не ядовита для насъ!..

Вѣроятно всѣмъ извѣстны случаи, когда мухи, поѣвшія сначала поставленнаго для нихъ на огонь яда и испачкавшія въ его растворѣ свои лапки, переносили ядъ на стоявшія вблизи кушанья, — напр., на взрѣзанный и непокрытый арбузъ — и были причиной отравленія неосторожныхъ хозяевъ.

Вы, вѣроятно, часто наблюдали въ лѣтнее время за мухами, которыя ползаютъ по столу передъ вами, на вашемъ огонь, по стѣнамъ вашей комнаты и т. д. Что онѣ дѣлаютъ? — Онѣ непрерывно выпускаютъ и снова втягиваютъ свой мясистый хоботокъ, пробуя, облизывая всѣ предметы, даже соринки, встрѣчающіяся имъ на пути. Онѣ ищутъ такимъ образомъ, не попадется-ли имъ подъ хоботокъ жидкость или что-нибудь, что могло бы растворяться подъ вліяніемъ особаго сока, покрывающаго лопасти хоботка. Какъ только такое вещество найдено и пришлось мухѣ по вкусу, она сейчасъ же начинаетъ сосать его. Но во сколькихъ мѣстахъ она побывала, сколько предметовъ попробовала, пока не отыскала нужнаго! Не удивительно, что на концѣ хоботка мухи временами кипать всевозможные микроскопическіе болѣзнетворные организмы!..

Растенія, такъ же какъ и люди, испытываютъ на себѣ способность насѣкомыхъ переносить мелкія и легкія частицы

разныхъ веществъ съ одного мѣста на другое; эта способность насѣкомыхъ приносить растеніямъ и пользу, и вредъ. Насѣкомыя, въ особенности пчелы и бабочки, посѣщая вполнѣ распустившіеся цвѣты, уносятъ на себѣ ихъ плодотворную пыль и невольно переносятъ ее на другіе цвѣты того же вида. Такимъ образомъ происходитъ опыленіе растеній помощью насѣкомыхъ. Благодаря преимуществу, которое представляетъ для растеній перекрестное опыленіе сравнительно съ самоопыленіемъ, въ теченіе вѣковъ, постепенно выработались такія формы цвѣтовъ, которыя совершенно не могутъ опыляться безъ помощи насѣкомыхъ, и опыленіе которыхъ поэтому всегда является перекрестнымъ. Тотъ, кто немного знакомъ съ подобными фактами, невольно поражается тѣми хитрыми и въ высшей степени остроумными приспособленіями, которыя выработались по этой причинѣ у цвѣтовъ. Даже та яркая окраска цвѣтовъ, которая такъ привлекаетъ къ нимъ наше вниманіе, создалась не для увеселенія царя природы—человѣка, а для привлеченія насѣкомыхъ!..

Однако, не всѣ насѣкомыя полезны для растеній; особенно насѣкомыя, не летающія, а ползающія по землѣ, часто приносятъ имъ вредъ не только тѣмъ, что поѣдаютъ ихъ листья и цвѣты, пьютъ ихъ соки, царапаютъ своими когтями нѣжную вожицу лепестковъ и проч., но и тѣмъ, что, забравшись внутрь цвѣтка, чувствуютъ себя тамъ полными хозяевами и пугаютъ прилетающихъ на цвѣтокъ мухъ, бабочекъ, пчелъ. Вотъ почему у многихъ растеній выработались приспособленія, мѣшающія ползущему по землѣ насѣкомому взбираться по стеблю растенія вверхъ къ его цвѣтамъ. Обыкновенно стебель является покрытымъ волосами, какъ-бы рѣдкою шерстью, которая мѣшаетъ насѣкомому ползти, но иногда простые волоски замѣняются волосками „железистыми“, несущими на своихъ концахъ тонкостѣнные пузырьки съ елейкимъ веществомъ; едва насѣкомое своей лапой коснется стѣнки такого пузырька, какъ изъ него вытекаетъ елейкая жидкость и мѣшаетъ непрошенному гостю ползти дальше. Интересно,

что у нѣкоторыхъ видовъ растеній существуютъ двѣ разновидности: одна растеть на болотахъ, другая—на мѣстахъ, не покрытыхъ водой,—и вотъ именно эта послѣдняя разновидность обладаетъ на стеблѣ железистыми волосами, а первая, которой нечего опасаться ползающихъ насѣкомыхъ,—ихъ не имѣеть. Можно было бы привести множество интересныхъ примѣровъ, какими способами растенія защищаютъ себя отъ насѣкомыхъ, но это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ цѣли настоящей бесѣды. Самозащита растеній отъ насѣкомыхъ вполне понятна. Вспомнимъ для примѣра одинъ фактъ, указывающій, что и растенія не гарантированы отъ заноса на нихъ болѣзней насѣкомыми. Всѣмъ извѣстны такъ называемые, „рожки“ или „спорынья“, которая часто портитъ хлѣбъ до невозможности употреблять его въ пищу, однако не всѣ знаютъ, какимъ образомъ спорынья заводится въ хлѣбномъ зернѣ. „Рожки“ вначалѣ являются въ видѣ „хлѣбной медвяной росы“, которая для насъ мало замѣтна. Она представляетъ собой небольшой комочекъ спрятанныхъ въ колосѣ микроскопическихъ ниточекъ или трубочекъ, которыя выдѣляютъ на своей поверхности желтоватую жидкость сладкаго вкуса, а на своихъ концахъ образуютъ легко отпадающія мельчайшя пылинки—споры. Насѣкомыя очень любятъ эту жидкость; они садятся на колосъ, чтобы лакомиться ею, а улетаая, невольно уносятъ на себѣ споры хлѣбной „медвяной росы“, и разносятъ ихъ по всему полю. Такимъ образомъ отъ одного колоса въ короткое время, благодаря насѣкомымъ, въ особенности мухамъ, заражается медвяной росой множество другихъ колосьевъ. Изъ медвяной росы затѣмъ и образуется ядовитая спорынья, значительная примѣсь которой къ хлѣбу вредно отражается и на здоровьѣ человѣка.

Итакъ многія насѣкомыя, и въ особенности мухи, безусловно справедливо заслужили тяготящее на нихъ названіе „разносчиковъ заразы“. Но мы будемъ говорить теперь собственно не о нихъ, а о другой группѣ животныхъ, подчасъ столько же, если хотите, неприятной, но почему-то въ этомъ от-

ношеніи мало привлекавшей къ себѣ вниманіе наблюдателей, именно—о влещахъ. Относительно мухъ существуютъ прямыя наблюденія, показывающія ихъ способность переносить заразу; относительно же влещей такихъ наблюденій нѣтъ. Они не такъ замѣтны, не такъ бросаются въ глаза, ведутъ обыкновенно скрытый образъ жизни, кажутся такъ мало подвижными! Что въ самомъ дѣлѣ могутъ сдѣлать такія мелкія, неповоротливыя животныя?!... Однако, присмотритесь хорошенько къ ихъ образу жизни и превращеніямъ, и часть вашего гнѣва противъ мухъ навѣрное обратится на этихъ, повидимому, безобидныхъ тварей. Къ сожалѣнію, образъ жизни влещей намъ несравненно менѣе извѣстенъ, чѣмъ образъ жизни другихъ насѣкомыхъ.

Возьмемъ для перваго примѣра влещей-гамазусовъ, живущихъ на сырой землѣ и во мху въ нашихъ садахъ и лѣсахъ. Изъ мелкихъ яицъ, откладываемыхъ ими въ землю, выходятъ маленькія личинки, весьма мало похожія на свою мать, которыя бѣгаютъ по землѣ, отыскивая мухъ и жуковъ. Какъ только личинка найдетъ муху или жука, она присасывается къ нимъ. Насѣкомыя съ присосавшимися влещами чувствуютъ себя довольно хорошо: ходятъ, летаютъ съ ними, — словомъ, если, разумѣется, влещей насыдетъ не слишкомъ много, мало заботятся о своей ношѣ. Попутешествовавъ такъ на насѣкомомъ и перенесясь на немъ на значительное разстояніе отъ мѣста своего рожденія, личинка влеща отпадаетъ и переходитъ снова въ сырую землю. Она закапывается и линяетъ, т. е. сбрасываетъ съ себя старую кожу, подъ которой уже успѣла образоваться новая. Затѣмъ личинка снова вылѣзаетъ изъ земли и оканчиваетъ здѣсь, на новой квартирѣ, свой метаморфозъ (превращеніе), старая же кожа ея, принесенная издалека, остается въ землѣ. Разумѣется, если бы дѣло ограничивалось только этимъ, то значеніе влещей, какъ распространителей заразы, было бы ничтожно. Но этимъ дѣло не ограничивается.

Путешествія личинокъ весьма многихъ влещей на насѣ-

комыхъ уже давно извѣстны. Иногда онѣ пользуются во время своего дароваго путешествія еще и даровымъ содержаніемъ, т. е. попросту паразитируютъ, высасывая кровь изъ насѣкомаго, носящаго ихъ; обыкновенно, впрочемъ, насѣкомое мало страдаетъ и отъ этого. Но главная цѣль такихъ путешествій не въ томъ, чтобы добывать пищу, а въ томъ, чтобы перебираться изъ однихъ мѣстъ въ другія; для этого клещи выбираютъ обыкновенно именно такихъ насѣкомыхъ, которыя могутъ перелетать значительныя пространства. Вотъ на эти-то дальнія путешествія клещей, прицѣпившихся къ насѣкомымъ, и надо обратить вниманіе. Стоитъ выбросить на землю каіе-нибудь животные или растительные гніющіе остатки, какъ сейчасъ же отовсюду собираются на нихъ личинки разныхъ клещей, ждущія, чтобы какое-нибудь насѣкомое прилетѣло сюда, привлеченное запахомъ; неосторожный жувь вскорѣ оказывается покрытымъ массой клещей, которыхъ онъ, улетая, и уноситъ съ собой.

Надо помнить, что, напримѣръ, навозные жуки садятся обыкновенно только на навозъ, а между тѣмъ, личинки клещей, перенесенныя ими, расползаются въ разныя стороны и поселяются для дальнѣйшаго превращенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ и взрослые клещи. Представьте себѣ, что личинка обыкновенныхъ домашнихъ клещей, живущихъ у насъ въ подвалахъ и въ кладовыхъ на сырыхъ пищевыхъ продуктахъ (напр. *Tyroglyphus*), выбираетъ для своихъ странствій жуковъ,—и притомъ — какихъ жуковъ! ихъ находили, напримѣръ, на карапузикахъ (*Hister*), которые всегда роются въ падали или въ навозѣ! Такимъ образомъ, зараза съ ихъ помощью переносится на большія разстоянія.

Еще интереснѣе странствія нѣкоторыхъ водяныхъ клещей. Выходъ личинокъ нѣкоторыхъ такихъ клещей изъ яицъ совпадаетъ со временемъ метаморфоза стрекозъ и комаровъ. Какъ извѣстно, личинки стрекозъ и комаровъ живутъ въ стоячей водѣ, особенно въ болотахъ: изъ личинокъ тѣхъ и другихъ развиваются, хотя и различными путями, взрослыя брылатыя

насъома, которыя послѣ появленія на свѣтъ не сразу улетаютъ отъ воды, а нѣсколько времени сидятъ или на старой сброшенной кожѣ, плавающей у комаровъ на поверхности воды, или на тростникѣ и другихъ водяныхъ растеніяхъ, какъ то обыкновенно бываетъ у стрекозъ, у которыхъ личинка не превращается въ куколку, а передъ выходомъ взрослога насъомаго выползаетъ по стеблямъ растеній на поверхность воды. Этого только и ждутъ вылупившіеся изъ яицъ маленькіе влещи: пока насъомае еще не окрѣпло и не можетъ улетѣть, они выходятъ изъ воды, взбираются на насъомае и начинаютъ свое путешествіе. Когда разовьются у насъомаго яйца и оно соберется откладывать ихъ въ воду, тогда личинки влещей отстаютъ отъ него и падаютъ снова въ воду, гдѣ линяютъ, т. е. сбрасываютъ кожу, и продолжаютъ метаморфозъ. Такимъ образомъ, водяные влещи изъ одного болота переселяются въ другое. Переселеніе влещей съ помощью стрекозъ (*Libellulae*) заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что стрекозы иногда совершаютъ переселенія огромными массами. У насъ, въ Европейской Россіи, въ 1850 г. тучи стрекозъ летѣли въ теченіи нѣсколькихъ дней, въ концѣ мая, съ сѣвера на югъ черезъ Либаву; въ 1865 году громадная туча стрекозъ въ маѣ летѣла черезъ Казань, въ 1868 году въ томъ же мѣсяцѣ—черезъ Москву, наконецъ, настоящимъ лѣтомъ 23 мая была видна туча стрекозъ, летѣвшихъ съ юга на сѣверъ черезъ Серпуховскій уѣздъ, Московской губерніи. Такія переселенія массами и на весьма значительное пространство, на сотни и даже тысячи верстъ, имѣютъ весьма большое значеніе для распространенія микроскопическихъ организмовъ.

Разумѣется, никакое переселеніе животныхъ само по себѣ не въ состояніи вызвать появленія микроорганизмовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ раньше не было, при отсутствіи для этого необходимыхъ условій, благопріятствующихъ существованію и размноженію этихъ организмовъ, но разъ такія условія на лицо, и если происходитъ переселеніе изъ мѣстъ, уже зараженныхъ, то нельзя не предвидѣть его послѣдствій. Мы не

знаемъ обыкновенно причинъ, заставляющихъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ собираться въ громадныя тучи и перелетать значительныя пространства. Иногда перелеты можно объяснить недостаткомъ пищи и поисками лучшихъ мѣстъ для жизни, но обыкновенно такія переселенія представляютъ для насъ загадку. Даже при томъ или другомъ объясненіи нѣкоторыхъ подобныхъ случаевъ остается открытымъ вопросъ: почему животныя (насѣкомыя, или какія-либо другія), при обычныхъ условіяхъ, живущія отдѣльно и не обнаруживающія никакихъ стадныхъ инстинктовъ, вдругъ начинаютъ собираться въ громадныя стаи, тучи, состоящія изъ многихъ милліоновъ существъ? Какъ-бы то ни было, нельзя сомнѣваться, что массовыя переселенія личинокъ водяныхъ клещей при помощи насѣкомыхъ имѣютъ весьма важное значеніе для переноса микроорганизмовъ изъ одного воднаго стоячаго бассейна въ другой и, къ тому же, переноса на большія разстоянія.

Извѣстно, что мухи могутъ переносить болѣзнь непосредственно съ больного къ здоровому. Среди клещей такихъ примѣровъ, разумѣется, немного, такъ какъ они рѣдко, и то случайно, попадаютъ на человѣка; но для нашихъ домашнихъ животныхъ, въ случаѣ повальныхъ болѣзней, они могутъ быть очень опасны. Вотъ случай, подтверждающій переносъ заразы клещами и имѣвшій мѣсто лѣтомъ 1890 года на Кавказѣ. Чума на скотъ тамъ, какъ извѣстно, явленіе заурядное; появилась она и лѣтомъ 1890 года въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральнаго Кавказа, затѣмъ перешла въ сѣверную, степную часть его. Появленію чумы въ послѣдней мѣстности, особенно въ Нальчикскомъ округѣ, предшествовало появленіе одного клеща, живущаго на скотѣ. Клещъ этотъ появился такими массами, какихъ не запомнятъ мѣстные постоянные жители, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чума этимъ лѣтомъ производила особенно сильныя и быстрыя опустошенія, и въ мѣсяць истребила большую часть скота. Ко времени кладки яицъ клещами, когда они покидаютъ скотъ, болѣзнь стала слабѣть.

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что влещи должны играть большую роль въ переносѣ микроорганизмовъ; если же въ сказанному прибавить, что лѣтомъ почти на каждомъ насѣкомомъ, въ особенности на жукахъ, пчелахъ, прямокрылыхъ и мухахъ, можно найти личинокъ того или другого рода влещей, то роль ихъ становится еще очевиднѣе. Представьте себѣ поѣздъ, перевозящій толпу народа изъ мѣстъ, гдѣ распространена кака-нибудь заразная болѣзнь, въ мѣста здоровья. Не то же ли самое представляетъ перелетающее съ одного мѣста въ другое насѣкомое, несущее на себѣ иногда массу мелкихъ влещей, нѣсколько времени назадъ ползавшихъ или въ гніющихъ веществахъ, или въ гнилой водѣ? Конечно, мы не будемъ спрашивать, кто здѣсь виновать? Насѣкомое ли, набравшее на себя такихъ пассажировъ, или пассажиры, пользующіеся его услугами, а постараемся познакомиться съ образомъ жизни влещей, чтобы знать, какіе изъ нихъ и какою вредъ могутъ причинить и намъ непосредственно, и нашей пищѣ, и нашей водѣ.

Ю. Вагнеръ.

ХУДОЖНИКЪ РУССКОЙ ПѢСНИ.

(ПО ПОВОДУ ИСПОЛНЕНИЯ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СО СМЕРТИ А. В. КОЛЬЦОВА*)

Ужель безвременно изъ міра выйду я?
(Кольцовъ, «*На новый 1842 годъ*»).

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли!..

Когда бъ онѣ сказались вполнѣ,
Кого бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
(Кольцовъ—«*Вздохъ на могилѣ Венеитинова*»).

19-го октября 1892 г. исполняется пятьдесятъ лѣтъ съ того момента, когда, забытый своими литературными друзьями и почитателями, въ Воронежѣ, тихо и незамѣтно, сошелъ въ могилу отъ тяжкаго физическаго недуга, въ конецъ разбитый нравственно, въ родной семьѣ, но совсѣмъ этой семьѣ чуждый, всего на 35 году неудавшейся жизни, народный поэтъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ. На другой день его кончины, въ Темномъ ряду, въ Воронежѣ, въ лавку Мелентьева, зашелъ отецъ поэта, Василій Петровичъ. «Спрашиваетъ парчи, бахромы, кисеи, выбираетъ, торгуется, пускается съ хозяиномъ въ разговоры о томъ, какъ онъ, покупатель, вчера

*) Для ближайшаго знакомства съ біографіей поэта и оцѣнкой его дѣятельности смотри: 1) *Жизнь замѣательныхъ людей*, изд. Павленкова—А. В. Кольцовъ, его жизнь и литературная дѣятельность—Біографическій очеркъ В. В. Огаркова, живая, тепло написанная книжка съ хорошимъ портретомъ и указателемъ его стихотвореній, положенныхъ на музыку. Спб. 1891 г. Ц. 25 к. 2) А. В. Кольцовъ его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. Н. А. Добролюбова, изд. Мамонтова. М. 1877 г.—интересна вступительная глава о значеніи поэзіи вообще, повѣтической натурѣ, народной пѣснѣ, о предшественникахъ Кольцова и глава послѣдняя—оцѣнка поэта; самая біографія кратка и устарѣла; 3) *Соч. Бѣлинскаго. т. XII*—А. В. Кольцовъ—біографія и лучшая оцѣнка его поэзіи; 4) *Вал. Н. Майковъ. Критическіе опыты. А. В. Кольцовъ*—двѣ прекрасныя статьи, собственно о поэзіи Кольцова—много дѣльныхъ и свѣтлыхъ мыслей о поэзіи вообще, значеніи поэта, національности общечеловѣчности. 5) А. В. Кольцовъ въ житейскихъ и литературныхъ дѣлахъ и въ семейной обстановкѣ. М. Де-Пуле. Спб. 1878 г.—самая подробная біографія, любопытна по новымъ фактамъ, но страдаетъ невѣрнымъ освѣщеніемъ личности и отношеній самого Кольцова къ Бѣлинскому. Хорошая оцѣнка книги въ статьѣ С. Шашкова—*Кольцовъ и новый розыскъ объ его поведеніи*. въ журналѣ, «Дѣло», 1878 г., № 9.

вечеромъ весело провелъ время въ трактирѣ по случаю удачнаго окончанія какой-то сдѣлки... «А кому это парчу покупаешь?»—спрашиваетъ хозяинъ лавки. «Сыну... Алексѣю; вчера съ померъ». «Разумная голова былъ мой Алексѣй,—говаривалъ этотъ отецъ всѣмъ, спрашивавшимъ о сынѣ.—Книжки его сгубили и свели въ могилу...» И въ тупой ненависти къ этимъ книжкамъ, кулакъ-шибай, знавшій цѣну однѣмъ только деньгамъ, собралъ всѣ бумаги сына, всѣ письма, писанныя къ нему Бѣлинскимъ и другими, и все это, драгоцѣнное достояніе для біографіи поэта и лицъ ему близкихъ, продалъ, какъ никуда негодный хламъ, на рынокъ, «на завертку». Лѣнныя и мало опытные интеллигентныя воронежцы, съ которыми покойный былъ близокъ, всѣ оставили его еще задолго до кончины, и никто изъ нихъ не позаботился поинтересоваться этимъ наслѣдіемъ, выкупивъ его у отца, или, по крайней мѣрѣ, разыскавъ проданное въ лавку.

Черезъ двадцать шесть лѣтъ, въ 1868 г., по почину воронежскаго купца Кривошеина, составила подписка на увѣковѣченіе памяти знаменитаго земляка въ его родномъ городѣ, и 27-го октября того же года открытъ въ Воронежѣ, въ городскомъ саду, скромный памятникъ Кольцову—пока единственный знакъ признательности Россіи своему народному поэту.

Юбилей и дни полувѣковой и вѣковой памяти выдающихся людей родины, честно ей послужившихъ, во всѣхъ странахъ Запада громко и широко чествуются благодарнымъ потомствомъ, въ видѣ обстоятельныхъ статей объ ихъ жизни и дѣятельности, панихидъ, торжественныхъ собраній и т. п. Школы призываются къ единодушному участію въ этихъ чествованіяхъ, чтобы молодежь страны училась уваженію и признательности къ заслугамъ ума, таланта, генія. И чѣмъ страна просвѣщеннѣе, тѣмъ такія чествованія повсемѣстнѣе, многочисленнѣе, торжественнѣе. Мы, еще далеко не столь просвѣщенные, слишкомъ мало цѣнимъ нашихъ, немногихъ талантливыхъ и гениальныхъ «печальниковъ земли», какъ можно, кажется, справедливо назвать большую часть нашихъ русскихъ поэтовъ, такъ мало выдавшихъ при жизни радостей, а тѣмъ болѣе, поддержки и признанія современниками своихъ заслугъ и такъ рано кончившихъ свое земное поприще. По этому-то чествованіе этихъ людей въ дни ихъ памяти имѣетъ у насъ, въ Россіи, особенно важное воспитательно-культурное значеніе. Но исполненіе пятидесятилѣтія со смерти писателя пріобрѣтаетъ у насъ еще особое значеніе потому, что, по нашимъ законамъ, исполненіемъ этого полувѣкового срока послѣ ихъ смерти, представляется всѣмъ и каждому право свободно издавать сочиненія покойнаго, способствуя этимъ широкому распространенію ихъ въ массѣ путемъ дешевыхъ изданій. Изъ четырехъ корифеевъ, основателей нашей художественно-народной литературы, Пушкина, Лермонтова, Кольцова и Гоголя, сочиненія двухъ первыхъ уже пошли съ 1887 и 1891 годовъ по всему лицу русской земли въ сотняхъ тысячъ дешевыхъ экземпляровъ. Съ 19-го октября этого года появится въ еще гораздо болѣе дешевыхъ, копѣчныхъ, изданіяхъ и Кольцовъ, и по этой дешевизнѣ, а также простотѣ, народности своихъ пѣсней, надобно думать, найдетъ еще болѣе доступа въ самые глухіе, от-

даленные и бѣдные уголки нашего отечества. Такое предполагаемое широкое распространеніе поэта и имѣющее совершиться черезъ нѣскольکو дней пятидесятилѣтіе съ его кончины и побуждаетъ насъ почтить съ своей стороны память поэта, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, оцѣнкой его личности и дѣятельности.

I.

Если Пушкинъ, счастливо ставшій довольно близко къ народу въ дѣтствѣ, благодаря нянѣ и деревнѣ, а впоследствии, благодаря разѣздамъ по Россіи и житью въ деревняхъ, первый, какъ художникъ, воспользовался простонародной пѣсню, подсказавшей ему многіе мотивы и обогатившей его языкъ, то совсѣмъ иное представляетъ Кольцовъ. Пушкинъ—поэтъ народный вообще, въ смыслѣ общерусскаго содержанія и духа, только иногда обращавшійся, да и то почти исключительно въ эпосѣ (сказки, баллады, «Онѣгинъ») или драмѣ («Русланъ», «Борисъ Годуновъ»), къ простонароднымъ сюжетамъ, характерамъ и мотивамъ; Кольцовъ — сынъ народа, питомецъ его среды, не тронутый образованіемъ, непосредственный самородокъ-пѣсенникъ, воспитанный степью, природой, близостью съ простымъ народомъ, съ его нетронутой наивной непосредственностью, простотой, съ его грубостью и нѣжностью, мелочностью, угрюмой сосредоточенностью, грустной меланхолей и безшабашной удалью развернувшейся широкой натуры. Языкъ этого народа, со всѣми его нетронутыми богатствами, былъ языкомъ самого Кольцова отъ равныхъ дѣтскихъ лѣтъ; народная сказка, преданіе старины въ устахъ няньки, чумаковъ, рабочаго люда, среди коего поэтъ вращался съ дѣтства—были единственной литературной школой едва грамотнаго поэта, къ которому и впоследствии мало привилось образованіе. Особенно же лирическая пѣсня рано вдохновила его поэтическую натуру, и сдѣлала изъ него единственнаго до сихъ поръ по силѣ таланта и глубинѣ чувства русскаго художественно-народнаго лирика, къ которому еще не приблизился ни одинъ изъ его преемниковъ. Этихъ народныхъ пѣсенъ наслушался поэтъ съ дѣтства и дома, гдѣ жили по старинѣ, и въ степи, гдѣ онъ съ десяти лѣтъ присматривалъ за баранами отца, и въ торговыхъ разѣздахъ, и въ обществѣ семинаристовъ, распѣвавшихъ съ гитарой, или гуслями, эти же народные пѣсни; этихъ же пѣсенъ зналъ множество и самъ поэтъ, какъ рассказываетъ его біографія, хорошо и охотно пѣвавшій ихъ въ юности, на потѣху и усладу дѣвушекъ, любившихъ его за веселый характеръ.

Что же представляетъ русская народная лирика, что могла она дать поэту? Лирическая поэзія, какъ выраженіе личности человѣка, уже имъ, хотя бы и смутно, сознаваемой, представляетъ, какъ извѣстно, впечатлѣнія, чувства и думы, пробуждаемая въ душѣ созерцаніемъ окружающей природы и дѣйствительности. Въ этой лирикѣ человѣкъ, выйдя изъ дѣтскаго, такъ-называемаго, эпического, непосредственнаго отношенія къ жизни, начинаетъ от-

давать себѣ, болѣе или менѣе, сознательный отчетъ. Входя въ поэзію сказочную и былевую только случайнымъ и незначительнымъ элементомъ, съ извѣстной зрѣлостью народа, лирика постепенно, уже гораздо позже, выдѣляется въ особую, собственно лирическую, пѣсню. Какъ результатъ вѣками накопывшагося народнаго, массоваго, сознанія, уже нашедшаго въ себѣ выраженіе въ опредѣленной музыкально-литературной формѣ, она очень важна для опредѣленія характера и склада всей духовной жизни народа. Этотъ періодъ развитія бытовой пѣсни, уже безъ элементовъ мифическихкихъ, какъ въ пѣсняхъ игорныхъ и обрядовыхъ, носящихъ языческой характеръ, безъ гиперболическихъ образовъ былинъ, съ содержаніемъ изъ обыденной реальной жизни, для русскаго народа наступаетъ не ранѣе XVII в., когда русская жизнь, такъ сказать, осѣла, сложилась уже въ опредѣленныя формы. По крайней мѣрѣ, лирическія пѣсни, вошедшія въ сборники Сахарова, Шеина, Якушкина и др., какъ утверждаютъ изслѣдователи нашей литературной старины, не восходятъ ранѣе этого времени, представляя собой результатъ всего того, что дали души народа вѣка предшествующіе. А такъ какъ народъ нашъ, и до сихъ поръ, даже черезъ тридцать лѣтъ по освобожденіи, живетъ, въ огромной массѣ населенія, почти все въ тѣхъ же условіяхъ интеллектуальной и экономической жизни и подъ тѣмъ же вліяніемъ природы, то и пѣсня его всюду, куда еще не проникла гнилая фабричная и городская цивилизація, и въ XIX столѣтіи почти та же, какова была она и въ XVII вѣкѣ.

Много было писано о той любви къ пѣнію какою, отличаются славяне вообще, а слѣдовательно и русскіе. Оставляя въ сторонѣ славянъ западныхъ и восточныхъ, развивавшихся подъ особыми условіями, и даже малороссовъ, у коихъ пѣсенная поэзія значительно отличается отъ нашей, нельзя не признать, что, такъ называемое, великорусское племя (средняя Россія) очень богато пѣснями, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи количественномъ. Поютъ у насъ и на посидѣлкахъ, и въ полѣ за работой, и въ праздникъ въ хороводѣ, и у колыбели ребенка, и надъ покойникомъ, и на дѣвичникѣ, и на свадьбѣ, поетъ и баба за прялкой въ зимнюю пору, поетъ пастухъ, пася стадо, и бурлакъ, тянущій бечевую, и плотникъ, и маляръ, и крючникъ, облегчая пѣснью тяжелый трудъ... Но, несмотря на такую распространенность пѣсни; несмотря на многія ея красоты,—какъ, напр., задушевность, образность, часто хватающая за душу, какая-то, особенно ласкающая, нѣжность,—нельзя не сказать, что эта пѣсня свидѣтельствуетъ о развитіи народа, весьма примитивномъ. Она отличается характеромъ однообразнымъ, монотоннымъ и въ мотивѣ, и въ содержаніи. Въ мотивѣ русской пѣсни, по выраженію Шопенгауера, «изъ двухъ общихъ основныхъ настроеній духа—веселость или бодрость и грусть или уныніе—преобладаетъ второе, и слѣдовательно, въ музыкѣ, даже церковной, преобладаетъ не *allegro*, не *dur*, какъ у французовъ, а именно *mollo*. Это преобладающее грустное настроеніе сообщаетъ нашимъ пѣснямъ, удачно названнымъ Пушкинымъ «*долгими*» (что-то слы-

пится родное въ *домихъ* пѣсняхъ ямщика), что-то такое ноющее, тянущее, тяжелое, что онѣ поневолѣ нагоняють на душу «сердечную тоску».

Насколько эти печальные, тоскливые напѣвы свойственны именно русской пѣснѣ, видно, напр., въ мотивахъ русскихъ колыбельныхъ и свадебныхъ пѣсенъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ веселыхъ пѣсенокъ про кота, да вздора, напр.: «Михайло — кортомъ, пожарная голова, еловая кожа, сосновая рожа! и т. п., — вслушайтесь, какими безнадежно заунывными мотивами убаюкиваетъ мать своего младенца, точно призваннаго въ жизнь для одного только горя. Что такое, какъ не сплошной, надрывающій душу, вопль представляютъ всѣ, особенно многочисленныя у насъ, пѣсни дѣвичническія и свадебныя, сопровождающія самое свѣтлое событіе въ жизни человѣка, которое въ мотивахъ нашихъ пѣсенъ напоминаетъ скорѣе похороны, чѣмъ свадьбу? Правда, на ряду съ пѣснями заунывными, есть у насъ и удалыя; но какая же дикая, отчаянная мелодія въ этихъ пѣсняхъ, напоминающая что-то разнузданное, цыганское, почему, можетъ быть, и любить такъ русскіе люди цыганское пѣніе и пляску!

Однообразны, печальны, заунывны, или отчаянно удалы мотивы нашихъ пѣсенъ; таково же, за рѣдкими исключеніями, и ихъ содержаніе. Сиротство, одиночество, разладъ съ семьей, большей частью, несчастная любовь, а если и счастливая, но только на мигъ, чтобъ тѣмъ тяжелѣе за него потомъ платиться, разлука, домашній гнетъ со стороны родителей, боязнь чужой семьи, тяжелая семейная жизнь съ нелюбимымъ тираномъ-мужемъ, съ лихой женой, побой, безчеловѣчная месть жены за все претерпѣнное отъ своего злодѣя, за котораго выдана она насильно — вотъ страшная картина семейнаго быта, которому отведено въ нашихъ пѣсняхъ мѣсто весьма значительное.

«Память вѣрная моя—

говорить А. Григорьевъ—

«Тому пѣсенъ сохранила мнѣ
«Однообразныхъ и простыхъ,
«Но страшно грустныхъ. Слышенъ въ нихъ
«То голосъ воли удалой,
«Все злою долею женой,
«Все подколенною змѣей
«Опутанный,—то плачь о томъ,
«Что тускло зимнимъ вечеркомъ
«Горитъ лучина—хоть не спать
«Бѣдняжкѣ ночь и другаждать,
«И тѣшить старую любовь;—
«Что ту лучину залила
«Лихая старая свекровь...
«О, вѣрьте мнѣ: не весела
«Картина—русская семья...

«Семья для насъ всегда была
«Лихая мачиха, не мать»...

Если прибавить къ этимъ семейнымъ сюжетамъ зловѣщее предчувствіе бѣды, смерть, или дѣвушки, или молодца, гдѣ-нибудь одиноко, на чужбинѣ, — въ степи, съ стоящимъ надъ умирающимъ, вѣрнымъ, конемъ, неисходную бѣдность и горе, представляющіяся человѣку неизбѣжнымъ, роковымъ фатумомъ, злымъ чудовищемъ, всюду по пятамъ слѣдующимъ за человѣкомъ, порывы къ какой-то лучшей, но мало сознанный, жизни, къ волѣ, — порывы неопредѣленные, часто странные, дикіе, выражающіеся или въ кабацкомъ забвеніи, грубомъ разгулѣ, когда человѣку хочется все сокрушить, уничтожить, разбить вокругъ себя, или въ стремленіи уйти отъ общества въ лѣсъ, въ степь, въ разбой, — словомъ, хоть въ какой-нибудь путь, «безъ дороги» и опредѣленной, разумной пѣли, — вотъ, кажется, и всѣ сюжеты бытковой пѣсни, которая воспитала Кольцова. Много въ этой пѣснѣ прелести, глубокаго чувства, красивыхъ образовъ, но мало разумнаго, сознательнаго; много стихійнаго, массоваго, мало личнаго; много нѣги и страсти, но много и грубости, и жестокости. «Повита эта русская пѣсня, по выраженію Л. А. Мея, непогодю-невзгодю, омыта, крещена въ крови, во слезахъ». «Не сама собой она спѣлася, сложилася, ее намыло снѣгомъ, дождикомъ съ пустырей, нанесло дымомъ-копотью съ пожарищъ, намело мятелицей съ сырыхъ могилъ». Великорусская пѣсня — это вѣрное отраженіе, съ одной стороны, нашей однообразной, равнинной, съ тяжелымъ климатомъ и почвой, страны, располагающей къ дремѣ, къ усыпленію потребностей и силъ, къ неподвижности и покою, только по временамъ и ненадолго нарушаемому взрывами дикой и безцѣльной удали; съ другой — результатъ суровой, исторической, судьбы, тяготящей надъ Русью: вѣковой гнетъ злой татарщины, постоянныя войны, нестроеніе земли въ древней Руси, позже, тягота петровской реформы, крѣпостное право, печальныя условія экономическія, дикость патріархально-сложившихся изстари отношеній семейныхъ, страшная разрозненность народа, разбросаннаго по пустырямъ и не успѣваго и до сихъ поръ выйти изъ стихійной жизни массъ. Эта-то, порожденная такими условіями природы и такой исторической судьбой, пѣсня, то плачущая на свою долю, то меланхолически задумывающаяся надъ нею, и ни къ какому выводу не приходящая; то бѣшено разгульная, куда-то порывающаяся, на просторъ, въ лѣсъ, въ степь, но всегда почти печальная, безотрадная, — эта-то пѣсня и выдѣлила, наконецъ, изъ массы народа личность художника-пѣвца Кольцова. Знаменательно появленіе его въ русской литературѣ почти одновременно съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ, именно въ первой половинѣ нашего столѣтія, когда русская жизнь, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условий, какъ бы пробудилась и заявила себя, выдвинувъ на разнообразныхъ поприщахъ высокодаровитыхъ личностей, внесшихъ въ нее новый смыслъ и содержаніе. Какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь воплотили въ художествен-

ныхъ образахъ жизнь меньшинства, болѣе или менѣе интеллигентнаго, тронутаго европейской культурой, напр., дворянства, помѣщиковъ, чиновниковъ,—такъ Кольцову выпало на долю, воспользовавшись стихійной, массовой пѣснью и опытомъ жизни, первому ходоженствено выразить пѣснью жизнь русскаго простаго народа. Взявъ у этого народа языкъ, чувство, содержаніе, онъ эту пѣсню культивировалъ, т. е. обратилъ, по выраженію Гоголя, въ «перлъ созданія». Народная пѣсня часто груба, расплывчата въ выраженіяхъ, однообразна повторяющимися формами;—онъ сжалъ и смягчилъ языкъ, оставшись вполнѣ вѣренъ его духу; чувство народа не всегда доброе, гуманное, и даже иногда переходитъ въ жестокость;—онъ выбралъ изъ пѣсни только доброе, человѣчное, трогательное, облагораживающее душу; изъ повторяющихся въ пѣснѣ, варьирующихся на всякіе лады сюжетовъ, онъ остановился только на нѣкоторыхъ, главныхъ, существенныхъ, но зато разработалъ ихъ законченно и ярко, освободивъ отъ всѣхъ, мѣшающихъ впечатлѣнію, подробностей, деталей; въ пѣснѣ народной часто мысль совсѣмъ скрывается, или выражена неопредѣленно, туманно; внутреннее, духовное прячется за внѣшнимъ, матеріальнымъ;—Кольцовъ всюду выдвигаетъ опредѣленную, ясную мысль, облекая ея содержаніе своихъ пѣсенъ, гдѣ нѣтъ ничего случайнаго, что бы не служило этой мысли; на первый планъ выдвигается внутреннее, идейное, какъ это видно, напр., на изображеніи женскаго горя, мести, бѣдности, разгуга. Словомъ—пѣсня Кольцова вполнѣ народная, только нашедшая себѣ художника-мастера, подобно тому, какъ драгоценный алмазъ получаетъ полную цѣну въ рукахъ искуснаго ювелира.

II.

Къ Кольцову какъ нельзя болѣе примѣнимы слова Карлейля, сказанныя имъ о другомъ великомъ народномъ поэтѣ, Борнсъ: «Для такого человѣка судьба не сумѣла найти болѣе приличнаго дѣла, какъ ссориться съ бездѣльниками, считать акцизы и осматривать пивныя бочки. Этотъ духъ печально растратился въ такой утомительной работѣ, и можетъ пройти сто лѣтъ прежде, чѣмъ будетъ намъ данъ, другой подобный, чтобы мы, быть можетъ, растратили его и въ другой разъ». И Кольцову пришлось, вмѣсто того, чтобы образованіемъ развить свою богатую натуру, культивировать талантъ и вполнѣ предаться творчеству, съ дѣтства смотрѣть за баранами, возиться съ работниками, торгашничать, учитывать, торговать быками, вести кляузныя дѣла отца,—словомъ, по уши уходить въ дразги мелочности, торгашества, и, наконецъ, совсѣмъ загибнуть въ 34 года и тѣломъ, и духомъ. Но Борнсъ (1759—1796) былъ шотландецъ,—сынъ культурной страны, и, при всей трагической судьбѣ своей, могъ и сумѣлъ образовать себя самъ и, еще при жизни опѣненный современниками, сталъ однимъ изъ великихъ

мировыхъ поэтовъ, начинающихъ собой новую реальную художественную школу поэтовъ-плебеевъ; Кольцовъ—русскій, сынъ полуграмотнаго народа, страны крѣпостничества, едва выходящей изъ дикости, до конца жизни остался полуграмотнымъ, непосредственнымъ, примитивнымъ поэтомъ. Онъ сдѣлался извѣстнымъ только случайно, благодаря Станкевичу и Бѣлинскому, да и то только въ небольшомъ кругу оторванной отъ народа интеллигенціи, которая смотрѣла на него свысока, болѣе какъ на курьезъ, между тѣмъ какъ народъ и до сихъ поръ знаетъ его очень мало; Европа же впервые познакомилась съ нимъ только въ послѣднее время, благодаря переводамъ на нѣмецкій языкъ Боденштедта, Михельсона и особенно прекраснымъ переводамъ Фидлера.

Въ жизни Кольцова трагически столкнулись двѣ силы: одна низшая, *матеріальная*, общественная—это среда, изъ которой онъ вышелъ и гдѣ пришлось ему вращаться; другая, такъ сказать, *идеальная, высшая, личная*, запросъ богато одаренной отъ природы натуры на образованіе, науку, просвѣщеніе, искусство, запросъ болѣе разумнаго, человѣческаго культурнаго существованія, — эта сила самъ поэтъ. Личности было нужно очень многое, чтобы развиться вполне здорово и проявить себя сообразно своимъ запросамъ отъ жизни; обществу не было нужно ничего, кромѣ удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, и оно естественно должно было отнестись враждебно къ тому, кто расходился съ нимъ въ его стремленіяхъ и осмѣливался этими стремленіями нарушать его покой. Кольцовъ былъ одинъ, общество—легіонъ, силы были неравны, и личность погибла *).

Всѣ интересы, всѣ стремленія среды, откуда вышелъ Кольцовъ, были направлены на одно—наживу, независимо даже отъ средствъ пріобрѣтенія, все равно—будь это надувательство покупателя, обирание мужика, скупка у него по дешевымъ цѣнамъ хлѣба, скота, оттяганіе у него же земли путемъ кляузъ, эксплуатація грошеваго труда рабочаго, словомъ—всякія, чуть не мошенническія продѣлки. Торговля, какую съ дѣтства пришлось Кольцову видѣть, а потомъ и вести, помогая отцу, и самому, была, по словамъ Бѣлинскаго, въ глазахъ поэта синонимомъ мошенничества и подлости. Одна мысль объ этомъ поприщѣ униженія, пролазничества, плутней, приводила Кольцова въ ужасъ. И если Чичиковъ въ средѣ помѣщицъ и чиновницъ былъ во время Гоголя настоящимъ «Ахилломъ русской Иліады», то насколько же, но еще грубѣе и отвратительнѣе, выражается это стремленіе къ наживѣ, къ сколачиванію деньгъ, въ средѣ мелкаго перекупнаго, барышническаго, торгашества, съ которой хорошо знакомитъ насъ другой поэтъ Никитинъ въ poemѣ «Кулакъ». Больно и страшно читать въ биографіи Кольцова всю эту грязную эпопею возни съ рабочими, мужиками, съ судами, съ «милостивцами», съ продажей скота, разсчетами, съ погоней за ба-

*) Отсылая читателя для фактическаго знакомства съ биографіей Кольцова къ указаннымъ въ началѣ статьи книжкамъ, мы ограничимся самой общей характеристикой.

рышемъ—словомъ, эпопею русскаго кулачества, въ которой пришлось поэту принимать участіе,—эпопею о томъ, какъ отецъ пользовался поэтической извѣстностью сына, чтобы посредствомъ его знакомствъ въ Петербургѣ съ вліятельными лицами, въ родѣ Жуковскаго, кн. Вяземскаго или кн. Одоевскаго, обдѣлывать темныя дѣлишки. Этому кумиру-наживѣ отецъ, человѣкъ далеко не бѣдный и уважаемый въ городѣ за свою практичность, принесъ въ жертву своего единственнаго сына-наслѣдника, стремясь видѣть въ немъ только пріобрѣтателя, пріумножителя капитала, достойнаго продолжателя богатѣющей фирмы шибаетъ-Кольцовыхъ, и ничего больше, ибо только деньги и имѣютъ въ этой средѣ значеніе, только мѣрой и ловкостью ихъ пріобрѣтенія и измѣряется достоинство человѣка. «Книжки сгубили Алексѣя»,—говоритъ съ сокрушеніемъ, уже послѣ смерти сына, этотъ отецъ, прибавляя, что безъ нихъ эта «разумная голова» пошла бы далеко, т. е. по пути пріумноженія капитала.

Вмѣстѣ съ капиталомъ въ этой средѣ увеличивается и кичливое самоиѣніе вышедшаго изъ мужиковъ кулака, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто еще не сколотилъ себѣ капитала,—презрѣніемъ ко всякому подневольному рабочему труду, къ чтенію, къ ученію, къ искусствамъ, которыя не способствуютъ приращенію этого капитала, или могутъ отвлечь отъ этого приращенія, могутъ поселить сомнѣніе въ законности путей, какими это пріобрѣтеніе совершается. Но это самоиѣніе весьма хорошо уживается съ заискиваніемъ въ нужныхъ людяхъ, съ униженіемъ передъ сильными.

Достатокъ, при невѣжествѣ до безграмотства, соединяется въ семьѣ Кольцовыхъ съ скарденостью, циническимъ пренебреженіемъ даже къ костюму. Отецъ Кольцова, владѣющій крѣпостной прислугой, откупаемой на сроки у помѣщиковъ, большой дворянской усадьбой съ каменнымъ домомъ на главной улицѣ, ходитъ просто и сѣро, въ грязномъ тулупѣ, не лучше бѣднаго мужика; въ равномъ тулупѣ водитъ 15-ти-лѣтняго единственнаго сына, который въ дѣтствѣ, бѣгая босикомъ по болотамъ и лужамъ, до того испортилъ ноги, что почти лишился способности ходить и долгое время былъ тяжело боленъ.

Нѣтъ въ этой средѣ мѣста и свободы чувству, нѣтъ и деликатности, уваженія къ чужой личности. Грубость и дикій произволъ царятъ здѣсь, не смягчаемыя даже родственными отношеніями. Даже сыновья не изъяты отъ деспотизма полудикаря-отца. Вспомнимъ, какъ услалъ на Донъ служанку Дуняшу старикъ Кольцовъ, едва дошли до него слухи о любви къ ней сына, чуть не сгибшаго отъ горя, когда, возвратившись домой, онъ узнаетъ объ исчезновеніи дѣвушки. А эта служанка, какъ видно изъ біографіи поэта, была очень хорошая женщина, любимая подруга сестеръ послѣдняго, точно такъ же необразованная, какъ и онъ самі. Вспомнимъ, какъ старалась родня женить поэта, чтобы выгоднымъ бракомъ обратить его всецѣло къ торговому дѣлу и расширить послѣднее. Едва удалось сыну сколько-нибудь сойтись съ болѣе образованными людьми въ Воронежѣ, которые, уважая въ поэтѣ

дарованіе, стали посѣщать его, отецъ почти выгоняетъ гостей сына изъ дому. А когда этотъ сынъ, подѣ влияніемъ Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ, понимавшихъ, что за сила Кольцовъ, въ послѣдніе годы жизни хочеть, хотя и слишкомъ поздно, ѣхать въ Петербургъ, чтобы дообразовать себя и отдаться своему призванію—какой отпоръ встрѣчаетъ онъ со стороны отца! Перечитайте только приведенные біографомъ отрывки писемъ Кольцова, то, что говоритъ объ этихъ годахъ самый близкій къ поэту человѣкъ, Бѣлинскій,—сколько дразнь, грубости, ссоръ, насмѣшекъ, незаслуженныхъ оскорбленій приходится перенести поэту въ послѣдніе годы жизни отъ этого шибая-отца и родственниковъ! Каковы бы ни были по отношенію къ семьѣ, къ роднымъ провинности несчастнаго поэта (если онѣ только были, или на половину не вызывались раздражительностью чахоточнаго больного), но о чемъ же, какъ не о полнѣйшей безсердечности, поразительной тупости невѣжественнаго чувства, чуть не жестокости, говоритъ намъ предсмертная болѣзнь поэта, горько жалующагося въ письмахъ на то, какъ его, умирающаго, всѣми брошеннаго, ежеминутно раздражали его же семейные, домашніе, всей этой свадебной суетой, сутолокой, пѣснями, хохотомъ, безшабашнымъ разгуломъ и весельемъ, справляемой чуть не у смертнаго одра брата, богатой свадьбы родной сестры. А это шутовское отпѣваніе въ сосѣдней комнатѣ раба Божія Алексѣя, — варварская потѣха надъ умирающимъ поэтомъ, который своимъ гениемъ увѣковѣчилъ свою фамилію, — развѣ хотя бы только одна она, и ничего больше, не свидѣтельствуетъ воочію о безобразнѣйшей черствости и грубости всей этой семейной среды, всѣхъ этихъ близкихъ родныхъ, не только мужчинъ, но даже женщинъ-сестеръ, матери, все это видѣвшихъ? Вотъ какова была эта семья, изъ которой вышелъ поэтъ!

Но вѣдь, кромѣ семьи, Кольцова окружала воронежская интеллигенція, съ которой поэтъ сначала, было, сблизился.. Нѣкоторые біографы говорятъ, что Кольцовъ, будто бы, возгордившись своими петербургскими и московскими литературными знакомствами, особенно съ Бѣлинскимъ, и своими успѣхами, сталъ вести себя высокомерно и всѣхъ оттолкнулъ отъ себя въ послѣдніе годы самъ. Но мы знаемъ, сколько мелкаго самолюбія, зависти, сплетень, высококаго мнѣнія о самомъ себѣ, о непогрѣшимости своихъ сужденій еще и до сихъ поръ въ той части нашего провинціального общества, учительствѣ, чиновничествѣ, которая по образованію считаетъ себя аристократіей города. Пока Кольцовъ робко выслушивалъ ихъ, ни въ чемъ имъ не перечал—эти люди покровительственно относились къ курьезному выродку изъ шибайства; но стоило только этому выродку, подѣ влияніемъ настоящихъ образованныхъ людей, какъ Бѣлинскій, сознать себя, нѣсколько развиться, и онъ осмѣлился имѣть свое сужденіе о литературѣ, объ искусствѣ, — какъ вся эта воронежская интеллигенція вкупѣ, хоромъ, возстала противъ зазнавагося мужика, и не было сплетни, гадости, которой бы эта интеллигенція не выслушивала, не распространяла о бѣдномъ поэтѣ въ послѣдніе годы его жизни. Какова же была эта

самая интеллигенція изъ чиновниковъ, можно видѣть на примѣрѣ хотя бы предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ, Карачинскаго, къ которому Кольцову пришлось обратиться, по торговымъ дѣламъ отца. Этотъ Карачинскій «самъ былъ попечителемъ гимназіи и любилъ науку, но это не мѣшаетъ ему, какъ и другимъ чиновникамъ, говорить поэту «ты» и, по выраженію біографа, всячески доѣзжать его своимъ ломаньемъ передъ нимъ, грубостью и прижимками.

Если къ указанной средѣ семейной и общественной присоединить еще веселые праздники, съ музыкой и танцами, съ обѣдами на широкую ногу въ домѣ мужа сестры Кольцова, разбогатѣвшаго купца Башкирцева, человѣка недурного, приобрѣвшаго нѣкоторый вышній лоскъ обращенія, да кругъ семинаристовъ, восторгавшихся стихами Дельвига и Пушкина и ведшихъ шумные споры о высокихъ матеріяхъ въ трактирѣ между обильными возліянiami и пѣньемъ подъ гитару—вотъ та атмосфера, среда, которая, такъ или иначе, вся вмѣстѣ должна была оказать на Кольцова свое вліяніе. Рядомъ съ этой семейно-общественной средой—душѣ Кольцова отъ равныхъ дѣтскихъ лѣтъ открывала свои объятія привольная, еще нетронутая, лѣтъ семьдесятъ назадъ, степь, куда отецъ бралъ съ собой поэта ребенкомъ, и гдѣ въ юности проводилъ поэтъ цѣлые дни и ночи, отдаваясь живымъ впечатлѣніямъ природы и мечтамъ сладкимъ и грустнымъ. Къ этой степи, къ которой, по мѣрѣ расширенія интересовъ и увеличенія домашнихъ дрязгъ, онъ начиналъ, было, охладѣвать, поэтъ не разъ обращался за утѣшеніемъ и покоемъ и потомъ, когда не подъ силу становилось сердцу. «Степь опять очаровала меня,—пишетъ онъ въ 1838 г. Бѣлинскому, рассказавъ объ этихъ дрязгахъ; — я, чортъ знаетъ, до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: Пора любви — она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совѣтъ рода: послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуточку, и то не одному, а самъ-другъ, и то не надолго. Къ ней пріѣхалъ погостить—и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! *А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива*».

Таковы были условія, среди которыхъ сложился характеръ Кольцова и его судьба; посмотримъ же, что это была за натура сама по себѣ, и какъ воспринимала и перерабатывала она вліявшія на нее впечатлѣнія.

Личность Кольцова, его натура, была исключительная, отмѣченная, не говоря уже о рѣдкомъ творческомъ талантѣ, большимъ свѣтлымъ умомъ и глубокимъ и сильнымъ чувствомъ. Это былъ тотъ природный, ясный, проницательный и наблюдательный умъ, который, несмотря на самыя неблагопріятныя условія развитія, на полное отсутствіе всякаго образованія, инстинктивно прозрѣваетъ истину, правду, и видитъ ложь всюду, гдѣ бы и подъ какими бы обманчивыми оболочками она ни являлась. Достаточно было Кольцову познакомиться съ Серебрянскимъ и его товарищами, чтобы увидѣть разницу между своей семьей и знакомыми и этой молодежью,

стремящейся, по мѣрѣ силъ, къ образованію и разрѣшенію для себя вопросовъ нравственныхъ и эстетическихъ. И вотъ онъ весь отдается и этому кружку, и Серебрянскому, принявшему въ немъ такое участие, и самъ Серебрянскій, самый умный и даровитый между ними, отличаетъ Кольцова и начинаетъ заниматься его развитіемъ.

Отъ Бовы Королевича, сентиментальныхъ и раздражительныхъ романовъ, отъ риторики И. Дмитріева, юноша быстро переходитъ къ Дельвигу, Баратынскому, Козлову и Пушкину, который становится его кумиромъ. Стоитъ только дать этому уму малѣйшій толчокъ, и бѣдный поэтъ, цѣлыхъ пять лѣтъ своего стихотворнаго самообученія блуждавшій во тьмѣ и писавшій безграмотныя чудовищныя вирши, въ родѣ:

«Разлучаетъ страсть въ предметѣ
 «И велитъ любя терпѣть,
 «Горячѣ любовь станетъ,
 «Образъ милый сохраня,
 «Разъ, ахъ, тѣнь ея летаетъ
 «Евтой милой вокругъ меня!»...—

этотъ жалкій виршеплетъ читаетъ съ Серебрянскимъ Шекспира, который дѣлается любимымъ писателемъ Кольцова, и поэтъ начинаетъ, руководимый своимъ юнымъ наставникомъ, писать вдругъ такія пѣсни, которыя приводятъ въ восторгъ такихъ людей, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій, столь много сдѣлавшій для Кольцова. Какъ понималъ Кольцовъ, отъ какихъ именно людей исходитъ свѣтъ, это видно изъ чудной поэтической аллегоріи «*Лисъ*», посвященной памяти Пушкина и изъ посвященнаго памяти Станкевича стихотворенія «*Поминки*», гдѣ онъ вспоминаетъ о кружкѣ московскихъ юношей:

«Могучая сила
 «Въ душѣ ихъ кипитъ,
 «На блѣдныхъ ланитахъ
 «Румянецъ горитъ.
 «Ихъ очи, какъ звѣзды,
 «По небу, блестятъ;
 «Ихъ думы, какъ тучи,
 «Ихъ рѣчи горятъ»...

Но кружокъ, толковавшій о высокихъ философскихъ матеріяхъ, какъ и бесѣды семинаристовъ, не сбиваютъ этого ума съ толку. Отдавъ дань туманному мистицизму въ нѣсколькихъ «думахъ», гдѣ Кольцовъ беретъ за вопросы, которые ему не подъ силу, поэтъ поканчиваетъ съ ними въ небольшомъ посланіи къ кн. Вяземскому: «Не время ль намъ оставить про высоты мечтать..», такъ какъ изъ областей туманныхъ отвлеченностей влечетъ его къ себѣ трезвая, здоровая жизнь:

«Темна, страшна могила,
 «За далью мракъ густой,
 «Ни вѣсти, ни отзыва
 «На вопль нашъ роковой!

«А тутъ дары земные,
 «Дыханіе цвѣтовъ,
 «Дни, ночи золотыя,
 «Разгульный шумъ лѣсовъ,
 «И сердца жизнь живая,
 «И чувства огонь святой,
 «И дѣва молодая
 «Блитсяетъ красотою».

Ни романтизмъ, господствовавшій въ литературѣ во время Кольцова, на сентиментальное нитье, надоѣдающее однообразіемъ и дѣланностью въ его предшественникахъ, не могутъ сколько-нибудь на продолжительное время привлекать этотъ умъ, и все, что пишеть уже созрѣвшій поэтъ,—все, что осталось отъ него стоющаго вниманія и восторга потомства,—все это проникнуто здравымъ смысломъ и совершенно трезвымъ, реальнымъ отношеніемъ къ жизни.

А какъ умно относится этотъ самоучка-мужикъ къ тому высшему интеллигентному кругу, куда ввели его Станкевичъ, Бѣлинскій, Пушкинъ. Какъ скромно, съ какимъ тактомъ и достоинствомъ съумѣлъ онъ держать себя среди всѣхъ этихъ корифеевъ литературы, въ родѣ Жуковского, Вяземскаго, Одоевскаго. Прочтите въ его біографіи, въ воспоминаніяхъ о немъ Тургенева, или Панаева, въ его письмахъ, какъ понималъ онъ свое положеніе, какъ скромно цѣнилъ себя сравнительно съ крупными писателями, напр. Пушкиновымъ; какъ тонко различалъ людей, истинно къ нему привязанныхъ, отъ тѣхъ, кто только, снисходя къ поэту-прасолу, съ высоты своего величія относился къ нему покровительственно, видя въ немъ не «человѣка», а мѣщанина-прасола стихотворца.

А какъ тонко понималъ Кольцовъ Шекспира, какъ старался въ послѣдніе годы образовать свой вкусъ хорошимъ чтеніемъ, хотѣлъ учиться языкамъ, исторіи; какъ тянуло его путешествовать, видѣть людей, свѣтъ! Мудрено ли, что такой умъ, просвѣтленный долгими бесѣдами съ другимъ, гениальнымъ умомъ—Бѣлинскимъ, вернувшись изъ Петербурга въ свой Воронежъ, долженъ былъ стать въ полнѣйшій разладъ не только съ своими домашними, но и съ тѣми, кого онъ прежде, пока не было съ кѣмъ ихъ сравнивать, считалъ людьми интеллигентными. Но какъ же этотъ умъ, такъ тонко и вѣрно понимавшій и людей, и себя, и свои отношенія, такъ цѣнившій образованіе, искусство, какъ могъ онъ направляться на практическія дѣла, вести кляузныя дѣла, писать унизительныя письма къ высокопоставленнымъ литераторамъ о протекціи на веденіе процессовъ «тятеньки», продавать быковъ и т. п.? Не будемъ строги и прямолинейны. Крайностей въ природѣ нѣтъ; всякій человѣкъ, какъ бы ни былъ талантливъ,—даже гениаленъ,—представляетъ собой конгломератъ, соединеніе чертъ характера самыхъ противоположныхъ; наконецъ,—жизнь, а главное, время, обстановка, среда, непременно оказываютъ на человѣка свое вліяніе, что видимъ даже на такихъ примѣрахъ, какъ Петръ Великій, Пушкинъ, Байронъ, Гёте и др. Не могъ избѣжать

дурныхъ сторонъ въ характерѣ и Кольцовъ, выросшій и всю жизнь прожившій въ семьѣ торгашей-пріобрѣтателей и подъ жесткой ферулой самодура-отца,—притомъ, лишенный образованія и воспитанія въ дѣтствѣ. А можетъ быть, въ этой погонѣ за наживой у Кольцова была и задняя мысль—обезпечить себя и, отдѣлавшись отъ отца, поѣхать въ Петербургъ и завести тамъ книжную торговлю, къ чему побуждалъ его настойчиво Бѣлинскій; но быстро развившаяся болѣзнь помѣшала осуществленію этого плана. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что Кольцовъ вполне понималъ всю гнусность ненавистнаго ему торговаго дѣла и страшно тяготился имъ, что видно изъ его писемъ къ Бѣлинскому.

Вмѣстѣ съ здравымъ смысломъ и недюжиннымъ умомъ природа одарила этого человѣка неизсякаемымъ родникомъ самаго вѣчнаго, отзывчиваго чувства, чуждаго сентиментальности. Не говоря уже о природѣ, возбуждавшей въ немъ и восторги, и мечты, и думы,—о природѣ, въ созерцаніи которой забывалъ онъ свои горести, отдыхалъ отъ дрязгъ окружающей пошлости—все прекрасное, жизненное, влекло его къ себѣ, трогало, волновало и ложилось на душу, которой, по его собственнымъ словамъ, «съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ владѣетъ не напрасно». Какая-то необыкновенная жизнерадостность отличаетъ Кольцова въ юности между всѣми его сверстниками и возбуждаетъ къ нему симпатіи въ окружающихъ. Онъ увлекается своимъ степнымъ прасольствомъ, лихо мчится по степи на конѣ, съ наслажденіемъ слушаетъ пѣсни и преданія чумаковъ, самъ поетъ и пляшетъ, посѣщаетъ семью Башкирцевыхъ и другихъ знакомыхъ, всюду являясь желаннымъ гостемъ. Это-то непосредственное воспріятіе впечатлѣній отъ природы и жизни, въ ея пѣсняхъ, въ ея радостяхъ, въ чувствахъ дружбы и любви, это-то увлеченіе спорами, веселыми пирушками, въ кругу молодежи, гдѣ рѣкой льется вино, гдѣ шуткамъ, смѣху, юношескому задору вѣтъ конца, гдѣ мысли рождаются сами собой, гдѣ искрится поэзія, вызывая въ головѣ пѣлый рядъ образовъ и лицъ,—о чемъ не разъ вспоминаетъ Кольцовъ въ своихъ стихахъ («*На новый 1842 г.*», «*Веселый часъ*», «*Поминки*») —эта-то отзывчивость на прекрасное, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось, въ природѣ ли, въ жизни ли, или искусствѣ (Міръ музыки), въ религіи ли («*Спаситель, Спаситель!*», «*Передъ образомъ Спасителя*»), показываетъ, что душѣ Кольцова были открыты «всѣ впечатлѣнья бытія». Говорить ли о чувствительности Кольцова, проявлявшейся въ трогательной любви къ его сестрѣ «Анисочкѣ» («*Сестра*»), повѣренной его поэтическимъ мечтаніямъ, которую, умирая, видѣлъ онъ выходящей замужъ за челоувѣка, ея недостойнаго, что, кажется, и послужило поводомъ къ разрыву между ними, отравлявшему его послѣднія минуты? Какой любовью къ ней и вмѣстѣ горечью, отзываются, напр., такіе прощальные стихи,—при посылкѣ къ ней пѣсенъ:

«Быть можетъ, раньше я другихъ
 «Не окажусь въ семьѣ живыхъ.
 «Пройдетъ годъ, два за суетою,
 «За лживой радостью мірскою,—

«Забудешь ты меня; но вмѣгъ
 «Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
 «Вспомынешь брата и вздохнешь,
 «И сладкихъ слезъ потокъ прольнешь».

А сколько сердечности вмѣстѣ съ глубокой признательностью за сдѣланное добро проявляется у Кольцова по отношенію къ Серебрянскому, Станкевичу, особенно—Бѣлинскому; какое сильное впечатлѣніе производятъ на поэта утраты, въ дѣтствѣ смерть товарища, затѣмъ кончина Пушкина, Серебрянскаго! Но всего ярче проявляется въ Кольцовѣ любовь, страсть; какую глубокую борозду провела въ его душѣ эта несчастная, поруганная, кажется, единственная настоящая въ его жизни, любовь къ красавицѣ Дуняшѣ, удаленной отцемъ на Донъ! Такое сердце не могло жить безъ любви, и онъ ищетъ отзвѣта всюду, отдаваясь, повидимому, попеременно нѣсколькимъ мимолетнымъ привязанностямъ, но не находить въ нихъ покоя своей требовательной душѣ. И вотъ, наконецъ, чувство, соединившееся въ этой страстной натурѣ съ чувственностью, обращается къ «грѣшнымъ наслажденіямъ» любви къ недостойной его женщинѣ,—и эта послѣдняя любовь приводитъ его къ гибели. Но и здѣсь его чувство поэтизируетъ женщину: ему жаль ея паденія, его возмущаютъ отношенія къ ней общества, «не прощающаго увлеченій», и онъ восклицаетъ:

«Вѣдь ты одна надъ страшной бездной,
 «Одна, несчастная, стоишь!..
 «Дай руку мнѣ, еще есть время
 «Тебя отъ гибели спасти.
 «. я рѣшился, я пойду
 «И до конца тебя не брошу,
 «И вновь я выведу тебя
 «Изъ бездны страшнаго грѣха»!..

Такимъ-то образомъ въ этой натурѣ соединились, независимо отъ какихъ-либо постороннихъ вліяній, три великіе природные дара: даръ творчества, свѣтлый, воспримчивый умъ и нѣжное, и вмѣстѣ—глубокое чувство. Для того, чтобы подобная натура могла развиваться, болѣе или менѣе, нормально, могла образовать въ себѣ извѣстный устойчивый характеръ и не погибнуть, едва успѣвъ показать, чего отъ нея можно было бы ждать впереди, необходимы извѣстныя благоприятныя условія времени и среды, въ которыя эта натура была бы поставлена. Какова была эта среда вообще, мы уже говорили. Прослѣдимъ же по біографіи Кольцова нѣсколько подробнѣе, какъ отразились на немъ ея вліянія, причемъ, для большей ясности, позволимъ себѣ прибѣгать къ сравненію съ жизнью Кольцова жизни родственнаго ему по духу и, отчасти, судьбѣ шотландскаго поэта Роберта Борса.

III.

Поэта Роберта Борнса (1759—1796), сына бѣднаго шотландскаго фермера, съ самаго рожденія встрѣтила чуть не нищета. У отца его было семь человекъ дѣтей. Въ семьѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не видѣли свѣжей говядины. Мальчикъ ходилъ безъ шапки, босикомъ; въ тринадцать лѣтъ молотилъ въ ригѣ; въ пятнадцать былъ уже главнымъ работникомъ фермы. Семья работала, не зная ни слугъ, ни служанокъ; работали слишкомъ много, ѣли слишкомъ мало. «До шестнадцати лѣтъ, — говоритъ самъ Борнсъ, — жизнь моя представляла мрачную грусть отшельника и работу каторжника». Отецъ, промаявшись въ непосильной работѣ и въ превратностяхъ судебной процедуры, по поводу оттяганія у него жалкой, арендуемой имъ, земли землевладѣльцемъ, умеръ, и сынъ долженъ былъ еще больше заботиться о прокормленіи семьи. Много лѣтъ получалъ онъ въ годъ не болѣе какихъ-нибудь семидесяти рублей, и долженъ былъ не только жить на нихъ, но еще помогать и своей семьѣ.

Ничего подобнаго въ жизни Кольцова не было, такъ какъ семья его была обезпечена матеріально вполне, и о зарабатываніи куска хлѣба не могло быть и рѣчи. Вся дѣятельность отца, а лѣтъ съ десяти, двѣнадцати и сына, была направлена на сколачиваніе капитала, на обогащеніе посредствомъ торгашества, барышничества. Здѣсь требовались не сильныя рабочія руки, не тяжелый физическій трудъ, который вознаградится грошомъ, а ловкость и изворотливость хитраго ума, зоркое выслѣживаніе того, какъ бы не упустить своего, урвать барышъ, провести, поднадутъ покупателя. Того смысла, какой представлялъ трудъ для Борнса, — трудомъ прокормить себя и семью, — у Кольцова не было, и то дѣло, въ какомъ приходилось почти съ дѣтскихъ лѣтъ помогать отцу, было ему противно. Онъ пользовался каждой свободной минутой, чтобы отдаваться своимъ жалкимъ книжкамъ и игрѣ пылкой праздною фантазіи, уносившей юношу далеко за предѣлы окружающаго. И такихъ минутъ у Кольцова было довольно...

Борнса не сломила нужда и работа, близкая къ каторжной: онъ рѣшился пробить себѣ дорогу самъ съ помощью этого труда и бережливости. Съ невѣроятными усиліями добивается онъ, таки, того, что зарабатываетъ себѣ, наконецъ, болѣе вѣрный кусокъ хлѣба и можетъ, хотя и менѣе, чѣмъ бы хотѣлось, отдаваться своему завѣтному и главному дѣлу — поэзіи.

Кольцовъ всегда подъ ферулой невѣжественнаго отца, который, въ грошъ не ставя его призваніе, спитъ и видитъ сдѣлать изъ сына достойнаго своего преемника по барышничеству; сынъ цѣлыхъ семь-восемь лѣтъ, потихоньку, украдкой, кропаетъ стишочки, и выходитъ на свою дорогу, только благодаря случайности, да и тутъ онъ, все-таки постоянно, до самой смерти, вмѣстѣ и торгашъ, и поэтъ, — поэтъ, проклинающій свое торгашество, но не имѣющій ни силъ, ни возможности отъ него освободиться. Въ его жизни не было борьбы, которая могла бы укрѣпить, въ виду

высокой цѣли, его волю. Эта воля была парализована и матеріальной обезпеченностью, переходившей въ нѣкоторый мѣщанскій комфортъ, къ которому поэтъ съ дѣтства привыкъ, и крутымъ отцомъ, настойчиво выдержавшимъ свой характеръ до конца. Тщетно звали Кольцова въ Петербургъ и Бѣлинскій, и другіе его доброжелатели, — звали дополнить свое образованіе, звали на жизнь болѣе человѣческую, жизнь труда болѣе осмысленнаго, — Кольцовъ все это знавалъ, понималъ, рвался, но энергія, сила воли была у него только въ пѣсняхъ; — въ жизни онъ быстро шелъ къ своей окончательной гибели.

Отецъ Борнса, уже пожилой крестьянинъ, былъ человѣкъ развитой, умный, имѣвшій извѣстныя религіозныя и политическія убѣжденія. На фермѣ его, во время обѣда — единственныя минуты отдыха — отецъ, братья, сестры, одной рукой держали ложку, а другою книгу. Сынъ прошелъ все-таки полный курсъ въ землемѣрномъ училищѣ. Трудясь на фермѣ, онъ читалъ агрономическія сочиненія, дѣлалъ выписки, прилагалъ вычитанное къ землѣ. На работы ходилъ онъ съ книгой въ карманѣ и читалъ, ходя за плугомъ; ему извѣстны съ дѣтскихъ лѣтъ Евангеліе и Библія, — настольныя книги англійской семьи; лучшіе поэты родной страны; и въ переводѣ иностранныя, составляютъ его любимое чтеніе, которое не исключаетъ и другихъ книгъ, напр., политическихъ, историческихъ. Рано начавъ писать свои пѣсни, Борнсъ настойчиво старается усовершенствовать себя: перечитывая пѣсню за пѣсней, стихъ за стихомъ своихъ любимыхъ поэтовъ, онъ старательно запоминаетъ все истинно-поэтическое, нѣжное, высокое, чтобы отличить ихъ отъ афетваціи и напыщенности. Мало того, — чтобы выработать слогъ, онъ поддерживаетъ переписку со многими классными товарищами, ведетъ дневникъ, наполняя его разсужденіями о человѣкѣ, о религіи, и тутъ же критикуетъ и свои первые опыты. Въ этой странѣ, еще въ прошломъ вѣкѣ, бѣдному фермеру не только можно было доставать хорошія книги, но развивать себя и въ живой бесѣдѣ въ обществѣ; мы видимъ Борнса въ клубѣ молодыхъ людей въ Торболтонѣ, гдѣ юноша то и дѣло возбуждаетъ общіе вопросы и спорить «за» и «противъ», чтобы выяснить себѣ всѣ стороны каждой мысли. Такъ, постепенно, самоучкой, развивается Борнсъ, и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ, и достигаетъ, при своихъ способностяхъ, того же развитія, какимъ отличаются люди, получившіе хорошее образованіе. При этомъ не забывайте, что человѣкъ, въ головѣ котораго бродятъ высокія мысли, а сердце волнуется самыми нѣжными чувствами, «молотитъ въ ригѣ, чиститъ стойла коровъ, копаетъ торфъ, по цѣлымъ днямъ мѣситъ холодную спѣжную грязь на работѣ, а возвратившись домой, рискуетъ встрѣтить полицейскихъ, которые отведутъ его за долги въ тюрьму!» И среди такихъ-то условий, этотъ человѣкъ, къ 27 годамъ жизни, самъ, на свои сбереженія, ухитряется выпустить книжку стихотвореній, составившую въ исторіи міровой литературы цѣлую эпоху. Это ли не сила воли, характера, натуры; но вмѣстѣ съ тѣмъ развѣ эта самая выработка натуры, этотъ полный успѣхъ не представляютъ

въ то же время и результата всѣхъ тѣхъ семейныхъ, образовательныхъ и общественныхъ, культурныхъ условій, въ которые шотландскій поэтъ былъ поставленъ?

Взглянемъ теперь на нашего поэта. Въ семьѣ какого-нибудь разбогатѣвшаго «*кошкодера*», или «*дохлятника*»—названія, которыми чествятъ и до сихъ поръ шибаетъ мужики и настоящіе купцы,—книга, конечно, не была въ фаворѣ, да, повидимому, въ домѣ Кольцова она и не водилась. На взгляды и отношеніе старика къ книжкамъ мы уже указывали: они совпадаютъ съ подобными же отношеніями къ чтенію, которое высказываетъ въ стихотвореніи Кольцова безграмотная няня, когда ребенокъ спрашиваетъ ее, правду ли говорятъ сочинители:

«И!.. не вѣрь, мое дитя,
«Они гуторять шутя.
«Ихъ ты сказкамъ не внимай,
«Плюнь на книжку! Пой, играй».

(«Поэтъ и няня».)

Только девяти лѣтъ выучивается Кольцовъ грамотѣ у какого-то семинариста и поступаетъ въ уѣздное училище; но, несмотря на большую охоту и способности мальчика къ ученю, едва успѣваетъ онъ перейти во второй классъ, какъ уже черезъ четыре мѣсяца отецъ, найдя, что для торговаго дѣла этого ученя довольно, беретъ сына изъ училища, и послѣдній на всю жизнь остается жалкимъ недочучкой. «Несмотря вполнѣдствіи на огромную и страшную жажду знаній—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—жизнь, взявшая поэта въ тиски, не дала уже возможности поправить прежнихъ ошибокъ. Такъ и остался онъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя дала ему плохо организованная начальная школа тогдашняго времени. И что печальнѣе всего,—даже въ той области, гдѣ такъ отличался поэтъ-прасоль,—въ сферѣ слова,—и здѣсь недостаточное образованіе давало себя чувствовать: орфографія Кольцова была ужасна, и его произведенія совершенно не были бы возможны въ печати безъ самыхъ рѣшительныхъ поправокъ».

У мальчика нѣтъ сколько-нибудь порядочныхъ книгъ, которыя могли бы развить его, дать какія-нибудь полезныя свѣдѣнія. Сказки, Бова или Ерусланъ, съ случайно попавшейся книжкой «Тысяча и одна ночь», варварскіе переводы слезливыхъ романовъ Лафонтена и Дюкре-Дюмениля—вотъ его духовная пища до 16, 17 лѣтъ. Тутъ только, въ первый разъ въ жизни, ему попадаютъ въ руки печатные стихи, и онъ наивно распѣваетъ напыщенные вирши Дмитріева, расхаживая по саду, и самъ начинаетъ кропать стишонки. И никого-то до 18-ти лѣтъ нѣтъ вокругъ него, этого «Алехи-прасольскаго сына», ни старшихъ, ни товарищей, кто бы могъ пособить ему выйти на свою дорогу. *Двадцати* лѣтъ онъ показываетъ свое первое жалкое произведеніе «*Три видѣнія*» книгопродавцу Кашкину, и тотъ даритъ ему «*Русскую просодію*». Семинаристы, или, вѣрнѣе, одинъ Серебрянскій, обращаютъ серьезное вниманіе на даровитаго юношу,—и вотъ, подъ вліяніемъ чтенія Дельвига, Пушкина и другихъ,

подъ руководствомъ Серебрянскаго, Кольцовъ, на ряду съ плохими подражаніями поэтамъ-господамъ, начинаетъ писать чудныя пѣсни. Кольцову уже двадцать два года, когда пріѣхавшій на каникулы студентъ, сынъ откупщика Николай Владиміровичъ Станкевичъ, узнаетъ отъ своего лакея о томъ, что какой-то прасолъ Кольцовъ читалъ дворнѣ за ужиномъ свои пѣсни и стихи, и даже «очень хорошо»,—и принимаетъ участіе въ поэтѣ. Но проходитъ еще цѣлыхъ пять лѣтъ пока, наконецъ, только въ 1835 г., когда Кольцову уже 27 лѣтъ, выходитъ въ свѣтъ маленькая книжечка изъ его 18 пѣсень, изданная въ Москвѣ на средства Станкевича, или по подпискѣ между друзьями послѣдняго. Впрочемъ, нѣсколько стихотвореній Кольцова появилось еще въ 1831 г. въ Московскомъ «Листкѣ», издававшемся нѣкоимъ воронежскимъ стихотворцемъ Артемьевымъ, сыномъ частнаго пристава, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ *Козы*.

Тоже 27 лѣтъ выступаетъ съ своей книгой Робертъ Борнсъ. Изданная въ провинціи въ какомъ-то городкѣ Кильмарнокѣ (1786), она тотчасъ же становится извѣстной во всей Шотландіи и Англии и встрѣчаетъ самый горячій пріемъ. По пріѣздѣ въ Единбургъ бѣднаго фермера, по нашему простого мужика-собственника, встрѣчаютъ праздники, общее вниманіе. Передъ нимъ открываются лучшіе дома, гдѣ всюду его принимаютъ, какъ равнаго, въ кружкѣ мѣстной знати и литераторовъ. Въ продолженіе цѣлой зимы Борнса нарасхватъ приглашаютъ всюду, и онъ съ полнымъ достоинствомъ держитъ себя въ обществѣ знатныхъ и богатыхъ людей. Его не только всѣ оцѣнили, какъ поэта, его стали уважать и любить. Тотчасъ же составила подписка, доставившая около 5,000 р., на которые и было вскорѣ выпущено второе изданіе стихотвореній; лучшіе люди страны—философы, художники, можно сказать, тѣснились около поэта, который въ чарующихъ звукахъ воспроизводилъ передъ ними картины природы и простой непосредственной жизни. Наконецъ, узнавъ о тяжеломъ матеріальномъ положеніи поэта, въ немъ приняла участіе и стали хлопотать о мѣстѣ съ опредѣленнымъ жалованьемъ, которое могло бы обезпечить его досугъ. Словомъ, Борнсъ, этотъ великій плебей, подобно Руссо, могъ вполне завоевать себѣ въ глазахъ общества подобающее высокое мѣсто, и уже не вина этого общества, если поэтъ самъ не счумѣлъ удержаться на этой высотѣ и такъ рано погибъ жертвой своей необузданной натуры.

Книжечка Кольцова тоже обратила вниманіе на поэта изъ народа; но вниманіе это было особенное. Чувствительныя души заинтересовались «сочинителемъ изъ мужиковъ». Самъ Станкевичъ въ письмѣ редактору «Литературной газеты» говоритъ: «Г. Кольцовъ нигдѣ не учился и, занятый торговыми дѣлами по порученію отца, пишетъ часто дорогой, ночью, сидя верхомъ на лошади» (!) Другой біографъ повѣствуетъ, что ему пріятно было бы знать: «Какъ и гдѣ дѣйствовалъ его (Кольцова) карандашъ, въ сѣдлѣ ли, на дорогѣ, на опрокинутомъ котлѣ кашевара, или колесѣ кочевой кибитки, или на окровавленной колодѣ бойницы (!) Рука зоиля не

поднимается на беззащитнаго мѣщанина»... Словомъ, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, успѣхъ книжки Кольцова объясняется словами «поэтъ-самоучка», «поэтъ-прасолъ». «Будь эти 18 стихотвореній изданы, какъ произведенія человѣка, хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ, на нихъ не обратили бы такого вниманія». Книжечка и въ Воронежѣ произвела сенсацію, но, опять-таки, своеобразную: обыватели глазѣли на поэта, какъ на рѣдкаго звѣря, причемъ, люди «благородные» не давали ему забывать, какъ это видѣли мы на примѣрѣ председателя палаты Карачинскаго, что онъ все-таки мѣщанинъ. Отецъ же, опасаясь, чтобъ сочинительство не повредило торговымъ дѣламъ, явленіемъ книжки былъ крайне недоволенъ.

Недовѣрчиво относились къ таланту Кольцова и нѣкоторые изъ литераторовъ, смотрѣвшихъ на него свысока и говорившихъ съ нимъ покровительно, только изъ вѣжливости не оборачиваясь къ нему спиной. Надеждинъ, напримѣръ, обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; но потомъ, встрѣтившись съ Бѣлинскимъ, представлявшимъ Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать. «Что вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки». Только Станкевичъ, умершій въ 1840 г., Пушкинъ, прозрѣвшій въ Кольцовѣ великій талантъ, но совершенно не культивированный образованіемъ,—и всего болѣе Бѣлинскій, оцѣнили Кольцова по достоинству; но Бѣлинскій былъ одинъ. Другіе, московскіе, и еще болѣе—петербургскіе литераторы, по которымъ развозили поэта Станкевичъ и Бѣлинскій, по словамъ Панаева, относились къ поэту свысока, снисходительно удостоивая его своего вниманія и ласки. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, со сколькими изъ русскихъ выдающихся писателей перезнакомился Кольцовъ въ свои пріѣзды въ Москву и Петербургъ: тутъ и К. Аксаковъ, и Шевыревъ, и Боткинъ, и Бакуинъ, и Чаадаевъ, и Невѣровъ, и Панаевъ, и Краевскій, и Плетневъ, и кн. Одоевскій, и кн. Вяземскій, и Жуковскій... А что же существеннаго-то сдѣлали всѣ эти богатые и вліятельные люди для того, чтобы поддержать Кольцова, дать ему возможность, пока еще было время, пополнить свое образованіе, зажечь человѣческой жизнью сообразно своему призванію? Особенно хороши эти славянофилы, напр., хоть тѣ же Аксаковы, въ домѣ которыхъ Кольцовъ также бывалъ, проглядѣвши такую непосредственную, самобытную, силу, какую представлялъ Кольцовъ! Могъ ли одинъ бѣднякъ—труженикъ Бѣлинскій вырвать несчастнаго поэта изъ его воронежской тины и поставить на ноги?

Такъ вотъ въ какія условія, сравнительно съ своимъ англійскимъ собратомъ Борнсомъ, былъ поставленъ нашъ скромный Кольцовъ, по природному поэтическому дару и богатству природы, можетъ быть, не уступавшій европейскому поэту, но вынужденный биться, какъ рыба объ ледъ, чтобы сохранить въ себѣ, а тѣмъ болѣе, развить и проявить, хоть сколько-нибудь, то, чѣмъ, какъ рѣдкимъ даромъ, одарила его природа. Нельзя безъ сердечной боли,

безъ стыда за безграмотную родину, за это, такъ называемое, интеллигентное воронежское общество, и даже безъ стыда за тогдашнюю московскую и петербургскую литературу, не съумѣвшую оцѣнить и поддержать поэта,—нельзя, безъ грусти и стыда читать, точно направленные въ укоръ намъ, соотечественникамъ, такія, напримѣръ, жалобы поэта на свою умственную беспомощность:

«Какъ же быть мнѣ
 «Въ этомъ мѣрѣ,
 «Чтожъ мнѣ дѣлать
 «Съ буйной волей,
 «Съ грѣшной мыслью,
 «Съ пылкой страстью?..

 «И нѣтъ мочи
 «Скинуть бремя...

 «Въ моемъ толкѣ
 «Смыслу нѣту,
 «Чтобъ провидѣть
 «Дѣла Божьи.

(«Вопросъ»).

«Что, крошка мелкая, я значу?—
 восклицаетъ въ отчаяніи Кольцовъ,—
 «Живу, заботливо тружусь.
 «Въ желаньи счастья время трачу
 «И вѣчно недовольный плачу?
 «Чегожъ ищу, къ чему стремлюсь?
 «Въ какой странѣ, на чтѣ гожусь?
 «Есть люди, до смерти желаютъ
 «Вопросы эти разгадать...
 «Но, что до нихъ—пусть какъ хотятъ
 «О всемъ серьезно разсуждаютъ;
 «Я недоросль, я не мудрецъ,
 «И мнѣ нужные знать немного:
 «Шероховатую дорогой
 «Иду шашкомъ я, какъ спянецъ»...

И изъ надорванной груди вырывается вопль страданія:

«Напрасно я молю святое Провидѣнье
 «Отвѣсть ударъ карающей судьбы,
 «Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
 «И облегчить тяжелый жребій мой.
 «Иль, слабому ничтожному творенью,
 «Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
 «Чтобъ могъ я равнодушно пережить
 «Земныхъ страстей безумное волненье».

«Пощады нѣтъ! душевную молитву
 «Разносить вѣтеръ въ тьмѣ пустынной.

«мѣръ вождій», № 10, октябрь.

14

«И вопли смертнаго страданья
 «Безъ отъыва въ дали глубокой тонуть.
 «Ужель, во цвѣтѣ лѣтъ, подъ тяжестью лишеній,
 «Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
 «Прекрасной жизни, до-сыта не упившись
 «Очаровательнымъ дыханіемъ весны?»
 («Вопль страданія»).

IV

Всмотрѣвшись въ личность Кольцова, какъ натуру вообще, и въ тѣ условія, въ какія онъ былъ поставленъ, остановимся теперь на немъ, какъ на поэтѣ-лирикѣ, и постараемся опредѣлить, что представляетъ собой его поэзія. Оговариваемся заравѣ, что матеріаломъ для выводовъ будетъ служить намъ только не болѣе половины его произведеній, т. е. только одно оригинальное, само-бытное, такъ сказать, «кольцовское»,—то, что носитъ на себѣ печать таланта, художественности, въ смыслѣ образной формы, богатства содержанія и задушевности;—то, что, независимо отъ значенія біографическаго, составляетъ и теперь, черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти поэта, и будетъ составлять всегда драгоцѣннѣйшее достояніе русской литературы *). Изъ 124 пьесъ Кольцова, составляющихъ все, что отъ него уцѣлѣло, благодаря Бѣлинскому и изданныхъ послѣднимъ съ біографіей и статьей о немъ въ 1846 г., т. е. черезъ четыре года по смерти поэта, болѣе половины крайне слабы, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Это не болѣе—какъ жалкіе отзвуки, возбуждаемые въ Кольцовѣ чтеніемъ сентиментальныхъ и романтическихъ произведеній, которыми онъ наивно думалъ

*) Позволяемъ себѣ привести здѣсь списокъ 55 произведеній Кольцова, которыя Бѣлинскій справедливо считаетъ лучшими. «Еслибы Кольцовъ,—говоритъ онъ,—написалъ только такія пьесы, какъ «Советъ старца», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселеннаго», «Два прощанія», «Размолека», «Кольцо», «Пѣсня старика», «Не шуми ты, рожь», «Удалецъ», «Ты не пой, соловей», «Пѣсня пахаря», «Не на радость, не на счастье», «Всякому свой таланъ», «Пѣсню о Грозномъ», «Я любила его», «Что онъ ходитъ за мной», «Нынче ночью къ себѣ»,—и тогда въ его талантѣ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ пьесахъ, какъ «Урожай», «Молодая жилица», «Косарь», «Раздумье селянина», «Горькая доля», «Пора любви», «Послѣдній поцѣлуй», «Въ поле вътеръ вътеръ», «Пѣсня разбойника», «Тоска по волѣ», «Говорилъ мнѣ другъ, прощайчися», «Безъ ума, безъ разума», «Разлука», «Разсчетъ съ жизнью», «Перепутье», «Дуютъ вътры», «Грусть двушки», «Доля бѣдняка», «Ты прости-прощай», «Разступитесь, лѣса темныя», «Какъ здоровъ да молодъ?»—Такія пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы ни увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить—со слѣзными о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Что же касается до пьесъ: «Лѣсъ» (посвященной памяти Пушкина), «Дѣтъ пѣсни Лихача-Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Быство», «Путь», «Что ты слышишь, мужичокъ», «Въ непогоду вътеръ», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко», «Тяжъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», «Хуторокъ» и «Ночь»—эти пьесы принадлежать не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи».

подражать (напр. «Сирота», «Красавица», «Приди ко мнѣ», «Не мнѣ внимать», «Мщение», «Къ рыцк Гайдарь», «Наяда», «Изступленіе»);—риемованное, очень слабое и наивное, выраженіе чисто личныхъ отношеній (напр. «Ровеснику», «Маленькому брату», «Сестрѣ», «Спящему младенцу», «Къ ***», «А. П. Серебрянскому»); наконецъ, тѣ изъ шестнадцати думъ, гдѣ, непросвѣщенный образованіемъ, умъ поэта, тщетно ищетъ разрѣшенія мучащихъ его вопросовъ, которые онъ или пытается наивно разрѣшить, или гонить отъ себя прочь, какъ смущающія духъ грѣшныя мысли;—таковы, напр.—«Великая тайна», «Божій міръ», «Неразгаданная истина», «Великое слово», «Жизнь».

Первое, что пріятно поражаетъ въ поэзіи Кольцова — это полное отсутствіе всякихъ слѣдовъ, еще отживавшихъ въ его время, литературныхъ направленій: напыщеннаго классицизма и не менѣе искусственнаго, туманнаго, романтизма, которые оба должны былибы отнестись къ ней съ осужденіемъ. «Хотя авторъ сей и одаренъ,—сказалъ бы, по выраженію критика Валеріана Майкова, про Кольцова покойный классицизмъ,—изряднымъ отъ природы даромъ изображенія, но предметы его пѣснопѣній доходятъ до «простонравнаго и подлаго». «Читая произведенія гениальнаго поэта-прасола,—выразился бы романтикъ,—мы не можемъ не скорбѣть о томъ, что грязная существенность, отяготѣвшая надъ самимъ поэтомъ, бросила мрачную тѣнь свою и на произведенія его пера, не допустивъ его воображеніе вознестись въ тотъ дивный, роскошный, міръ всемогущей фантазіи, въ которомъ небо сливается съ землею такъ, что земное дѣлается небеснымъ, а небесное пріемлетъ роскошный образъ земнаго, очищеннаго отъ всего грубаго, гнетущаго, прозаическаго».

Поэзіи дано было, по мнѣнію этого же романтизма, «доставлять отдыхъ нашей душѣ, утомленной собственной борьбой съ гидрой дѣйствительности; дано воспалить наше соображеніе чудными видѣніями, выходящими изъ грустной чреды пошлыхъ вседневныхъ явленій: зачѣмъ же употреблять богатый даръ неба на то, чтобъ снова напомнить намъ тотъ омутъ, изъ котораго мы не знаемъ, какъ вырваться,—ту грязь, отъ которой жаждемъ мы омыться въ свѣтлыхъ волнахъ эфира, называемаго у людей искусствомъ!» Ничего подобнаго этимъ заоблачнымъ мечтаніямъ нѣтъ у Кольцова. Это — здоровое дитя народа, которому дѣло только до земли, до ея реальныхъ, дѣйствительныхъ, радостей и горестей, до урожая пахаря, до крестьянской бѣдности, когда «то скосило градомъ, то сняло пожаромъ»; когда приходится надѣвать на ноги, «безъ онучъ, старые лаптишки»; когда одиночество, безъ хозяйки въ дому, не только горько, но и невыгодно;—когда семидесятилѣтнему старику приходится раскидывать умомъ, какъ прокормить одному «двухъ вдовъ невѣстокъ съ кучею дѣтей, все малъ-мала меньше»... У романтиковъ идеалъ дѣвушки—сентиментальная вздыхающая пастушка, блѣдненькая барышня:

«Мала въ глазахъ и живость цвѣта, —
воскликаетъ романтикъ; —

*

«Знакъ юныхъ дней,
«Но блѣдный цвѣтъ — тоски примѣта—
«Еще милѣй!»

Иной идеалъ дѣвушки въ глазахъ Кольцова, считающаго здоровье и силу первыми условіями красоты, выросшей на лонѣ природы:

«Лицо бѣлое,
«Заря алая
«Щеки полныя,
«Глаза темныя»...

Въ то время, какъ романтикъ такъ часто туманенъ и неопредѣлененъ въ своихъ расплывчатыхъ мечтаніяхъ, часто, безъ достаточно опредѣленныхъ причинъ, тоскуетъ, плачетъ, — такъ это иногда и не скажешь, чего надобно человеку, изъ чего онъ волнуется, — Кольцовъ — лирикъ вполне опредѣленный, и вы всегда видите ясно, что его радуетъ, волнуетъ, или мучитъ, и предметъ его лиры вполне доступенъ, близокъ каждому: картины степи, лѣса, здоровое удовлетвореніе страсти, достатокъ, какъ достойное возмездіе за трудъ, разбитая любовь, или семейное счастье, желаніе жить болѣе разумной, свободной жизнью — все это предметы очень опредѣленные, всѣмъ доступные, всѣмъ близкіе. Вотъ эта-то реальность, жизненность Кольцова ставитъ его въ этомъ отношеніи, до нѣкоторой степени, въ рядъ съ его кумиромъ — Пушкинымъ, величайшая заслуга котораго состоитъ именно въ сближеніи поэзіи съ дѣйствительной жизнью и въ опредѣленности и ясности чувствъ и образовъ. Эта реальность, опредѣленность и ясность содержанія воплощается у Кольцова, какъ и у Пушкина, въ удивительную форму настоящаго, неподдѣльнаго, русскаго народнаго языка, достигающаго рѣдкой красоты русской пѣсенной рѣчи и ритма, — такой красоты, какой по силѣ, сжатости, простотѣ и пластичности не достигалъ до Кольцова еще ни одинъ русскій поэтъ. Это уже — не баринъ, въ родѣ Нелединскаго-Мелецкаго или Дельвига, вздумавшій побаловаться пастушеской свирѣлюю; — не профессоръ Мерзляковъ, изъ народа, любящій иногда вспомнить забытые мотивы роднаго села, но не безъ того, чтобы не приукрасить ихъ все-таки сентиментальными завитушками; не непосредственный, поющій, какъ птица, импровизаторъ-гитаристъ Цыгановъ, рѣдко выдерживающій въ тонѣ и языкѣ пѣлюю пѣсню и никогда не отдѣлывающій, даже не записывающій, своихъ случайныхъ вдохновеній. Кольцовъ уже настоящій поэтъ, одаренный рѣдкимъ даромъ творческой формы, относящійся разборчиво и критически къ своимъ впечатлѣніямъ. Онъ смотритъ на поэзію, какъ на свое призваніе, невозможность вполне достойно служить которому, когда онъ прозрѣлъ свою дѣйствительную силу, и была главной причиною его ранней гибели. Это — поэтъ не исключительный, не односторонній, отгородившій себя только одну область извѣстныхъ предметовъ вниманія и впечатлѣній, за которую не переходитъ его творчество, — Кольцовъ поэтъ изъ тѣхъ крупныхъ, очень рѣдко являю-

щихся въ міръ гениальныхъ художниковъ, къ которымъ прилагаются стихи Баратынскаго, сказанные про Гёте:

«На все отзывался онъ сердцемъ своимъ,
«Что просить у сердца отвѣта»...

Правда,—сфера Кольцова только наша русская народная жизнь; но зато, какое же и разнообразіе въ этихъ какихъ-нибудь не болѣе шестидесяти пѣсняхъ! Здѣсь и жизнерадостная пѣснь землѣ-кормилицѣ и труду земледѣла, и цѣлая, глубочайшая по мысли и оригинальнѣйшая по аллегорической формѣ, такъ сказать, народная ода «*Лѣсъ*», пѣсни о счастіи, о горѣ; и любовь мужика, и женская любовь въ самыхъ тонкихъ и глубокихъ изображеніяхъ страсти, и чувства юноши, и думы старика, и удалыя пѣсни въ родѣ нашихъ разбойничьихъ, и элегіи на неудавшуюся жизнь, и глубоко религіозные мотивы, и цѣлыя драмы на двухъ-трехъ страницахъ, какъ напр. «*Ночь*», «*Хуторокъ*», «*Деревенская быдла*». И все это находите вы у человѣка совсѣмъ невѣжественнаго, много лѣтъ писавшаго чудовищныя подражательныя вирши, и только лѣтъ въ 20, 25 сознавашаго свою силу и вышедшаго на дорогу.

Кольцова называютъ поэтомъ національнымъ, народнымъ. Это, конечно, справедливо въ томъ смыслѣ, что, какъ мы уже говорили, онъ вполне вѣренъ народу и по языку, и по пѣсенному складу, которые у него являются только въ болѣе изящной, чудесно отдѣланной формѣ; и содержаніе его пѣсенъ тоже вращается, почти исключительно, въ сферѣ простонародной массовой жизни. Но у Кольцова есть, кромѣ національности, выражающейся въ языкѣ, общихъ съ нашей пѣсней мотивовъ и въ содержаніи, еще одно, великое, прирожденное его натурѣ, качество:—это способность, несмотря на всю убогость образованія, стать выше національности, въ то же время оставаясь національнымъ. Онъ не только русскій, сынъ степи и лѣса, народникъ по происхожденію и средѣ,—всюду, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, онъ *человѣкъ* въ лучшемъ, благороднѣйшемъ, смыслѣ этого слова, и съ *общечеловѣческой точки зрѣнія*, самъ того не подозрѣвая, относится къ жизни и оцениваетъ представляющіяся ему явленія. *Человѣкъ* онъ, какъ созерцатель природы, ея дивный живописецъ, умѣющій замѣтить ея красоту и выразить въ словѣ вполне опредѣленно производимое ею впечатлѣніе; *человѣкъ* онъ, какъ гуманистъ, обобщающій значеніе крестьянскаго труда вообще, какъ условія чело-вѣческаго благосостоянія, и какъ занятія, могущаго доставить наслажденіе самому трудящемуся («*Сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ*»); какъ гуманистъ, открывающій въ душѣ непосредственнаго простолюдина цѣлый міръ общечеловѣческихъ страстей и думъ; *человѣкъ* онъ—не только русскій, въ своемъ «*Лѣсѣ*», гдѣ такъ блистательно представленъ образъ и гибель великаго и могучаго на землѣ; наконецъ, *человѣкъ* онъ и въ поразительно яркихъ и сильныхъ изображеніяхъ души, подавляемой ненормальными условіями существованія и неудержимо стремящейся на просторъ, на волю, на свободу, къ жизни болѣе разумной, чело-вѣче-

ской. Оставаясь вѣренъ русской обстановкѣ, сюжетамъ, образамъ, Кольцовъ, какъ великій поэтъ, выбираетъ въ своихъ пѣсняхъ только *общее*, откидывая временное, мѣстное, случайное, отыскиваетъ во всѣхъ представляющихся явленіяхъ *смысль жизни*, такъ сказать, обобщаетъ ее, и, такимъ образомъ, показываетъ читателю не только мѣстную этнографическую картину, но цѣлый, значительный, уголокъ національной русской жизни, освѣщенной съ точки зрѣнія общечеловѣческой. Въ этой способности обобщенія, въ этой человѣчности, Кольцовъ опять становится въ одинъ рядъ съ Пушкинымъ, и этими качествами представляетъ интересъ не только для насъ, и притомъ всегда, независимо отъ пережвны даже условій нашей жизни, но и для всего міра.

V.

Обращаясь къ болѣе подробному разсмотрѣнію содержанія Кольцовской поэзіи, отмѣтимъ прежде всего изображеніе *русской природы*, которая всюду является у Кольцова именно такой, какова она въ дѣйствительности, въ яркихъ сжатыхъ картинахъ, освѣщенныхъ любовью къ ней самого поэта, который въ рѣдкой изъ пѣсенъ эту природу не описываетъ, хотя бы нѣсколькими штрихами, мимоходомъ. И *степь*, весною разубранная цвѣтами, лѣтомъ разстилающаяся ковылемъ-травой и нива съ колосистой рожью, и поле, и лѣсъ, и деревня, и лѣтній зной, и осеннія бури, и буйные вѣтры, и зимнія крещенскіявьюгиза находятъ въ поэтѣ живописца самаго искуснаго. И—что весьма замѣчательно,—эта природа никогда не описывается Кольцовымъ сама по себѣ, ради одной красоты. Вездѣ она рамка картины, декорация, при которой происходитъ дѣйствіе; вездѣ она является въ связи съ человѣкомъ, подобно тому, какъ мы видимъ это и въ пѣснѣ народной. Весна напоминаетъ старику о томъ, что ужъ не долго ему наслаждаться жизнью; эта же весна возбуждаетъ въ молодежи страстные порывы, разжигиваетъ ее, а въ землепашцахъ «за одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя, думы мирныя» о посѣвѣ, пахотѣ, будущемъ урожаѣ, уборкѣ хлѣба. Степь—даетъ косарю заработокъ; по степи есть гдѣ разгуляться молодцу, по ней тянутся съ кладью чумаки и располагаются у костра на ночь, и далеко разносятся по простору степи «выразительныя, унылыя, протяжныя, звучныя, полныя преданьями старины, милья сердцу пѣсни». По степи не мало разбросано одинокихъ кургановъ-насыпей съ тростниковыми крестами надъ могилами неизвѣстныхъ горемыкъ, обвѣваемыми буйнымъ вѣтромъ, которому не пробудить дикой пустыни, тихаго могильнаго сна. Нива, поле дороги поэту, какъ источники народнаго благосостоянія, какъ поприще тяжелаго крестьянскаго труда... Деревня, село—это мѣсто, гдѣ живутъ труженики, думающіе и чувствующіе по своему, по простотѣ; тамъ живетъ милая поэта; съ ней скоротаетъ онъ счастливую ночь, и, сколотивъ копѣйку, возьметъ ее за себя замужъ. Лѣса дремучіе не страшны добру молодцу,

который «пировалъ по темнымъ лѣсамъ зимы круглыя», въ шумѣ сосноваго лѣса чудятся поэту сокрытыя думы; въ его холодномъ царствѣ затаена живая мысль; лѣсъ — это могучій богатырь, въ «густолиственномъ зеленомъ племѣ», лѣтомъ, грозно ратующій съ тучей-бурей, въ безмолвную ночь слушающій заливную пѣснь соловья, а осенью, какъ заколдованный, стоящій съ непокрытой, покнишей, головой, почернѣлый, затуманенный, одичалый и замолкшій, «только въ непогодъ воя жалобу на безвременье!» Вѣянье вѣтра въ полѣ, колыхающее траву, наводитъ поэта на мысль о дорогѣ, по которой пойдетъ удалой молодецъ. Буря прикроетъ бѣгство молодца съ дѣвушкой, «чтобъ погони злой бояринъ вслѣдъ за ними не послалъ». Буйные вѣтры, темныя тучи, сырая мгла тумановъ пробуждаютъ чувство горькаго одиночества. Словомъ, — всюду у Кольцова, какъ и въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, природа — неизмѣнная спутница человѣка, которая вмѣстѣ съ нимъ и радуется, и тоскуетъ, какъ бы принимая участие во всей его жизни. Въ душѣ человѣка, по выраженію Кольцова, пѣлая природа. Проникнутыя чувствомъ, согрѣтыя любовью, изъ нея выходятъ всѣ силы въ образахъ. «Эти-то природныя силы и творять поэта, который, виѣ воспріятія отъ нея живыхъ впечатлѣній, немислимъ».

Какъ нѣтъ у Кольцова односторонности и искусственности въ изображеніи природы, поражающей его въ своихъ свѣтлыхъ и мрачныхъ явленіяхъ, такъ нѣтъ у него и этой односторонности и искусственности и въ изображеніяхъ жизни человѣка, взятой только въ сферѣ крестьянской, простонародной. Не одна только печальная сторона, не одни только темныя явленія жизни простолюдина, о которыхъ въ то время, когда писалъ Кольцовъ, и говорить почти не позволялось по условіямъ цензурнымъ, находятъ отзывъ въ душѣ поэта. Веселый и жизнерадостный въ молодости, когда еще не было въ немъ полного разлада съ семьей и горькаго недовольства своимъ положеніемъ, какъ представляетъ біографъ («Кольцовъ», В. В. Огаркова), Кольцовъ всей душой отдавался наслажденію жизнью, которую любилъ до конца своихъ дней, вѣря въ возможность для человѣка реального счастья и радостей. Какъ ни тяжелы условія крѣпостного быта, сказать кстати, Кольцову знакомаго мало, но и здѣсь поэтическое чутье нашего пѣсенника замѣчаетъ тѣ немногія радости, утѣшенія, какими почти никогда не бываетъ уже вовсе обдѣленъ человѣкъ. Въ то время, когда народъ былъ въ глазахъ нашего помѣщичьяго общества и литературы или сентиментальнымъ пейзажомъ, или хамомъ, или же «совершенно неизвѣстнымъ незнакомцемъ», Кольцовъ съ особенной любовью *гуманизируетъ* мужика, — показываетъ удивленному барину, что и въ этомъ плебей, грязномъ и невѣжественномъ отверженцѣ течетъ та же горячая кровь, бьется то же сердце, — что и у него есть свои интересы, радости, чувства, страсти. И вотъ, въ числѣ лучшихъ произведеній Кольцова, гдѣ, по выраженію Бѣлинскаго, чувствуется что-то новое, необыкновенное, которыя отмѣчены печатью огромнаго таланта, мы видимъ въ «*Пѣснь пахаря*», «*Что ты спишь, мужичокъ*», «*Косарь*», «*Молодой жнивь*», «*Размышленіи поселанина*»,

«Крестьянской пирушки», «Урожай» настоящей апопееозъ тяжелаго мужицкаго труда, служенія кормилицѣ-землѣ. Здѣсь *пахарь*, *косарь*, *жница*, какъ живые, выступаютъ передъ нашими глазами, невольно возбуждая симпатію читателя. Нельзя не признать, что уже одна обрисовка въ симпатичномъ свѣтѣ этихъ невидныхъ и забытыхъ тружениковъ, настоящихъ кормильцевъ громаднаго земледѣльческаго государства—это одно уже составляетъ огромную заслугу Кольцова, открывшаго намъ «мужика». Болѣе подробное представленіе въ литературѣ крестьянской жизни началось уже позднѣе, послѣ смерти Кольцова, который справедливо можетъ быть признанъ предшественникомъ Григоровича въ его крестьянскихъ разсказахъ и Тургенева въ «Запискахъ охотника». Кто-то изъ недалновидныхъ критиковъ высказалъ, будто Кольцовъ искусственно идеализировалъ крестьянскую жизнь, сообщивъ ей слишкомъ розовый цвѣтъ. Конечно, во всѣхъ нами указанныхъ выше пѣсняхъ представлены свѣтлыя стороны этой жизни; но вопросъ въ томъ,—дѣйствительно ли эти стороны существуютъ, не есть ли онѣ только тѣ же Карамзинскія «мечты воображенія, красные вымыслы» причудливой фантазіи самого поэта? Если же эти стороны существуютъ на самомъ дѣлѣ, если онѣ возможны и естественны; если составляютъ, такъ сказать, внутренней, существенный, смыслъ явленій, то открывать такой смыслъ жизни, чтобы, прежде незамѣчаемый, ярко обнаружился онъ передъ всѣми, и составляетъ главнѣйшую задачу поэзіи. Что же неестественнаго, придуманнаго находимъ мы въ указанныхъ пѣсняхъ? Все здѣсь вполне реально, все вѣрно жизни практической, положительной, что составляетъ именно особенность, отличительную черту Кольцовской поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не представляетъ «Урожай» цѣлой поэмы, правдивой, обнимающей послѣдовательно весь кругъ земледѣльческаго труда въ зависимости отъ погоды, урожая и въ связи съ тѣми чувствами и мирными думами земледѣльца, у котораго вопросъ о хлѣбѣ—вопросъ существованія? Развѣ не можетъ быть пахарю на пашнѣ и весело, если эта пахота соединяется у него съ надеждой, что, «Коли Богъ уродитъ кормилицу-ржицу, а Микола подсобитъ собрать хлѣбецъ съ поля», такъ его достанетъ годъ «семью пробавить, посылить подать съ шеи и нужды поправить и лишней копѣйкой Божій праздникъ встрѣтить?» Эта надежда придаетъ силы даже и семидесятилѣтнему старику, единственному кормильцу цѣлой семьи съ бабами и дѣтьми («Размышленіе поселанина»). Не менѣе реальна и «Пѣсня пахаря», гдѣ поэтизируется не только самъ мужикъ-труженикъ, но и его неизмѣнная помощница - лошадь, безъ которой нѣтъ у насъ хозяйства. Эти *тѣсни о хлѣбѣ* какъ бы дополняются «Крестьянской пирушкой» въ достаточной семьѣ, гдѣ опять-таки вполне реально представленъ пиръ послѣ уборки хлѣба, о которомъ гугорять рѣчи и здѣсь. Но благосостояніе крестьянина зависитъ не только отъ урожая;—чтобы достигнуть этого благосостоянія, необходимы физическія силы косаря, у котораго «плечо шире дѣдова, грудь высокая его матушки». Только такими силами и упорнымъ трудомъ завоевываетъ этотъ косарь себѣ счастье; только такой трудъ даетъ въ крестьянскомъ

быту и нравственное удовлетвореніе и уваженіе сосѣдей. Горе здѣсь залѣнившимся, а потому яркими чертами, съ теплымъ участіемъ къ распустившему себя мужику, рисуетъ поэтъ въ пѣснѣ «*Что ты спишь, мужичокъ*», контрастъ положеній трудового и лѣниваго крестьянина.

Но это довольство, это достиженіе незатѣйливаго идеала сытой жизни, матеріальнаго достатка, находится въ тѣсной зависимости не только отъ труда, хотя бы для него и были силы. Крестьянину нужна земля, и горе бездомному, которому приходится мыкаться батракомъ по чужимъ людямъ, когда «сидишь, глядишь, улыбаешься, а въ душѣ клянешь участь горькую» («*Доля бѣдняка*»). Горе мужику и одинокому, безъ жены—здоровой хозяйки, безъ своего «теплага угла, безъ бороны-сохи, коня-пахаря», тутъ какъ разъ поистратить горькая нужда по чужимъ людямъ даже и крѣпкую силу («*Сяду я за столъ*»). Горе жить на свѣтѣ одинокому, безъ семьи работницы; но горе и съ семьей изъ глухихъ бабъ да кучи ребятишекъ все малъ-мала меньше; тяжело на старости лѣтъ одному, безъ подмоги, тянуть лямку, чтобы кое-какъ прокормить ихъ всѣхъ: не сбыть же со двора невѣстокъ, оставшихся на рукахъ дѣда по смерти одного сына и уходѣ въ солдаты другого; не пустить же въ люди малолѣтнихъ сиротъ?! («*Раздумье поселннина*»). Обрисовывающая крестьянское горе только въ немногихъ пѣсняхъ, и притомъ, больше намеками, общими чертами, не входя въ разсмотрѣніе его причинъ, Кольцовъ, тѣмъ не менѣе, мѣтко показываетъ во «*Второй тѣснѣ ляхача-кудрявича*» всю безпомощность темнаго мужика, невооруженнаго никакими званіями, передъ непредвидимой случайностью. Стоитъ только: «то — скосить градомъ, то — снести пожаромъ», и самый работящій, самый счастливый въ семьѣ мужикъ, богатырь-силачъ, весело проходящій съ пѣсню, какъ ни въ чемъ не бывало, поле за сохою—вдругъ остается «чистъ кругомъ и лежокъ, никому не нуженъ»,—остается нищимъ въ старыхъ лаптишкахъ безъ онучъ, въ рваномъ кафтанишкѣ, съ нахлобученной отъ стыда передъ людьми шапкой. Вѣрный пѣсенному представленію всяческаго горя, въ видѣ какой-то таинственной, всюду преслѣдующей, Богъ знаетъ почему, человѣка роковой силы, доводящей его до нищенства (Пѣсня—«*Охъ, ты горе, гореваньице*»), Кольцовъ такой же страшной силой представляетъ бѣду и въ своей пѣснѣ: «зла бѣда ходитъ невидимкой, губитъ безъ разбора. Отъ ея напасти не уйти на лыжахъ: въ чистомъ полѣ найдеть, въ темномъ лѣсѣ съищеть, объ руку съ тобою поидеть и поѣдетъ». И какъ въ народныхъ пѣсняхъ не видно ни малѣйшаго намека на то, чтобы человѣкъ, хоть какъ-нибудь, попробовалъ уберечь себя отъ всѣхъ этихъ случайностей и бѣдъ, гдѣ всѣмъ имъ противопоставляется одно только тупое терпѣніе, такъ и Кольцовъ говоритъ: «*не родись въ сорочкѣ, не родись таланливъ: родись терпимымъ и на все готовымъ*».

Кольцовъ отводитъ не мало мѣста въ своихъ пѣсняхъ и любви, что, съ одной стороны, вполне естественно въ такой любвеобильной натурѣ; съ другой,—такой безобидный мотивъ, какъ любовь, можно было въ ту эпоху изображать безопасно; наконецъ, этотъ же мотивъ

самый распространенный и въ поэзіи народной. Любви посвящено Кольцовымъ не менѣе тридцати пѣсенъ. Но какая это любовь здорвая, полная жизни, увлеченія, страсти, горячаго пыла жизнерадостной молодости! Съ весной, съ пробужденіемъ природы, разукрашивающей цвѣтами зеленую степь, подобно тому, какъ у пахаря-хозяина «за одно съ весной пробуждаются завѣтныя думы мирныя о хлѣбѣ», загорается «любовная сила» и въ душѣ юности («*Пора любить*»): любовь — это огонь, съ этого огня пожаръ... Отъ поцѣлуевъ милаго друга этотъ огонь пылаетъ въ крови и при немъ, и безъ него, и безъ поцѣлуевъ, жжетъ румянецъ лицо, и волнуется грудь, и блистаютъ глаза, какъ на небѣ звѣзда («*Обойми, поцѣлуй, Такъ и рвется душа*»). Любовь мѣшаетъ въ лѣтнюю жару жать *молодой жницѣ*, которой «душно, жарко, и нѣтъ охоты жать колосистой ржи». Кольцовскія пѣсни первой любви, то робкой, стыдливой, то пылкой, торжествующей, то грустно задумчивой о будущемъ, то оплакиваемой, какъ величайшая, ничѣмъ незамѣнимая въ жизни, потеря, то полной мукъ ревности, то прощающей самую измѣну — принадлежатъ къ числу лучшихъ перловъ русской поэзіи, какъ по несомнѣнной народности, такъ и по искренности, глубинѣ, силѣ и удивительной яркости образовъ. Любовь эта—не сентиментальная мечта о раѣ съ милымъ въ шалашѣ; — вездѣ у Кольцова соединяется она съ мыслью о бракѣ, объ устройствѣ своего гнѣзда, дома, полнаго всякаго добра, ѣды, питья и платья, чтобы здорвая красавица-жена ни въ чемъ не нуждалась, а зажила въ полномъ матеріальномъ довольствѣ, въ ласкѣ и добромъ согласіи, съ молодымъ и сильнымъ мужемъ; чтобы всѣ сосѣди радовались на ихъ счастье, зайдя попить къ нимъ послѣ уборки и продажи хлѣба («*Крестыанская пирюшка*»). Не однѣ ласки да поцѣлуи сулить невѣстѣ молодецъ; онъ говоритъ ей: «Будутъ платья дорогія, будутъ серьги съ жемчугомъ, наряжайся, одѣвайся, хоть парчею съ серебромъ». И, любя свою милую, онъ «надариваетъ ей подарковъ: два аршина касандрики, да платокъ, да черевики, да китаечки конецъ, да золоченый вѣнецъ» («*Женитьба Павла*»). Съ какимъ увлеченіемъ мечтаетъ молодецъ о тепломъ углѣ: «поднимусь—пойду въ свою хижину, на житье бытѣе, на домашнее, тамъ возьму себѣ молодую жену, и начну съ ней жить припѣваючи» («*Ты прости, прощай, сыръ дремучій боръ, съ лѣтней волею, съ зимней вьюгою, одному съ тобой надоло жить!*») Самого разбойника тянетъ отъ привольной жизни къ тихому семейному гнѣзду, и онъ зоветъ съ собой дѣвушку въ Москву («*Пѣсня разбойника*»). Эта любовь бодритъ, подымаетъ человѣка, даетъ вѣру въ себя, въ свои силы: «что ему дорога, тучи громовыя, какъ придутъ по сердцу очи голубыя, что ему на свѣтѣ доля не людская, когда его любить она, молодая!» («*Въ полъ вѣтеръ вѣтѣт*»). Любовь поможетъ перенести самое тяжкое горе и украсить одиночество: «въ непогожую пору одному жить сердцу холодно, грудь другую ему надобно: огонь-душу, красну дѣвицу! Съ ней зимою лѣто теплое, при бездолѣй горе—не горе!» («*Дуютъ вѣтры*»). Для того, чтобы завоевать себѣ счастье, молодецъ не остановится передъ трудомъ: пойдѣмъ косить въ донскія

степи, нагребетъ копень, намечетъ стоговъ, цѣлые пригоршни денегъ дастъ ему казачка, и онъ съ заработанной, свято сбереженной, казной, вернется въ родное село разжалобивать старосту-отца невѣсты («*Косарь*»). Не броситъ молодецъ, какъ думаетъ дѣвушка, попусту своего родного дома, стараго отца; не завихрится Богъ въѣсть куда, не завѣется вихремъ въ полѣ;—ради этой же дѣвушки «пойдетъ онъ ходить по людямъ, копить деньгу, пробовать счастье за моремъ, и вернется къ ней, наживъ два терема, лисиць, шелку, много золота», для того, чтобы его милой не пришлось терпѣть съ нимъ нужды, а можно было бы цѣлый вѣкъ прожить, независимо ни отъ кого, въ довольствѣ и счастьи, пользуясь плодами упорнаго труда («*Разступитесь, мѣся темные*»). А если уже нѣтъ надежды на бракъ, молодецъ-разбойникъ убѣждаетъ дѣвицу кинуть отца съ матерью и бѣжать съ нимъ на Москву, обѣщаясь ей бросить грѣшную, безшабашную, жизнь разбойничьяго загула. А когда дѣвушка, боясь страшнаго суда, отказывается идти за милымъ, онъ разгуливаетъ кручину по Волгѣ-матушкѣ, разметываетъ ее волной по бережку»... («*Пѣсня разбойника*»). Если же согласится дѣвица на бѣгство, милый выкрадетъ ее изъ терема глухой полночью и ускачетъ съ ней на Украину, гдѣ будетъ у нихъ всего довольно, и гдѣ они заживутъ по пански» («*Бѣгство*»).

Реально у Кольцова счастье, наслажденіе, радости въ любви,—реально и сердечное горе. Любовь—первое условіе здоровой молодой жизни, и безъ нея нѣтъ юности,—безъ любящаго сердца нѣтъ радости.

«Поспѣшайте жъ, юноши,—

совѣтуеть старецъ, одиноко задумывающійся о могилѣ:

«Наслаждаться живнію!

«Отпируйте въ радости

«Праздникъ вашей юности!

«Много ль разъ, роскошная,

«Въ годъ весна является?

«Много ль разъ долинушку

«Убираетъ зеленю,

«Муравою бархатной,

«Парчой раззолоченой?

«Не одно ль мгновеніе

«И веснѣ, и юности?»

(«*Советъ старца*»).

Старику хоть есть чѣмъ вспомнить молодость, а каково тому, у кого «до сѣдыхъ волосъ любовью душа не согрѣта» («*Въ непогоду вътерзъ*»). Сохнетъ, вянетъ, что трава въ степи передъ осенью, молодецъ. «Безъ нея и ночью сумраченъ мѣсяцъ, среди дня безъ огня ходитъ солнышко; кромѣ красной дѣвицы, кто приметъ ласково, на чью грудь склонить усталую голову, на чью рѣчь улыблутся?» («*Ты, не пой, соловей*»). О счастья, любви, давно похороненной вмѣстѣ съ юностью, трогательно вспоминаетъ старикъ («*Остѣлаю коня*»), тщетно скорбя о томъ, что «нѣтъ дорогъ къ невозврат-

ноту, не взойдетъ никогда солнце съ запада». Малѣйшая размолвка между любящими людьми, малѣйшее охлажденіе со стороны одного уже влечетъ въ другомъ опасеніе, не потеряна ли эта любовь, а съ ней и вовсе—завѣтное, дорогое въ жизни («Размолвка»). «Тяжелю грустью - тоской падаетъ на кручинную головушку («Измѣна суженой»), мучить душу мука смертная, вонъ изъ тѣла душа просится»... Ни въ комъ не встрѣчая къ себѣ участія, падаетъ молодець «въ траву безъ памяти» и, поднявшись, въ глухую ночь, подъ страшной бурей, сѣдлаетъ коня и отправляется безъ дороги въ путь мыкать одиноко горе. «Страшна измѣна, тяжка и разлука, когда всей душой полюбишь. («На зарѣ туманной юности»), и вдругъ придется сказать: «прости, милая, такъ, знать, Богъ велѣлъ, разстанемся»... Каково сознавать, что приходится разставаться на вѣки изъ-за бѣдности, изъ-за невозможности устроить двумъ слюбившимся бобылямъ свое гнѣздо, а «въ чужомъ углу жить не хочется». И встаетъ передъ молодцомъ мучительный вопросъ: что тутъ дѣлать? «Погубить себя не хочется! Разойтиса?—нѣту волюшки! Обмануть же своей бѣдностью, сгубить дѣвичью красоту»—не позволяютъ все та же любовь и совѣсть... («Не на радость, не на счастье, знать, съ тобою, другъ, мы встрѣтились»). Но вотъ приходится отказать отъ милой только потому, что ей посватали сына богатаго старосты, немилаго жениха, за котораго выйти ее принуждаютъ, хотя молодые люди дали слово принадлежать только другъ другу, хотя ея милый, ея любимый, прежде, до этой любви, только гулявшій съ бражничавшій съ друзьями, теперь, именемъ благодаря глубокой, разумной, привязанной, остепенился, сталъ, подъ ея вліяніемъ, человѣкомъ. И вотъ, охваченный страстью, ревностью, злобой, молодець, въ которомъ снова воскресли буйныя наклонности, ночью, послѣ свадебнаго пира, поджигаетъ домъ молодыхъ, погубивъ въ конецъ и милую, и себя («Деревенская бѣда»). «Тяжелѣй горы, темнѣй полночи, ложится на сердце дума черная» у сильнаго косаря, у котораго «красна дѣвица спитъ могильнымъ сномъ». А онъ-то «прочилъ доброе не своейдушѣ,—душѣ дѣвицѣ! Не для чего теперь ему пѣть про широку степь, не для чего собирать добро, думать о богатствѣ»... («Не шуми ты, рожь»). Страшнымъ горемъ проникнута пѣсня «Кольцо», гдѣ обрученная дѣвушка, тщетно ожидая вѣсти о женихѣ, рѣшается спросить о немъ судьбу,—и видитъ, что «невредимо черно на огнѣ кольцо и звенить по столу память вѣчную». Сердце вѣщунъ, оно и вдали отъ милаго чувствуетъ о немъ недоброе. Не даромъ весь почернѣлъ, что черная коса, у жницы любимый серпъ... Уже давно скошена, въ широкихъ степяхъ вольнаго Дона зелена трава, давно на селѣ женятся вернушіеся косцы, а его, ясна-сокола, все нѣтъ да нѣтъ... Ужъ не разлюбилъ ли?... И предчувствіе не обмануло... о немъ уже носятъ печальные слухи... («Грусть дѣвушки»). Еще ужаснѣе для дѣвушки самой измѣны—это ложь, обманъ, которыми молодець прикрылъ свою женитьбу на богатой вдовѣ, сказавъ, что идетъ къ отцу просить благословенія на бракъ съ ней, со своей милой. Но женская любовь, въ натурахъ сильныхъ и глубокихъ всепрощающая, великодушная.

Какъ въ народной пѣснѣ, дѣвушка говоритъ милому: «Коли лучше меня найдешь — позабудешь, коли хуже найдешь — вспомнешь», такъ и здѣсь, изъ золотого сердца дѣвичьяго вырывается: «Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ! Я за твой обманъ не сержуся;... хоть и женишься—раскаешься; ко мнѣ, можетъ быть, воротиться!» («*Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись*»). На ряду съ любовью, какъ здоровой, счастливой страстью, находящей себѣ разумное и высокочеловѣчное оправданіе въ сердечной привязанности, съ любовью, соединяющей въ духовной гармоніи двѣ души, стремящаяся осуществить собой высшее таинство природы — брачный союзъ, есть у Кольцова и пѣсни о любви мимолетной, легкомысленной, привязанности случайной, порождаемой волненьемъ молодой крови, безъ всякаго участія выплихъ силъ души. Таковы пѣсенки: «*По надъ Дономъ садъ цвететъ*» — воспоминаніе о сладкомъ мигѣ счастья съ какой-то Машей; «*Нынче ночью къ себѣ въ гости друга я жду*»: для удалого молодца не существуетъ ни крѣпкихъ замковъ, ни карауловъ, ни воротъ воеводы. И, не любивъ дѣвицы, слыль онъ въ селахъ молодцомъ, а теперь, когда встрѣчаетъ онъ по ночамъ свою дѣвицу, ему «ни почемъ и города»; «*Два прощанія*» — дѣвица разстается съ двумя молодцами; съ однимъ — смѣясь надъ его пѣжной привязанностью, съ другимъ — со слезами, полюбивъ его зато, что держалъ себя съ ней онъ холодно и сухо, а тамъ, «махнувъ рукой, не кланяясь, пустилъ коня — и былъ таковъ»; наконецъ, есть у Кольцова чудная вещица эпическаго характера «*Хуторокъ*» — народная баллада о молодой вдовѣ, обманывавшей и купца, и рыбака, и молодца, расквитавшагося съ легкомысленной деревенской прожигательницей жизни убійствомъ и ее самой, и ея милыхъ дружокъ...

Придавая важное значеніе въ бракѣ довольству, матеріальному достатку, при которомъ можно пожить безъ нужды и заботы, и приварядиться молодой женѣ, и «лишней копѣйкой Божій праздникъ встрѣтить», и угостить на славу, какъ въ «Крестьянской пирушкѣ», гостей, и поднять на ноги ребятишекъ, Кольцовъ, какъ мы видѣли, ставитъ любовь и согласіе основой семейнаго счастья. Но счастливый бракъ, основанный на свободномъ выборѣ сердца, обрисованъ Кольцовымъ, большей частью, только въ мечтахъ молодежи, въ ея фантазіи, въ идеалѣ, осуществленіе котораго трудно и рѣдко. Какъ видно изъ пѣсенъ, слюбившаяся пара или бѣдна такъ, что молодецъ самъ не хочетъ обречь свою милую на нужду и горе, или деревенскій кулакъ-староста не выдаетъ дочери за бѣдняка, и едва ли разжалобить женихъ богача скромной казной, которую мечтаетъ приобрести косьбой въ донскихъ степяхъ («Косарь»), словомъ, — любовь только въ очень рѣдкихъ случаяхъ увѣнчивается бракомъ. Этотъ бракъ, какъ и показываютъ народныя пѣсни, по большей части, въ крестьянскомъ быту совершается не по любви, а по выбору и волѣ родителей, видящихъ въ бракѣ извѣстную торговую, коммерческую сдѣлку, причемъ часто не принимаются въ разсчетъ даже лѣта жениха, и полная силъ молодости и красоты дѣвушка, можетъ быть, уже нашедшая себѣ суженаго по сердцу, сама должна похоронить всякую надежду на счастье и стать женой «немилаго —

мужа стараго». Такой несчастный брак по расчету также оставливаетъ вниманіе Кольцова, и въ двухъ чудесныхъ пѣсняхъ: «*Безъ ума, безъ разума, меня замужъ выдали*» и «*Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали*»—поэтъ необыкновенно сжато и сильно, можно сказать, въ нѣсколькихъ словахъ, обрисовываетъ горе замужней женщины—жертвы пошлаго расчета и старческаго опыта родителей, давно позабывшихъ о своей молодости и мѣрящихъ на свой аршинъ счастье дочери, которую они «соблюдали, нѣжили, за стекломъ отъ солнышка красоту лелѣяли», какъ будто нарочно для того, чтобъ ей всю жизнь плакаться на судьбу. Въ этихъ двухъ пѣсняхъ великій талантъ поэта, такъ сказать, сконцентрировалъ, выразилъ въ немногихъ рѣзкихъ чертахъ, все то, о чемъ, на разные лады, говорится въ десяткахъ, сотняхъ народныхъ пѣсень, опустивъ грубыя подробности, какъ, напр., побой плетью, битие по щекамъ, отъ чего пропадаетъ алый румянецъ (см., напр., извѣстную пѣсню «*Выдавала меня матушка далече замужъ...*»); но зато выставляя душевную боль горемычной женщины во всемъ ужасѣ ея безвыходнаго положенія. Не забываетъ Кольцовъ и другого, также очень распространеннаго, мотива пѣсни—убійство мужа любовникомъ («*Ночь*»), но и здѣсь избѣгаетъ отвратительныхъ подробностей, ограничиваясь только словами: «Лишь только онъ (мужъ) рукой за дверь взялъ, я схватился съ нимъ,—и онъ мертвый палъ». Художественное чутье поэта въ заключеніе этой народной баллады искусно обрисовало и состояние духа жены послѣ убійства, тревожащаго ея совѣсть: «Мужъ убить, не придетъ уже больше караулить любовниковъ въ полунощный часъ, но умъ жены мѣшается, все два мужа ей представляются: на полу одинъ весь въ крови лежитъ, а другой—смотри—вонъ въ саду стоитъ!» Расчетъ родни при заключеніи брака не на любовь, а на богатство и «именитую, почетную породу», отравляетъ жизнь не только дѣвицы, существа, по преимуществу, въ семьѣ подневольнаго, но и молодца, нерѣдко въ конецъ обезличеннаго и забитаго крутымъ деспотизмомъ семьи. На ряду съ пѣснями о дурныхъ мужьяхъ, не мало у насъ пѣсень и о лихихъ женахъ, о томъ, какъ молодецъ «младшенекъ, да глупешенекъ» взялъ себѣ жену «неразумную, сварливую, да угрюмую», Этотъ мотивъ взятъ у Кольцова только въ одной пѣснѣ «*Всякому свой талантъ*», и также разработанъ художественно съ опущеніемъ грубыхъ подробностей, въ родѣ ругани, или ученья мужемъ неразумной жены: «подъ яблоню, подъ кудрявою, подъ кудрявою, кучерявою». Молодецъ выбралъ жену «по чужому разуму, какъ водится, по обычаю и съ богатствомъ и съ породою именитою, почетною»; но не въ прокъ пошло и богатство, безъ расчета прожитое съ глупой бабой; нѣтъ и ладу въ семьѣ, гдѣ мужъ и жена вѣчно перекликаются другъ съ другомъ, и приходится, женившись, каяться, да ужъ поздно, дѣлать нечего: «обвѣнчавшись не разженишься, наказалъ Господь, такъ мучайся!»

Обращаясь къ изображенію у Кольцова крестьянъ вообще, какъ извѣстныхъ характеровъ, мы находимъ у него два, совершенно согласныхъ съ народными представителями, типа: это—*крѣпныиъ*—прак-

тикъ, вполне удовлетворяющийся жизнью, тянущей терпѣливо трудовую лямку, и стремящийся къ достиженію незатѣйливаго, очень опредѣленнаго, идеала—устроить себѣ сытое, безобѣдное, матеріальное благосостояніе и согласную семью, гдѣ бы можно было спокойно отдохнуть отъ труда. Но постоянный упорный трудъ, при которомъ только и можетъ мужикъ поддерживать свое существованіе, а то иногда добиться и достатка, рѣдокъ. Этотъ вѣчный трудъ, однообразіе крестьянской жизни, натурамъ болѣе страстнымъ, широкимъ, притомъ, вовсе не просвѣщеннымъ образованіемъ, наконецъ, надобѣдаетъ, и вотъ, на ряду съ крѣпышами, видимъ у Кольцова *удальцовъ*, которые растрачиваютъ избытокъ физическихъ и неразвитыхъ духовныхъ силъ въ широкомъ загулѣ, или житѣ на авось. Таковъ «*Удалецъ*», которому надобѣло «жить зиму зимскую за печкою, поля пахать, траву косить, затоплять овины, молотить овесь». Дикая фантазія рисуетъ ему заманчивыя картины: еслибы молодцу «ночь да добрый конь, да булатный ножъ, да темны лѣса! Снаряжу коня, наточу булатъ, затыну чекмень, полечу въ лѣса: стану въ тѣхъ лѣсахъ вольной волей жить, удалой башкой въ околоткѣ слыть». Любопытно, что въ фантазіи этого добровольнаго кандидата въ разбойники, во враги всякаго общественнаго порядка,—этого дикаря, которому ничего не стоитъ «обобратъ купца, убить встрѣчнаго своего же брата-мужика, за желѣзный грошъ», рисуется и такой привлекательный фактъ, что всякій, кто съ нимъ ни встрѣтится, «всякій молодцу шапку до земли». Это ли не народный, столь симпатичный въ пѣсняхъ, образъ ухаля-разбойника, нашего доморощеннаго авантюриста изъ темнаго мужичества,—ухаля, готоваго пришибить всякаго встрѣчнаго и разнести ради одной удали что угодно,—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ типовъ, изъ которыхъ набиралась пугачевская вольница, выходили поволжскіе разбойники («*Пѣсня разбойника*»). И очень жаль, что Кольцовъ испортилъ эту живую пѣсню концомъ, гдѣ совсѣмъ некстати выражается боязнь Бога, котораго едва ли хорошо знаетъ человѣкъ съ подобной фантазіей. Тѣмъ болѣе странно,—чтобъ не сказать сентиментально патриотично,—принятое въ концѣ концовъ удальцомъ рѣшеніе добровольно идти въ солдаты: «лучше жъ воиномъ за царевъ законъ, за крещеный міръ сложить голову!»

Къ этому же типу удальцовъ, хотя и не со столь разбойничьими наклонностями, относится и молодецъ въ пѣснѣ «*Какъ здоровъ, да молодъ*», у котораго «только и думъ и заботы, какъ бы погулять по свѣту, пожить на распашку, чтобы не стыдно было вспомнить молодое время». Легко узнать въ этомъ знакомомъ удалцѣ съ «шапкой на макушкѣ», къ которому «безъ призыва, счастье и валить, и ѣдетъ», широкую натуру загулявшаго кулака, или фабричнаго, которому пока не на чемъ больше, кромѣ кабака, или фабричнаго загула, показать своей стихійной силы. Но особенно любопытенъ этотъ «*Лихачъ*» («*Первая пѣсня*») —счастливецъ, баловень судьбы, которому, что называется, въ жизни повезло, «по щучью велѣнью все ему готово, чего душа хочетъ—изъ земли родится, со всѣхъ сторонъ прибыль ползетъ и валится». Удача, счастливыя случайности,

вовсе не зависѣвшія ни отъ труда, ни отъ его личныхъ достоинствъ, заслугъ, вызываютъ въ этомъ веселомъ фаталистѣ, слѣпомъ поклонникѣ факта, наивную увѣренность въ томъ, что такъ ему и на роду написано, что всему этому виной «кудри, да щучье велѣнье». И какъ этотъ лихачъ-счастливчикъ и не подумаетъ оправдать свое шальное счастье какими-нибудь личными достоинствами или заслугами, закрѣпить его за собой трудомъ, успокоившись на фатальной вѣрѣ въ силу покровительства ему рока, такъ другой лихачъ («*Вторая пѣсня*»), котораго, напротивъ, преслѣдуютъ всякія бѣды, покорно склоняя передъ несчастіемъ свою голову, тихомолкомъ станетъ за чужія плечи, чтобъ не видѣли люди прожитаго счастья. Счастье или несчастье—это удача, случай, судьба, таинственная сила рока, въ которой человѣкъ не властенъ: не можетъ выйти изъ тяжелаго положенія, а только можетъ покориться своей предопредѣленной участи, только терпѣть—это одно и остается человѣку. Вотъ наша народная философія съ заносчивостью и безшабашнымъ кутежомъ и удалю въ счастья, съ тупой покорностью року въ бѣдахъ и горѣ, философія удали и терпѣнія, или вѣрнѣе, апатіи, неподвижности, такъ ярко выставленныя Кольцовымъ, совершенно согласно съ нашей народной пѣсенной поэзіей. Откликъ этой философіи слышится и въ «*Последней борьбѣ*», гдѣ уже выражаются чувства и мысли не лихача, не удалыца «съ шапкой на макушкѣ», а самого поэта: онъ, дѣйствительно, не палъ отъ страданья, онъ гордо выдержалъ ударъ *судьбы* (sic), сохранилъ въ душѣ силу и жаръ въ сердцѣ; но и къ гибели и къ спасеню онъ равнодушенъ: «будь, что будетъ, все равно, онъ давно *положился на святое Провидѣнье*». Правда, сейчасъ же слышится энергичскій вызовъ судьбѣ: «*не грози жъ ты мнѣ бѣдою. не зови, судьба, на бой, готовъ биться я съ тобою, но не сладилъ ты со мной!*»—но, въ общемъ, стихотвореніе это не есть ли, въ сущности-то, дифирамбъ силѣ терпѣнія и выносливости фатальныхъ бѣдъ, дифирамбъ, который отличается только окраской религіозности. Гораздо болѣе бодрости мощнаго духа въ самомъ поэтѣ видимъ въ стихотвореніи «*Товарищу*», гдѣ поэтъ «совѣтуетъ не искать помощи въ людяхъ, не плакаться на свои бѣды, а «вѣровать силамъ души, да мочуемъ плечамъ, весь день трудиться что есть мочи, въ неудачахъ и бѣдахъ сидѣть со своимъ горемъ дома, а съ зарей опять идти къ новымъ нуждамъ». Но и здѣсь опять-таки авторъ не надѣется только на свои силы... Онъ совѣтуетъ товарищу биться въ жизни; но, чтобъ устроить жизнь къ лучшему, все-таки опять нуженъ тотъ же роковой случай: и «такъ бейся, пока случай—счастье найдетъ».

Въ особую группу выдѣлили бы мы шесть пѣсенъ («*Горькая доля*», «*Путь*», «*Перепутье*», «*Тоска по волѣ*», «*Много есть*»... «*Разсчесть съ жизнью*»), составляющихъ какъ бы скорбную страницу изъ автобіографіи поэта, выражающую то, что особенно его мучило и волновало, когда, подъ влияніемъ сближенія съ Бѣлинскимъ и столичныхъ знакомствъ, поэтъ вполнѣ созналъ свое положеніе, мучимый разладомъ съ роднымъ домомъ и роковыми условіями жизни. Эти

пѣсни поютъ о человѣкѣ, скитающемся «по міру безъ любви, безъ счастья; какъ былинку шатаетъ его вѣтеръ». «На крутой горѣ росъ высокій дубъ, подъ горой теперь онъ лежитъ—гнѣтъ» («Горькая доля»); поютъ объ одиночествѣ среди людей, о томъ, какъ *злая судьба* подрѣзала орлу крылья, и всѣ прежніе товарищи соколы, орлы могучіе разлетѣлись, бросивъ друга. И вырывается изъ души поэта: «Гой ты, сила пододонная! Отъ тебя я службы требую—дай мнѣ волю, волю прежнюю!» («Тоска по волѣ»). Но вотъ, повидимому, все есть у молодца: и терема, и сады, и раздольныя поля и лѣса, и деревни, и люди—знакомые бояре и надежныя друзья, и жемчуга, и мѣха, и дорогія одежды, и разноцвѣтные ковры; много есть для пировъ серебра, для бесѣдъ красныхъ словъ, для веселья—вина! О чемъ же, при такомъ роскошествѣ, самъ съ собою груститъ молодець («Много есть у меня»)? Сидѣтъ дома, багѣть-стариться, съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться, работать, съ женой хозяйничать, ребятишкамъ сказки сказывать—такая сытая жизнь покоя въ своей норѣ, такое растительное существованіе, обособленное отъ всего міра, невыносимо душѣ, въ которой кипятъ мучащія ее неразрѣшимыя вопросы, жажда разумной дѣятельности («Перепутье»)... Какіе это вопросы, и какъ поэтъ или наивно пытается ихъ рѣшить туманнымъ мистицизмомъ, или, гоня ихъ отъ себя, какъ грѣховныя, обращается къ религіи, мы видимъ въ «Думахъ» («Божій міръ», «Великое слово», «Незагаданная истина», «Великая тайна», «Вопросъ», «Спаситель», «Передъ образомъ Спасителя»). Передъ поэтомъ уже давно лежитъ широкій «Путь». Онъ долженъ вывести его изъ пошлаго прозябанія къ свѣту, но нѣтъ у него на такой «путь по душѣ крѣпкой воли, чтобъ въ чужой сторонѣ на людей поглядѣть; чтобъ порой предъ бѣдой за себя постоять, предъ грозой роковой назадъ шагу не дать»; т. е., другими словами, нѣтъ у поэта, надломленнаго жизнью, силъ, чтобы рѣшительно, сразу, порвать съ прошлымъ, съ постылымъ роднымъ домомъ и городомъ, крѣпко забрать самого себя въ руки и бодро пойти туда, куда влечетъ его творческій гений...

И вотъ огонь страсти, «уже не разъ разгоравшійся въ великой душѣ, мало-по-малу сгораетъ и гаснетъ въ безплодной тоскѣ», и поэтъ, фаталистически приписывая свою неудавшуюся жизнь только тѣшившейся надъ нимъ *злой вѣдѣльщицею—судьбой*, готовъ въ отчаяньи самъ наложить на себя руки: «Жизнь!—восклицаетъ несчастный поэтъ,—зачѣмъ же собой обольщаешь меня? Еслибъ силу Богъ далъ—я разбилъ бы тебя!» («Разсчетъ съ жизнью»). Но онъ все-таки слишкомъ любитъ эту жизнь, чтобъ легко съ ней разстаться. Вступая въ послѣдній годъ своего земнаго существованія, онъ, уже больной, чувствующій приближеніе смерти, съ грустью вспоминаетъ о томъ, какъ шумно встрѣтилъ онъ прожитый тяжелый годъ въ кругу знакомыхъ и друзей, при звукахъ бѣшеныхъ рѣчей; пророчески предвидитъ и въ этомъ году для себя страданія и, чуя близкій конецъ, восклицаетъ: «Ужель безвременно изъ міра выйду я, не совершивъ и задушевнаго желанья?» («На новый 1842 годъ»). Эти автобіографическія пѣсни, вмѣстѣ съ знаменитымъ «Льсомъ», аллег-

рически изображающимъ судьбу не только Пушкина, но, до нѣкоторой степени, и самого Кольцова, «дорѣзаннаго черной осенью» — вмѣстѣ съ «*Думами*» — весьма знаменательны. Это не вопль только одного несчастнаго гениальнаго недоучки Кольцова, — это голосъ всего русскаго народа, народа даровитаго, умнаго, задушевнаго, не обдѣленнаго высшими человѣческими способностями среди другихъ народовъ. Этотъ народъ только былъ лишенъ возможности человѣческаго развитія, образованія, пользования благами просвѣщенія, какъ, напр., плодами честнаго производительнаго труда, содержательной общественной жизни, благороднаго сознанія своей личности, возможности развиваться сообразно своимъ способностямъ, находя въ окружающей средѣ необходимую поддержку и поощреніе. Всѣ эти безшабашные удалдцы, которые и въ народныхъ пѣсняхъ, и у Кольцова живутъ на-авось, идутъ въ разбойники, прожигаютъ «молодую жизнь до времени, какъ попало» («*Перепутье*») — это натуры недюжинныя, широкія, но темныя, не находящія примѣненія, цѣли употребленію природныхъ силъ; эти пѣсни о неудавшейся жизни, о какомъ-то, плохо сознаваемомъ, неопредѣленномъ, пути, по которому хотѣлось бы пойти человѣку, — это запросы просвѣщенія, которое одно могло бы опредѣленно выяснить идеалъ, цѣль жизни. Этотъ недостатокъ воли, крѣпкой силы, чтобъ совлечь съ себя ветхаго человѣка, и смѣло пойти по новому избранному пути, о чемъ поется въ скорбныхъ кольцовскихъ пѣсняхъ, показываетъ не столько слабость натуры, сколько безвыходность семейныхъ и общественныхъ условій, воплнѣ поборотъ которыя одному человѣку, если нѣтъ у него гениальности, хотя тоже, въ значительной степени, обусловливающейся средой, невозможно. Примѣръ этому — самъ Кольцовъ.

VI.

Изъ разсмотрѣнія сюжетовъ, представляемыхъ поэзіей Кольцова, мы видимъ, что кругъ ихъ не великъ. Природа — степная и лѣсная, апофеозъ земледѣльческаго труда, личность пахаря, крестьянское довольство и бѣдность, любовь юноши и дѣвушки, несчастный бракъ, удалъ молодца, ищущаго простора избытку силъ, вопросы, волнующіе умъ темнаго простолюдина, стремленіе найти себѣ въ жизни опредѣленный путь, при горькомъ сознаніи въ себѣ недостатка воли, подавляемой суровой и невѣжественной средой — вотъ и весь репертуаръ кольцовской поэзіи. Хорошо было Борису, достигшему, какъ мы видѣли, широкаго общаго развитія и разнообразныхъ знаній, выросшему среди бѣдной, но мыслящей семьи, среди болѣе развитаго умственно народа, писать не только простыя пѣсни о сельской жизни, но и касаться вопросовъ политическихъ, религіозныхъ, общественныхъ. Хорошо было венгерскому народному поэту, Петефи (р. 1823 — † 1849) подымать духъ соотечественниковъ пророческими пѣснями, которыя поютъ въ Венгріи всей молодежи, — пѣсни любви котораго поетъ каждая крестьянская дѣвушка, а поэтическіе рассказы на устахъ у каждой пряхи. Петефи плодовитъ и разно-

образенъ, но зато какой же разнообразной жизнью онъ и жилъ и кѣмъ только не былъ: и бродягой, и солдатомъ, и комедіантомъ... Какіе разнообразные матеріалы и впечатлѣнія пріобрѣталъ онъ для своихъ пѣснописній! Что же видѣлъ, кромѣ степи, Воронежа, своей семьи, полумѣщанскаго круга, семинаристовъ — нашъ Кольцовъ, двадцати двухъ лѣтъ случайно познакомившійся со Станкевичемъ, двадцати семи съ Бѣлинскимъ, и только два-три раза, неподолгу, пользовавшійся въ столицѣ обществомъ образованныхъ людей? «Миръ Кольцова, по его же собственному выраженію, въ письмѣ къ Бѣлинскому въ 1840 г. былъ грязенъ, а кругъ тѣсенъ».) и / Достоевскій говорилъ, что самое ужасное—это то, «когда человѣку некуда пойти», а Кольцову-то, съ его стремленіями и запросами, именно и было некуда и не къ кому пойти въ своемъ Воронежѣ, гдѣ былъ у него одинъ только настоящий другъ, Серебрянскій, да и тотъ уѣхалъ, а потомъ и умеръ. Но и среди всѣхъ печальныхъ условий жизни онъ все-таки, какъ мы видѣли, сумѣлъ внести въ нашу литературу совершенно новое содержаніе, обративъ сентиментальную любовную пѣсенку своихъ предшественниковъ въ настоящую художественную пѣсню съ живымъ содержаніемъ, относительно, разнообразнымъ, въ пѣсню вполне національную, рисующую дѣйствительную народную жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщенную общечеловѣческимъ къ ней отношеніемъ. Онъ «изъ безвѣстности сталъ извѣстенъ» именно тѣмъ, что никто изъ поэтовъ русскихъ до него, если не считать немногихъ относящихся къ жизни и личности простолюдина произведеній Пушкина, не гуманизировалъ мужика такъ, какъ сдѣлалъ это Кольцовъ, прямо способствовавшій своей поэзіей обращенію вниманія на народную трудовую массу, долотъ вовсе неизвѣстную, игнорируемую, или презираемую. Образы *пахаря, жницы, косаря, русской крестьянской или мѣщанской дѣвушки*, во всей ея прелести, съ ея стыдливой, но сильной и глубокой страстью («*Я любила его*»), съ выносливостью въ горѣ и безропотной покорностью судьбѣ, наконецъ, русскаго *удальца*, навсегда останутся истинными перлами нашей поэзіи. Въ детальной разработкѣ этихъ типовъ наша литература послѣ Кольцова пошла дальше, но основныя черты ихъ и, притомъ, въ такой яркой и полной силы и задушевности концепціи, они не умрутъ никогда и имѣютъ значеніе и интересъ не только національный, но и міровой, подобно яркимъ произведеніямъ другихъ крупныхъ европейскихъ поэтовъ, какъ, напр., Борнса или Гебеля. Очень важна еще одна сторона поэзіи Кольцова—это *признаніе несостоятельности идеала* одного матеріальнаго благосостоянія, — идеала эгоистическаго, сытаго покоя, неподвижности, замкнутости, который и до сихъ поръ господствуетъ въ массѣ крестьянства, мѣщанства и купечества. Основанный на традиціи, поддерживаемой деспотизмомъ патріархальной семьи, этотъ идеалъ исключаетъ всякое поползновеніе выйти изъ такой затхлои атмосферы на свѣтъ и давить всякаго, кто, какъ Кольцовъ, осмѣливается пробовать выйти изъ заколдованнаго круга. Всѣ эти пѣсни о загубленной молодости, о погибшихъ силахъ, убитой волѣ, о какомъ-то неопредѣленномъ широкомъ пути безъ дороги, пути

*

безъ яснаго сознанія цѣли и средствъ къ достиженію послѣдней, но которая неудержимо манитъ къ себѣ—всѣ эти пѣсни ясно выражаютъ уже назрѣвшій запросъ къ образованію, движенію къ болѣе человѣческой свободной жизни со стороны массы, по крайней мѣрѣ, со стороны наиболѣе способныхъ изъ ея членовъ. Запросъ этотъ на болѣе свободное человѣческое существованіе еще не опредѣленъ, какъ не опредѣленъ и положительный идеалъ самого поэта; но такое упорное исканіе идеала, такое отчаянное, жгучее чувство скорби отъ невозможности его достигнуть, какимъ проникнуты эти пѣсни, ставятъ Кольцова едва ли не первымъ поэтомъ-борцомъ за дарованіе народу болѣе человѣчныхъ формъ жизни и самаго широкаго просвѣщенія, сообразно способностямъ и призванію cadaго. Посмотрѣвъ на поэзію Кольцова съ этой точки зрѣнія, видимъ въ ней не только одну скорбь и отчаяніе, но и что-то бодрящее, возвышающее духъ, поселяющее вѣру въ великія способности народа, которыя не погибли, не притупились вконецъ, но, заявляя о своемъ существованіи, ищутъ только возможности проявиться. И такъ, хотя не богата сюжетами поэзія Кольцова; хотя русская жизнь и представлена у него, только въ наиболѣе крупныхъ чертахъ, и притомъ, нѣсколько односторонне, какъ это видимъ на изображеніи жизни пахаря, взятой съ одной, хотя и вѣрной, съ болѣе праздничной стороны; но тѣмъ не менѣе, въ своемъ небольшомъ кругѣ, какъ пѣсенникъ, вполне народный по языку и вѣрности жизни, онъ и до сихъ поръ остается своеобразенъ и незамѣнимъ, и могъ бы сказать вмѣстѣ съ французскимъ поэтомъ: *mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre* (не великъ мой стаканъ, но я пью изъ моего собственнаго стакана). Кольцовъ, какъ справедливо выразился въ 1846 г. рано умершій критикъ Валерьянъ Майковъ, былъ въ то время поэтъ безъ публики: народъ читать не умѣлъ, а интеллигенція смотрѣла на Кольцова, какъ на курьезъ, тѣмъ болѣе, что самый матеріалъ этой поэзіи—русскій крестьянскій бытъ, — былъ нашему образованному классу чуждъ. Теперь условія измѣнились. Интересъ къ народу, благодаря Григоровичу, Тургеневу, Писемскому, Островскому и др., мало-по-малу возростъ; освобожденіе крестьянъ поневолѣ заставило обратить вниманіе на то, чѣмъ живетъ духовно многомилліонная масса, и вотъ и Кольцовъ, объясненный Бѣлинскимъ и Майковымъ и прошедшій въ гостинья, благодаря удачной музыкѣ къ нѣкоторымъ изъ пѣсенъ, все больше и больше возбуждаетъ общее вниманіе, и наконецъ, съ шестидесятихъ годовъ, по праву получаетъ мѣсто даже въ учебныхъ курсахъ словесности, на ряду съ лучшими отечественными классиками. Вошелъ онъ путемъ книгъ для чтенія и въ народную школу, но пока народъ знаетъ его еще мало: Кольцовъ слишкомъ тонокъ, общъ, сжатъ, а потому мало доступенъ грубому вкусу. Но Кольцовъ имѣетъ именно въ народѣ великое будущее. По мѣрѣ того, какъ наша школа все больше и больше будетъ проводить въ массы не только элементарную грамоту, но болѣе и болѣе вліять на развитіе ума, чувства, вкуса, — словомъ, очеловѣчивать народъ,—все понятнѣе,

ближе, любезнѣе, будетъ становиться народу Кольцовъ. Съ улучшеніемъ быта экономическаго, съ повсемѣстнымъ у насъ развитіемъ просвѣщенія, понемногу забудутся народомъ старья бѣдствія и горести, и можетъ быть, менѣе будутъ понятны и нравиться скорбныя пѣсни поэта о пути безъ дороги, о порывахъ на волю, но зато всюду, по всей Руси, громко и вѣчно будутъ раздаваться въ устахъ народа чудныя пѣсни о лѣсѣ, о хлѣбѣ, о русской удали, о первой любви, о русской дѣвушкѣ.

Какое же мѣсто занимаетъ Кольцовъ въ исторіи нашей литературы? Какъ ни малочисленны его произведенія, какъ, повидимому, ни узко специальна сфера его творчества — народная лирическая пѣсня—но, тѣмъ не менѣе, онъ, по праву, является весьма характернымъ представителемъ того историческаго момента нашего общественнаго сознанія, который выразили собой Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь. Всѣ они, какъ и Кольцовъ, дѣйствуютъ одновременно; всѣ эти четыре писателя одарены огромнымъ природнымъ талантомъ, въ смыслѣ творчества, языка, концепціи, силы. Всѣ они, кромѣ Пушкина, почти однолѣтки, и всѣ погибаютъ, не доживъ даже до 40 лѣтъ *). Каждый изъ нихъ выражаетъ это общественное сознаніе по своему: Пушкинъ въ общемъ эстетическомъ отношеніи къ жизни и поэзії, какъ великой силѣ въ народности вообще, въ созданіи типовъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ — Онѣгинъ и Татьяна; Гоголь—въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ чиновничества и помѣщичества; Лермонтовъ въ сгратномъ осужденіи всей нашей интеллигенціи, въ требованіи отъ жизни правды, любви, содержанія, взаи́мнъ лжи, ненависти, злобы, немощи и пустоты духовной. Кольцовъ, равный имъ по природнымъ способностямъ, но сравнительно съ ними едва грамотный невѣжда, къ тому же поставленный съ дѣтства въ самыя невозможныя условія для правильнаго и полнаго развитія своего генія, который и проявляется-то у него настоящимъ образомъ только чуть не въ двадцать лѣтъ, отличается отъ этихъ трехъ корифеевъ меньшею, и болѣе специальною областью творчества — лирической народной пѣснью, которой владѣеть такъ, какъ могъ владѣть только Кольцовъ. Что вышло бы изъ Кольцова, еслибы ему во-время дали образованіе, еслибы не задержали его развитія, не съузили его творчества, а потомъ и совсѣмъ не погубила среда — сказать, конечно, трудно. Но несомнѣнно, что далъ Кольцовъ въ своихъ лучшихъ пѣсняхъ, нами указанныхъ, то ставитъ его въ рядъ талантовъ самаго высшаго порядка. Этотъ удивительный самородокъ своими пѣснями какъ бы дополняетъ своихъ великихъ товарищей по творчеству: къ ихъ изображеніямъ жизни современной интеллигенціи, барства, онъ прибавляетъ правдивое и сочувственное изображеніе народной жизни, насколько она могла быть представлена при тогдашнихъ жестокихъ цензурныхъ условіяхъ, а также и тотъ запросъ на

*) Гоголь умираетъ 43 л.; но послѣ появленія въ печати въ 1842 г. «Мертвыхъ Душъ», когда ему было всего 33 года, онъ уже человѣкъ не нормальный и ничего художественнаго не печатаетъ.

человѣческое существованіе, который уже сталъ проявляться въ болѣе даровитыхъ личностяхъ.

Такова-то была личность Кольцова, поставленная въ самыя печальныя условія для своего развитія,—личность, на столько сильная, что, даже и при такихъ условіяхъ, могла, прежде чѣмъ совсѣмъ сломила ее жизнь, внести въ едва зародившуюся художественную русскую литературу такой богатый вкладъ, который послужилъ, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ нашей народной поэзіи, освѣтившей общечеловѣческимъ взглядомъ наши національныя особенности.

И если, въ день исполненія пятидесятилѣтія со смерти Кольцова, 19-го октября, интеллигентные русскіе люди не забудутъ почтить въ разныхъ городахъ, начиная съ Воронежа, память поэта панихидой, то не слѣдовало ли бы имъ, позднѣйшимъ поколѣніямъ, помолиться за этой панихидой и о грѣхѣхъ отцовъ нашихъ, не хотѣвшихъ, или не умѣвшихъ въ-время поддержать и сохранить на болѣе долгій вѣкъ бѣднаго поэта, подобнаго которому, по таланту, намъ, можетъ быть, придется ждать не одно столѣтіе,—а также помолиться и о томъ, чтобы какъ можно шире и свободнѣе распространилось по всѣмъ концамъ Руси народное образованіе. Это образованіе только одно и можетъ быть ручательствомъ въ томъ, что новому Кольцову, если только таковымъ будетъ осчастливлена еще разъ наша родина, не придется такъ много страдать въ жизни и не успѣть совершить и половины того, что бы могъ онъ сдѣлать при своемъ могучемъ геніи. Нашимъ же читателямъ пожелаемъ, чтобы всѣ они, въ городахъ и деревняхъ,—всюду, куда заброситъ ихъ судьба,—по мѣрѣ силъ, поспособствовали болѣшему распространенію въ народѣ Кольцовской поэзіи. Эта поэзія, какъ и всякая, конечно, несетъ съ собой свѣтъ добра, любви, красоты и истины; но поэзія Кольцова, по своей близости къ народу и по любви поэта къ послѣднему, можетъ быть особенно благотворна, какъ дивная сила, вносящая свѣтъ въ нашу темную народную массу.

Викторъ Острогорскій.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Жизнь замѣчательныхъ людей.—Биографическая библіотека Ф. Павленкова.—1) Н. И. Новиковъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ С. Е. Усовой, стр. 94.—2) М. М. Сперанскій.... очеркъ С. Н. Южакова, стр. 88.—3) В. Н. Карзинъ.... очеркъ Я. В. Абрамова, стр. 96. Спб. 1892. По 25 коп. за выпускъ съ портретомъ.

Популярныхъ и опрятно написанныхъ биографій русскихъ историческихъ дѣятелей, если не имѣть въ виду очерковъ Н. И. Костомарова и немногихъ другихъ, у насъ совсѣмъ нѣтъ, нѣтъ, потому, что ни дѣло разумной популяризаціи знаній не можетъ похвастаться у насъ тщательностью организаціи, ни сама русская исторія (новѣйшая)—достаточною полнотою обработки, необходимой для такой популяризаціи. Съ какими затрудненіями приходится иногда бороться въ этомъ отношеніи популяризатору, легко увидать изъ очерка, написаннаго г. Абрамовымъ, который, не вдаваясь, по недостатку матеріала, въ оцѣнку личности В. Н. Каразина, его характера, убѣжденій и значенія его дѣятельности, замѣтилъ въ концѣ своей работы: «что касается личной жизни Каразина, то имѣющіяся свѣдѣнія относительно этого предмета настолько ничтожны, что мы предпочли совсѣмъ не затрогивать этой стороны его жизни» (стр. 95). Жалобы на ничтожность свѣдѣній о личной жизни, о журнальныхъ статьяхъ etc. раздаются и со стороны г-жи Усовой, автора биографическаго очерка о Новиковѣ. Если г. Южаковъ, биографъ Сперанскаго, не жалуется особенно на бѣдность литературы, то это выкупается до известной степени претензіями на отсутствіе новѣйшей научной сводки имѣющагося въ распоряженіи науки историческаго матеріала. Въ виду указанныхъ условий особенно строгимъ быть не приходится, наблюдая строжайшимъ образомъ лишь за опрятностью изложенія.

Популярно (употребляемъ это слово не въ пошломъ его смыслѣ, довольно у насъ распространенномъ) написанная биографія—дѣло весьма трудное; для такой биографіи мало одного знакомства съ матеріаломъ и умѣнья владѣть имъ; необходимо ясно представлять себѣ потребности и запросы того читающаго круга, для котораго пишется биографія, и незамѣтно для него самого направить его вкусы по тому направленію, какое признають въ данный моментъ благотворнымъ истинные представители науки и мысли. Популярно написанная биографія не ученое сочиненіе; она преслѣдуетъ чисто утилитар-

ныя цѣли и, стало быть, станеть знакомить только съ тѣми фактами, которые наиболѣе характеризуютъ данное лицо, наиболѣе непосредственно вводятъ во внутреннее его содержаніе, отбросивъ все лишнее, анекдотическое, лишь безъ пользы загромождающее память, и не способствующее уясненію даннаго лица или развитію читателя. Понятно, что на тѣ черты, которыя заслуживаютъ особеннаго распространенія, біографъ и обратитъ особенное вниманіе, остановившись на нихъ поосновательнѣе, равно какъ и вообще на тѣхъ лицахъ историческихъ, которыя прежде всего были двигателями просвѣщенія, сторонниками благотворныхъ идей. Оставаясь объективной по существу, не впадая въ патетическій и особливо въ поучительный, морализирующий тонъ, такая біографія, тенденціозная въ должной мѣрѣ, въ благородномъ смыслѣ этого слова, представитъ цѣнное приобрѣтеніе въ популярной исторической литературѣ. Если мы отказываемся отъ поучающихъ тирадъ, то еще менѣе можемъ требовать отъ біографа идеализаціи его героя, въ которую склонны впадать и нѣкоторые изъ авторовъ біографической бібліотеки Ф. Павленкова. Давайте намъ историческихъ дѣятелей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, въ соответствующихъ обстановкѣ, костюмахъ и позахъ; пусть это не будутъ сидюэты или призраки, а живые люди, которые говорятъ сами за себя и съумѣютъ отстоять въ потомствѣ свое право на вниманіе съ его стороны.

Три лица, на біографіи которыхъ въ изданіи Ф. Павленкова мы хотимъ обратить вниманіе читателей, могутъ говорить сами за себя очень и очень громко. Н. И. Новиковъ (1744—1818)—ревнитель просвѣщенія, журналистъ, издатель и типографъ, М. М. Сперанскій (1772—1839)—великій государственный человѣкъ, смѣлый реформаторъ и выдающійся кодификаторъ, В. Н. Каразинъ (1773—1842)—ученый естествовѣдъ, ревнитель просвѣщенія и рѣдкій по смѣлости, независимости гражданинъ. Это — люди неодинаковаго происхожденія, воспитанія, положенія, люди разныхъ убѣжденій и специальностей, но многое невольно заставляетъ соединять ихъ воедино: всѣ они отличались неподдѣльной любовью къ Россіи, горячей преданностью образованію; они работали въ пользу Россіи сколько могли. Новиковъ и Сперанскій, о которыхъ есть въ нашей литературѣ цѣлыя спеціальныя монографіи, болѣе или менѣе извѣстны читающимъ кружкамъ, перейдя, хотя и въ обуженномъ костюмѣ, во всѣ учебники исторіи и исторіи литературы. Нельзя того же сказать о Каразинѣ, личность котораго еще ждетъ своего изыскателя и ждетъ не напрасно: и сама личность весьма интересна, и рукописный матеріалъ, повидимому, достаточно обилень, чтобы оправдать затраченный трудъ. Я. В. Абрамовъ справедливо говоритъ, что «огромнѣйшему» большинству нашего образованнаго общества В. Н. Каразинъ не извѣстенъ даже по имени, что и «наши присяжные историки до сихъ поръ оставляютъ личность В. Н. Каразина въ совершенномъ пренебреженіи». Факты, приведенные въ работѣ г. Абрамова, покажутъ читателямъ съ неопровержимой очевидностью, насколько смѣшно быть незнакомымъ съ такимъ замѣчательнымъ русскимъ человѣкомъ, какимъ былъ Каразинъ. Съ выпускомъ павленковской біографической бібліотеки, заключающей въ себѣ біографическій очеркъ о Каразинѣ, должна ознакомиться вся вообще читающая русская публика.

Признавая всѣ три названныя біографіи написанными вполне удовлетворительно и опрятно и усердно ихъ рекомендуя, мы должны замѣтить, что нѣкоторые пункты могли бы быть обработанными тщательнѣе и формулированными точнѣе. Новиковъ съ его журналами очерченъ блѣдно среди совре-

менной ему журналистики *), представленной весьма поверхностно; о роли масонства въ русской жизни слѣдовало бы также сказать обстоятельнѣе. Преобразовательная дѣятельность Сперанскаго въ сферѣ государственнаго права изложена недостаточно ясно; авторъ напрасно избѣгалъ юридической точности, облегчающей пониманіе смысла реформъ Сперанскаго, и нѣкоторыхъ историко-юридическихъ справокъ и не воспользовался важной работой Э. М. Дмитріева о Сперанскомъ. Г. Южаконъ ничего не говоритъ о сношеніяхъ Сперанскаго съ Каразиннымъ; весьма любопытный вопросъ объ этихъ сношеніяхъ затрогиваетъ г. Абрамовъ, который говоритъ, что Сперанскій пользовался услугами Каразина (стр. 54) и что вліяніе Каразина «имѣло мѣсто и тамъ, гдѣ его мы всего менѣе могли ожидать». Вопросъ этотъ требуетъ серьезнаго разсмотрѣнія, равно какъ нельзя не пожелать скорѣйшаго опубликованія матеріаловъ для біографіи такой выдающейся личности, какой представляется Каразинъ.

В. Сторожевъ.

Монтескьё. Персидскія письма. (Lettres persanes). Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Пантелѣва. 1892 г. Цѣна 2 р. 50 к. Монтескьё приобрѣлъ славу главнымъ образомъ своимъ сочиненіемъ «De l'esprit des lois» («Духъ законовъ»). Но это не было его первое и единственное произведеніе. «Персидскія письма» стоятъ во главѣ его литературной и общественной дѣятельности. Въ свое время они произвели громадное впечатлѣніе. Важность ихъ для общества XVIII вѣка доказывается уже тѣмъ фактомъ, что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія, когда автору захотѣлось быть избраннымъ въ члены Французской академіи, онъ долженъ былъ отречься отъ своей книги, а по другимъ извѣстіямъ представить правительству исправленный экземпляръ. Если послѣднее извѣстіе вѣрно, автору пришлось много поработать надъ своими «Письмами».

«Письма» принадлежатъ, будто бы, персіанамъ, живущимъ въ Парижѣ и наблюдающимъ французскіе нравы. Авторъ, будто бы, только перевелъ эти письма, хотя здѣсь же не могъ выразить довольно курьезнаго изумленія. «Одно меня часто удивляло», говоритъ онъ, «какъ могли эти персіане такъ хорошо изучить нравы и обычаи французской націи, что знали ихъ иной разъ не хуже меня самого, до самыхъ тончайшихъ подробностей, какъ могли они подмѣтить такія вещи, которыя навѣрно ускользнули отъ вниманія нѣмцевъ, путешествовавшихъ во Франціи». Нравы дѣйствительно подмѣчены съ такимъ искусствомъ и описаны съ такимъ остроуміемъ, что то и другое могъ сдѣлать только природный французъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошлаго вѣка, едва ли не самаго литературнаго въ исторіи человѣчества.

Въ письмахъ затронуты одинаково безопадно всё основы, на которыхъ стоялъ строй стараго французскаго общества и государства. Всѣ наиболѣе вліятельныя лица и должности, начиная съ Людовика XIV и папы и кончая свѣтскими дамами и кавалерами подвергнуты зложу, въ высшей степени остроумному суду. Письма относятся къ послѣднимъ годамъ царствованія Людовика XIV, и вотъ въ какой формѣ охарактеризованъ источникъ величайшихъ бѣдствій

*) Многія стороны вопроса о русской журналистикѣ XVIII в., въ виду появленія брошюры г. Солнцева (Спб. 1892), подлежатъ пересмотру довольно существенному.

тогдашней Франціи. «Онъ... любить трофеи и побѣды, но такъ боится, когда его войсками командуетъ хорошій полководецъ, какъ могъ бы его бояться во главѣ непріятельской арміи». Это настроеніе, какъ извѣстно, вызвало громадныя несчастія французской арміи во время войны за испанское наслѣдство, когда въ роли вождей являлись избранники *in-me Maintenon*. Другой, органическій порокъ стараго французскаго правительства—система сбора налоговъ. Налоги отдавались на откупъ частнымъ лицамъ и служили источникомъ обогащенія всевозможныхъ авантюристовъ. Въ средѣ откупщиковъ особенно много было лакеевъ и домоправителей знатныхъ господъ. Роль этихъ баловней счастья персіанинъ описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Во Франціи сословіе лакеевъ гораздо болѣе уважается, чѣмъ въ другихъ странахъ: это разсудникъ вельможъ, онъ пополняетъ пробѣлы въ другихъ сословіяхъ. Принадлежащіе къ нему люди замѣщаютъ неудачниковъ-вельможъ, разорившихся судей, дворянъ, убитыхъ среди ужасовъ войны». Въ комедіи XVIII вѣка постоянно является на сценѣ дворянинъ-высочка, успѣвшій разбогатѣть путемъ темныхъ операцій. Какъ приобрѣталось это дворянство, въ письмахъ разсказывается слѣдующимъ образомъ. Персіанинъ увидѣлъ въ кафе очень плохо одѣтаго господина, который молился, поднимая глаза къ небу, чтобы акціи поднялись до двухъ тысячъ и всѣ парижскіе лакеи стали богаче своихъ господъ. Персіанинъ освѣдомился, кто это такой. «Это очень бѣдный человѣкъ, сказали мнѣ; да и ремесло у него самое незавидное: онъ промышляетъ генеалогіей и надѣется, что это ремесло будетъ приносить ему доходъ, если состоянія будутъ все такъ же увеличиваться, и свѣжеиспеченные богачи будутъ обращаться къ нему для того, чтобы переправить свои фамиліи, пообчистить своихъ предковъ и разукрасить дверцы своихъ каретъ; онъ воображаетъ, что надѣлаетъ сколько угодно знати и радуется тому, что практика его увеличится». Совершенно такая же тема является во множествѣ драматическихъ произведеній эпохи, современной Монтескѣ.

Повсюду въ письмахъ разсыяны насмѣшки, часто переходящія въ негодованіе, надъ католическимъ духовенствомъ, носившемъ въ XVIII вѣкѣ совершенно свѣтскій характеръ и менѣе всего думавшемъ о своихъ обязанностяхъ. Наблюдательный персіанинъ не пропускаетъ случая посмѣяться надъ схоластической ученостью іезуитовъ, надъ мертвой наукой тогдашнихъ школъ. Интересно, напримѣръ, «Письмо провинціального доктора къ парижскому доктору», гдѣ тяжеловѣсные плоды современной школьной учености превращены въ медицинскія средства отъ бессонницы и прочихъ болѣзней.

Рядомъ съ этими, такъ сказать, частными вопросами современнаго общества, Монтескѣ постоянно касается общихъ идей, получавшихъ распространеніе въ его время. Напримѣръ, о модной въ то время теоріи о вредѣ искусствъ, одинъ персіанинъ пишетъ другому: «Ты думаешь, что искусства изнѣживаютъ нравы и такимъ образомъ становятся причиной паденія имперій? Ты говоришь о паденіи древнеперсидской имперіи, происшедшемъ отъ изнѣженности нравовъ; но этотъ примѣръ ничего еще не доказываетъ, такъ какъ греки, побѣждавшіе ихъ столько разъ, и, наконецъ, окончательно покорившіе, занимались искусствами несравненно усерднѣе, чѣмъ персы. Когда говорятъ, что искусства изнѣживаютъ людей, тутъ совсѣмъ не подразумѣваются тѣ, кто ими прилежно занимается, такъ какъ они никогда не остаются праздными, а между тѣмъ праздность изнѣживаетъ хуже всѣхъ остальныхъ пороковъ. Стадо бытъ, рѣчь идетъ только о тѣхъ, кто ими пользуется. Но въ благоустроенномъ государствѣ, всякій, кто пользуется преимуществами какого-либо искусства, принужденъ за-

ниматься другимъ, чтобы не впасть въ постыдную нищету, изъ чего прямо слѣдуетъ, что праздность и изнѣженность несовмѣстимы съ искусствомъ».

Изъ этой краткой замѣтки видно, до какой степени богато и въ историческомъ отношеніи важно сочиненіе Монтеस्कьё. Помимо пользы, оно, по своей формѣ, представляетъ легкое и пріятное чтеніе. **Ив. Ивановъ.**

С. Паткановъ. «Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ». С.-Петербургъ, 1891, 74 стр.

Съ сожалѣніемъ и невольной брезгливостью смотримъ мы, обыкновенно, на оборванныхъ, грязныхъ и исхудалыхъ инородцевъ, нищенствующихъ по большимъ дорогамъ и по желѣзнодорожнымъ и переходнымъ станціямъ нашего востока. На нихъ лежитъ печать вырожденія. Они печальные свидѣтели захирѣнія и вымиранія цѣлыхъ племенъ, столкнувшихся съ народомъ болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ. Трудно угадать проблескъ человѣческой мысли на этихъ оступѣлыхъ и изможденныхъ лицахъ: на нихъ отражается одно вѣковѣчное бѣдствование и какое-то усталое и испуганное выраженіе, какъ у загнаннаго звѣря... Непривлекательны эти люди, и все же, если вы съумѣете заглянуть въ душу такого скорбнаго существа, вамъ не трудно будетъ убѣдиться, что и ему не чужды, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени тѣ движенія, тѣ порывы, которые вы привыкли считать удѣломъ культурныхъ народовъ.

С. Паткановъ, путешествовавшій по сѣверо-западной Сибири, знакомитъ насъ съ повѣіею одного изъ несчастнѣйшихъ инородческихъ племенъ Сибири, остяковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ въ своей серьезной и обстоятельной работѣ несравненно болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать по одному заглавію ея: передъ нами развертывается цѣлая бытовая картина жизни остяковъ въ прежнія далекія времена, когда ихъ еще не тѣснили ни татары, ни русскіе, и когда ихъ печальная, но богатая лѣсомъ и водами, дичью и рыбой страна находилась исключительно въ остяцкомъ владѣніи. Работа г. Патканова въ высокой степени поучительна и въ томъ отношеніи, что знакомитъ читателя съ приемами толкованія народныхъ поэтическихъ твореній и указываетъ на то, что мы въ нихъ имѣемъ не только одни блестящіе и арабески болѣе или менѣе прихотливой фантазіи, но и серьезные, вполне достойные изученія этнографическо-этнологическіе матеріалы, т. е. матеріалы, касающіеся какъ внѣшней обстановки жизни, такъ и внутренняго строя и смысла ея. Едва ли уважаемый авторъ не отдалъ слишкомъ много мѣста именно толкованію собраннаго имъ матеріала, упустивъ почти всецѣло оцѣнку творческой фантазіи остяковъ; мимоходомъ только онъ сравниваетъ остяцкую поэзію по части образности языка съ персидской (!) и приходитъ, какъ и слѣдовало ожидать, къ тому выводу, что остяки въ этомъ случаѣ далеко уступаютъ персамъ (стр. 11). Желательно было бы далѣе, чтобы столь случайныя у нашего автора параллели изъ области поэзіи или бытвой жизни другихъ народовъ, въ особенности же арктическихъ, были приводимы систематично и умножены, иначе онѣ теряютъ не только свой смыслъ, но и все то значеніе, уясняющее и обобщающее, которое онѣ могутъ имѣть.

Авторъ останавливается на былинахъ или героическихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ южныхъ остяковъ. Театрами дѣйствія ихъ являются Тобольскій и южная часть Березовскаго округа Тобольской губерніи. Пѣсни эти приходятъ нынѣ, благодаря прогрессивному обрусѣнію, постепенно въ забвеніе. Слышать ихъ удается иногда на праздникахъ, когда остяки ходятъ другъ къ другу въ гости чуть ли не цѣлыми селеніями. Выпивъ достаточное количество водки, которая, несмотря на строжайшіе запреты начальства, имѣется всюду или возбудивъ себя въ крайнемъ случаѣ 7—14—21 съѣденными мухоморами, пѣвецъ «начинаетъ жалобнымъ голосомъ воспѣвать подвиги своихъ отцовъ». Былины поются подъ аккомпаниментъ струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ, «лебедя» или «домбры», изъ которыхъ послѣдняя похожа на финскую «кантеле», а первый представляеть подобный же ящикъ, имѣющій отдаленное сходство съ тѣломъ птицы, тогда какъ длинный кусокъ дерева, прикрѣпленный съ одного конца, оканчивается чѣмъ-то въ родѣ птичьей головы. Былины не имѣютъ рифмы, однакоже каждая фраза заканчивается словомъ, имѣющимъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; кромѣ того, избѣгаются односложныя слова съ удареніемъ. Красоту стила пѣвецъ увеличиваетъ тѣмъ, что подбираетъ однозвучныя и близкія по смыслу слова. Эпитеты, фигуры и тропы употребляются въ изобиліи.

Пользуясь добытымъ матеріаломъ, нашъ изслѣдователь воскрешаетъ передъ нами картину прежняго общественнаго строя мелкихъ остяцкихъ княжествъ (гл. II). Князя (гл. V), по мнѣнію автора, составляли какъ бы отдѣльную касту, родовую аристократію, строго оберегающую себя отъ смѣшенія съ простымъ народомъ. Княжескія семьи жили, судя по былинамъ, мирно, подчиняясь патриархальнымъ началамъ. Мужчины заимались военскими упражненіями. Они были богатырями. Они защищали свой народъ отъ враговъ и, благодаря необычайной силѣ своей, совершали удивительные подвиги. Въ этомъ случаѣ остяцкіе пѣвцы не менѣе готовы прихвастнуть, чѣмъ патриотическіе барды любой страны. Когда богатырь идетъ, земля дрожить, когда онъ гребетъ, то позади его остаются такіе валы, что ими выбрасываются на поверхность воды всѣ нельмы и осетры; самый плачъ—богатырскій: онъ «проливаетъ 6—7 пядей слезъ»; наконецъ, богатыри люди вѣщие и умѣютъ превращаться въ оборотней. Въ то же время они необычайно благородны и добры и воиновъ своихъ ведутъ они «въ пасть мамонтовъ», т. е. на гибельную войну, обыкновенно, ради освобожденія прекрасныхъ принцессъ, (гл. III, V, VII). Отъ черни они отличались не только силой и ростомъ, но и красотой. Одинъ богатырь озарялъ ночью комнату на подобіе утренней зари. Характернымъ признакомъ красоты, но и слабости, считается бѣлизна и прозрачность тѣла. Люди сильные такъ плотны, что состоятъ «какъ бы изъ сплошной массы серебра и золота». Наконецъ, они превосходили чернь своимъ вооруженіемъ (гл. III), кольчугами и мечами, получаемыми извнѣ. Простой же народъ, о которомъ въ былинахъ трактуется столь же мало, какъ въ «Иліадѣ», или въ нашихъ обычныхъ «исторіяхъ», вооруженъ былъ лукомъ, стрѣлами и палицами. Они охотно шли за своими князьями на бой, угостившись на общественномъ пирѣ, въ общественномъ зданіи, куда народъ набивался въ такихъ массахъ, «какъ окуни и плотва въ морды». Пиромъ

заканчивался и удачный походъ. Способу веденія войны авторъ посвящаетъ цѣлую главу (VIII). Упомянемъ здѣсь только о томъ, что у остяковъ распространенъ былъ обычай скальпированія и съѣданія сердца врага. Нечего говорить о томъ, что оба обычая эти чрезвычайно распространены. Но, помимо битвъ, мы по тексту Патканова знакомимся съ образомъ жизни остяковъ, включая сюда ихъ жилища, промыслы и пищу, причемъ кстати замѣтить, современные бичи этого несчастнаго народа—водка и брага—были неизвѣстны въ древности (гл. III—VI), съ общественнымъ строемъ, о которомъ мы уже говорили выше, и, наконецъ, съ положеніемъ женщины (гл. VII). Остякія дѣвушки, «златоглазыя, бровистыя дочери», красота которыхъ сравнивается «съ восходящимъ солнцемъ и стоящимъ на небѣ мѣсяцемъ», были не только большія франтихи, но и замѣчательныя рукодѣльницы. «Невѣсты» держали въ присутствіи постороннихъ за пологомъ, какъ это и понынѣ дѣлается у нашихъ инородцевъ, въ особенности у магометанскихъ. Выдавались онѣ замужъ, при избѣганіи даже отдаленнѣйшаго кровнаго родства, по волѣ родителей; случалось, однако, что онѣ, превратившись въ филиновъ, прилетали къ избраннымъ ими богатырямъ и рассказывали имъ о своихъ бѣдахъ и о своей красотѣ, побуждая ихъ къ тому, чтобы они мгновенно явились имъ на выручку и отбивали ихъ у нежеланнаго жениха. При мирныхъ обстоятельствахъ за невѣсту платился «калымъ», но, конечно, не въ тѣхъ крупныхъ размѣрахъ, о которыхъ говоритъ нашъ авторъ, такъ какъ вѣдь пѣснь всегда пользуется поэтическимъ правомъ стусить краски; извѣстную дань, впрочемъ, получалъ и женихъ. Любовь, несмотря на коммерческій характеръ калыма, играетъ большую роль въ сказаніяхъ остяковъ, хотя нашъ авторъ сильно смущается тѣмъ, что самое слово «любовь» не встрѣчается ни въ одной былинѣ. Отсутствіе специальныхъ выраженій для любви, справедливости и т. д. смущало въ свое время и знаменитаго англійскаго этнолога Лѣббока, но въ данномъ случаѣ дѣло не въ словѣ, а въ фактѣ, иначе мы пришли бы къ печальнымъ выводамъ относительно насъ самихъ, припомнимъ, что у насъ нѣтъ спеціального слова для ѣзды верхомъ или носоваго платка. Въ заключеніи (гл. IX) авторъ говоритъ о значеніи былинъ и объ исчезновеніи богатырей, утратившихъ все свое значеніе при столкновеніи съ болѣе сильными и лучше вооруженными татарами и русскими. Но воображеніе народа не такъ легко разстается съ излюбленными образами. Оно видитъ ихъ въ суровыхъ, поросшихъ мхомъ каменныхъ глыбахъ, одинако встрѣчающихся въ лѣсахъ и тундрахъ, или же представляетъ себѣ въ болѣе свѣтлыхъ грезахъ своихъ, что души богатырей и понынѣ витаютъ надъ страной остяковъ, оберегая ихъ отъ всякихъ бѣдствій.

Проф. Э. Петри.

Жизнь животныхъ А. Э. Брэма. Иллюстрированное изданіе под редакціей К. К. Сентъ-Илера. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. Томъ I.

Недавно вышелъ послѣдній, девятый выпускъ перваго тома, новаго,—на русскомъ языкѣ—второго изданія Брэма. Потребность новаго изданія

давно уже ощущалась не только потому, что прежнее сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, которую трудно было гдѣ-либо получить, но и потому, что оно уже устарѣло, не заключаая въ себѣ многихъ интересныхъ и существенныхъ наблюдений надъ жизнью животныхъ, произведенныхъ позднѣе. Оно было переводомъ съ перваго нѣмецкаго изданія, первый томъ котораго появился въ свѣтъ еще въ 1863 году. Самъ Брэмъ еще при своей жизни, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, выпустилъ «Жизнь животныхъ» вторымъ изданіемъ, которое было не только гораздо полнѣе перваго изданія, но во многомъ измѣнено, какъ того требовали новыя наблюдения и послѣднія научныя данныя. Онъ самъ въ предисловіи ко второму изданію «Жизни животныхъ» говоритъ, что оно является «въ совершенно измѣненномъ видѣ—исправленнымъ, улучшеннымъ, расширеннымъ и пополненнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ: новой книгой со старымъ заглавіемъ». Между тѣмъ на русскомъ языкѣ оставалось до послѣдняго времени только одно изданіе, — переводъ съ перваго нѣмецкаго. Если принять во вниманіе воспитательное значеніе знакомства съ природой, и обратить вниманіе на сухость и шаблонность почти всѣхъ учебниковъ зоологіи для средняго возраста, то нельзя не порадоваться появленію въ свѣтъ перваго тома новаго перевода этого интереснаго и полезнаго сочиненія.

Прежде чѣмъ говорить о русскомъ переводѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣмецкомъ подлинникѣ. Свой трудъ Брэмъ предназначалъ не для ученыхъ, а вообще для читающаго люда; ему чуждъ характеръ научнаго трактата, онъ является общедоступнымъ, популярно-изложеннымъ. На слогъ было обращено большое вниманіе: въ не встрѣтите здѣсь ни излишнихъ терминовъ, ни сухого описанія. Біографъ Брэма, Краузе, говоритъ, что, по мысли самого Брэма, «отличіе этого (его) сочиненія отъ обыкновенныхъ учебниковъ зоологіи должно было состоять въ томъ, чтобы дать интересное и поучительное чтеніе не только специалистамъ зоологамъ, но и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые по своей профессіи, или просто по влеченію сердца, желаютъ познакомиться съ тѣми или другими представителями животнаго царства». Не даромъ Брэмъ считается «мастеромъ слова»: изложеніе его ясно, описанія его читаются легко, сообщаемыя имъ подробности о жизни животныхъ не затемняютъ изложенія, а увлекаютъ читателя. Рѣчь его такъ же полна жизни, какъ сама «жизнь», о которой онъ говоритъ... Послѣднее, посмертное изданіе «Жизни животныхъ» было предпринято въ 1890 году, по предложенію Библиографическаго института, нѣмецкимъ проф. Пехуель-Лёше (Pechuel-Leusche) въ сотрудничествѣ съ докторомъ Гаакѣ (Haacke). Издатель ясно представлялъ себѣ задачу Брэма и, воплотивъ сочувствуя ей, постарался сохранить его слогъ и способъ изложенія, несмотря на значительныя во многихъ мѣстахъ измѣненія текста и пополненія, исходившія отъ него лично. Въ послѣднихъ мѣстахъ Пехуель-Лёше нигдѣ не говоритъ отъ себя, а какъ бы о третьемъ лицѣ, такъ что всегда можно отличить слова его отъ словъ самого Брэма. Наблюденія надъ жизнью животныхъ, сдѣланныя и сообщаемыя самимъ Брэмомъ, остались, по возможности, нетронутыми. Пехуель-Лёше, однако, выпустилъ или сократилъ въ новомъ изданіи мѣста, имѣвшія племи-ческий характеръ, такъ какъ они, по его мнѣнію, съ которымъ нельзя

не согласиться, «не могут, конечно, никого заинтересовать, а многих скорѣе должны оттолкнуть и оскорбить».

Русскій переводъ сдѣланъ въ высшей степени добросовѣстно: слогъ обработанъ прекрасно, тяжелыхъ оборотовъ, которые такъ часто отравляютъ чтеніе переводовъ даже лучшихъ иностранныхъ произведеній,—совсѣмъ не встрѣчается. Несмотря на это, переводъ очень точенъ, что довольно ярко выступаетъ, если сравнить переводъ тѣхъ мѣстъ, которые остались неизмѣненными, какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ изданіи. Я укажу на первый попавшійся подъ руку примѣръ. Въ описаніи послѣдней охоты на рысь въ Германіи мы читаемъ:

Старое издан. стр. 307: «Зима съ 1845 на 1846 годъ была не холодна и довольно малоснѣжна; несмотря на то, въ вюртенбергскихъ лѣсахъ поселился волкъ, извѣстный между лѣсничими подъ именемъ «Абд'-эль-кадера»;... Валаявшіеся большіе лоскутья кожи привели меня къ тому заключенію, что козуля заѣдена большимъ хищнымъ звѣремъ; я, конечно, подумалъ, что это былъ волкъ, и удвоил мое вниманіе».

Новое издан. стр. 553: «Зима съ 1845 на 1846 годъ была мягкая и бѣдная снѣгомъ; тѣмъ не менѣе, въ это время въ вюртенбергскихъ лѣсахъ поселился волкъ, который былъ хорошо извѣстенъ лѣсникамъ подъ именемъ «Абдъ-эль-Кадера»;... Большіе клочки кожи, лежавшіе тамъ, заставили меня тотчасъ же приписать это крупному хищнику. Естественно, я заподозрилъ волка и удвоил свое вниманіе».

Трудно сказать, который изъ двухъ приведенныхъ переводовъ лучше: они оба хороши; но если мы сравним нѣмецкій подлинникъ, то легко замѣтимъ разницу въ точности переводовъ; именно, послѣдній переводъ гораздо точнѣе.

Первый томъ содержитъ въ себѣ обзоръ части млекопитающихъ, именно отрядовъ обезьянъ, полуобезьянъ, рукокрылыхъ и отчасти хищныхъ,—и, кромѣ того, краткую біографію А. Брэма, составленную д-ромъ Краузе. Въ общемъ обзорѣ млекопитающихъ послѣ краткихъ свѣдѣній объ организаціи ихъ, приводятся данныя о біологіи ихъ вообще: объ органахъ чувствъ и умственныхъ способностяхъ, о распространеніи ихъ, образѣ жизни и размноженіи. Къ обзору приложена табличка отрядовъ млекопитающихъ и карта зоогеографическихъ областей по Уоллэсу. Для того, чтобы судить о характерѣ измѣненій, сравнительно со старымъ изданіемъ, укажу для примѣра на нѣкоторыя мѣста статьи объ обезьянахъ. Эта статья, занимающая въ старомъ изданіи всего 126 страницъ, теперь обнимаетъ собой три слишкомъ выпуска (240 стр.). Въ общемъ обзорѣ отряда, кромѣ небольшихъ измѣненій, заключаются нѣкоторыя существенныя прибавленія, пополняющія пробѣлы стараго изданія; таково, напримѣръ, на 40 (и 42) стр. довольно подробное описаніе задней и передней руки шимпанзе, Пехуель-Лёше пополняетъ также факты изъ жизни обезьянъ своими собственными наблюденіями, которыми отчасти исправляются указанія прежнихъ авторовъ: напримѣръ, относительно бросанія обезьянами въ своихъ враговъ камнями (стр. 52). Сообщаются далѣе новыя свѣдѣнія о жизни обезьянъ въ неволѣ; наконецъ, въ видѣ дополненія приводится интересное сообщеніе Дюмикена (Dümicken) объ отношеніи къ обезьянамъ древнихъ егип-

тянъ (стр. 55—58). Существеннымъ прибавленіемъ также надо считать четыре весьма интересныхъ сравнительныхъ таблицы: одна—конечностей различныхъ обезьянъ, три остальные—изображеніе различныхъ положеній тѣла гориллы, шимпанзе, орангъ-утанга и гиббона. Статья увеличилась описаніемъ болѣе десяти новыхъ формъ, особенно изъ родовъ *Hylobates* (гиббонъ), *Cebus* (сапажу) и *Narale* (игрунки).

Вообще, въ новомъ изданіи введена болѣе точная характеристика семействъ (напримѣръ, приняты во вниманіе нѣкоторые другіе анатомическіе признаки), указаны точнѣе границы распространенія животныхъ, вставлены интересныя сообщенія послѣднихъ наблюдателей объ образѣ жизни ихъ. Установка родовъ и видовъ болѣе правильная. Именно, многіе естествоиспытатели находили, что Брэмъ придаетъ большое значеніе очень мелкимъ признакамъ и считаетъ ихъ достаточными для характеристики отдѣльныхъ родовъ; такимъ образомъ у него формы, считающіяся зоологами только видами, приобрѣтали значеніе родовъ, а разновидности—видовъ и т. д... На это обращено теперь вниманіе и многіе отдѣльные мелкіе роды въ новомъ изданіи часто соединяются въ одинъ родъ или присоединяются къ прежнимъ (сравните, напримѣръ, сем. кошечъ — *Felidae*). Затѣмъ, обращено большее вниманіе на терминологию, что, не измѣняя характера общедоступности изложенія, придаетъ ему больше научности. Напримѣръ, въ старомъ изданіи въ описаніи *Arctopithee* («игрунки») читаемъ (стр. 121): «Многіе естествоиспытатели видятъ въ животныхъ, которыхъ мы опишемъ здѣсь, какъ отдѣльное семейство, *только разновидности предъидущихъ...*», въ новомъ изданіи то же мѣсто переведено такъ (стр. 262): «Нѣкоторые естествоиспытатели считаютъ животныхъ, которыхъ мы объединяемъ въ особое семейство, *лишь родами предшествовавшей группы*». Такихъ примѣровъ довольно много.

Названіе животныхъ въ новомъ изданіи напечатано жирнымъ шрифтомъ, что помогаетъ отыскивать нужное мѣсто при справкахъ; послѣ латинскихъ названій приведены нѣмецкія и французскія; но особенно хорошую сторону его составляютъ рисунки. Какъ въ послѣднемъ нѣмецкомъ изданіи, почти всѣ рисунки новые,—весьма живо исполнены и отчетливо отпечатаны. Весьма немногіе представляютъ передѣлку старыхъ. Особенно хороши рисунки Шпехта, которымъ воспроизведены многіе изъ хищныхъ и нѣкоторыя другія. Большинство рисунковъ сдѣланы съ натуры или по фотографіямъ Мюцелемъ. Въ первомъ томѣ болѣе 150 рисунковъ, изъ которыхъ девять представляютъ хромофотографіи. Рисунки многихъ животныхъ сдѣланы лучше, а главное—вѣрнѣе, чѣмъ прежде. Для примѣра, стоитъ сравнить старый рисунокъ Маки-домоваго (*Tarsius spectrum*)—на стр. 141, съ новымъ того же животнаго на стр. 317. Еслибы подъ рисунками не было обозначеній, то можно было бы думать, что оба рисунка изображаютъ различныхъ звѣрей. Въ новомъ изданіи у Маки-домоваго заднія ноги гораздо больше, плюсна ихъ ничѣмъ не поражающая читателя на рисункѣ стараго изданія,—здѣсь сразу бросается въ глаза своимъ характернымъ видомъ: длиной и товиной, а также рѣдкой шерстью; оригинальное мозолистое окончаніе пальцевъ на старомъ рисункѣ едва замѣтно, глаза животнаго на новомъ рисункѣ, по отношенію къ размѣрамъ

головой—гораздо больше, морда короче, ротъ шире; хвостъ длиннѣе—почти голый, покрытый шерстью только въ основаніи и на концѣ, тогда какъ у *Tarsius*, изображеннаго въ старомъ изданіи, онъ покрытъ довольно равномѣрно порядочной длины волосами. Читая описаніе *Tarsius srectrum* (стр. 316—317), не трудно убѣдиться, что новый рисунокъ сдѣланъ весьма вѣрно. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ рисункахъ, напримѣръ, о рисункахъ хахмы (*Cynoserphalus roscarius* стр. 181), мандрила (*Cynoserph. pompon* стр. 197), саймири—мертвая голова (*Chrysotrix sciurea* стр. 256), стройнаго лори (*Stenops gracilis* стр. 207), длиннохвостой кошки (*Felis macrura* стр. 529), мампалона (*Cynogale bennettii* стр. 589) и т. д.

Намъ остается еще указать на невысокую стоимость: 5 р. за томъ, заключающій 700 слишкомъ страницъ, на прекрасную бумагу, и на удобныя условія подписки, очень облегчающія приобрѣтеніе этой полезной книги, а затѣмъ выразить надежду, что переводъ слѣдующихъ томовъ будетъ такъ же хорошъ, какъ я вышедшаго перваго.

Юл. Вагнеръ.

Сохраненіе здоровья. Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни д-ра Эйдама, съ 7 рис. Перев. съ нѣм. А. Д. Карицнаго. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.

Гигиена семьи въ 20 письмахъ д-ра Ф. Гебера. Пер. со 2-го нѣм. изд. Э. А. Русановой. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигиеническія бестѣды д-ра Нимейра. Перев. съ послѣдн. нѣм. изд. Крамеръ. Ц. 75 к.

Кто-то сказалъ, что въ древней Греціи люди не столько лечились, сколько старались предохранить себя отъ болѣзней, въ современной же Европѣ—наоборотъ—больше лечатся, чѣмъ заботятся о предписаніяхъ гигиены. Разумѣется, этотъ афоризмъ, какъ всѣ вообще афоризмы, страдаетъ преувеличеніемъ, но что касается до чрезвычайно малаго знакомства нашего общества съ наукой о человѣческомъ здоровьѣ, т.-е. гигиеной, то оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Популярныхъ руководствъ по гигиенѣ на русскомъ языкѣ чрезвычайно мало. Сочиненія Реклама и Бока значительно устарѣли; обширные труды проф. Скворцова, Доброславина, Эрисмана не находятъ себѣ многочисленныхъ читателей. Лучшая изъ существующихъ популярныхъ книгъ по гигиенѣ—краткое руководство проф. Эрисмана (изд. Пантелѣева). Но и оно далеко не всѣмъ доступно по цѣнѣ. Изданія г. Павленкова, названія которыхъ выписаны выше, до извѣстной степени пополняютъ недостатокъ дешевыхъ и популярныхъ руководствъ по гигиенѣ. Авторъ первой книжки—д-ръ Эйдамъ ставитъ себѣ цѣлью «познакомить читателя въ общепонятномъ изложеніи съ основными началами ученія о здоровьѣ въ примѣненіи къ обыденной жизни и оказать помощь тѣмъ читателямъ, которые, не имѣя необходимой предварительной подготовки въ области другихъ вспомогательныхъ наукъ, желали бы все-таки поближе познакомиться съ основами гигиены въ интересахъ собственнаго здоровья и здоровья окружающихъ лицъ». Дѣйствительно, книга расчи-

тана на самыхъ неподготовленныхъ читателей и написана чрезвычайно популярно. Читатели найдутъ въ ней самыя общія свѣдѣнія по гигиенѣ.

Книга доктора Гебера «Гигиена семьи», затрогивая тѣ же вопросы, какъ предыдущая, предполагаетъ въ читателѣ болѣе высокой уровень знаній и трактуетъ данный предметъ съ большими подробностями. Читатели найдутъ въ этой книгѣ разъясненіе различныхъ требованій гигиены въ связи съ физиологіей, бактериологіей и др. Въ первомъ письмѣ авторъ даетъ общее понятіе о гигиенѣ и ея значеніи, второе посвящено описанію обмѣна веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ; здѣсь уже дается понятіе о важнѣйшихъ факторахъ, отъ которыхъ зависитъ здоровье человѣка; третье письмо посвящено микроорганизмамъ; уясненіе ихъ роли и значенія; здѣсь же указаны способы борьбы съ ними. Затѣмъ слѣдуетъ гигиена питанія (письма 4, 5—9), гигиена дыханія (10), гигиена кожи (11, 12), гигиена одежды (13), труда и отдыха (14). Пятнадцатое письмо посвящено описанію почвы и ея вліянія на наше здоровье, слѣдующія письма: гигиена жилищъ (16—18), гигиена занятій (19) и, наконецъ, школьной гигиенѣ. Изложеніе книги простое, переводъ недуренъ. Мы желаемъ ей самага широкаго распространенія.

Того же можно пожелать и прекрасной книжкѣ извѣстнаго нѣмецкаго патолога д-ра Нимейера «Берегите легкія». Эта книжка представляетъ собою маленькую монографію о легкіяхъ. Читатели найдутъ въ ней не только данныя объ анатоміи и физиологіи, составляющія рациональное основаніе гигиены легкіяхъ, но и данныя о происхожденіи различныхъ легочныхъ болѣзней, объ изслѣдованіи легочныхъ больныхъ, наконецъ, данныя о леченіи легочныхъ болѣзней. «Пусть современная культура, говоритъ авторъ въ заключеніе своихъ бесѣдъ, послѣдуетъ снова ученію древнихъ о томъ, что *mens sana in corpore sano*—здоровый духъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ—и, слѣдуя изложенію этой книги, придетъ къ убѣжденію, что даже одинъ часъ, посвящаемый упражненіямъ легкіяхъ во время и ежедневно, незамѣтно дастъ столько процентовъ, что хотя эта сумма и незначительна сравнительно съ потерей основнаго капитала, происшедшей отъ полученной по небрежности болѣзни, тѣмъ не менѣе проценты эти образуютъ, возрастая, вѣрный капиталъ, именно: продолжительную способность къ труду и безболѣзненную старость». Книжка Нимейера написана весьма обстоятельно. Переводъ хороший.

Н. Р.

С М Ъ С Ъ.

Изъ русской жизни.

Князь Вяземскій. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ некрологъ умершаго недавно князя Вяземскаго, личность котораго во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ большого интереса. Это былъ очень богатый помѣщикъ, представитель древняго, аристократическаго рода, который отказался отъ своего богатства, роздалъ все свое имущество и добровольно обрекъ себя на полную бѣдность. Въ 1850 году онъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ, взявъ съ нихъ небольшой выкупъ и тотчасъ же роздалъ всѣ эти деньги бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ, чтобы дать имъ возможность устроиться на волѣ. Самъ же онъ поселился въ лѣсу, на берегу рѣки Нары въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, который былъ построенъ имъ съ помощью его друзей-крестьянъ и въ этомъ домикѣ прожилъ болѣе 30 лѣтъ, находясь постоянно въ самомъ тѣсномъ общеніи съ народомъ. Онъ былъ человекъ очень образованный, имѣлъ отличную бібліотеку, не будучи профессиональнымъ ученымъ, страстно любилъ науку и своими познаніями удивлялъ даже такихъ профессоровъ, какъ Либихъ и Менделѣевъ. Особенно интересовали его естественныя науки, за успѣхами которыхъ онъ постоянно слѣдилъ и перевелъ на русскій языкъ фізіологію Функе съ рукописи. Онъ также отлично зналъ всѣ ремесла, былъ кузнецомъ, столяромъ, архитекторомъ, рѣзчикомъ. Всѣ эти знанія очень пригодились ему, когда онъ поселился въ своей кельѣ на берегу Нары. Воспитанный въ страшной роскоши, онъ совершенно былъ лишенъ всякихъ потребностей, обыкновенно свойственныхъ богатымъ людямъ, и довольствовался простой крестьянской обстановкой. «Я никогда не заботился объ ѣдѣ и потому никогда не чувствовалъ гнета нужды», говорилъ онъ. «Вотъ, когда чаю не на что купить, или интересныхъ книгъ—вотъ это сущая бѣда». Это былъ, дѣйствительно, человекъ «не отъ міра сего». Погруженный въ свои занятія, онъ мало думалъ о разныхъ житейскихъ нуждахъ и иногда случалось такъ, что ему совершенно нечего было ѣсть. Тогда онъ спускался къ берегу Нары и начиналъ кричать: «хлѣба нѣтъ». Въ деревняхъ, раскинутыхъ на противоположномъ берегу рѣки, всѣ уже знали этотъ крикъ и, слышавъ его, крестьяне наперерывъ спѣшили къ старику, кто съ хлѣбомъ, кто съ капустой, кто съ крынкой молока.

*

Это всегда очень трогало и радовало старика, и онъ сказалъ однажды одному изъ своихъ посѣтителей: «Я какъ пророкъ Ілія. Меня питають мои вороны. Вотъ это великая честь! Стоить генеральской звѣзды!» Брестяне очень любили этого чудака-князя, который постоянно помогаль имъ, чѣмъ могъ, входилъ во всѣ ихъ дѣла и дѣлился съ ними своими духовными богатствами. Умирая, онъ просилъ похоронить его въ полѣ, за оградой, рядомъ съ могилами неизвѣстныхъ бѣдняковъ и на похороны не тратить болѣе 3 рублей. Но похороны, неожиданно, вышли довольно торжественныя: за гробомъ шла большая толпа, въ которой были представители духовенства и земцы. Но огромное большинство составляли крестьяне, пришедшіе въ послѣдній разъ почтить этого рѣдкаго человѣка, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ.

Конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи. Антрополо-археологическій конгрессъ, бывшій въ началѣ августа въ Москвѣ, привлекъ со всѣхъ концовъ Россіи и Европы значительное число естествоиспытателей, геологовъ, археологовъ и врачей (хотя послѣднихъ было немного). Сюда стеклись люди науки, для обсуждения и выясненія такого важнаго вопроса, какъ о доисторическомъ человѣкѣ и животномъ. Здѣсь высказывалось, такъ сказать, послѣднее слово науки. На сѣздѣ была прочитана такая масса различныхъ сообщений и докладовъ (болѣе 55), что указать ихъ въ небольшомъ рефератѣ невозможно и потому приходится ограничиться нѣкоторыми изъ нихъ *).

На первомъ засѣданіи подѣ председательствомъ профессора Рудольфа Вирхова, баронъ *де-Бай* сдѣлалъ сообщеніе «о скульптурѣ во Франціи во времена каменнаго періода». На основаніи изученія древнихъ памятниковъ искусства ваанія на югѣ Франціи и Швейцаріи, докладчикъ пришелъ къ тому заключенію, что въ данной мѣстности существовали послѣдовательно другъ за другомъ двѣ расы. Въ искусствѣ одной расы замѣчается чистый реализмъ, заключавшійся въ изображеніи только предметовъ дѣйствительности, а другая вводила въ искусство уже символическій элементъ. Слѣдующій докладъ геолога *Никитина* «о составѣ четвертичныхъ отложений въ Россіи», носилъ слишкомъ спеціальныи характеръ и потому мы и не будемъ на немъ останавливаться. Въ докладѣ проф. *Шантра* «проектъ реформы въ номенклатурѣ народовъ Азіи» затрагивается весьма существенный вопросъ въ дѣлѣ классификаціи народовъ. До сихъ поръ ученые клали въ основу классификаціи самые разнообразныя признаки, которые оказывались шаткими и неустойчивыми. По предложенію докладчика, избрана особая коммиссія для пересмотра существующей номенклатуры азіатскихъ народовъ и установленія новой, основанной на вполне научныхъ данныхъ. Кромѣ того, собраніе поручило особой коммиссіи разсмотрѣніе вопроса объ объединеніи методовъ антропометрическихъ изслѣдованій, отсут-

*) Инициаторомъ сѣзда былъ проф. Богдановъ, который его началъ и довелъ до конца. Сѣздъ находился подѣ августѣйшимъ покровительствомъ Его Высочества, московскаго генераль-губернатора. Всѣхъ засѣданій было 8, не считая заключительнаго.

ствіе единства которыхъ давно вызываетъ справедливыя жалобы ученыхъ. Интересный докладъ представилъ проф. *Богдановъ* «*Какая раса въ Россіи была древнѣйшею*», который на основаніи коллекцій курганныхъ череповъ, приходитъ къ тому заключенію, что древнее населеніе средней, южной и западной Россіи представляло иной типъ, чѣмъ современное, и отличалось болѣе длинной и узкой формой черепа. Только на сѣверѣ и востокѣ (въ Приуральскомъ краѣ) уже съ древнихъ временъ было распространено населеніе съ болѣе широкой формой черепа, мало-по-малу получившей преобладаніе у населенія остальной Россіи. Докладъ вызвалъ оживленные пренія (Вирховъ, Колльманъ, Сержи, Анучинъ и др.). Не менѣе интереснымъ былъ докладъ *Н. Ю. Зографа* «*Объ антропологическихъ типахъ центральной Великороссіи*». Матеріаломъ для доклада послужили свѣдѣнія о призывныхъ по разнымъ городамъ и уѣздамъ губерній Владимірской, Ярославской и Костромской (главнымъ образомъ опредѣленія величинъ роста, длины ногъ, цвѣта волосъ и глазъ), личныя наблюденія и данныя изъ работъ другихъ антропологовъ. Различаемъ двѣ группы — низкорослыхъ и высокорослыхъ, при чемъ первая характеризуется нѣсколько большей брахицефаліей и болѣе темноволосностью. Низкорослый типъ, сохранившійся наиболѣе цѣльно въ Костромской губерніи, значительно напоминаетъ типъ тѣхъ народовъ Россіи, которые говорятъ нарѣчiami урало-алтайской группы. Типъ высокорослый напоминаетъ западныхъ сосѣдей великороссовъ — малоруссовъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ и является продуктомъ славянской крови. Докладчикъ представилъ много фотографическихъ снимковъ съ жителей описываемой мѣстности.

Проф. *Сержи* (изъ Рима) сдѣлалъ сообщеніе «*о новой классификаціи череповъ*», съ выдѣленіемъ ряда характерныхъ типовъ, изъ коихъ каждый можетъ быть обозначаемъ особымъ двойнымъ названіемъ, въ родѣ того, какъ это принято въ зоологій или ботаникѣ. Затѣмъ были прочитаны присланныя сообщенія: *И. Т. Савенкова* «*о находкахъ каменнаго вѣка на берегахъ рѣки Енисея, близъ Красноярска*» и *Еленева* «*о различныхъ находкахъ каменнаго вѣка въ той же области*». Особенно замѣчательныя находки неолитической эпохи, между которыми обращали на себя вниманіе разныя изъ костей изображенія животныхъ, преимущественно лоша. Собраніе выразило признательность г. Савенкову и его сотрудникамъ по открытію сибирскихъ древностей и за ихъ энергическую дѣятельность въ этомъ направленіи. Сообщеніе *В. И. Сизова* «*О различныхъ типахъ кургановъ въ Россіи*» было иллюстрировано множествомъ моделей. Докладчикъ, указавъ на древнѣйшіе скифскіе курганы южной Россіи, остановился подробнѣе на различныхъ типахъ кургановъ средней и западной Россіи. Въ этомъ же засѣданіи проф. Анучинимъ были демонстрированы каменные и бронзовые древности и черепа изъ могилъ каменнаго вѣка изъ музея восточно-сибирскаго отдѣла географическаго Общества въ Иркутскѣ.

Не менѣе интереснымъ было сообщеніе *Э. Шантра* о результатахъ своихъ антропометрическихъ изслѣдованій въ Закавказьѣ надъ армянами, ассорами, курдами, горскими евреями, калмыками и лезгинами. Докладчикъ привелъ данныя о ростѣ, цвѣтѣ волосъ и глазъ, формѣ головы и лица этихъ племенъ и демонстрировалъ рядъ фотографій, изобра-

жающихъ типы этихъ племенъ. Сообщение проф. Сержи «о первоначальныхъ обитателяхъ побережья Средиземнаго моря», являлось какъ бы дополненіемъ къ сдѣланному уже имъ сообщенію «о новой классификаціи человѣческихъ череповъ». Затѣмъ было прочитано резюме доклада *Топинара* «О расѣ въ антропологии». Докладчикъ настаиваетъ на необходимости точнаго опредѣленія понятія расы, которое уже давно перешло изъ области антропологии въ сферу компетенціи историковъ и этнографовъ и подверглось здѣсь многообразнымъ, частью субъективнымъ, толкованіямъ, отождествляясь часто съ понятіемъ національности, иногда даже съ понятіемъ народа и племени. Авторъ предлагаетъ, чтобы понятіе расы снова сдѣлалось достояніемъ антропологии и понятіе національности—достояніемъ исторіи, такъ какъ она (исторія) всецѣло составляетъ продуктъ послѣдней и никакого отношенія ни къ антропологии, ни къ расѣ не имѣетъ. На послѣднемъ засѣданіи конгресса были прочитаны доклады: *В. Смита* «О важности изученія доисторической эпохи въ Россіи для изученія доисторическихъ древностей», проф. Дерптскаго университета *Висковатова* «О раскопкахъ въ Эстоніи», докладъ доктора *Зеланда* «О темпераментѣ съ психологической и антропологической точекъ зрѣнія», *П. Кудряцева* «О слѣдахъ доисторическаго человѣка во Владимірской губерніи» и *С. С. Слуцкого* «О двухъ колоніяхъ въ Италіи».

8-го августа происходило закрытіе конгресса; были произнесены рѣчи Ануцинымъ, Трушовскимъ, депутатомъ датскаго правительства, Смитомъ, Вирховымъ, Лов, Голицынымъ, графиней Уваровой и др. Вирховъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ, «что конгрессъ все болѣе убѣждаетъ насъ, что первобытное прошлое не можетъ быть изучено въ предѣлахъ одной страны, что національная работа должна быть замѣнена въ этомъ отношеніи работой интернаціональной».

Болѣе подробные рефераты о нѣкоторыхъ докладахъ мы постараемся дать по выходѣ трудовъ конгресса. Д.

Археологическая выставка международнаго конгресса въ Москвѣ. Одновременно съ антропологическо-археологическимъ конгрессомъ въ Москвѣ была организована археологическая и географическая выставка, на которой находилась масса интересныхъ предметовъ. Одна изъ залъ Историческаго музея была занята предметами, относящимися къ эпохѣ «каменнаго вѣка», т. е. къ тому весьма древнему времени, когда человѣкъ не зналъ еще металловъ и орудія выдѣлывалъ изъ камня. Здѣсь находились экспонаты французскихъ и датскихъ экспонентовъ. Изъ русскихъ коллекцій были весьма интересныя коллекціи г. Передольскаго изъ окрестностей Новгорода, близъ береговъ озера Ильменя. Далѣе—весьма полныя и крайне поучительныя коллекціи Савенкова изъ окрестностей Красноярска, г. Шейдела—изъ Швейцаріи, съ Баденскаго озера. Въ послѣдней коллекціи находится весьма интересный подборъ предметовъ изъ камня и кости, относящихся къ эпохѣ, такъ называемыхъ, «свайныхъ построекъ» на озерахъ Швейцаріи. Коллекція эта иллюстрируется картами и рисунками бронзовыхъ орудій, найденныхъ въ той же мѣстности. Вещи эти вообще находятся на двѣ озера въ Швей-

царіи, гдѣ въ тѣ времена устраивали надъ водой хижины на сваяхъ, соединившіяся посредствомъ мостика или кладки съ береговъ. Такого рода постройки устраивались для защиты отъ враговъ и звѣрей. Въ этой же залѣ находились человѣческіе черепа, относящіеся къ этой отдаленной эпохѣ и кости тогда существовавшихъ животныхъ. Осматривающій выставленныя въ указанной залѣ вещи можетъ приобрести знакомство съ различными орудіями и отчасти съ бытовой обстановкой человѣка въ отдаленныя времена эпохи каменнаго вѣка. Въ слѣдующихъ залахъ находились коллекціи, относящіяся къ различнымъ эпохамъ и мѣстностямъ Россіи. Одной изъ большихъ и разнообразныхъ коллекцій является коллекція проф. Самоквасова; коллекція эта представляетъ богатый научно-археологическій матеріалъ, относящійся къ разнымъ эпохамъ, начиная съ предметовъ каменнаго вѣка и кончая XV ст. Далѣе, весьма интереснымъ матеріаломъ для знакомства съ древнимъ бытомъ Кіевской Руси XI—XII вв. является коллекція вещей изъ городища «Кляжая гора», близъ Кіева. Тамъ встрѣчаются золотыя и серебряныя серьги, браслеты, часто съ змѣиными головками, характерныя для княжескаго періода. На выставкѣ находилось много вещей изъ разныхъ мѣстностей Кавказа, напримѣръ, коллекція древностей, выставленныхъ гр. Уваровой. Далѣе слѣдуетъ коллекція гр. Бобринскаго (изъ Кіевской губ.), Сизова, Бранденбурга. Здѣсь же выставлены модели погребальныхъ сооружений, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи—отъ эпохи каменнаго вѣка до X—XI и даже XIII столѣтій по Р. Х. Для подробнаго ознакомленія съ выставкою былъ отпечатанъ указатель на французскомъ и русскомъ языкахъ.

Д.

Отголоски языческихъ временъ. Мы уже имѣли случай указать нашимъ читателямъ остатки языческихъ вѣрованій среди чувашъ. Теперь въ журналѣ «Живая старина» приведены крайне интересныя данныя для характеристики этихъ остатковъ давно минувшихъ временъ среди православнаго населенія Тамбовской губерніи. Напримѣръ, въ селѣ Рудовкѣ, Осино-Гаевской волости, Кирсановскаго уѣзда, до сего времени крестьяне допускаютъ многобожіе... и вѣрятъ, напримѣръ, въ существованіе особаго «куринаго бога». Богъ этотъ — предметъ не отвлеченный, а осязаемый и неодушевленный, который люди могутъ помѣщать гдѣ угодно; представляетъ онъ собою черный камень, величиною съ гусиное яйцо, просверленный посрединѣ и въ такомъ видѣ находямый гдѣ-нибудь въ землѣ *). Куринаго бога вѣшаютъ въ курятникѣ; крестьяне думаютъ, что благодаря его присутствію куры больше плодятся и лучше сохраняются. Къ тому же куриному богу прибѣгаютъ мѣстныя знахарки, какъ къ вѣрному талисману (иначе говоря, фетишу) противъ зубной боли. Церемонія леченія проводится такимъ образомъ: ворожейка ведетъ больного въ «курникъ»

*) Авторъ сообщенія въ «Живой старинѣ» не говоритъ, что это за камень. Нужно думать, что онъ ничто иное, какъ каменный топоръ или молотокъ новокаменнаго (неолитическаго) періода. См. статью Д. Корончевскаго въ «Мірѣ Бож.», № 1.

(курятникъ), шепчетъ тамъ куриному богу какія-то слова, извѣстныя ей одной, и затѣмъ прикладываетъ его къ больному мѣсту шесть разъ крестообразно. Послѣ этого боль должна стихнуть. Вѣра въ цѣлебную силу бога среди крестьянъ такъ велика, что слова знахарки дѣйствуютъ на больного, какъ гипнотическое внушеніе; больного спасаетъ отъ зубной боли сила его воображенія, но, разумѣется, онъ приписываетъ исцѣленіе не себѣ самому, а куриному богу и знахаркѣ. Въ результатѣ—суевѣріе укореняется, основываясь не на нелѣпой выдумкѣ, а на дѣйствительномъ, неопровержимомъ фактѣ: куриный богъ помогаетъ отъ зубной боли, и слава его растетъ. Но бываютъ случаи, когда онъ и не помогаетъ. Впрочемъ, эти случаи не мѣшаютъ его славу, во-первыхъ, потому, что о нихъ не такъ много шумятъ, какъ о случаяхъ исцѣленія; во-вторыхъ, каждой неудачѣ подыскиваютъ, по приему всѣхъ суевѣрныхъ людей всѣхъ временъ и народовъ, свои особыя объясненія, представляющія не меньшую путаницу вѣрныхъ фактовъ и ложныхъ идей.

Изученіе нынѣ существующихъ въ народѣ суевѣрій съ этой точки зрѣнія имѣетъ особенный интересъ, и курьезные факты, сообщаемые различными наблюдателями народной жизни, приобрѣтаютъ совершенно иное освѣщеніе и для характеристики исторіи человѣческой мысли имѣютъ большое значеніе. Напр., тамбовскіе крестьяне описываемой мѣстности вѣрятъ, что они окружены массою темныхъ духовъ, которые подраздѣляются на добрыхъ и недобрыхъ. Къ числу недобрыхъ духовъ принадлежатъ нѣкоторыя болѣзни, напр., лихорадка и грыжа. Чтобы очистить больного отъ вселившагося въ него темнаго, недобраго духа и выгнать этого послѣдняго, прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ. Больного лихорадкой выводятъ на дворъ, надѣваютъ ему на шею хомутъ и обливаютъ холодною водою. Когда появляется грыжа, больного везутъ въ ближайшій лѣсъ; тамъ раскалываютъ дубокъ, вбиваютъ въ отверстіе клинья и затѣмъ трижды протаскиваютъ больного черезъ это отверстіе. Продѣлавъ такую операцію, съ больного снимаютъ рубашку, которую и вѣшаютъ на дерево, сами же уходятъ. Брать рубашку, какъ нечистую, считается непозволительнымъ ни для хозяина, ни для постороннихъ. По выполненіи этихъ обрядовъ болѣзни должны выйти изъ больныхъ. Впрочемъ, если онѣ не выходятъ, суевѣріе все-таки не рушится, потому что слишкомъ ужъ оно соотвѣтствуетъ всему строю понятій и способу мышленія, которое на каждомъ шагу готово опираться, какъ на твердый базисъ, на истину самаго подозрительнаго свойства, кажущуюся, впрочемъ, непреложной. Вотъ противъ этого-то *строю* понятій и представленій, крѣпко связанныхъ (ассоціированныхъ) одно съ другимъ, и должны вести борьбу сторонники просвѣщенія. Разрушить эту связь (ассоціацію) въ высшей степени трудно. Нужно, чтобы рядомъ съ ассоціаціей идей ложныхъ создалась ассоціація идей, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительности, и чтобы эта послѣдняя сдѣлала излишней и ненужной первую. При такомъ положеніи вещей, первая можетъ существовать не только сотни, но и тысячи лѣтъ, не упраздняясь, но и не играя въ живни той роли, какую она играла въ былыя времена. Нерѣдко старое суевѣріе, по обстоятельствамъ времени, рядится въ новую одежду, въ которой и щеголяетъ цѣлые вѣка. При-

мѣръ этому даетъ опять-таки тоже сообщеніе изъ Тамбовской губерніи. «Животныя и насѣкомыя дѣлятся здѣсь, — пишетъ авторъ сообщенія, — на чистыхъ и нечистыхъ. Подъ новый годъ считается грѣхомъ прѣсть; у нарушителей этого обычая духъ «Волосель», подъ видомъ костюды, отѣбѣтъ палець, и изъ него выпадетъ «нечистая кость». Этотъ же обычай строго соблюдается въ теченіе всего года каждую недѣлю въ день пятницы и наканунѣ ея. Кромѣ того, каждый святой считается покровителемъ того или другого животнаго или ремесла. Такъ, напр., покровителемъ коровъ считается Власій, лошадей—Фролъ и Лавръ, пчель—Зосима и Савватій, овецъ—Настасья, огурцовъ—Константинъ и Елена. День посадки огурцовъ называется огуречнымъ «праздникомъ».

До какой степени на этой ступени умственнаго развитія разсужденія бываютъ нелогичными, можно видѣть изъ того, какъ, напр., причина смѣшивается со слѣдствіемъ, и въ тѣсную связь приводятся явленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Напр., «черные тараканы считаются *пособниками* достатка; размноженію ихъ въ домѣ всегда радуются. Когда входятъ въ новый домъ, хозяинъ нарочно приноситъ въ чулкѣ таракановъ и распускаетъ по избѣ. Пропажа таракановъ изъ дома считается дурнымъ предзнаменованіемъ». Такимъ образомъ, результатъ матеріальнаго достатка считается одною изъ причинъ его. Что касается до ассоцірованныхъ понятій, не имѣющихъ между собою ничего общаго, то оно встрѣчается на каждомъ шагу, и стоитъ только хотѣть немного прослѣдить за собою, чтобы уличить и себя въ томъ же проступкѣ. «Для полученія хорошаго урожая хлѣба, тамбовскіе крестьяне находятъ необходимымъ соблюдать слѣдующій обычай: въ день засѣва хлѣба ни одинъ домохозяинъ не даетъ другому ни взаймы, ни за деньги ни одного зерна или куска хлѣба; нарушеніе этого условія можетъ повести къ неурожаю. Чтобы предугадать будущій урожай, старшій членъ семьи въ ночь подъ новый годъ втыкаетъ въ снѣгъ на гумнѣ нѣсколько колосьевъ разнаго хлѣба, а утромъ смотритъ: если на которомъ колосѣ окажется иней тотъ хлѣбъ въ наступающемъ году долженъ уродиться. Съ тою же цѣлью прибѣгаютъ къ другому обряду: въ избѣ на столѣ разстилается чистая бѣлая скатерть; если на ней утромъ появится какое-либо зерно, этотъ хлѣбъ уродится обильно. Желаящіе узнать долготу своей жизни, спрашиваютъ объ этомъ у кукушки, или послѣ ужина кладутъ кусочки хлѣба на окно; чьего куска утромъ не окажется, тотъ въ этомъ году умретъ, а остальные переживутъ его. Невѣсты гадаютъ, отрывая лепестки ромашки, говоря: «любить—не любить»; а чтобы узнать, въ богатый или бѣдный домъ выйдутъ замужъ, подходятъ къ плетню и считают «сусѣкъ»—«мѣшокъ», «сусѣкъ—мѣшокъ»; если на послѣднемъ колу остается сказать «сусѣкъ», значитъ быть въ богатомъ домѣ, иначе же въ бѣдномъ...

Мы нарочно выписали столько примѣровъ суевѣрій, встрѣчающихся, къ стыду нашему, не только въ темной массѣ крестьянъ, но и среди лицъ, считающихъ себя «образованными». Что говорятъ всѣ эти примѣры, какъ не о замѣчательной нелогичности или, вѣрнѣе, о *нежеланіи* разсуждать. Кукованье кукушки и смерть, слово «сусѣкъ» и богатая женитьба, что можетъ быть общаго между этими явленіями, какъ

доказать ихъ связь? Но въ томъ-то и дѣло, что никто доказывать ее и не просить: утверждаютъ, принимаютъ какъ нѣчто реальное эту связь,—вотъ и все. Но вѣдь по одному изъ нихъ заключать о другомъ совершенно то же, что по высотѣ мачты заключать, какъ зовутъ капитана, какъ зовутъ его помощника, штурмана, мичмана, коцегара и т. д., и т. д.

Вообще суевѣрія имѣютъ свою психологію и свою логику, изученіе которой крайне интересно не только для уясненія многихъ сторонъ исторіи умственного развитія человѣчества, но и для борьбы съ невѣжествомъ.

Пятнадцатилѣтіе петербургскихъ городскихъ училищъ. Въ іюнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, какъ городское управленіе приняло въ свое завѣдываніе начальныя городскія училища — въ числѣ 16 училищъ съ 899 учащимися; въ настоящее же время въ вѣдѣніи города состоятъ 281 училище, въ которыхъ обучается 13.750 человѣкъ. Прежде отпускалось на начальныя училища Петербурга 14 т. рублей; въ настоящее же время отпускается 562.000 руб., т. е. въ 40 разъ больше, чѣмъ тратилось пятнадцать лѣтъ назадъ. До 1877 г. каждое училище обходилось въ 875 руб. въ годъ, теперь же тратится по 2.000 руб. Число окончившихъ курсъ возрасло—въ первый годъ окончило всего 88 дѣтей обоего пола, въ 1892 г. въ 281 училищѣ окончило курсъ 2.482 (1.486 мальч., 996 дѣвоч.). Всего за 15 лѣтъ окончило ученіе въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ около 18.000. Изъ всего этого видно какъ развилось начальное образованіе въ Петербургѣ за послѣднія 15 лѣтъ хотя сдѣланнаго еще далеко недостаточно—на миллионное населеніе 14.000 учащихся дѣтей не такъ много. Но, судя по отчетамъ за послѣдній годъ, число школъ предположено увеличить. Кромѣ того, городское самоуправленіе до 14.000 руб. тратитъ на развитіе ремесленного образованія; на завтраки школьникамъ назначено 5.000 р., 4.000 руб. на воскресныя школы, на двѣ бесплатныхъ читальни Пушкина—6.000 р., такъ что всего по смѣтѣ текушаго года на народное образованіе ассигновано 613.000 р. Кромѣ того, нужно замѣтить, что городское управленіе на обзаведеніе каждой новой школы отпускаетъ по 1.000 р. Въ нѣкоторыхъ школахъ имѣются волшебные фонари (90 штукъ съ 2.500 картинами), снабжены въ достаточномъ количествѣ всѣми учебными пособиями; при многихъ изъ нихъ имѣются хорошія ученическія бібліотеки и т. д. Вообще дѣло начального образованія въ Петербургѣ, продолжаетъ развиваться и улучшаться.

Д.

Изъ заграничной жизни.

Финансовый кризисъ въ Португаліи. Вотъ уже почти два столѣтія, какъ ни одна европейская держава не обходится безъ государственнаго долга. Прежде, когда государство оказывалось въ затруднительномъ положеніи, его выручали граждане, жертвовавшіе послѣднимъ достояніемъ. Въ настоящее время, когда одинъ пушечный выстрѣлъ обходится въ 2—3 тысячи руб., на добровольные взносы не вооружить и одного корпуса. Приходится возвышать налоги. Но теперь, когда даже въ мирное время содержатся миллионныя арміи, подати настолько тяжелы повсюду, что возвышеніе ихъ не только вызываетъ недовольство, способное ослабить страну, но иногда оказывается прямо невозможнымъ: возвышаются, положимъ, налогъ на водку, и вдругъ вмѣсто увеличенія дохода оказывается уменьшеніе, такъ какъ, съ одной стороны, развивается контрабанда (т. е. тайный провозъ товара изъ-за границы безъ оплаты пошлиной), а съ другой—сокращается потребленіе. Остается прибѣгать къ послѣднему способу: къ государственному займу.

Государство выпускаетъ въ продажу цѣнныя бумаги по 100, 150, 500 р. или иной опредѣленной цѣнѣ. Каждый собственникъ такой бумаги получаетъ по 3, по 4 или болѣе процентовъ на затраченный имъ капиталъ, а черезъ нѣкоторое время получаетъ назадъ и самый капиталъ. Займы эти представляютъ изъ себя много соблазнительнаго. Масса народа въ первое время совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ тяжести и потому не выражаетъ своего недовольства. Въ то же время множество людей,—притомъ наиболѣе вліятельныхъ,—довольны. У нихъ были свободныя деньги, которыя имъ хотѣлось бы скопить на старость или передать въ наслѣдство дѣтямъ. Что съ ними дѣлать? Пустить въ оборотъ, завести или расширить фабрику, торговлю? но это всегда рискованно, а иногда и невозможно. Но вотъ является государство, которое предлагаетъ вамъ за ваши 20.000 р. обезпеченный доходъ въ 1.000 р. въ годъ и вамъ, и дѣтямъ, и внукамъ вашимъ,—понятно, что на эту приманку многіе бросаются съ радостью. Вотъ почему во всякомъ цивилизованномъ государствѣ всегда есть не мало людей, желающихъ войны, побѣдоносной или несчастной, имъ все равно. Они громко выражаютъ свои желанія въ обществѣ, въ печати, въ европейскихъ парламентахъ; они хватаются за всякій предлогъ, чтобы раздуть вражду между государствами, вовлечь правительства въ опасныя предпріятія; они всѣхъ громче говорятъ о «національной чести» и «политическихъ задачахъ государства».

Но не только война ведетъ къ займамъ; иногда (хотя, сравнительно, рѣдко) они заключаются для промышленныхъ предпріятій (проведеніе желѣзныхъ дорогъ, прорытіе каналовъ и т. под.), поднимающихъ благосостояніе страны; иногда же къ нимъ приходится прибѣгать для покрытія даже обыкновенныхъ расходовъ, когда правительство не рѣшается или не можетъ возвысить налоги. Такъ, въ Португаліи вотъ уже 10 лѣтъ дефицитъ, т. е. недостатокъ доходовъ сравнительно съ расходами, почти ежегодно превышалъ 25 милл. франковъ, дойдя въ 1889 г. до 70 мил. *). Дефицитъ этотъ образуется нерѣдко отъ того,

*) Въ Португаліи ходячая монета милрейсъ (1.000 рейсовъ), равняющаяся 5 фр. 60 сант. Для удобства мы переводимъ на франки, какъ болѣе извѣстную монетную единицу. Франкъ=25 коп., считая на золото, или по курсу приблизительно 40 кредитнымъ коп.

что приходится платить слишком много процентов по прежнимъ займамъ. Правительства довольно легко выдаютъ подобные векселя на потомство, которое по нимъ и расплачивается. Въ настоящее время Англія должна около 17.000 милліоновъ (17 милліардовъ) фр., болѣе чѣмъ по 500 фр. на каждаго жителя; Франція болѣе 30 милліардовъ, т. е. по 1.000 фр. на жителя, Россія около 5 милліардовъ рубл., а маленькая Португалія 3.625 милліон. фр., т. е. по 750 фр. на жителя; при ея бѣдности этотъ долгъ гораздо тяжелѣе французскаго, не говоря уже о другихъ. Цѣлая половина ея доходовъ идетъ на уплату процентовъ. При этомъ—долги почти повсюду все растутъ и растутъ (блестящее исключеніе изъ этого правила—Соед. Штаты). Въ прошломъ году у Португаліи вышло небольшое недоразумѣніе съ Англіей, и вотъ, забывая о финансовомъ положеніи, страны, португальское общество громко заговорило о своей національной чести; чуть-чуть не дошло до войны, а между тѣмъ Португалія и такъ уже доведена до крайности.

Трудно предсказать, до чего доведутъ долги Европу въ будущемъ; но уже въ настоящее время милліоны людей живутъ не работая, а сотни милліоновъ трудятся, чтобы первые въ срокъ получали свои проценты. Кое-гдѣ (въ Болгаріи, напр.) правительства уже не вызываютъ къ себѣ довѣрія; займы тамъ возможны лишь съ отдачей въ залогъ какой-нибудь желѣзной дороги, той или иной подати (напр., солянаго акциза), или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ кредиторы государства получаютъ возможность распоряжаться желѣзной дорогой, назначать въ страну своихъ чиновниковъ, вообще вліять на внутреннюю жизнь страны. Пользуясь этой возможностью, они, разумѣется, не жертвуютъ своими интересами ради выгодъ народа.

Всего хуже оказалось въ послѣднее время положеніе Португаліи. Уже много лѣтъ она не сводитъ концовъ съ концами. Въ 1890 г. одинъ ея заемъ едва удался: такъ трудно было найти богатыхъ людей, готовыхъ снабдить ее деньгами. Черезъ годъ для заключенія новаго 200-милліоннаго займа ей пришлось создать монополію продажи табака въ странѣ на 35 лѣтъ. Чтобы какъ-нибудь предупредить повтореніе займовъ въ будущемъ, пришлось поднять всѣ налоги на 6%; но это, разумѣется, не могло улучшить положенія дѣлъ. Когда возвышаютъ налоги, то всегда тщательно обдумываютъ, какіе изъ нихъ болѣе, какіе менѣе отяготительны, и стараются возвышать лишь послѣдніе. У португальскаго правительства не было для такого обдумыванія ни времени, ни охоты. Стѣсненіемъ печати, слишкомъ громко говорившей противъ неумѣлой финансовой политики, конечно, нельзя было покрыть дефицитъ. Пришлось уничтожить въ 1891 г. два полка (тогда какъ всего за 2 года передъ тѣмъ Португалія тянулась за другими державами въ стремленіи усилить свою армію), сократить жалованье чиновникамъ и уменьшить самое ихъ число; т. е. расходы понижены на 72 мил. въ годъ. Затѣмъ правительство рѣшило сдать съ торговъ на 12 лѣтъ (не ниже 1.400.000 фр. въ годъ) спичечную монополію: компанія, которая возьметъ эту монополію, должна будетъ по опредѣленнымъ цѣнамъ скупить всѣ спичечныя фабрики, и въ теченіе 12 лѣтъ она одна будетъ имѣть право выдѣлывать и продавать спички; цѣна спичекъ назначена: 5,2 сент., т. е. 2 коп. за 75 шведскихъ спичекъ, которыя стоятъ въ дѣйствительности менѣе 1 коп. Эта цѣна такъ высока, что компанія получить, конечно, хорошіе барыши; изъ нихъ она будетъ выплачивать правительству 1.400.000 въ годъ, быть можетъ, половину или $\frac{1}{3}$ того лишка, который сама возьметъ съ народа; ради выгодъ этой компаніи правительство обязалось еще отказаться отъ налога на фосфоръ и

сѣру, доставляшаго раньше небольшой доходъ. Водочная монополія не удалась; пришлось ограничиться возвышеніемъ акциза.

Высокія цѣны на хлѣбъ, грозившія голодомъ, заставили правительство дѣломъ 1891 г. согласиться на пониженіе, болѣе чѣмъ вдвое, пошлины на иностранную пшеницу; но съ 1 сентября того же года оно вдругъ вовсе запретило ввозъ ея изъ-за границы. Финансовый кризисъ произвелъ то, что изъ страны быстро уходило золото (великъ былъ ввозъ иностранныхъ товаровъ въ страну и сравнительно малъ вывозъ); чтобы задержать его и такимъ образомъ наставить рукава на тришкинъ кафтанъ, правительство рѣшилось обрѣзать у него фалды и полы: погубить хлѣбную торговлю, разорить народъ, заставивъ его платить повышенныя цѣны за хлѣбъ, и даже лишиться значительнаго таможеннаго дохода. Чтобы покрыть убыль, съ 1 февраля 1892 г. были подняты вдвое, втрое и болѣе пошлины на всѣ остальные ввозимые товары: масло, сукно и проч. Но всего этого было мало, да и самый ввозъ долженъ значительно сократиться, разъ народъ разоренъ хлѣбными цѣнами.

Въ началѣ 1892 г., т. е. черезъ 2—3 года послѣ начала кризиса, когда народъ уже успѣлъ переплатить за хлѣбъ не одинъ миллионъ, король заявилъ въ особомъ рескриптѣ министрамъ, что онъ, король, первый долженъ нести тѣ тягости, которыя налагаетъ на народъ положеніе дѣлъ, что онъ всегда готовъ раздѣлить участь своего народа и потому отказывается отъ одной пятой доли своихъ доходовъ (3 мил. фр.). Но и это самопожертвованіе не помогло.

Весной 1892 г. министерство объявило, что оно предложитъ народнымъ представителямъ объявить, что Португалія временно, до поправленія бюджета, отказывается отъ уплаты кредиторамъ $\frac{2}{3}$ процентовъ по государственному долгу. Всѣ капиталисты Европы заволновались. Почти у всѣхъ у нихъ есть выгодныя португальскія бумаги,—и вдругъ Португалія банкротъ. Германское правительство заступилось за своихъ подданныхъ и протестовало противъ намѣренія правительства Португаліи; но такой словесный протестъ не можетъ достигнуть цѣли, а на войну съ Португаліей изъ-за интересовъ частныхъ лицъ Германія не рѣшится. Да и что можетъ сдѣлать война? Португальское правительство весьма резонно отвѣтило Германіи, что кредиторамъ лучше получать $\frac{1}{3}$, чѣмъ ничего,—а это послѣднее неизбежно случится въ близкомъ будущемъ, если Португалія будетъ платить теперь проценты сполна; война же только разоритъ ее окончательно. Кромѣ войны, у европейскихъ государствъ есть и другія, менѣе сильныя, но все-таки дѣйствительные способы репрессіи; но въ данномъ случаѣ очевидно, что и съ помощью ихъ ничего нельзя подѣлать.

Результатъ всего этого пока одинъ: Португаліи, по крайней мѣрѣ безъ залога, никто больше вѣрить не станетъ; отъ этого она можетъ даже выиграть, разумѣется, если она не будетъ впредь, какъ до сихъ поръ, закладывать свое послѣднее достояніе. Она должна будетъ сильно сократить свою армію и многіе годы не будетъ способна вести войны. Отъ этого, можетъ быть, выиграетъ все человѣчество, но цѣною какихъ человѣческихъ страданій будетъ куплена эта выгода! Въ Португаліи и внутри ея тысячи, десятки тысячъ людей, богатыхъ и тѣхъ изъ бѣдныхъ, судьба которыхъ такъ или иначе связана съ судьбой обладателей бумагъ, будутъ разорены; торговля измѣнитъ свое направленіе, измѣнятся (въ Португаліи) цѣны на всѣ продукты. Самая большая выгода была бы тогда, если бы судьба Португаліи послужила урокомъ, напр., Италіи, которая быстро идетъ по ея стопамъ; но разсчитывать на это трудно. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ историческіе уроки никого ничему не научали.

B.

Женщины въ Америкѣ. Результаты послѣдней переписи населенія Соединенныхъ Штатовъ, опубликованные статистическимъ бюро, указываютъ, что на 32.067.880 мужчинъ приходится 30.554.070 женщинъ, слѣдовательно, численностью мужчины превосходятъ женщинъ въ сѣверо-американскомъ союзѣ, но это не мѣшаетъ женщинамъ въ своей борьбѣ за политическую равноправность достигать замѣтныхъ успѣховъ. Безъ сомнѣнія, успѣхи эти надо отнести на долю дѣятельности женскихъ ассоціацій въ Америкѣ. Въ одной изъ предыдущихъ статей мы говорили уже объ этихъ ассоціаціяхъ, основанныхъ съ самыми различными цѣлями и процвѣтающихъ самымъ завиднымъ образомъ. Въ 1888 году ихъ расплодилось такъ много, что тринадцать изъ нихъ образовали федерацію, существующую и по сіе время подъ названіемъ «National Council of Women». Первая женская ассоціація возникла въ 1848 году и притомъ не съ какою-нибудь филантропическою или общественною цѣлью, а чисто съ политической цѣлью, ибо ассоціація эта требовала для гражданокъ Америки право голоса. Съ 1848 года ассоціація эта все расширялась и прогрессировала и существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ американскаго національнаго общества, насчитывая 100.000 членовъ среди американскихъ женщинъ. Эта ассоціація играла не послѣднюю роль въ борьбѣ за освобожденіе негровъ и въ войнѣ за независимость.

Но если національно-американская ассоціація женщинъ наиболѣе значительна по своей роли и по своему вліянію, то другая ассоціація, «Женское общество трезвости», наиболѣе многочисленная изъ всѣхъ женскихъ ассоціацій въ Америкѣ; въ настоящее время въ ней насчитывается до полутора милліона членовъ, во главѣ которыхъ стоитъ миссъ Френсисъ Вилларъ, восемнадцатилѣтняя молодая дѣвушка. Ассоціація эта, какъ видно изъ ея названія ведетъ борьбу, главнымъ образомъ, съ пьянствомъ и ей удалось добиться того, что въ пяти штатахъ уже изданы законы противъ пьянства. Но, кромѣ пьянства, ассоціація эта преслѣдуетъ куреніе табака и ея пропаганда въ этомъ отношеніи идетъ еще успѣшнѣе, такъ что въ тридцати четырехъ штатахъ приняты уже законодательныя мѣры противъ куренія. Кромѣ этой пропаганды, ассоціація стремится къ той же цѣли, къ какой стремятся и всѣ прочія женскія ассоціаціи, а именно—къ уравниенію политическихъ правъ женщинъ, и въ одномъ изъ штатовъ добились избирательныхъ правъ для женщинъ. Ассоціація издаетъ самую большую газету, какая только издается женщинами въ цѣломъ свѣтѣ, и участвовала въ постройкѣ «женскаго дворца», лучшаго изъ зданій на чикагской выставкѣ.

Затѣмъ слѣдуютъ: «Общество Краснаго Креста», основанное американскими женщинами для подачи помощи раненымъ, имѣющее сто тысячъ членовъ; «Общество пропаганды всеобщаго мира» съ 50.000 членовъ; «Общество поданія помощи нуждающимся на западныхъ территорияхъ Америки» съ 78.000 членовъ и, наконецъ, пять обществъ религіозной протестантской пропаганды и еще нѣкоторыя другія менѣе значительныя ассоціаціи. Число женщинъ, соединившихся подъ эгидой «National Council of Women» превышаетъ въ настоящее время два милліона. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть объ университетскихъ обществахъ женщинъ, въ которыхъ участвуютъ огромное большинство женщинъ, имѣющихъ ученныя степени, и объ ассоціаціяхъ, составленныхъ рабо-

чими женщинами, не входящихъ въ составъ національной федераціи, но тѣмъ не менѣе хорошо организованныхъ. Одна изъ этихъ ассоціацій носитъ названіе «Knights of labor»—«рыцари труда», такъ какъ въ ней участвуютъ не только женщины, но и мужчины; женщинъ въ ней насчитывается 200.000. Кромѣ того, работницы организовали въ большихъ городахъ спеціальныя клубы «женщинъ работницъ», гдѣ обсуждаются всевозможныя политическія и социальныя вопросы. Въ Нью-Йоркѣ такой клубъ имѣетъ 20.000 членовъ. Всѣ эти ассоціаціи устроены по одному образцу, членскій взносъ въ нихъ весьма незначителенъ, въ большинствѣ случаевъ не превышаетъ двухъ долларовъ въ годъ, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе огромнаго числа членовъ, бюджетъ ихъ не нарушается и всѣ доходы употребляются на пропаганду идеи ассоціаціи, на печатаніе и распространеніе брошюръ, прокламацій, публичныя чтенія и т. п. Почти каждая изъ ассоціацій имѣетъ свой органъ печати.

Американки, въ своей борьбѣ за равноправность, обнаружили огромное терпѣніе и настойчивость. Долгое время къ ихъ заявленіямъ не хотѣли относиться серьезно, да и теперь еще юмористическая печать Союза часто не щадитъ ихъ своими насмѣшками, но это не мѣшаетъ имъ идти твердо по развѣ намѣченному пути и серьезные органы американской печати уже никогда не позволяютъ себѣ насмѣшекъ надъ ними, понимая, что съ женскимъ вліяніемъ приходится считаться въ настоящее время обѣимъ политическимъ партіямъ въ Америкѣ, какъ республиканской, такъ и демократической. Результатомъ этимъ американскія женщины обязаны не только своей энергіи и упорству, но и своимъ умѣньемъ выбирать изъ своей среды лицъ, которыя становятся во главѣ ассоціаціи, какъ вполне безупречныхъ съ точки зрѣнія общественной и семейной нравственности, такъ и вполне заслуживающихъ уваженія и составившихъ себѣ репутацію своей дѣятельностью и политическимъ тактомъ. И то обстоятельство, что во главѣ женскаго движенія въ Америкѣ стоятъ женщины, въ большинствѣ случаевъ обладающія репутаціей хорошихъ жёнъ и матерей семейства, по всей вѣроятности, много способствуетъ его успѣху.

Э. П—ва.

Генуэзскія празднества. «Я говорилъ, хотѣлъ, вѣрилъ—и изъ воды возсталъ новый неизвѣстный міръ!»—такъ гласитъ надпись на одной статуѣ великаго мореплавателя, память котораго Генуя—его родина, собралась почтить великолѣпными празднествами, которыя должны были затмить своимъ блескомъ всѣ торжества подобнаго рода. Цѣлые мѣсяцы генуэзцы пребывали въ напряженномъ состояніи, готовясь къ празднествамъ и къ встрѣчѣ гостей, которые должны были съѣхаться въ Геную чуть не со всѣхъ концовъ свѣта. Ожиданіе генуэзцевъ оправдалось—наплывъ посѣтителей оказался такъ великъ, что многимъ не хватало помѣщеній въ городѣ и пришлось искать убѣжища въ пригородныхъ селахъ и городахъ.

Празднества начались открытіемъ «итало-американской» выставки, самый интересный отдѣлъ которой, именно американскій, гдѣ посѣтители могли любоваться крайне интересными коллекціями перуанскихъ древностей и собраніемъ этнографическихъ коллекцій изъ Бразиліи и дру-

гихъ мѣстъ Америки. Но, разумѣется, центромъ всего является «Cristoforo Colombo»; вездѣ въ витринахъ выставлены его портреты, бюсты, всюду раздаются возгласы продавцевъ: «La vita di Colombo perdute soldi» (Жизнеописание Колумба за два селъдо*), вездѣ видны медали съ изображеніемъ Колумба и статуэтки, сдѣланныя изъ самаго разнообразнаго матеріала, металла, камня, дерева, глины и даже губки. На каждомъ шагу что-нибудь да напоминаетъ Колумба и его открытіе; такъ, не мало обращаетъ на себя вниманіе «Колумбово яйцо»—большая постройка овальной формы, имѣющая видъ скорлупы отъ яйца, съ отбитымъ нижнимъ концомъ. Въ этомъ яйцѣ помѣщается ресторанъ, гдѣ публикѣ предлагается ликеръ Колумба и музыка исполняетъ маршь Колумба—словомъ, все и вездѣ Колумбъ!

Вслѣдъ за открытіемъ выставки начался рядъ празднествъ и въ теченіе пяти дней одно великолѣпное празднество смѣнялось другимъ. Надо правду сказать, во время этой непрерывной серіи празднествъ, баловъ, процессій, и т. п., утомительныхъ подъ конецъ для всѣхъ, кромѣ итальянцевъ, виновникъ торжества Христофоръ Колумбъ какъ-то отодвинулся на задній планъ. Другіе интересы, отчасти даже политическаго характера, выступили на первое мѣсто. О Колумбѣ какъ будто стали забывать во время всѣхъ этихъ «feste Colombiam» и поэтому историческій кортежъ пришелся очень кстати, чтобы снова напомнить о томъ, чью память собрались чествовать въ Генуѣ представители всѣхъ европейскихъ и прочихъ націй. Кортежъ, въ которомъ участвовало болѣе 900 человекъ, дефилировалъ по улицамъ Генуи, на глазахъ тысячной толпы, усыпаншей тротуары, балконы, окна и крыши домовъ—словомъ, вездѣ видѣлось море головъ и среди этого моря пестрою лентою развернулась процессія; гранды, рыцари, пажи въ костюмахъ XV столѣтія, воины, матросы экипажей трехъ каравеллъ Колумба, щитовосцы, знаменосцы, пикадоры и т. д. ремесленники, народъ, дикари, имѣющіе въ рукахъ оружіе, и продукты своей родины, плоды кокосовыхъ пальмъ, бананы, ананасы и, наконецъ, звѣри, одни—живые, другіе—въ видѣ чучель, чудовищныя змѣи, игуаны и т. д., которые должны были изображать собой фауну Новаго Свѣта. А въ серединѣ процессій аллегорическая колесница, на которой молоденькая бѣловурая дѣвушка изображала гордую Испанію, окруженная рядомъ историческихъ личностей. За колесницей слѣдовалъ Христофоръ Колумбъ въ сопровожденіи савонниковъ испанскаго государства. Тысячная толпа привѣтствовала его появленіе съ такимъ восторгомъ и энтузіазмомъ, какъ будто передъ нею возсталъ самъ великій генуэзецъ, котораго эта самая Генуя—«patria ingrata» (неблагодарная родина) нѣкогда не хотѣла признавать и передъ которымъ генуэзцы теперь какъ будто желали загладить несправедливость, сдѣланную ими 400 лѣтъ тому назадъ.

Рядомъ съ шумными празднествами память Колумба собрались почитать и скромные ученые всѣхъ націй, устроившіе нѣсколько международныхъ конгрессовъ въ Генуѣ. Серія этихъ конгрессовъ открылась ботаническимъ конгрессомъ, который, между прочимъ, имѣлъ ту особен-

*) Soldo—итальянская монета, равняющаяся почти двумъ копѣйкамъ.

ность, что въ немъ участвовали женщины: госпожа Меллеръ изъ Христианн, три американки и одна уроженка Женевы.

Послѣдній номеръ программы генуэвскихъ празднествъ составляла великолѣпная иллюминація. Генуэзская гавань, въ которой сошлись суда почти всѣхъ націй, была залита разноцвѣтными огнями, отражавшимися яркими полосами свѣта въ тихихъ водахъ Генуэвскаго залива. Улицы города, зигзагами поднимающіяся въ гору, представляли рядъ извилистыхъ блестящихъ лентъ; постепенно загорались огни въ горахъ, темные силуэты которыхъ вырисовались вдали и скоро вся цѣпь возвышенностей, окружающихъ городъ, представляла непрерывную линію огней. Кто видѣлъ красавицу Геную—«Genova la superba», какъ ее называютъ, въ этомъ, роскошномъ блестящемъ уборѣ, тотъ, конечно, не скоро забудетъ это зрѣлище.

Э.

Медино-санитарныя условія Персіи. Персія является ближайшей страной южной части Россіи (Кавказа). Съ тѣхъ поръ, какъ мы болѣе географически сблизились съ нею, насъ чаще начали посѣщать всевозможныя эпидемическія болѣзни и, между прочимъ, въ нынѣшнемъ году изъ Персіи къ намъ занесена была холера. Поэтому интересно познакомиться, при какихъ условіяхъ живетъ тамъ населеніе и кто его лечитъ? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ корреспонд. «Рус. Вѣд.» (№ 220), изъ которыхъ и дѣлаемъ краткое извлеченіе. Персидскій народъ страшно бѣденъ, живетъ при крайне дурныхъ условіяхъ. Деревня, въ которой живутъ люди, похожа скорѣе на кучу норъ подземныхъ кротовъ, полутемныхъ, сырыхъ и дымныхъ землянокъ. Свѣтъ въ избенку проникаетъ изъ отверстія на кончикѣ конуса крыши. Избенка внутри раздѣлена на двѣ половины: одна изъ нихъ служитъ спальнею для хозяевъ, другая помѣщеніемъ для скота. Около каждой землянки стоитъ по холмику изъ навоза, идущаго на топливо. Мусульмане живутъ очень грязно. Лѣтняя одежда, состоящая изъ одной только рубахи и штановъ, никогда не идетъ въ стирку изъ опасенія испортить бѣлье. Питаются скудно: въ лѣтнее время пшеничнымъ хлѣбомъ съ огурцами, дынями и арбузами, растущими въ громадномъ количествѣ во всѣхъ частяхъ государства, а зимою—лукомъ и квашеными овощами, главнымъ образомъ, капустою. Въ городахъ жизнь во многихъ отношеніяхъ не лучше, чѣмъ въ деревняхъ. Хотя тутъ и нѣтъ землянокъ, но за то гаремное устройство городскихъ домовъ представляетъ много неудобствъ въ гигиеническомъ отношеніи: дома, огороженные высокими стѣнами, лишены солнечнаго свѣта и чистаго воздуха. Улицы узки, не мошены и пыльны. Всѣ нечистоты выбрасываются на улицу или въ рѣчку, гдѣ таковая есть; послѣдняя замѣняетъ и помойныя ямы. Сюда бросаютъ мусоръ, дохлахъ животныхъ, тутъ же стираютъ бѣлье, моютъ посуду и сами купаются и совершаютъ религиозныя омовенія; берутъ отсюда воду для кушанья и для питья! Персіянину въ общемъ представляется исхудалымъ, но выносливымъ, крайне невѣжественъ, фаталистъ, лѣнивъ, апатиченъ, а въ религиозномъ отношеніи страшно фанатиченъ. Онъ во всемъ слушается своего

духовенства и нерѣдко въ сообществѣ съ нимъ идетъ противъ государя. Духовенство руководитъ и умственнымъ развитіемъ народа, поведеніемъ, вообще жизнью его. Къ нему же народъ прибѣгаетъ и за медицинскую помощь. Муллы и прочія духовныя лица черпаютъ свою медицинскую мудрость изъ Корана. Къ мулламъ обращаются родители душевно-больныхъ, и влюбленные, и желающіе сразу разбогатѣть. Второй рядъ медиковъ — цирюльники (далляки), которымъ предоставлено право лечить тѣлесныя болѣзни и притомъ исключительно матеріальными средствами; духовныя же лица въ правѣ лечить какъ болѣзни души, такъ и тѣла. Ихъ средства—это или молитвы, возносимыя къ Аллаху и святымъ, или же проклятія, направленные противъ алыхъ духовъ. Даллякъ лечитъ бритвою, пивками, травами и очень часто хитрыми средствами, созданными его фантазіей. Онъ не затрудняется ставить діагнозы и лечить, какъ вздумалъ. Напримѣръ, противъ глухоты масса средствъ (кровь зеленой лягушки, сокъ изъ сыраго лука и т. д.). Умѣнье лечить передается по наслѣдству. О какихъ-либо гигиеническихъ требованіяхъ нѣтъ и помину. Доморощенные просвѣтители персидскаго народа противъ европейской пауки, противъ всего того, что исходитъ извнѣ, что не отъ нихъ.

Н.

Англійскія общества путешественниковъ. Ни въ одной націи страсть въ путешествіямъ не развита такъ сильно, какъ у англичанъ. Путешествующаго англичанина можно встрѣтить всюду, не только на европейскомъ континентѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, при чемъ отправляются путешествовать не одни только богатые люди въ Англій, но и люди съ довольно ограниченными средствами къ жизни, рабочіе, мелкіе чиновники, учителя и т. п. Съ перваго взгляда трудно объяснить себѣ, какъ это человѣкъ, располагающій доходомъ не болѣе, какъ въ 45 шиллинговъ въ недѣлю, можетъ позволить себѣ роскошь путешествія. А между тѣмъ это такъ,—ларчикъ открывается довольно просто,—и въ высшей степени практической способъ англичанъ устраивать поѣздки заслуживаетъ вниманія. Въ Лондонѣ существуетъ клубъ, называемый «Toynbee Hall», насчитывающій въ настоящее время болѣе двухсотъ членовъ, и въ теченіе зимы члены этого клуба рѣшаютъ, куда они отправятся путешествовать лѣтомъ. Когда выборъ сдѣланъ, въ клубѣ устраиваются чтенія и лекціи о странѣ, которую собираются посѣтить лѣтомъ, ея географическихъ особенностяхъ, климатическихъ и другихъ условіяхъ, о ея населеніи, его исторіи, обычаяхъ, памятникахъ древности—словомъ, прежде чѣмъ посѣтитъ страну, члены клуба основательно знакомятся съ нею. Затѣмъ президентъ клуба вступаетъ въ переговоры съ обществами желѣзныхъ дорогъ, пароходства и содержателями отелей относительно пониженія цѣнъ за проѣздъ и содержаніе въ отеляхъ. Послѣ того составляются группы путешественниковъ въ шесть или семь человѣкъ, обыкновенно состоящая наполовину изъ мужчинъ и изъ женщинъ, и одинъ изъ членовъ становится ея руководителемъ, тогда какъ другой ведетъ расходы, переписку и т. д. Обыкновенно въ каждой группѣ есть человѣкъ, умѣющій свободно объясняться на языкѣ страны, которую собираются посѣтить. И такимъ образомъ является полная возможность путешествовать, имѣя даже незначительныя средства; расходы разлагаются на всѣхъ поровну,

и поэтому на каждого члена группы приходится лишь весьма незначительная ихъ часть. Такія общества путешественниковъ совершили уже нѣсколько экскурсій: въ 1889 году они посѣтили парижскую выставку, затѣмъ совершались поѣздки въ Швейцарію, въ Марокко, въ Норвегію и еще въ нѣкоторыя другія мѣста. Въ будущемъ году такія общества отправляются въ Чикаго на выставку. Въ прошломъ году въ числѣ членовъ клуба путешественниковъ находились: 18 почтовыхъ чиновниковъ, 17 купцовъ, 18 служанокъ (изъ нихъ тринадцать съ мужьями), 39 учителей, 54 учительницы, 30 журналистовъ и люди самыхъ разнообразныхъ профессій и положенія. Такіе же клубы существуютъ въ Ливерпулѣ и въ Манчестерѣ, гдѣ насчитывается 6.000 членовъ. Это самый многолюдный клубъ, устраивающій самыя разнообразныя и поучительныя экскурсіи для своихъ членовъ.

3.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ міра наукъ.

Конгрессъ ориенталистовъ въ Лондонѣ. Врядъ ли какой-нибудь другой городъ на свѣтѣ имѣеть болѣе правъ на то, чтобы быть мѣстомъ сѣзда ориенталистовъ, какъ Лондонъ—резиденція государства, отправляющаго свои суда по всѣмъ морямъ земнаго шара и торговля компаніи котораго основываютъ колоніи и имѣють сношенія рѣшительно во всѣхъ частяхъ свѣта. Со всѣхъ частей свѣта доставляются въ Англию образцы произведеній природы и искусства далекихъ странъ, рѣдкости и древности востока и юга и врядъ ли гдѣ-нибудь существуютъ такія богатѣйшія коллекціи и такой обильный матеріалъ, какой можетъ доставить Англія интересующимся восточной культурой и югомъ.

Послѣдній конгрессъ ориенталистовъ засѣдалъ въ Лондонѣ въ 1874 году, затѣмъ онъ собирался ежегодно въ разныхъ городахъ Европы, Флоренціи, Берлинѣ, Лейденѣ, Вѣнѣ и Стокгольмѣ и наконецъ опять открылся въ Лондонѣ въ началѣ сентября этого года. Наибольшею многолюдностью отличался стокгольмскій конгрессъ; въ немъ принимало участіе 713 членовъ, тогда какъ теперь въ Лондонѣ собралось всего лишь 400. Причину этого слѣдуетъ искать въ неблагопріятномъ санитарномъ положеніи Европы въ настоящее время. Разумѣется, въ списокъ лицъ, принимающихъ участіе въ лондонскомъ конгрессѣ, находятся имена почти всѣхъ выдающихся европейскихъ ученыхъ ориенталистовъ; профессоръ Оксфордскаго университета Максъ Мюллеръ былъ избранъ президентомъ конгресса и въ замѣчательной рѣчи, сказанной при открытіи конгресса, избразилъ цѣли и задачи конгресса ориенталистовъ. «Востокъ считается страшно далекимъ отъ запада,—сказалъ онъ,—и задача ориенталистовъ заключается именно въ томъ, чтобы сблизить ихъ и научиться понимать чужеземныя нарѣчія, взгляды и идеи. Мы все находимся подъ вліяніемъ греко-римскихъ воззрѣній и поэтому не удивляемся, что народы, подобные финикійцамъ и персамъ, считаются варварами, хотя культура ихъ была выше греческой и говорили они языкомъ, родственнымъ языку Гомера, и обладали гораздо болѣе чистой и возвышенной религіей, нежели греки времени Гомера. Но воззрѣнія эти до такой степени усвоены нами, что вызвали образованіе рѣзкой границы между востокомъ и западомъ, между бѣлыми и «черными» полами, между семитами и арійскими племенами, и это къ собственному нашему вреду! Заслуга ориенталистовъ заключается въ томъ, что они способствуютъ исчезанію этой рѣзкой границы между востокомъ и западомъ. Въ древнѣйшія времена языкъ составлялъ обшную связь

между всѣми первобытными племенами, образовавшими впоследствии отдѣльныя народности на западѣ и востокѣ. Новѣйшія изслѣдованія показали, что никогда языкъ, которымъ говорили отдѣльные народы, не раздѣлялъ ихъ настолько, чтобы между ними не могъ происходить обмѣнъ мыслей и умственныхъ сношеній». Далѣе профессоръ подробно изложилъ важное значеніе филологическихъ изслѣдованій для науки. «Слово — служить выраженіемъ человѣческой мысли и филологическая наука даетъ намъ волшебное средство воскресить древнія мысли и раскрываетъ передъ нашими глазами духовный міръ отдаленнѣйшихъ предковъ народовъ востока и запада. Сравнительное языковѣднiе указало намъ на тѣсную связь и общее происхождение различныхъ, разсѣянныхъ вдали другъ отъ друга народовъ, и на постоянство сношеній между ними. Даже китайская стѣна и своеобразный китайскій языкъ и письмена не составили препятствія къ такимъ сношеніямъ. Арійцы и семиты нѣкогда составляли одну большую семью; финикійцы, евреи, арабы, персы, ассирійцы, греки, римляне, кельты, германцы, славяне — все это братья одного племени. Только двѣ страны въ древности, казалось, пребывали въ совершенно изолированномъ состояніи—Китай и Индія. Справедливо говорить, что индійская философія и религія свалилась къ намъ на землю словно метеоръ съ одной изъ отдаленныхъ планетъ. Индія впервые вышла изъ своего замкнутого состоянія лишь подъ вліяніемъ буддійскаго ученія и заняла свое мѣсто въ исторіи міра. Въ ней впервые возникла идея о покореніи міра не силой оружія, а силой убѣжденія и проповѣдью истины. Миссіонеры должны были возвѣстити міру новое ученіе, которое указываетъ на совершенно новое мировоззрѣніе, считающее всѣ народы, населяющіе земной шаръ—какъ бы они ни отличались между собой, языкомъ, религіей, обычаями и цвѣтомъ кожи, — одной великой семьей, въ которой каждый отдѣльный членъ несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣхъ остальныхъ. Это мировоззрѣніе впервые доказало, что слово «человѣчество» не есть пустой звукъ. Трудамъ ориенталистовъ мы обязаны тѣмъ, что передъ нами яркимъ солнечнымъ свѣтомъ озарились сумерки, окутывавшіе древнюю исторію человѣчества. Мы увидѣли одну непрерывную цѣпь, одни законы, управлявшіе судьбами человѣчества съ самаго начала исторіи до нашего времени; мы можемъ прослѣдить теперь историческое развитіе народовъ, начиная съ самой отдаленной эпохи, и все это благодаря работѣ и изслѣдованіямъ ориенталистовъ, труды которыхъ имѣютъ еще ту огромную заслугу, что они ведутъ, быть можетъ, къ окончательному устраниенію предубѣжденія, составляющаго *«damposa hereditas»* нашего времени и лежащагося въ основаніе враждебности, существующей между различными націями и расами. Предубѣжденіе это должно исчезнуть, лишь только мы сознаемъ, что всѣ люди составляютъ одну семью, что мы всѣ—братья, какъ это указываютъ намъ теперь новѣйшія работы и изслѣдованія ориенталистовъ».

Замѣчательная рѣчь профессора Макса Мюллера, главные идеи которой мы изложили въ краткихъ словахъ, длилась болѣе часу и, разумѣется, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. На слѣдующій день уже начались засѣданія отдѣльныхъ секцій. Семитическая секція оказалась болѣе разнообразной и интересной. Между прочимъ, профессоръ Ландъ изъ Лейдена прочелъ чрезвычайно интересный докладъ о древнѣйшемъ развитіи арабской музыки и отраженіе на ней греческаго и персидскаго вліянія. На засѣданія этой секціи двѣ англичанки, сестры Левисъ, представили фотографическое изображеніе древнѣйшей арабской рукописи Новаго Завѣта, хранящейся въ Синайскомъ

монастырь, приче́мъ одна изъ сестеръ прочла объ этомъ крайне интересный докладъ, заслужившій ей благодарность президента.

На послѣднемъ засѣданіи конгресса вотирована была резолюція, касающаяся устройства международного института ориенталистовъ. Слѣдующій конгрессъ соберется въ Женевѣ, въ 1894 году.

Вулканы Зондскихъ острововъ. Область Тихаго океана, со включеніемъ побережій прилегающихъ къ нему материковъ, чрезвычайно богата вулканами. Цѣпь вулканическихъ горъ почти непрерывно тянется отъ Берингова пролива, заворачиваетъ къ западу въ южномъ направленіи и переходитъ на Суматру, Яву и Новую Зеландію. Нигдѣ въ другой области земнаго шара не встрѣчается ничего подобнаго и сторонники «нептуническаго» происхожденія огнедышащихъ горъ видятъ прямое подтвержденіе этой теоріи въ тихоокеанской цѣпи вулкановъ, размѣщенныхъ частью по островамъ, частью по берегамъ материковъ. Очевидно, подпочвенные слои Зондскихъ острововъ оказываютъ, сравнительно съ другими мѣстами земнаго шара, наименьшее сопротивленіе силѣ подземнаго огня. Въ покрывающихъ эти области горныхъ хребтахъ вездѣ почти существуютъ трещины, изъ которыхъ лава сочится день и ночь. Иногда случаются сильнѣйшія изверженія, въ родѣ того, напримѣръ, которое девять лѣтъ тому назадъ опустошило Зондскій архипелагъ слишкомъ на сто верстъ кругомъ. Наибольшій изъ Зондскихъ острововъ, Суматра, изобилуетъ вулканами; семь изъ нихъ дѣйствуютъ постоянно и всѣ они размѣщены вдоль берега. Съ геологической точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ вулканъ Демпо, находящійся на стоверстномъ разстояніи отъ города Бенкулена и имѣющій до полуторы тысячи сажень вышины. Этотъ вулканъ возвышается среди обширной равнины, окруженной цѣпами высокихъ горъ и дѣвственной растительностью, мѣстами прорѣзанной бурными потоками, скатывающимися съ вершинъ скалистыхъ глыбъ, обрамляющихъ его два главныхъ кратера, которые называются Саваха и Мерани. Саваха—потухшій кратеръ, обросшій кустарными растеніями; другой же кратеръ, Мерани, отличается отъ кратеровъ всѣхъ извѣстныхъ огнедышащихъ горъ своимъ круглымъ отверстіемъ, чуть ли не единственнымъ въ природѣ явленіемъ,—постояннымъ присутствіемъ въ немъ воды. На глубинѣ пятидесяти сажень въ немъ, какъ въ колодцѣ, находится вода и каждыя двадцать минутъ замѣчается въ ней слѣдующее явленіе: поверхность воды, сначала гладкая, покрывается рябью, затѣмъ принимаетъ видъ воронки, образуется быстрый водоворотъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ и, наконецъ, изъ середины кратера вылетаетъ громадный столбъ горячей воды. Недалеко отъ этого вулкана лежитъ озеро продолговатой формы, вода въ которомъ настолько горяча, что никакая рыба не можетъ въ ней существовать. Для объясненія происхожденія вулкановъ существуетъ не мало гипотезъ, но наиболѣе распространенна та, которая объясняетъ явленіе огнедышащихъ горъ проникновеніемъ морской воды по трещинамъ оболочки земнаго шара до содржащихся въ немъ огненно-жидкихъ массъ. Въ соприкосновеніи съ

этими массами вода обращается въ пары. Въ вулканы Демпо вода не прикасается непосредственно къ огненно-жидкой массѣ внутри вулкана, но нагревается ею и, поднимаясь по кратеру, выбрасывается изъ него подобно кипящимъ фонтанамъ исландскихъ гейзеровъ. По мнѣнію большинства геологовъ, обиліе вулкановъ въ тихоокеанской области земного шара должно объяснить не иначе, какъ близкимъ соудствомъ морской воды съ краями высокихъ горъ. Такимъ образомъ вода, по всей вѣроятности, играетъ первенствующую роль во всѣхъ вулканическихъ явленіяхъ на Зондскихъ островахъ.

Э.

Вредъ отъ уличной пыли. Большинство изъ насъ и не подозрѣваетъ всего того вреда, который наноситъ нашему здоровью уличная пыль. Между тѣмъ, оказывается, что нельзя себѣ даже и представить той массы заразныхъ началъ, какія разносятся по городамъ, особенно многолюднымъ, пылью мостовыхъ. По изслѣдованіямъ одного итальянскаго доктора Манфреди, въ пыли содержатся микроорганизмы всевозможныхъ человѣческихъ недуговъ, какъ-то: тифа, бугорчатки, дифтерита, гнилостнаго зараженія крови и другихъ болѣзней. И всѣ эти опасныя зародыши выдерживаютъ засуху какъ нельзя лучше, въ теченіе многихъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Вѣтеръ поднимаетъ пыль, попадающую людямъ въ ротъ и носъ, на бороду, усы и свободно проникающую въ органы дыханія. Микробы задерживаются испариной и проникаютъ, будто бы, въ организмъ черезъ поры. Заразительныя свойства уличныхъ мостовыхъ постоянно обновляются безпрестаннымъ накопленіемъ новыхъ отложений заразныхъ началъ. Въ Неаполѣ, съ давнихъ поръ отличающемся своей неопрятностью, улицы почти всегда покрыты налетнымъ слоемъ всякихъ нечистотъ, вперемежку съ измельченными остатками разныхъ хозяйственныхъ отбросовъ, и не въ одномъ Неаполѣ, но даже въ опрятномъ нѣмецкомъ городѣ Франкфуртѣ профессоръ Блавиусъ находилъ, на протяженіи каждой версты улицъ, до 900 килограммовъ всякихъ нечистотъ, что составляетъ около 55 пудовъ! Въ жаркое время это количество утраивается. Заключающіеся въ пыли болѣзнетворныя микроорганизмы заносятся обувью и платьемъ внутрь домовъ. Профессоръ Манфреди, въ бытность свою въ Мюнхенѣ, изслѣдовалъ пыль, взятую имъ съ мостовой одной изъ главныхъ улицъ, и насчиталъ въ одномъ ея граммѣ, т. е. въ 22.506 русск. доли, до трехъ миллионвъ бациллъ, а въ граммѣ неаполитанской пыли — до пяти миллиардовъ! Подкожныя впрыскиванія этой же пыли, разведенной предварительно водою, заражали кроликовъ и морскихъ свинокъ тифомъ, столбнякомъ, карбункуломъ и бугорчаткой. Въ виду вредоносныхъ началъ, разносимыхъ въ воздухѣ пылью, особенно во время засухъ, профессоръ Манфреди совѣтуетъ людямъ, во избѣжаніе зараженій, какъ можно чаще промывать полость рта противогнилостными полосканіями. Тотъ же итальянскій ученый, вообще, лѣтомъ, предлагаетъ обывателямъ не выметать въ своихъ квартирахъ пыль, а вытирать ее тряпками; щетка вадываетъ пыль и разноситъ ее по комнатѣ, тогда какъ вытиранія удаляютъ ее цѣликомъ, и содержащіяся въ ней микроорганизмы остаются въ тряпкѣ.

Н.

Качество зубовъ у дѣтей. Зубы принадлежать къ однимъ изъ важныхъ органовъ нашего организма и требуютъ самаго тщательнаго ухода за ними. Между тѣмъ, публика мало обращаетъ на это вниманія и потому такъ часто и страдаетъ зубными болѣзнями, которыя особенно распространены среди городского населенія, главнымъ образомъ, среди средняго и высшаго классовъ. На сколько часто встрѣчаются плохіе зубы даже у дѣтей, показываютъ наблюденія англійскихъ врачей. Такъ, изъ 5.249 дѣтей въ возрастѣ ниже 12 лѣтъ найдены здоровые зубы лишь у 485 чел., изъ дѣтей 5 лѣтъ лишь у 20% зубы не были поражены костоѣдой. Д-ръ Ливей, изслѣдовавшій въ Бостонѣ 4.000 школьниковъ, нашель, что здоровые зубы составляютъ исключеніе, особенно у дѣтей старше 10 лѣтъ. Д-ръ Фишеръ между 400 мальчиками, готовившимися къ морской службѣ, лишь у 80 нашель здоровые зубы, между тѣмъ, всѣ они были изъ мѣстности, жители которой отличаются здоровьемъ и силой, и получали хорошее содержаніе и продовольствіе. Въ Англии ежегодно продается до 10 милл. искусственныхъ зубовъ, а между тѣмъ, лишь сравнительно ничтожная часть населенія способна позволить себѣ такую дорогую покупку. Причиной столь частой костоѣды зубовъ проф. Кричтонъ-Браунъ считаетъ прежде всего пищу, которая потребляется теперь въ жидкомъ или кашцеобразномъ видѣ. Прежде люди ѣли твердую пищу, которая требовала сильнаго пережевыванія и вызывала обильное слюноотеченіе, очищающее зубы и десны. Теперь мягкая пища не возбуждаетъ сильнаго отдѣленія слюны; зубы остаются загрязненными остатками пищи и быстро портятся. Далѣе, другой причиной костоѣды служитъ нынѣшній хлѣбъ, который готовится изъ бѣлой и мелкой смолистой муки, освобожденной отъ отрубей. При такомъ приготовленіи хлѣбъ лишается фтористыхъ и кремнекислыхъ солей, необходимыхъ для образованія зубной эмали. Наслѣдственность также не остается безъ вліянія на качество зубовъ. Дѣти отъ зажиточныхъ слоевъ общества имѣютъ, обыкновенно, худшіе зубы, чѣмъ дѣти бѣдныхъ людей, хотя на ихъ зубы и обращаютъ больше вниманія. Это происходитъ отъ того, что подобныя дѣти чаще происходятъ отъ нервныхъ родителей. Появленіе костоѣды часто зависитъ и отъ скученности городского населенія. Воздухъ городовъ переполненъ низшими организмами, которыя, попадая въ ротъ, развиваются въ немъ. Чѣмъ же можно предотвратить порчу зубовъ у дѣтей? Необходимо тщательно слѣдить за развитіемъ зубовъ у дѣтей и лечить только-что начинающуюся костоѣду. Въ каждой школѣ долженъ быть дантистъ (лучше врачъ), обязанный періодически осматривать и даромъ лечить зубы учениковъ.

По нашимъ личнымъ наблюденіямъ школьниковъ, оказывается, что у учащихся въ городскихъ школахъ здоровые зубы встрѣчаются какъ исключеніе, между тѣмъ какъ въ сельскихъ — наоборотъ. И у насъ слѣдовало бы обратить вниманіе на зубы у учениковъ, особенно въ городахъ.

Н.

Кругосвѣтное путешествіе прежде и теперь. Извѣстный французскій писатель Жюль Вернъ заставляетъ героя одного изъ своихъ романовъ совершить путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Въ то время, когда появился этотъ

романъ, то дѣйствительно казалось почти невѣроятнымъ, чтобы весь земной шаръ можно было бы объѣхать въ такой относительно короткій срокъ; теперь же дѣйствительность далеко превзошла фантазію романиста и недавно одна молоденькая американка, миссъ Нелли Блей, совершила кругосвѣтную поѣздку въ 62 дня и шесть часовъ. По вычисленію французскаго научнаго журнала «La Nature», время это еще можетъ сократиться и съ постройкой сибирской желѣзной дороги, которая соединитъ Тихій океанъ съ Атлантическимъ, явится возможность, благодаря образовавшемуся такимъ образомъ непрерывному рельсовому пути, объѣхать кругомъ свѣта въ тридцать семь дней! Но если бы осуществился проектъ одного американскаго инженера, предлагавшаго построить черезъ три острова, находящіеся въ Беринговомъ проливѣ, три соединенныхъ вмѣстѣ гигантскихъ моста, черезъ которые явилась бы возможность соединить сѣтъ канадскихъ желѣзныхъ дорогъ съ сибирскимъ рельсовымъ путемъ, то время, потребное для того, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе сократилось бы еще болѣе; тогда почти три четверти земнаго шара можно было бы объѣхать сухимъ путемъ и, кромѣ того, при помощи самаго быстрого способа передвиженія. Прорытіе Панамскаго канала точно также должно было бы сократить въ значительной степени кругосвѣтное путешествіе морскимъ путемъ, который вообще требуетъ времени болѣе, чѣмъ сухопутное путешествіе по желѣзной дорогѣ.

Однако, во всякомъ случаѣ, хотя сибирская дорога еще не соединила Атлантическаго океана съ Тихимъ непрерывной рельсовой сѣткою и грандіозный планъ постройки моста черезъ Беринговъ проливъ еще далеко отъ своего осуществленія, мы все-таки далеко ушли отъ тѣхъ временъ, когда для того чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе требовались многіе мѣсяцы и даже годы. Первое кругосвѣтное плаваніе совершилъ въ XVI столѣтіи знаменитый Магелланъ. Онъ былъ убитъ въ схваткѣ съ туземцами на Филиппинскихъ островахъ, но одному изъ его офицеровъ и восемнадцати членовъ экипажа удалось на единственномъ уцѣлѣвшемъ кораблѣ обогнуть мысъ Доброй Надежды и вернуться въ свое отечество. Это первое кругосвѣтное плаваніе совершилось въ три года безъ четырнадцати дней; второе совершенно было англичаниномъ серомъ Френсисомъ Дрекомъ въ томъ же столѣтіи, въ нѣсколько меньшій срокъ времени—два года десять мѣсяцевъ. Съ введеніемъ пара и развитіемъ мореплаванія срокъ этотъ значительно сократился, но только въ настоящее время пути сообщенія достигли такого развитія, что кругосвѣтныя путешествія сдѣлались доступны каждому и могутъ совершаться съ изумительной быстротой, которая въ будущемъ, вѣроятно, еще увеличится.

Вліяніе климата, географическихъ условій и разныхъ другихъ причинъ на ростъ человѣка и его тѣлосложеніе. Французскій военный врачъ Шопиннъ обнаружилъ довольно интересныя изслѣдованія о вліяніи климатическихъ, географическихъ и прочихъ условій на ростъ и тѣлосложеніе человѣка. Для своихъ изслѣдованій Шопиннъ воспользовался хранящимися въ рекрутскихъ присутствіяхъ печатными бланками съ обозначеніемъ на нихъ примѣтъ и роста призываемыхъ для отбыванія воинской повинности людей. Прежде всего онъ занялся опредѣленіемъ средняго роста жителей прилегающихъ къ Пиренеямъ мѣстностей, въ

виду этнографическихъ и климатическихъ особенностей, отличающихъ горные кантоны отъ низменныхъ областей Нижне-Пиренейскаго бассейна. Оказалось, по наблюденіямъ Шопина, что въ мѣстностяхъ, лежащихъ на сѣверномъ склонѣ Пиренейскаго хребта, ростъ людей значительно выше средняго роста жителей прилегающей къ нему долины, и на вершинѣ Пиреней, близъ испанской границы, ростъ жителей достигаетъ наивысшаго предѣла. Эту разницу въ тѣлесномъ развитіи людей объясняли до сихъ поръ тѣмъ, что горные жители принадлежатъ къ иберійскому, а населенія равнинъ — къ кельтскому племени, но изслѣдованія Шопина указываютъ на существованіе постояннаго соотношенія между ростомъ людей и топографическими и гигиеническими условіями населенныхъ ими мѣстностей. Жители деревень, расположенныхъ на южномъ склонѣ Пиреней и въ долинахъ, обильно согрѣваемыхъ солнцемъ, отличаются высокимъ ростомъ; въ низкихъ же мѣстностяхъ, вблизи рѣкъ и озеръ, поддерживающихъ сырость, люди всегда малорослы. Нищета и отсутствіе благоприятныхъ гигиеническихъ условій задерживаютъ развитіе роста; съ устраненіемъ же этихъ дурно вліяющихъ причинъ и съ подъемомъ экономическаго благосостоянія края, замѣчается и повышеніе роста въ ближайшихъ къ этой перемѣнѣ поколѣніяхъ. Упадокъ нравственности и особенно злоупотребленіе крѣпкими напитками оказываетъ въ высшей степени неблагоприятное вліяніе на развитіе роста, особенно при условіяхъ дурнаго питанія. Извѣстно, что крѣпкіе напитки ослабляютъ позывы къ ѣдѣ и нарушаютъ питаніе организма, вслѣдствіе чего нарождается хилое и низкорослое потомство. Такимъ образомъ, подтверждается еще разъ фактъ, что не одни только климатическія и другія условія вліяютъ на физическое развитіе организма и ростъ человѣка, но такое же вліяніе оказываютъ и образъ жизни, и гигиеническія условія.

Э.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Поступила въ продажу въ пользу бѣдныхъ матерей и дѣтей,
пострадавшихъ отъ цынги, тифа и холеры

НОВАЯ КНИГА:

„РУССКИМЪ МАТЕРЯМЪ“

сборникъ разказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣ-
тяхъ, составленный изъ произведеній: С. Аксакова, А. Апух-
тина, К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гоголя, гр. А. Го-
ленищева-Кутузова, Днѣпровой-Чайки, Ф. Достоевскаго,
В. Короленко, Кота-Мурлыки (Н. Вагнера), В. Лихачева,
Н. Лѣскова, А. Майкова, Д. Марковича, Д. Мережковскаго,
С. Надсона, Н. Некрасова, И. Никитина, А. Плещеева, А. По-
долинскаго, Печерскаго (Мельникова), Я. Полонскаго, В. Слѣп-
цова, И. Сурикова, Л. Толстого (изъ неизданныхъ авто-
біографическихъ воспоминаній), И. Тургенева, Г. Успен-
скаго, В. Чайченко, О. Чюминой, Т. Шевченко, Е. Шеле-
метьевой и другихъ.

Составилъ **И. Горбуновъ-Посадовъ.**

Къ сборнику приложены рисунки **Е. Бемъ, Н. Касат-
кина, К. Лебедева, В. Маковскаго и В. Переплетчикова.**

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышли и продаются слѣд. новыя книги изданія
М. М. ЛЕДЕРЛЕ и К^о:

Славянская библіотека. № 1. *Вячеславъ Новакъ.* „Соломонъ“ (разсказъ). Перев. съ хорватскаго Н. Н. Филиппова. Спб., 1892 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкой—30 к.

Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. № 2. Джоржъ Вашингтонъ. Рассказъ *А. П. Мунтз-Валуевой.* Съ портрет. Вашингтона. 2-е изданіе. Спб., 1892 г. Цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

№ 3. Поэтъ-герой (Изъ жизни Теодора Кёрнера), *А. П. Мунтз-Валуевой.* Съ портретомъ Кёрнера. Спб. 1892 г. Цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

пояса, уже взялся было за ручку двери, но вдругъ въ испугѣ отскочилъ, услыхавъ по близости короткій провзительный лай. Замѣтивъ это, Онезимъ залаялъ вторично, и на этотъ разъ ему въ отвѣтъ провзительнымъ лаемъ залилась собаченка одной изъ вольноотпущенницъ. Тутъ Онезимъ уже смѣло выскочилъ изъ своей засады и громко опросилъ: «Кто тамъ ходитъ?» Въ эту минуту дверь изъ спальни Британника отворилась, и на порогѣ показался Титъ съ оружіемъ въ рукѣ. Убийца испугался; бросилъ свой фонарь и убѣжалъ. Онезимъ не преслѣдовалъ несчастнаго раба; а поспѣшилъ удалиться къ себѣ, увѣренный, что на эту ночь никакая опасность не грозитъ болѣе жизни Британника.

ГЛАВА XX.

Незамѣтно подошелъ и первый день новаго года, всегда справлявшійся въ Римѣ, какъ одинъ изъ большихъ годовыхъ праздниковъ. Каждый, по возможности, старался провести этотъ день въ радости и весельи, строго обѣгая въ разговорѣ всякія слова, имѣвшія то, или другое дурное предзнаменованіе. Ссоры и тяжбы на этотъ день прекращались; умолкала и клевета. Всюду горѣли потѣшные огни, поддерживавшіеся тѣмъ или другимъ ароматическимъ деревомъ и листьями душистаго шафрана. Народъ въ праздничной бѣлой одеждѣ длинной процессіей шелъ въ Капитолій. Въ этотъ день ликторы снабжались новыми пучками, связанными краснымъ ремнемъ—*fascēs*; магистраты облачались въ новыя красныя тоги и въ день этого новаго года впервые завяли свои курульныя кресла изъ слоновой кости. Юпитеру въ этотъ день приносились въ жертву клитумскіе бѣлоснѣжныя волю, украшенные вѣнками и гирляндами цвѣтовъ. Друзья обмѣнивались подарками, сопровождая ихъ добрыми пожеланіями. Такъ и Британникъ, который къ этому дню успѣлъ совсѣмъ оправиться, былъ поздравленъ съ наступленіемъ новаго года различными подарками отъ Октавіи, Тита, Пуденса, Агриппины, которая подарила ему роскошный двухъ-рожковый канделябръ массивнаго серебра и замѣчательно художественной работы, и даже отъ Эпиктета, принесшаго ему обычный въ этотъ день даръ—*strepae*, состоявшій изъ позолоченныхъ финиковъ и нѣкотораго количества меда въ сотахъ.

Но никогда еще не переживала Октавія, а также и Британникъ дней болѣе томительныхъ и тревожныхъ, чѣмъ тѣ, которые послѣдовали за неудавшимися двумя покушеніями Нерона на жизнь юноши. Какъ Октавія, такъ и самъ Британникъ,

оба были глубоко проникнуты увѣренностью въ томъ, что императоръ на этомъ не остановится, а непремѣнно сдѣлаетъ если не сегодня, то завтра новую попытку лишить его жизни, и юношѣ каждый разъ, какъ онъ принимался за ту или другую трапезу, или ложился спать, помимо его воли приходила въ голову мысль объ отравленіи и убійствѣ. Однако, не взирая на весь ужасъ своего положенія,—ужасъ, не вызвать котораго не могло въ юношѣ сознание, что надъ его головой всечасно виситъ мечъ на самомъ тонкомъ волоскѣ, Британникъ оставался бодръ и спокоенъ духомъ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ собранія христіанъ, было все еще очень живо въ его памяти. Онъ не могъ забыть того блаженнаго состоянія безмятежнаго спокойствія, какое охватило его душу послѣ всего того, что онъ слышалъ и видѣлъ среди христіанскихъ богомольцевъ, и, хотя въ немъ не было пока еще той сознательной покорности передъ волею Того, Кто есть высшее выраженіе милосердія, любви и всепрощенія,—покорности, въ которой почерпаетъ вѣрующій человекъ свою лучшую нравственную бодрость, тѣмъ не менѣе такое воспоминаніе—это еще слабо имъ сознаваемое пробужденіе къ вѣрѣ въ истиннаго Бога—былъ тотъ единственный источникъ, который порождалъ въ немъ и душевное спокойствіе, и жажду скорѣе познать въ большей полнотѣ истины христіанскаго ученія.

Скоро наступилъ день январскихъ идъ, праздновавшійся въ Римѣ, и какъ посвященный Юпитеру, и какъ годовщина дня, въ который Октавіанъ былъ почтенъ титуломъ Августа. Въ этотъ день рано поутру Помпонія, принявъ все мѣры необходимой предосторожности, извѣстила Октавію о назначенномъ на этотъ вечеръ собраніи христіанъ, на которомъ можетъ, наконецъ, осуществиться давнишнее желаніе Британника послушать слово человека, бывшаго очевидцемъ земной жизни Христа.

Такимъ образомъ Британникъ, переодѣвшись послѣ ужина въ домъ Авла Плавта, за которымъ присутствовала и Октавія, въ платьѣ простаго раба, отправился въ сопровожденіи Флавія Климента и Пуденса по дорогѣ черезъ Велабрумъ и Фабриціевъ мостъ къ довольно отдаленнымъ отъ центра города песочнымъ копямъ, внутри одной изъ которыхъ должны были на этотъ разъ собраться послѣдователи ученія Христа. Въ собраніе Британникъ и его спутники пришли одними изъ послѣднихъ. Темнота, царившая на днѣ глубокой песчаной копи и лишь кое-гдѣ прерывавшаяся слабымъ мерпаніемъ факеловъ и фонарей нѣкоторыхъ богомольцевъ; глубокая тишина; это усѣянное звѣздами ночное небо высоко надъ го-

ловами молившихся; это, чувствовавшееся здѣсь, состояніе напряженнаго ожиданія и благоговѣнно-набожное настроеніе всѣхъ собравшихся, — все это вмѣстѣ придавало картинѣ что-то необычайно торжественное. Но вотъ въ собраніе вступила небольшая группа пресвитеровъ съ Линомъ во главѣ, и глаза всѣхъ, съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія, устремились на человѣка уже не молодого, шедшаго рядомъ съ Линомъ.

Онъ былъ въ костюмѣ жителей востока и отличался необыкновеннымъ благородствомъ осанки. Его овальное лицо и тонкія правильныя черты являли собой настоящій типъ мужской восточной красоты; но всего прекраснѣе были удивительно кроткіе и вдумчивые глаза, въ которыхъ, казалось, свѣтился какой-то внутренній духовный огонь, обладавшій даромъ зажигать въ сердцахъ тѣхъ, на кого устремлялся взоръ этого человѣка, такую же беззабвтную любовь къ Богу и къ ближнему, какою пламенѣло его собственное сердце.

Какъ только онъ подошелъ вмѣстѣ съ Линомъ и другими пресвитерами къ столу, все собраніе, какъ одинъ человѣкъ, встало и пало ницъ передъ нимъ. Но онъ, строго сдвинувъ брови, повелѣлъ имъ встать.

— Встаньте, братья и друзья!—сказалъ онъ имъ.—Къ чему такое поклоненіе мнѣ! Не такіе же ли мы люди грѣха и страстей, какъ и вы? Я знаю, вы считаете такое поклоненіе подобающимъ тому, кто былъ любимымъ ученикомъ Иисуса, какъ бы ни былъ онъ мало достоинъ такого счастья. Но не знаете вы развѣ, что каждый истинно богоугодный между вами человѣкъ стоитъ теперь черезъ ниспосланнаго въ васъ Духа Святаго ближе къ Нему, чѣмъ могли стоять мы въ дни Его земной жизни? Развѣ братъ нашъ во Христѣ, Павелъ, въ своихъ поученіяхъ, не внушалъ вамъ, что тѣла ваши суть храмы Духа Святаго, который живетъ въ каждомъ изъ васъ, если только вы не развращены?

Послѣ этихъ словъ апостола пресвитеръ Линъ всталъ и обратился къ собранію со слѣдующими словами:

— Сперва преклонимте колѣни, братья мои во Христѣ, и молитвою возблагодаримъ Господа, ниспославшаго намъ благодать видѣть и слышать одного изъ учениковъ Сына Его возлюбленнаго, а затѣмъ воспоемъ хвалебный гимнъ во славу Его.

По окончаніи молитвъ и гимна, одинъ изъ членовъ собранія, и именно рабъ Пуденса, Нирей, всталъ и, не безъ нѣкоторой робости, проговорилъ:

— О, Иоаннъ изъ Веесаиды, дай намъ послушать теперь изъ

устъ твоихъ о томъ чудесномъ воскресеніи изъ мертвыхъ, свидѣтелемъ котораго тебѣ самому довелось быть.

И Іоаннъ, вставъ, приступилъ къ тому повѣствованію, которое много лѣтъ спустя увѣковѣчилъ на страницахъ своего евангелія.

Онъ рассказалъ имъ, что возвѣстила ему Марія Магдалина въ это первое пасхальное радостное утро и какъ, услыжавъ такую вѣсть, онъ побѣжалъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ ко гробу, не зная еще изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ. Рассказалъ о представшихъ Маріи у гроба двухъ ангелахъ, и какъ въ саду явился ей самъ Іисусъ и говорилъ съ нею; какъ въ этотъ же день Онъ явился среди собравшихся десяти учениковъ и со словами: «миръ вамъ!» показалъ имъ руки и ноги и ребра свои; и какъ, явясъ вторично по истеченіи восьми дней среди нихъ, убѣдилъ Оному, не повѣрившаго словамъ видѣвшихъ Его, сказавъ ему: «не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ». Наконецъ, онъ рассказалъ, какъ и въ третій разъ явился Іисусъ ученикамъ Своимъ при морѣ Тиверіадскомъ, а равно и о послѣднемъ Его завѣтѣ Симону Петру, и въ заключеніе поправилъ пронесшееся между братьями неправильное толкованіе словъ, сказанныхъ Іисусомъ про него самого,—словъ, ложно понятыхъ какъ обѣщаніе, что онъ не умретъ, объяснивъ имъ, что Іисусъ не сказалъ, что онъ не умретъ, но: «Если Я хочу, чтобы онъ пребылъ пока приїду; что тебѣ до того?»

Тутъ Гермасъ, одинъ изъ рабовъ претора Педанія Секунда, всталъ и обратился къ Іоанну съ вопросомъ:

— Что хотѣлъ сказать Христосъ словами: «чтобы онъ пребылъ пока я приїду?» Когда же надлежитъ наступить дню Его пришествія?

— И мы тоже предлагали Ему этотъ вопросъ передъ Его смертию,—отвѣчалъ Іоаннъ;—и хотя Онъ и говорилъ о различныхъ знаменіяхъ этого времени, однакожь при этомъ прибавилъ: «О днѣ же томъ и часѣ никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а только Отецъ Мой одинъ».

— А теперь нѣтъ развѣ знаменій, указывавшихъ на приближеніе этого времени?—спросилъ Линъ.

— Много есть такого, по чему можно думать, что пришествіе Господа нашего близко,—проговорилъ Іоаннъ;—и очень часто слышу я внутри себя голосъ, говорящій: «Горе вамъ, живущимъ на землѣ!» Время великаго смятенія, о коемъ говорилъ намъ Учитель, близится; и приближается тотъ день, когда объявится антихристъ, и Господь покажетъ число своихъ избранныхъ.

— О, братъ мой во Христѣ, ночь надвигается, и пора намъ расходиться,—сказалъ тутъ Линъ. — Но прежде чѣмъ насъ оставить, скажи намъ слово увѣщанія, наставь и научи, какъ намъ поступать, чтобы спастись отъ козней этого вражьяго поколѣнія.

И апостолъ, воздѣвъ руки къ небу, проговорилъ убѣдительнымъ голосомъ любви и просьбы, причемъ въ кроткомъ взглядѣ его свѣтился огонь священнаго восторга, слѣдующія слова:

«Возлюбленные! Будемъ любить другъ друга... Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся не совершенъ въ любви» *).

Послѣ этого краткаго наставленія апостолъ произнесъ слова благословенія, въ отвѣтъ на которыя въ собраніи шумною волною пронеслось сперва слово Аминь, а вслѣдъ за нимъ и торжественное Маран-аѳа, и черезъ нѣсколько минутъ богомольцы начали понемногу расходиться.

Желая остаться незамѣченными, Британникъ и его два спутника рѣшили, прежде чѣмъ уйти, дождаться, чтобы мелькавшіе огоньки факеловъ и фонарей богомольцевъ исчезли изъ вида, и такимъ образомъ оставались въ копи послѣдними вмѣстѣ съ небольшою группою дьяконовъ и пресвитеровъ, окружавшихъ апостола Іоанна. Глубоко былъ потрясенъ юноша какъ словомъ, такъ и взглядомъ любимаго ученика Христа и, не могъ оторвать своего взгляда отъ кроткаго лица апостола, онъ шепнулъ на ухо Пуденсу просьбу не уходить прежде, чѣмъ не пройдутъ мимо нихъ апостолъ съ пресвитерами.

Каково же было радостное смятеніе, охватившее его душу, когда Іоаннъ мимоходомъ остановился передъ нимъ и, устремивъ на него свой чудный, кротко-вдумчивый взглядъ и ласково положивъ руку ему на плечо, спросилъ, обращаясь къ нему и стоявшему рядомъ съ нимъ Флавію Клименту:

— Вѣрите ли вы въ Господа Іисуса Христа, дѣти мои?

Смущенные, юноши безмолвствовали; но, наконецъ, Британникъ, преисполненный сладкаго упованія и безграничнаго довѣрія, чисто-сердечно отвѣтилъ:

— Не знаю, мой отецъ. Все, что я здѣсь слышалъ, кажется мнѣ пѣсней неземной. Слова твои наполнили мое сердце священ-

*) Перв. посл. ап. Іоанна. Гл. IV.

«миръ вождій», № 10, октябрь.

нымъ трепетомъ; духъ мой окрыленъ ими. Но еще такъ мало знаю я—и такъ чудно и непоятно кажется мнѣ все это.

— Иди съ миромъ, сынъ мой,—сказалъ апостоль.—Твое простое одѣяніе не скрыло отъ меня, кто ты: я знаю тебя. Но не смущайся: знать этого никто другой не будетъ. Въ твою юную душу запало доброе сѣмя; но произрастетъ оно, разцвѣтетъ и принесетъ тебѣ плоды не здѣсь, а въ жизни иной. Не водой только можетъ креститься человѣкъ: есть еще и другое крещеніе—крещеніе кровью. И вотъ тебѣ мой завѣтъ: будь твердъ духомъ, и Онъ умиротворитъ твое сердце. Свое упованіе ты возложи на Господа.

И, слегка коснувшись правой рукой головы юноши, онъ благословилъ его.

— А для меня, мой отецъ, развѣ нѣтъ у тебя ни одного слова?—проговорилъ тутъ опечаленный Климентъ.

Ласково погладивъ своей лѣвой рукой темнокудрую голову юноши, апостоль кротко сказалъ ему:

— Тебѣ я повторю слова, сказанныя Господомъ нашимъ Иисусомъ другому: «Истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то перепоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой перепояшетъ тебя, и поведетъ, куда не хочешь» *). Твоя земная жизнь будетъ продолжена, и ты многого достигнешь. Но сердце твое будетъ тянуть тебя къ Господу, и черезъ много лѣтъ и ты тоже будешь свидѣтельствовать о Немъ. Одинъ изъ васъ не увидитъ меня болѣе. Но да будетъ на обоихъ васъ благословеніе Господа Бога нашего.

И, сказавъ это, апостоль удалился и скоро въ темнотѣ скрылся изъ глазъ юношей. Но долго еще звучалъ въ ихъ сердцахъ кроткій голосъ, долго еще видѣли они передъ собой этотъ взглядъ, вдохновенный и полный любви.

Храня глубокое молчаніе, спѣшили они втроемъ къ дому Плавта, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія Британника, находилась Октавія со своею эскортою, которая и проводила брата и сестру обратно во дворецъ, гдѣ еще долго послѣ ихъ возвращенія раздавались и хохотъ, и крики пировавшихъ съ императоромъ веселыхъ гостей.

*) Еванг. отъ Іоанна. Гл. XXI, XVIII.

ГЛАВА XXI.

Неронъ былъ сильно раздраженъ безуспѣшностью какъ перваго, такъ и втораго своего посягательства на жизнь брата; но съ другой стороны такая, два раза подъяръ повторившаяся, незадача не мало и смутила его, показавшись ему чрезвычайно знаменательной. Легкомысленный и пустой, онъ едва ли когда останавливался передъ мыслью о святости закона нравственности; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ далеко не свободенъ отъ различныхъ суевѣрныхъ понятій. Не придавая никакого серьезнаго значенія вѣрѣ въ боговъ, онъ вѣрилъ болѣе или менѣе слѣпо и безусловно всякаго рода примѣтамъ и предзнаменованіямъ, почему послѣ этихъ двухъ неудавшихся покушеній въ немъ одно время замѣтно проявлялось нѣкоторое колебаніе относительно намѣренія совершить это первое свое вопіющее злодѣяніе.

Но долго продолжаться колебанія его не могли. Время быстро приближалось къ пятнадцатой годовщинѣ дня рожденія Британника, и съ злобной завистью, къ которой примѣшивалась не малая доля и затаеннаго страха, замѣчалъ Неронъ, какъ съ каждымъ днемъ стройный юноша, мужая и развиваясь, становился все красивѣе и привлекательнѣе.

Но главнымъ подстрекателемъ Нерона въ этомъ дѣлѣ былъ, какъ теперь, такъ и раньше, все тотъ же злой его геній Софоній Тигеллинъ, безпрестанно старавшійся внушить императору, жестокому не столько по своему темпераменту, сколько вслѣдствіе чудовищнаго господства въ немъ порочныхъ наклонностей, какъ необходимо для его безопасности и для спокойствія всей имперіи скорѣе привести въ исполненіе задуманное злодѣяніе.

Незадолго до 7-го февраля, дня, праздновавшагося въ тогданемъ Римѣ въ память усопшихъ, Неронъ, сидя у себя въ кабинетѣ составляя вмѣстѣ съ Тигеллиномъ планъ банкета, имѣвшаго быть у него въ этотъ день.

— Въ день февральскихъ идъ цезарю опять предстоитъ устроить у себя второй банкетъ, — замѣтилъ какъ бы мимоходомъ Тигеллинъ.

— Почему такъ?

— А потому, что въ этотъ день Британнику исполнится пятнадцать лѣтъ, и позволительно предполагать, что въ этотъ день цезарю благоугодно будетъ дозволить ему надѣть *togam virilem*.

— Постоянно на языкѣ у тебя имя этого несноснаго Британ-

ника,—сердито проговорилъ Неронъ; — имя это мнѣ ненавистно, точно такъ же, какъ ненавистенъ мнѣ и онъ самъ.

— А мнѣ, напротивъ, кажется, будто цезарь очень любитъ его, — возразилъ Тигеллинъ; — да и какъ цезарю не любить человѣка, который можетъ сдѣлаться его преемникомъ.

— Моимъ преемникомъ!—не безъ нѣкотораго изумленія повторилъ Неронъ и сильно нахмурился. — Объясни, что желаешь ты сказать этимъ.

— Слова эти были сказаны мной не съ злымъ намѣреніемъ;— смиренно проговорилъ Тигеллинъ,—и да проститъ мнѣ мой императоръ преданность честнаго воина и вѣрнаго друга. Но развѣ и самъ цезарь не видитъ, какимъ красивымъ, рослымъ малымъ становится Британникъ? Надѣяться, чтобы императрица Октавія подарила цезаря наследникомъ престола, едва ли возможно; и такъ, кому же, какъ не Британнику, быть преемникомъ нашего дорогаго императора?

Неронъ всталъ и, видимо волнуясь, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, что всегда было вѣрнымъ признакомъ поднимавшейся въ немъ бури; между тѣмъ какъ Тигеллинъ, съ умысломъ помолчавъ немного, чтобы дать словамъ своимъ время подѣйствовать должнымъ образомъ, продолжалъ свои внушенія:

— Къ тому же и планы Августы, съ которой цезарь въ настоящее время въ столь непріязненныхъ отношеніяхъ, довольно ясны, и угадать ихъ цѣль не трудно.

Императоръ начиналъ шагать по комнатѣ съ постепенно все сильнѣе и сильнѣе возростающимъ неистовствомъ; но Тигеллинъ не унимался, а все продолжалъ, подливая масла въ огонь, разжигать своими словами и намеками пылъ его гнѣва.

— Неужели цезарь можетъ ласкать себя увѣренностью,—говорилъ коварный пройдоха, — что всѣ преторіанцы безусловно преданы ему? Мнѣ самому не разъ случалось подслушивать ихъ толки и сужденія о Британникѣ; ужъ первый, Пуденсъ, этотъ всеобщій любимецъ преторіанскаго лагеря, обожаетъ Британника и преданъ ему. А при такихъ условіяхъ развѣ можетъ цезарь быть увѣренъ, что въ случаѣ междоусобной войны побѣда останется за нимъ?

Неронъ, однако, все продолжалъ молчать.

— И почему бы цезарю не устранить возможность возникновенія такой домашней распри? Риму претитъ при одной уже мысли о возможности новыхъ междоусобицъ; и всѣ были бы очень довольны, еслибъ цезарь наконецъ рѣшился устранить съ дороги

своего брата. Два раза покушеніе уже было сдѣлано, но только ни разу не удалось къ сожалѣнію...

— Хорошо!—проговорилъ наконецъ Неронъ внѣ себя отъ злобы и страха;—въ день февральскихъ идъ будетъ совершенно это дѣло. Пусть сейчасъ же явится къ мнѣ Юлій Полліонъ.

Тигеллинъ былъ великій мастеръ ловить благоприятныя минуты и ковать желѣзо, пока оно было горячо, а потому не успѣлъ еще гнѣвъ Нерона сколько-нибудь охладиться, какъ въ кабинетъ уже вошелъ Юлій Полліонъ.

— Сію минуту приведи мнѣ сюда Локусту,—послѣдовало категорическое приказаніе разгнѣваннаго императора.

Трибунъ успѣшилъ исполнить данное ему приказаніе, и когда, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, въ кабинетъ Нерона, съ льстивою улыбкой на тонкихъ губахъ, вошла сопровождаемая Полліономъ Локуста, хитрые зеленые глаза этой злой женщины свѣтились еще большимъ злорадствомъ, чѣмъ обыкновенно.

Но Неронъ встрѣтилъ ее, равно какъ и трибуна, взрывомъ бѣшеннаго гнѣва.

— Вы оба обманули меня!—закричалъ онъ.—Оба вы измѣнники. Принимая всѣ мѣры къ огражденію самихъ себя, вы меня предоставляете самымъ худшимъ опасностямъ. Вѣдь я же повелѣлъ тогда снабдить меня ядомъ вѣрнымъ и смертельнымъ.

— Мы хотѣли по возможности отвратить подозрѣніе въ отравленіи, императоръ,—шипя проговорила Локуста, своимъ голосомъ неволью напоминая слушателю шипѣніе змѣи. — Императору, конечно, извѣстенъ Юліановъ законъ противъ убійцъ и отравителей...

Окончательно взбѣшенный такимъ напоминаніемъ, Неронъ вышелъ изъ себя и, точно мальчишка въ припадкѣ капризнаго своеволія, не устыдился ударить Локусту по лицу.

— Какъ смѣешь ты говорить мнѣ о какихъ бы то ни было законахъ, — горячился онъ;—ужъ не воображаешь ли ты, что я ихъ боюсь! Принеси мнѣ яду, да смотри такого, который бы подѣйствовалъ моментально, а не то завтра же тебя казнятъ въ силу старыхъ обвинительныхъ приговоровъ противъ тебя.

Локуста инстинктивно отступила отъ него подальше, подаривъ его при этомъ такимъ ядовитымъ взглядомъ, какъ будто желала прежде всего отравить его самага. Но она знала, и съ кѣмъ имѣла дѣло, и какъ щедро будутъ вознаграждены ея услуги, и потому, затаивъ въ себѣ злобу, ограничилась тѣмъ, что робко замѣтила Нерону:

— Британникъ—юноша здоровый и сильный, и такая задача

не легка. Но, тѣмъ не менѣе желаніе цезаря будетъ въ точности исполнено. У меня есть здѣсь, при мнѣ одинъ ядъ, который, быть можетъ, окажется годнымъ...

— Испытай его на моихъ же глазахъ на томъ или другомъ животномъ,—сказалъ Неронъ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть потрудится трибунъ приказать, чтобы принесли мнѣ молодаго козленка,—сказала Локуста.

Черезъ нѣсколько времени рабъ притащилъ въ кабинетъ императора молодаго рѣзваго козленка, и Локуста, накапавъ двѣ-три капли яда на ломтикъ хлѣба, смоченный молокомъ, протянула его бѣдному животному, которое, проглотивъ его, очень скоро прекратило веселые прыжки и, свалившись съ ногъ, начало корчиться въ страшныхъ мукахъ.

— А теперь надо дать яду время произвести свое окончательное дѣйствіе,—сказала она;—но я увѣрена, что если императору благоугодно будетъ черезъ часъ опять призвать меня, то я найду бѣдняжку ужъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни.

Однако, когда Локуста черезъ часъ времени вторично явилась по приказанію императора къ нему въ кабинетъ, то увидала, что козленокъ все еще дышалъ, и что Неронъ находился въ новомъ припадкѣ гнѣва.

— Ты, кажется, вздумала издѣваться надо мной, несчастная!—закричалъ онъ. — Прибавь бѣлены, пикуты или другой какой адской дряни въ твое проклятое снадобье. Надо, чтобы оно было сильнѣе.

Прибавивъ еще какихъ-то ингредиентовъ въ свое зелье, Локуста опять обратилась къ Полліону съ просьбой велѣть принести ей для опыта какое-нибудь животное. На этотъ разъ былъ принесенъ поросенокъ, и Локуста, слегка окропивъ приготовленнымъ ею ядомъ листочекъ латука, такимъ образомъ ввела отраву во внутрь животнаго, которое черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, издохло въ страшныхъ спазмахъ и конвульсіяхъ.

— Хорошо! — одобрилъ Неронъ и, швырнувъ несчастной женщиѣ кошелекъ съ золотомъ, прибавилъ:—Если все сойдетъ такъ, какъ я того желаю, ты получишь за свои труды щедрое вознагражденіе. Но помни, если хоть полъ-словомъ заикнешься ты кому бы то ни было объ этомъ дѣлѣ, то немедленно же издохнешь подъ ударами плетей.

• Отпустивъ отъ себя Локусту и Полліона, Неронъ тотчасъ же велѣлъ позвать вѣрнаго своего наперника Тигеллина.

— Я рѣшилъ покончить съ Британникомъ,—объявилъ онъ ему.

— Этимъ цезарь только приобрѣтетъ вполне заслуженное право на титулъ «отца своего отечества», который разъ былъ уже отвергнутъ имъ съ такою безпримѣрною скромностью, — отвѣчалъ лукавый царедворецъ. — Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, императоръ Августъ получилъ этотъ титулъ въ февральскія ноны; моему же цезарю сенатъ присудить его навѣрное вскорѣ послѣ февральскихъ идъ.

— Но какимъ образомъ приведемъ мы это въ исполненіе? — мрачно спросилъ Неронъ. — Признаюсь тебѣ, такая мѣра, при всей своей необходимости, пугаетъ меня и страшитъ.

— Но чего же боится цезарь?

— Голоса народа; вѣдь это такая сила, что она способна пошатнуть и сокрушить власть величайшихъ царей міра.

— Но какимъ образомъ можетъ узнать народъ?

— Какъ у меня и у Агриппины, у Британника есть свой *praegustator*. Если же при этомъ умретъ и этотъ несчастный, то вѣдь всякій пойметъ, въ чемъ было дѣло.

— Но если я не ошибаюсь, должность Британникова *praegustator*'а исполняетъ...

— Вольноотпущенникъ Синерось.

— Навѣрное, давно уже состоящій на жалованьи у императора? Неронъ утвердительно мотнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, пусть предоставитъ цезарь это дѣло мнѣ, — сказалъ Тигеллинъ, — а самъ выкинетъ изъ головы всякія дальнѣйшія заботы на этотъ счетъ. Какъ только я получу его приказаніе дѣйствовать, онъ можетъ смотрѣть на дѣло, какъ на сдѣланное.

— Никакихъ приказаній на этотъ счетъ я тебѣ не даю, — сказалъ Неронъ; — но, вонъ, тамъ лежитъ ядъ Локусты.

Поощренная успѣхомъ, какимъ уже дважды увѣнчались ея старанія спасти Британника отъ висѣвшей надъ нимъ опасности личиться жизни, Актѣя еще ревностиѣ принялась исполнять то, въ чемъ видѣла свою миссію и способъ до нѣкоторой степени заслужить прощеніе Октавіи за свою невольную вину передъ ней, и всячески старалась разузнавать все, что такъ или иначе могло имѣть какое либо отношеніе къ судьбѣ бѣднаго юноши. Такъ и въ этотъ день, подглядѣвъ, что изъ кабинета императора вынесли трупъ мертваго козленка, она скоро узнала черезъ Тигеллина, что

Неронъ забавлялся въ это утро, производя опыты надъ дѣйствиємъ нѣкоторыхъ ядовъ. Такое обстоятельство тотчасъ показалось ей нѣсколько подозрительнымъ, и, не медля ни минуты, вручила она одному изъ своихъ рабовъ монету съ изображеніемъ Британника, приказавъ ему передать ее Онезиму. Онезимъ не замедлилъ явиться къ ней. Тогда Актэя, узнавъ тѣмъ временемъ, что Тигеллинъ заперся съ кѣмъ-то въ отведенной ему во дворцѣ комнатѣ, которая, по счастливой случайности, приходилась рядомъ съ ея помѣщеніемъ, помѣстила фригійца въ комнату, смежную съ комнатой Тигеллина, приказавъ ему приложить ухо къ стѣнѣ и постараться подслушать разговоръ сосѣда. И дѣйствительно, Онезиму удалось подслушать кое-какіе отрывки бесѣды, изъ которыхъ юркій фригіецъ вывелъ заключеніе, что черезъ недѣлю будетъ учинено новое покушеніе на жизнь Британника. Услыхавъ это, Актэя пришла въ ужасъ и приказала Онезиму немедленно поспѣшить къ Титу и, сообщивъ ему все подслушанное, вмѣстѣ съ нимъ приложить всевозможныя старанія, чтобы найти какое-нибудь средство уберечь Британника отъ коварныхъ козней его недоброжелателей.

Но, къ сожалѣнію, на этотъ разъ Онезимъ, въ силу прискорбнаго стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, вызванныхъ преимущественно его всегдашней страстью къ развлеченіямъ и увеселеніямъ, былъ поставленъ въ невозможность исполнить приказаніе Актэя. Перешедшій изъ дома Пуденса, гдѣ онъ нерѣдко имѣлъ случай видѣться съ дочерью Нирея, Юніей, которая своимъ благотворнымъ вліяніемъ, быть можетъ, и могла бы лишній разъ остановить его отъ пагубныхъ увлеченій, въ общество многочисленныхъ рабовъ палатинскаго дворца, онъ со свойственной ему безхарактерностью очень скоро поддался зловторному вліянію той новой среды, въ которую попалъ и, живя въ которой, скоро началъ замѣтно избѣгать общества тѣхъ изъ своихъ новыхъ товарищей, которые втайнѣ исповѣдывали христіанство, такъ какъ не замедлилъ убѣдиться, что, кромѣ глумленія, презрѣнія и даже ненависти, люди эти вокругъ себя ничего другого не возбуждали. Ему же по его природѣ нужна была прежде всего веселая атмосфера лести и угожденія. Такимъ образомъ, уклоняясь незамѣтно все болѣе и все чаще отъ тѣхъ добрыхъ наставленій, какія слышалъ, какъ раньше въ домѣ добродѣтельнаго Филемона, такъ и позднѣе, когда находился подъ началомъ Нирея, онъ скоро всецѣло погрязъ въ разгульномъ образѣ жизни, проводя всѣ свои досужные часы — а ихъ, къ сожалѣнію, было у него не мало — въ обществѣ веселыхъ товарищей въ томъ или другомъ изъ притоновъ Субуры за виномъ и азартной

игрой, или же въ циркѣ, гдѣ съ упоеніемъ любовался кровавыми зрѣлищами гладіаторскихъ игръ.

Такого рода образъ жизни и былъ главной причиной, почему Онезимъ какъ разъ въ такое время, когда ему поручено было зорко слѣдить за всѣмъ и ничего не упускать изъ вида, завязалъ въ пьяномъ видѣ драку со своими собутыльниками, вскорѣ послѣ которой, по своемъ возвращеніи во дворець, попался разбитый, окровавленный и, вдобавокъ, совершенно пьяный на глаза Нерону. Не зная ни его имени, ни кто онъ, разгнѣванный императоръ приказалъ немедленно убрать его и отвести къ главному надсмотрщику надъ дворцовыми рабами Калликлэсу, съ приказаніемъ подвергнуть его строгому наказанію.

Плачевный инцидентъ этотъ былъ деликатно утаенъ отъ Актэи ея рабами, которые любили ее и были ей очень преданы; и такимъ образомъ, пока она полагалась на него, рассчитывая на его юркость и смысленность, въ дѣлѣ предупрежденія Тита и Британника о новой опасности, грозившей этому послѣднему, бѣдный Онезимъ, избитый, больной и пристыженный, закованный въ тяжелыя цѣпи, сидѣлъ въ строгомъ заключеніи вмѣстѣ съ другими, чѣмъ-либо провинившимися цезарскими рабами.

Г л а в а XXII.

Наступили февральскія иды, а съ ними на этотъ разъ и пятнадцатая годовщина дня рожденія Британника. Неронъ по этому случаю устроилъ у себя великолѣпный пиръ, отличавшійся необычайною торжественностью и являвшій собой верхъ царской роскоши. Принять участіе въ блестящемъ празднествѣ приглашены были всѣ важнѣйшіе сенаторы имперіи со своими женами, а равно и многіе другіе сановники, представители древнѣйшихъ римскихъ фамилій, многимъ изъ которыхъ суждено было облечься впоследствии въ императорскую порфиру. Большая часть мужчинъ была въ бѣлыхъ тогахъ, изъ-подъ которыхъ лишь у очень немногихъ не выглядывала либо широкая пурпуровая кайма сенаторской туники, или, по меньшей мѣрѣ, узкая пурпуровая полоса, какой оторачивалась туника римскихъ всадниковъ. Кромѣ такого различія въ оторочкѣ туники, отличительнымъ знакомъ сенаторскаго достоинства былъ серебряный или слоновой кости полумѣсяцъ на башмакахъ; тогда какъ всадники, въ отличіе своего званія, имѣли право на ношеніе золотыхъ перстней. Самъ же амфитріонъ принималъ на этотъ разъ своихъ гостей въ богатомъ ярко красномъ плащѣ—*paludamentum*—

отороченномъ, вмѣсто каймы, золотыми, вышитыми въ нѣсколько рядовъ звѣздами. На Агриппинѣ была дорогая фіолетоваго цвѣта стѣла, сверху до низу унизанная рядами крупнаго жемчуга, среди котораго, переливаясь чудными цвѣтами, горѣли яхонты, изумруды и нѣжный опалъ; поверхъ же стѣлы живописными складками была драпирована палла — нѣчто въ родѣ женской тоги — такого же фіолетоваго цвѣта. Не менѣе роскошенъ и богатъ былъ нарядъ какъ самой императрицы Октавіи, такъ и многихъ другихъ дамъ.

Вступивъ изъ пріемной залы въ обширный триклиніумъ, гости чуть не остолбенѣли при видѣ той волшебной роскоши и того великолѣпія, какими отличались, какъ самая обстановка триклиніума, такъ и убранство столовъ. Вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ, почти безъ промежутковъ, стояли ряды статуй, изображавшихъ красивыхъ юношей, которые въ рукахъ несли золотыя курильницы, наполнявшія пространство тонкимъ благоуханіемъ ароматическаго масла. Съ потолка, украшеннаго художественными лѣпными изображеніями и покрытаго густой позолотой, висѣло на золотыхъ цѣпяхъ множество зажженныхъ лампъ, люстръ—большихъ и малыхъ, причудливой формы канделябръ, освѣщая триклиніумъ со всей его обстановкой пріятнымъ мягкимъ свѣтомъ. На столахъ блестѣло золото и серебро приборовъ и драгоценные камни, вѣланные въ дорогіе мирринскіе кубки и сосуды. Передъ приборомъ императора красовался великолѣпный подсвѣчникъ массивнаго золота, въ видѣ дерева, въ листьѣ котораго было прикрѣплено къ вѣтвямъ, изображая собой золотыя яблоки, множество маленькихъ шарообразныхъ лампочекъ. Высокіе золотые сосуды со снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ кусками льда, въ которыхъ хранились вина съ лучшихъ фалернскихъ и сетинскихъ виноградниковъ, были увиты плющемъ и розами; и даже самый полъ, усѣянный тончайшими опилками, окрашенными сурикомъ, и тотъ благоухалъ, распространяя отъ себя запахъ шафрана и фіалковаго корня. Подъ столами были разметаны кучки вербены и златоцвѣта, — растений, которымъ приписывалось свойство возбуждать въ пирующихъ хорошее настроеніе духа и веселье. Передъ началомъ ужина одинъ изъ гостей, Вителлій, любясь дорогими винами и лакомыми яствами, какими отягощены были столы въ день этого знаменитаго банкета, говорятъ, сказалъ при этомъ:

— Еслибъ такъ случилось, что и Юпитеръ, и Неронъ пригласили меня къ себѣ на ужинъ въ одинъ и тотъ же день, то, право, я, не задумываясь, оказалъ бы предпочтеніе Нерону.

Но прежде, чѣмъ гости приступили къ трапезѣ, въ трикли-

ніумъ былъ внесенъ нѣсколькими отроками, одѣтыми въ бѣлоснѣжную виссонную одежду, кивотъ съ домашними ларами. Открывъ кивотъ съ изображеніями этихъ боговъ домашняго очага и помѣстивъ его на столъ, отроки начали обносить вокругъ него чашу съ виномъ и при этомъ трижды возгласили: «Да будутъ къ намъ милостивы боги!»

Британникъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе юными представителями той или другой родовитой фамиліи, помѣщался за особымъ столомъ, и притомъ не возлежалъ, а сидѣлъ, какъ то со временъ императора Августа вошло въ обычай для очень молодыхъ людей. Никакихъ особыхъ подозрѣній относительно предстоящаго банкета у юноши въ этотъ день не было, и въ выраженіи его лица не замѣчалось ни малѣйшей тѣни какой-либо тревоги. Напротивъ, онъ казался сегодня очень веселъ и счастливъ, и въ красивыхъ глазахъ его, болѣе чѣмъ когда-либо, ясно свѣтилось отраженіе того кроткаго свѣта и того блаженнаго спокойствія, какими съ нѣкоторыхъ поръ такъ полна была его душа. Его оживленный веселый разговоръ съ товарищами и сверстниками часто прерывался взрывами веселаго молодаго смѣха, и весь онъ, казалось, преисполненъ былъ какой-то необыкновенно свѣтлой радости — какъ бы блаженствомъ сладкаго воспоминанія.

А между тѣмъ, пока Британникъ каждымъ своимъ взглядомъ, каждою улыбкой своего кроткаго лица проявлялъ, такимъ образомъ, то спокойное и радостное настроеніе духа, какое всегда является выраженіемъ душевнаго мира, хозяинъ пира сидѣлъ, напротивъ, мрачный и угрюмый. Да и могъ ли этотъ человѣкъ быть счастливъ? Возлѣ него, съ одной стороны возлежала его мать, когда-то такъ страстно любившая его, но которая теперь была полна лишь непримиримой ненависти къ нему и страшнаго озлобленія. Съ другой стороны — его жена — женщина молодая, красивая и добродѣтельная, но къ нему равнодушная и холодная, какъ ледъ. Онъ могъ купить продажную любовь безчисленнаго множества женщинъ, но приобрести за деньги любовь чистую и безкорыстную было свыше его власти. На жертвенникѣ его домашнихъ боговъ пылало пламя раздора и вражды, и его собственное сердце пепелилъ огонь такихъ преступныхъ тайнъ, подѣлиться которыми онъ могъ лишь съ худшими и презрѣннѣйшими изъ людей.

Въ числѣ гостей, приглашенныхъ на это празднество, находился и царь Иродъ Агриппа II, недавно прибывшій по одному дѣлу

изъ Палестины въ Римъ. Занимать этого гостя, которому отведено было одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ за высокимъ императорскимъ столомъ, Неронъ поручилъ брату Сенеки, Галліону, съ которымъ въ настоящую минуту Агриппа и велъ весьма оживленный разговоръ на греческомъ языкѣ, причемъ, въ качествѣ чужеземца, предлагалъ своему собесѣднику много различныхъ вопросовъ касательно собравшагося тутъ общества. Возлежа за ужиномъ рядомъ, оба они, изъ осторожности, вели бесѣду вполголоса.

Чтобы обезпечить тому дѣлу, по которому онъ прибылъ въ Римъ, успѣхъ болѣе вѣрный, Агриппа счелъ не лишнимъ воспользоваться этимъ ужиномъ въ палатинскомъ дворцѣ, какъ удобнымъ случаемъ ознакомиться нѣсколько покороче съ нѣкоторыми изъ крупнѣйшихъ представителей высшаго римскаго общества, почему и старался теперь въ разговорѣ съ Галліономъ узнать имена, а равно и характеръ, и общественное положеніе нѣкоторыхъ гостей.

— Кто эта почтенная на видъ матрона?—указывая на Домицію Лепиду, спросилъ Агриппа, очевидно, не мало пораженный ея чудовищно-высокой и очень претенціозной прической.

— Эта матрона—тетка императора, — отвѣчалъ Галліонъ.— Раньше она ни во что, бывало, не ставила его; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался императоромъ, готова, мнѣ кажется, боготворить не только его, но и самую землю, по которой онъ ходитъ.

— А вонъ та особа, что возлежитъ недалеко отъ нея, въ зеленой стѣлѣ и съ золотой пудрой на волосахъ?

— То Юнія Силана—по виду самый преданный и самый сердечный другъ Агриппины, но на дѣлѣ и въ душѣ злѣйшій ея врагъ. Но обратите вниманіе на особу, что возлежитъ рядомъ съ нею, и замѣтите, какъ искусно выкрашены ея сѣдые волосы и какъ свѣжъ искусственный румянецъ на ея отвислыхъ щекахъ. Это Элія Кателла, и кто бы повѣрилъ, что эта престарѣлая матрона, которой безъ малаго восемьдесятъ лѣтъ, все еще безъ ума любить танцевать?

— О, tempoга! О, mores! сказалъ бы Цицеронъ,—проговорилъ Агриппа и тотчасъ прибавилъ:—но укажите мнѣ, наконецъ, на добродѣтельную и честную женщину; неужели же здѣсь ихъ такъ немного?

Не безъ лукавой улыбки указалъ Галліонъ на прекрасную Беренику, сестру Агриппы, пріѣхавшую въ Римъ вмѣстѣ съ братомъ, и которая, не смотря на свои двадцать шесть лѣтъ, была все еще ошеломительно хороша.

Агриппа слегка покраснѣлъ и прикусилъ языкъ; но Галліонъ,

съ свойственной ему тонкой деликатностью, сдѣлавъ видъ, будто не замѣчаетъ смущенія собесѣдника, очень серьезно прибавилъ:

— Есть, безспорно, женщины истинно-добродѣтельныя; но, увы! ихъ немного. Братъ мой, Сенека, тотъ ужъ черезчуръ нелестнаго мнѣнія о всѣхъ женщинахъ вообще, хотя съ его стороны, долженъ я замѣтить, такой пессимистическій взглядъ на нихъ является, по меньшей мѣрѣ, неблагодарностью. Во-первыхъ, мать наша, Гельвеція, была женщина, во всѣхъ отношеніяхъ, примѣрнаго поведенія, а во-вторыхъ, и его собственная жена, Паулина—вонъ та, что возлежитъ съ края—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ наше время, римскихъ матронъ, которыя заслуживаютъ высшую похвалу, какую только можно воздать женщинѣ: «Она сидѣла дома; она пряла шерсть». Впрочемъ, въ наше время такая похвала устарѣла и перестала быть похвалой.

— Ну, а кромѣ жены вашего брата, развѣ нѣтъ здѣсь еще другихъ добродѣтельныхъ и непорочныхъ женъ?

— Вотъ первая,—сказалъ Галліонъ, почтительно преклоняя голову въ ту сторону, гдѣ возлежала императрица Октавія;—а вотъ и вторая, — прибавилъ онъ, указывая на молодую женщину въ скромной бѣлой стѣлѣ, сверхъ которой была накинута свѣтло-голубая палла. То была Анистія, жена Вера и дочь Рубеллія Плавта, женщина, извѣстная какъ своею набожностью, такъ и своею строго добродѣтельною.

— А кто тотъ почтенный и красивый старикъ вонъ тамъ, за вторымъ столомъ?

— Къ сожалѣнію, этотъ почтенный и красивый старикъ—имя его Домицій Аферъ—не болѣе, какъ красивый и почтенный старый плутъ и негодяй, — сказалъ Галліонъ. — Онъ былъ въ свое время однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ римскихъ ораторовъ; но подлыми доносами совсѣмъ опозорилъ себя и въ конецъ погубилъ свою репутацію, такъ что теперь, когда онъ начинаетъ ораторствовать, всякій мало-мальски порядочный человѣкъ спѣшитъ отвернуться отъ него.

— А молодой человѣкъ, что возлежитъ рядомъ съ нимъ?

— Право, я начинаю думать, что вы очень тонкій фізіономистъ, парь, и, вѣроятно, не безъ умысла желаете узнать характеристику лишь самыхъ худшихъ изъ здѣсь присутствующихъ. Молодой человѣкъ этотъ—Аквилій Регулъ—тоже извѣстный своими гнусными доносами; а вотъ тамъ—немного подалеже—возлежитъ другой блестящій ораторъ, Марцеллъ, который ничего такъ горячо не ненавидитъ, какъ добродѣтель и правду.

— А теперь, если вамъ только не наскучило мое любопытство, познакомьте меня слегка съ тѣми изъ гостей, что возлежать за третьимъ столомъ, гдѣ я начну мои вопросы вонъ съ того красно-рожаго толстяка, что ушлетаетъ съ такой изумительной жадностью всякія разставленныя на столѣ гастрономическія лакомства?

— Это извѣстный Вителлій; впрочемъ, эту извѣстность онъ стяжалъ себѣ исключительно однимъ обжорствомъ. Его отецъ догадался включить въ число своихъ домашнихъ ларь золотыя статуи двухъ сильныхъ временщиковъ-вольоотпущенниковъ Нарцисса и Палласа—за какой подвигъ высокой гражданской доблести удостоился чести имѣть свое изображеніе на роstrѣ. Тогда сынъ его—другъ нашъ Вителлій—записался, въ угоду Кайю, въ колесничные наѣздники; позднѣе, въ угоду Клавдію, сдѣлался игрокомъ, а теперь снискалъ себѣ милость Нерона своими восторгамъ передъ его божественнымъ голосомъ. Не большею чистоплотностью отличается его образъ дѣйствій и въ качествѣ частнаго лица и семьянина. Былъ у него сынъ отъ первой жены, Петроніанъ, которому мать, умирая, завѣщала все свое громадное состояніе. Этого сына Вителлій отравилъ, заставивъ выпить чашу съ ядомъ, якобы для него приготовленную, какъ онъ увѣряетъ, самимъ юношею.

— Чѣмъ больше я васъ слушаю, тѣмъ больше проникаюсь убѣжденіемъ, что правъ былъ греческій мудрецъ, утверждавшій, что наибольшій контингентъ рода человѣческаго составляютъ подлецы и негодяи,—вздыхая, проговорилъ Агриппа.

— Въ этомъ, безспорно, есть своя доля правды,—согласился Галліонъ;—впрочемъ, иногда, хотя и рѣдко, встрѣчаются, однако, и люди честные — какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ. Возьмемъ, на примѣръ, Бурра—этотъ человѣкъ, безспорно, честенъ въ полномъ значеніи слова; честенъ по своему и Феній Руфъ; но честность его скорѣе отрицательная. Строго-честными взглядами на вещи отличается и Тразэй, хотя въ наше время даже и ему, волей-не-волей, приходится подчасъ притворяться; безусловно честны и правдивы и друзья его Гельвидъ Прискъ, Соранъ, Арулэнъ Рустикъ. Таковъ вонъ и тотъ убѣленный сѣдиной старецъ Луцій Сатурнинъ, которому, по какой-то необъяснимой случайности, удалось, не взирая на его честность и порядочность, дожить до преклоннаго девяносто трехъ-лѣтняго возраста, не извѣдавъ ни прелести ссылки, ни сладости насильственной смерти.

— Еще одинъ и послѣдній вопросъ,—сказалъ Агриппа;—скажите, кто этотъ мужъ, съ которымъ такъ горячо о чемъ-то бесѣдуетъ Домицій Аферъ?

— Имя этого, не лишеннаго гражданской храбрости, мужа — Фабрицій Вэйентъ, и онъ-то и есть настоящій авторъ «Codicilli» — этого сборника болѣе или менѣе удачныхъ и злыхъ пасквилей на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ и...

Но тутъ рѣчь Галліона круто оборвалась, прерванная раздирающимъ крикомъ, пронесшимся вдругъ съ одного конца триклиніума до другого.

Гости вздрогнули, словно надъ ихъ головами разразился ударъ грома.

Что же такое случилось?

Британникъ, какъ мы уже сказали, былъ въ этотъ день совершенно спокоенъ за свою жизнь, такъ какъ находился въ полной увѣренности, что Неронъ никогда не рѣшится учинить какое-либо покушеніе на его жизнь у себя на пиру, среди многолюднаго общества. Къ тому же на этомъ пиру при немъ безотлучно находился его праегстатор, обстоятельство, казавшееся ему уже само по себѣ достаточнымъ ручательствомъ безопасности, такъ какъ двѣ одновременныя смерти неминуемо должны были бы возбудить подозрѣніе относительно ихъ причины и такимъ образомъ привести къ обнаруженію совершившагося преступленія.

А между тѣмъ именно эти два обстоятельства и показали хитрому Тигеллину всего болѣе способными отвратить всякія подозрѣнія отъ Нерона, а потому онъ и рѣшилъ, что привести въ исполненіе задуманное злодѣяніе будетъ всего удобнѣе во время пира.

Уговорить на это дѣло грека Синероса, человѣка, давно уже утратившаго всякую совѣсть и давно извѣстнаго своею постоянною готовностью изъ-за денегъ пойти на любое преступленіе, было для Тигеллина не трудно. И вотъ за ужиномъ Синеросъ, наливъ въ кубокъ фалернскаго вина попаламъ съ водой и отвѣдавъ отъ него, подалъ его Британнику. Но вино было съ умысломъ разбавлено до такой степени горячей водой, что Британникъ, отхлебнувъ немножко, былъ принужденъ возвратитъ кубокъ Синеросу съ приказаніемъ прибавить въ него холодной воды. Синеросъ исполнилъ приказаніе юноши; но влилъ холодную воду изъ особаго небольшого сосуда, въ которомъ къ водѣ заранѣе былъ примѣшанъ тотъ смертельный ядъ, который Локуста дала Нерону.

Принявъ вторично изъ рукъ Синероса кубокъ, Британникъ очень спокойно поднесъ его къ губамъ и, отпивъ изъ него больше половины, поставилъ на столъ. Не болѣе какъ черезъ какихъ-нибудь двѣ-три минуты кубокъ со стола взялъ Тигъ и уже, было, началъ пить, какъ вдругъ, взглянувъ съ удивленіемъ на друга, ко-

торый съ дико-блуждавшимъ взглядомъ порывисто схватилъ его въ эту минуту за руку, испустилъ тотъ страшный крикъ, что привелъ въ такое смятеніе всѣхъ трехсотъ гостей, и, выронивъ мирринскій сосудъ изъ рукъ, разбилъ его въ дребезги о мраморный съ мозаикой полъ.

Между тѣмъ гости, придя нѣсколько въ себя отъ перваго испуга и устремивъ взоръ въ ту сторону, гдѣ за особымъ столомъ помѣщался Британникъ со своими товарищами и сверстниками, съ ужасомъ увидѣли, что сынъ Клавдія, поддерживаемый Климентомъ, лежитъ блѣдный и съ искаженнымъ отъ боли лицомъ въ припадкѣ страшныхъ конвульсій. При такомъ зрѣлищѣ очень многіе изъ гостей, повскочивъ со своихъ ложъ, начали поскорѣе убѣгать кто куда, и вскорѣ въ триклиніумѣ остались лишь тѣ изъ нихъ, которые были ближе знакомы съ тайнами придворной жизни римскихъ цезарей; хотя даже и эти, не мало очевидно, напуганные такимъ инцидентомъ, вперивъ боязливый взглядъ въ Нерона, стояли неподвижно, словно мраморныя статуи.

Что же касается Нерона, то можно сказать, что въ эту минуту, оставаясь на высотѣ своего положенія, онъ по истинѣ художественно разыгралъ роль закоснѣлаго злодѣя, проявивъ такое невозмутимое хладнокровіе, какое едва ли можно было ожидать въ такомъ юномъ убійцѣ.

Правда, онъ былъ очень близорукъ; но вѣдь такое обстоятельство не могло помѣшать ему сразу догадаться, что именно случилось. Тѣмъ не менѣе, онъ приставилъ къ глазу свой изумрудный монокль и, слегка привставъ, упершись локтемъ въ подушки, небрежно протянулъ среди гробоваго молчанія:

— А-га! теперъ понимаю въ чемъ тутъ дѣло. Братъ мой, Британникъ, съ дѣтства подверженъ—блѣдный мальчикъ—такимъ эпилептическимъ припадкамъ. Но это не опасно: припадокъ скоро пройдетъ, и тогда онъ очнется. А потому не тревожьтесь, друзья мои, и продолжайте пировать. Пусть не прерываетъ это маленькое приключеніе нашего веселаго ужина.

Не вѣря своимъ ушамъ, Агриппина слушала Нерона, какъ громомъ пораженная его наглою ложью. Она знала, какъ знали и очень многіе изъ гостей, что никакими эпилептическими припадками отъ роду никогда не страдалъ Британникъ. Дѣло было ясно и несомнѣнно: Неронъ отравилъ брата! О, боги тартара!—въ душѣ ужасалась несчастная мать; — возможно ли, чтобы этотъ, еще не вышедшій изъ юношескихъ лѣтъ сынъ ея, котораго, казалось ей, она еще вчера невиннымъ розовымъ младенцемъ такъ горячо цѣ-

ловала и миловала, рѣшился совершить такое страшное злодѣяніе? И паническій страхъ передъ юнымъ извергомъ охватилъ съ ногъ до головы неустрашимую и гордую Агриппину. Она вся дрожала и должна была призвать на помощь всю силу своей крѣпкой воли, чтобы не упасть отъ нравственнаго изнеможенія. Лицо ея то покрывалось смертельной блѣдностью, то выступали на немъ багровыя пятна, и тѣ, что не безъ умысла такъ зорко наблюдали за ней, не могли не замѣтить, до чего была она взволнована и какъ дрожала ея рука, когда, схвативъ со стола кубокъ съ виномъ, она поднесла его къ губамъ.

— По меньшей мѣрѣ она въ этомъ дѣлѣ такъ же мало виновна, какъ сама Октавія,—шепотомъ замѣтилъ Сенека на ухо Бурру.— Но, боги милостивые! гдѣ же будетъ конецъ этому?

Октавія въ первую минуту, казалось, онѣмѣла отъ ужаса: широко раскрывъ глаза, она вперила безумно-пристальный и неподвижный взглядъ на брата и долго, не мигая, вглядывалась въ его помертвѣлое лицо безъ словъ, безъ слезъ и безъ рыданій. Но, наконецъ, изъ груди ея, измученной и больной, вырвался слабый, чуть слышный стонъ, и, закативъ глаза и опрокинувъ голову, она бессильно повалилась на подушку своего ложа, гдѣ теперь лежала, ничего не видя, ничего не слыша, не сознавая ничего, что дѣлалось вокругъ.

А между тѣмъ Неронъ, видимо, не желалъ прерывать своего пира. Но была ли возможность вернуть нарушенное веселье? Стереотипная улыбка на лицѣ Сенеки походила въ эту минуту не столько на улыбку, сколько на какую-то гримасу тупого, боязливаго отчаянія. Лицо Тразея омрачилось и было чернѣе громовой тучи. Климентъ, уныло склонивъ голову и опустивъ руки, сидѣлъ за столомъ и громко всхлипывалъ заодно съ нѣкоторыми другими сверстниками Британника; между тѣмъ какъ Титъ, который уже начиналъ чувствовать нѣкоторые симптомы дѣйствія яда, къ счастью проглоченнаго имъ лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ, положивъ обѣ руки на столъ и опустивъ на нихъ голову, безутѣшно плакалъ и рыдалъ.

Такимъ образомъ, Неронъ послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ оживить свой пиръ и развеселить гостей, принужденъ былъ отпустить ихъ, что онъ и сдѣлалъ, замѣтивъ имъ, что, хотя припадокъ падучей болѣзни вообще и считается дурнымъ предзнаменованіемъ, онъ, однако, вполне увѣренъ, что возлюбленному его брату очень скоро будетъ лучше; но видя, какъ глубоко огорчены его друзья, онъ не желаетъ стѣснять ихъ... И гости, собравшіеся въ радости, разошлись въ уныніи и глубокомъ смятеніи.

ГЛАВА XXIII.

Дѣйствіе яда было мгновенно и несомнѣнно въ своемъ окончательномъ результатѣ, хотя жизнь въ продолженіи нѣкотораго времени еще и боролась со смертью въ молодомъ организмѣ юноши. Перенесенный изъ триклиніума императора въ свою собственную опочивальню, онъ лежалъ, порою вздрагивая, въ полусознательномъ состояніи, и грудь его высоко вздымало неровное спазмодическое дыханіе. Украдкой пробравшись въ опочивальню молодого принца, Актѣя стояла на колѣняхъ возлѣ его изголовья и горько плакала, дѣлая всевозможныя усилія вернуть его къ жизни или, по меньшей мѣрѣ, облегчить его страданія. Она терла ему ладони, стараясь въ своихъ рукахъ согрѣть холодѣвшія его руки; смачивала его пылавшую голову холодной водой. Но—увы!—уже поздно было надѣяться остановить быстро угасавшую жизнь; Британникъ ея не узналъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ опочивальню, урвавшись съ пира, прибѣжалъ весь въ слезахъ Титъ и засталъ подлѣ Британника Эпиктета, который, склонивъ голову къ ногамъ молодого принца, безутѣшно плакалъ. «Онъ [еще живъ],—поднявъ голову, проговорилъ сквозь слезы отрокъ, отвѣчая на нѣмой вопросъ Тита. Сѣвъ возлѣ друга, Титъ схватилъ его за руку и началъ громко звать по имени, и только слабое, чуть замѣтное пожатіе руки умиравшаго свидѣтельствоvalo, что сознаніе вернулось и онъ узналъ его. Тѣмъ временемъ одинъ изъ тѣхъ рабовъ Британника, которые втайнѣ исповѣдовали ученіе Христа, успѣлъ тайкомъ провести въ опочивальню сына Клавдія старшаго пресвитера римскихъ христіанъ Лина, и Линъ, наклонясь надъ юношей, окропилъ его чело водой, послѣ чего, воздѣвъ глаза къ небу, благословилъ его крестомъ и прочелъ надъ нимъ краткую молитву. Никто изъ присутствовавшихъ не понималъ значенія ни этой воды, ни словъ пресвитера; понималъ одинъ Британникъ, и свѣтлая улыбка, какъ послѣднее мерцаніе солнечнаго заката, на одинъ мигъ озарила его страдальческое лицо, ибо онъ созналъ, что вода Св. Крещенія приобщила его къ Христовой церкви.

Но то было и послѣдній проблескъ сознанія умиравшаго, и когда Октавія, тотчасъ послѣ ужина и еще въ томъ самомъ богатомъ убранствѣ, въ какомъ была на пиру, кинулась, было, къ брату въ опочивальню, она уже не застала его живымъ. Все было кончено, передъ покойникомъ уже дымился еиміамъ, и траурный кипарисъ передъ входомъ въ палатинскія пропілеи уже возвѣщалъ

прохожему, что домъ цезаря посѣтила смерть. Холодный и недвижимый, юноша покоился на своемъ ложѣ съ неподвижностью изваянной изъ мрамора статуи. Какъ безумная, бросилась Октавія къ трупѣ брата и, сорвавъ съ себя цвѣты и другія украшенія, крѣпко обняла его и, припавъ головой къ быстро холодѣвшей его груди, залилась слезами и безутѣшно рыдала, рыдала безъ конца. Мать, отецъ, ея первая любовь — юный благородный Силанъ, а теперъ и онъ, этотъ обожаемый братъ, этотъ послѣдній потомокъ мужескаго пола древняго рода Клавдіевъ, — однимъ словомъ, всѣ, кому она когда-либо была мила и дорога, всѣ ушли, покинувъ ее одну въ ея кругломъ сиротствѣ!

Погребальный обрядъ долженъ былъ совершиться по приказанію цезаря въ ту же ночь, и такая поспѣшность, равно какъ и упущеніе нѣкоторыхъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ обрядностей, не могли не показаться многимъ въ высшей степени подозрительными.

Одѣтое въ роскошное платье и съ обычнымъ оболомъ для Харона, положеннымъ ему подъ языкъ, тѣло усопшаго было на носилкахъ перенесено изъ опочивальни въ атриумъ, гдѣ его поставили ногами къ выходу. Скоро пришелъ сюда Титъ съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ лилій, который возложилъ на голову усопшему другу и, съ трудомъ проговоривъ сквозь слезы и рыданья: «Прощай, прощай на вѣки!», покинулъ атриумъ, печально склонивъ голову на грудь.

Лишь на одну короткую минуту рѣшился Неронъ придти взглянуть на дѣло своихъ рукъ. Онъ явился въ атриумъ къ тѣлу покойнаго брата въ своемъ ярко красномъ плащѣ съ золотыми звѣздами на бордюрѣ, съ глазами, опухшими отъ не въ мѣру обильныхъ возліяній, со сбитымъ на сторону вѣнкомъ изъ розъ на растрепанной головѣ и въ сопровожденіи неизмѣнныхъ своихъ друзей Тигеллина и Сенеція.

— Онъ скончался, по всей вѣроятности, въ припадкѣ, въ бессознательномъ состояніи, — не то вопросительно, не то утвердительно проговорилъ онъ, взглянувъ мимоходомъ на одного изъ бывшихъ здѣсь рабовъ.

— Жизнь покинула принца черезъ часъ послѣ того, какъ унесли его съ пира, — доложилъ рабъ.

Однако, при первомъ же взглядѣ на покойника императоръ былъ, видимо, чѣмъ-то обезпокоенъ и смущенъ, а украдкой указывая на лицо Британника, что-то вполголоса замѣтилъ Тигеллину.

— Это пустяки: стоитъ помазать мѣломъ и все будетъ приведено въ надлежащій видъ, — поспѣшилъ Тигеллинъ успокоить импе-

ратора и тутъ же на ухо шепнулъ одному изъ довѣренныхъ своихъ рабовъ какое-то приказаніе, послѣ чего, обратясь къ находившимся при покойникѣ, громко объявилъ:—Удадитесь: императору угодно проститься съ братомъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

Рабъ Тигеллина не замедлилъ принести кусокъ мѣла, и Неронъ, съ помощью этого мѣла, собственноручно забѣлилъ уже успѣвшія показаться на лицѣ усопшаго синебагровыя пятна, свидѣтельствовавшія о ядовитости данной ему отравы.

— Къ чему цезарю напрасно разстраивать себя долгимъ пребываніемъ въ мѣстѣ, омраченномъ присутствіемъ мертвеца,—съ притворнымъ участіемъ замѣтилъ Сенецій;—пусть лучше вернется онъ обратно въ свой триклиніумъ, и тамъ дозволить намъ утопить наше горе въ новыхъ возліяніяхъ богу Вакху.

Неронъ удалился; но еще не успѣлъ онъ выйти со своею компаніей за дверь, какъ въ атриумѣ среди мертвой тишины раздался гулъ хохота и чьихъ-то насмѣшливыхъ голосовъ.

Носильщики были уже наготовѣ поднять носилки, чтобы двинуться съ ними къ мѣсту погребенія, когда въ атриумъ, для послѣдняго прощанія съ усопшимъ, пришла Агриппина. Непритворно искренно было въ ту минуту горе этой властолюбивой женщины; но это горе было чисто эгоистичнаго характера. Плача надъ трупомъ такъ жестоко обиженнаго ею Британника, она плакала не столько по немъ, сколько о сопряженной для нея съ его смертью утратѣ послѣдней надежды обуздать Нерона и снова захватить власть въ свои руки, а отчасти, и вслѣдствіе невольнаго возникшихъ въ ней при видѣ такого злодѣянія новыхъ ужасныхъ опасеній, сознавая съ невыразимою горечью въ душѣ, что боги въ своемъ безпристрастіи готовятъ и для нея ту же отравленную чашу.

Похоронный обрядъ надъ усопшимъ сыномъ императора Клавдія, исполненный не только съ позорной торопливостью, но и съ не менѣе позорной скудостью, отличался полнымъ отсутствіемъ всѣхъ тѣхъ атрибутовъ пышной погребальной процессіи, какими, обыкновенно, сопровождались похороны не только членовъ императорской семьи, но и всякаго, сколько-нибудь знатнаго и богатаго, римлянина. Не было ни глашатаевъ, ни флейтичковъ, ни трубачей; не было ни ликторовъ въ траурномъ облаченіи, ни наемныхъ женщинъ-плакальщицъ—*graeifcae*; ни похоронныхъ пѣсенъ—*nenia*—но усопшемъ. Но за то, съ другой стороны, отсутствовали, къ счастью, и обычныя при торжественныхъ похоронныхъ процессіяхъ и маски предковъ, и буфоны, и архимимы.

Согласно обычаю римлянъ того времени, покойника понесли къ

мѣсту погребенія на носилкахъ и съ непокрытой головой. Ночь была бурная и ненастная, дождь лилъ какъ изъ ведра, и скоро тѣ немногіе, что провожали бранные останки Британника до костра, не могли не замѣтить при свѣтѣ своихъ фонарей тѣхъ пятенъ, которыя, смытыя дождемъ отъ покрывавшаго ихъ мѣла, чернѣли на блѣдномъ лицѣ юноши, и замѣтивъ, молча указывали на нихъ другъ другу...

Послѣ нѣкоторыхъ, на-скоро исполненныхъ, обрядовъ, тѣло было положено на невысокій костеръ. При этомъ присутствовали друзья покойнаго Юлій Денсъ, Титъ, Флавій, Климентъ и Пуденсъ. Неронъ не счелъ нужнымъ почтить похороны брата своимъ присутствіемъ. Отвернувъ лицо, Пуденсъ поднесъ факелъ къ костру. Но дрова отъ дождя были мокрые, и костеръ долго не загорался. Тогда его полили смолой и масломъ, и мало-по-малу яркое пламя охватило костеръ. Когда дрова вмѣстѣ съ трупомъ сгорѣли до тла, пепель былъ собранъ и, по обычаю, залитъ виномъ; и эта небольшая горсть бѣлой золы въ серебряной урнѣ, вмѣстѣ съ грустнымъ воспоминаніемъ, сохранившимся въ тѣхъ немногихъ сердцахъ, которыя любили его, было все, что осталось на землѣ отъ предательски отравленнаго сына римскаго императора.

Но когда отдававшіе послѣдній долгъ праху Британника удалились съ мѣста сожженія трупа, изъ окрестныхъ роцъ, осторожно оглядываясь, выступили люди, которые, подойдя къ тому мѣсту, гдѣ недавно пылалъ костеръ, наконецъ преклонили колѣни и, сотворивъ горячую молитву, вполголоса пропѣли возводкоушный стихъ. Въ числѣ этихъ людей былъ и тотъ, чья рука съ благословіемъ коснулась головы юноши и чье пророческое слово предсказало ему ожидавшую его судьбу.

Какъ для Помпоніи Грецины и ея мужа, такъ и для Тита, Пуденса, Клавдія, Эпиктета и, быть можетъ, для двухъ-трехъ преданныхъ рабовъ въ мірѣ послѣ смерти Британника, стало бѣдной чистой и доброй душой меньше. Но гдѣ найти тѣ слова, которыя были бы въ состояніи изобразить ту безразсвѣтную тьму, тотъ мертвящій холодъ и ту пустоту, которые внесла въ сердце одинокой и забитой Октавіи смерть горячо любимаго брата—ея единственнаго друга на землѣ; и еслибъ не утѣшенія Помпоніи и рабы-христіанки Трифанъ, то бѣдная женщина врядъ ли нашла бы въ себѣ настолько нравственныхъ силъ, чтобы пережить такое страшное горе. Но Помпонія не покидала императрицы, всечасно стараясь вдохнуть въ нее ту бодрость, какую можетъ дать человѣку лишь твердая вѣра во всеобъемлющую любовь Незримаго. Такъ, полу-

чивъ вскорѣ послѣ смерти Британника письмо изъ Эфеса, въ которомъ писавшій къ ней другъ передавалъ ей слова въ то время въ Ефесѣ проповѣдывавшаго апостола Павла, Помпонія поспѣшила съ этимъ письмомъ къ Октавіи. Благоотворно было дѣйствіе этого письма на удрученную тяжелой скорбью императрицу, и въ особенноти отрадными показались ей слѣдующія, глубоко запавшія въ ея измученную душу утѣшительныя слова апостола: «Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славі; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ, сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное» *).

Г л а в а XXIV.

Пораженные трагизмомъ внезапной и быстрой кончины юнаго Британника во время пира отъ руки и на глазахъ непримиримаго врага, очень многіе были проникнуты искреннею жалостью къ юношѣ такъ преждевременно угасшему на зарѣ жизни; но было весьма мало такихъ, которые были бы въ состояніи среди того языческаго міра постичь ту великую истину, что нуждался въ жалости не тотъ юноша, который покончилъ съ этой жизнью, а тотъ, кѣмъ была такъ безжалостно пресѣчена эта молодая жизнь—его убійца.

Въ продолженіе первыхъ двухъ-трехъ дней, Неронъ, казалось, былъ отчасти какъ бы и встревоженъ тѣмъ, что было имъ совершено; или, по крайней мѣрѣ, онъ боялся, какъ бы тѣнь убитаго имъ Британника, преслѣдуя его, не лишила его спокойствія. Вотъ почему онъ очень старательно избѣгалъ смотрѣть на Октавію и, каждый разъ, при случайной встрѣчѣ съ нею, спѣшилъ отвернуться; видимо трусилъ оставаться въ комнатѣ одинъ, вздрагивалъ и начиналъ трепетать при малѣйшемъ неожиданномъ шорохѣ. Но не въ этомъ его страхъ должна была для него сказаться карающая рука Всевышняго Правосудія. Приговоръ надъ нимъ былъ уже произнесенъ; но казнь пока отерочена. Страшнѣйшее же возмездіе за учиненное разъ злодѣяніе заключалось въ предоставленной ему возможности безпрепятственно совершать потомъ цѣлый рядъ преступленій и жестокостей, справедливо заслужившихъ ему передъ безпристрастнымъ судомъ исторіи названіе «омерзенія и позора рода человѣческаго».

*) Перв. посл. къ коринѳянамъ ап. Павла. Гл. XV, 42, 43, 44.

Впрочемъ, такому быстрому развитію ожесточенія въ юношѣ, какъ и его законѣлости въ порокахъ въ не малой мѣрѣ способствовали и малодушное потворство, и низкая лесть его ближайшихъ совѣтниковъ и руководителей.

О смерти Британника надлежало объявить сенату, и Нерону при этомъ случаѣ пришлось пролить двѣ-три крокодиловыхъ слезы. Въ рѣчи императора слышалась рука опытнаго стилиста, и никто изъ слышавшихъ ее не сомнѣвался, что Сенека былъ настоящимъ авторомъ краснорѣчиваго паѳоса, съ которымъ Неронъ объяснилъ передъ отцами-сенаторами, что поспѣшность погребенія незабвеннаго брата, Британника, была вызвана единственно лишь добрымъ желаніемъ сколько возможно сократить, по священному обычаю предковъ, глубокую скорбь народа по случаю такой тяжелой и неожиданной утраты.

— Не менѣе тяжела и прискорбна и для меня такая потеря,— продолжалъ ораторствовать Неронъ, повторяя, заученную на память, рѣчь;—я лишился единственнаго брата и вѣрнаго, надежнаго помощника. Отнынѣ я возлагаю все мои надежды на васъ, отцы-сенаторы, и на ваши мудрые совѣты, увѣренный, что въ вашей преданности и въ любви ко мнѣ народа обрѣту себѣ вѣрнѣйшую и лучшую опору.

Британникъ оставилъ послѣ себя довольно значительное состояніе, заключавшееся въ деньгахъ, домахъ и нѣсколькихъ богатыхъ виллахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отца и матери. Все эти дома и виллы Неронъ, въ то время еще не успѣвшій въ конецъ истощить своими колоссальными затѣями и безумными фантазіями богатства, не безъ основанія считавшагося неисчерпаемымъ, послѣшилъ раздарить нѣкоторымъ наиболѣе вліятельнымъ сановникамъ, а въ томъ числѣ и Сенекѣ подарилъ богатую виллу, а Бурру домъ въ самомъ Римѣ. Императоръ, очевидно, думалъ этими щедрыми дарами наложить, нѣкоторымъ образомъ, молчаніе на нихъ, и Бурръ, равно какъ и Сенека, принимая эти дары, были со своей стороны не мало смущены опасеніями, ужъ не куплены ли они цѣною невинной крови. Но особенно сильно былъ смущенъ богатымъ подаркомъ Нерона Сенека, такъ какъ философъ этотъ зналъ, какого рода были слухи, не со вчерашняго дня втихомолку ходившіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его алчности, и при этомъ вполне сознавалъ, что ему, въ качествѣ стоика, не разъ писавшаго громкія фразы въ прославленіе гражданскаго мужества и простоты нравовъ, менѣе чѣмъ кому-либо прилично было такъ малодушно поддаваться искушеніямъ

корыстолюбія и принимать даръ, который какъ бы дѣлалъ его до извѣстной степени причастнымъ дѣлу отравленія Британника.

Нельзя, однакожь, сказать, чтобы вѣсть о смерти Британника, отравленнаго, какъ о томъ болѣе или менѣе догадывались всѣ, братомъ, вообще произвела особенно удручающее и горестное впечатлѣніе на большую часть римскаго общества. Преданія и воспоминанія о тѣхъ ужасахъ, какими сопровождались прежнія римскія междоусобныя войны, были еще свѣжи въ памяти многихъ, и эти многіе, зная, какъ рѣдко уживаются въ мирѣ и согласіи принцы-соперники, скорѣе даже обрадовались поступку, такъ удачно разсѣявшему тотъ страшный кошмаръ внутреннихъ смуть и безурядицъ, какія предвидѣлись ими въ недалекомъ будущемъ.

Ударъ, поразившій Британника, былъ въ то же время если не прямымъ, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ пораженіемъ и всѣхъ властолюбивыхъ мечтаній Агриппины, и бурное клокотаніе темныхъ необузданныхъ силъ, поднятое убійствомъ пасынка, не скоро улеглось въ мятежной и надменной душѣ этой женщины. Октавія, та уже знала въ настоящую минуту, гдѣ ей было искать источникъ утѣшенія своей скорби, въ которомъ могла надѣяться обрѣсти утolenіе печали и душевный миръ. Но не такъ было съ Агриппиной, и Неронъ напрасно рассчитывалъ задобрить свою мать и принудить ее къ молчанію богатыми приношеніями. Дары сына съ обиднымъ презрѣніемъ были холодно отвергнуты неукротимой Агриппиной, не желавшей примириться съ мыслию, что и для нея наступаетъ минута сознаться въ полномъ пораженіи и побѣдителемъ надъ собою признать—кого же?—презрѣннаго малодушнаго труса, мальчишку, на котораго такъ неосторожно возлагала она всѣ свои надежды.

Нѣтъ, безъ борьбы, безъ отчаянной борьбы не откажется она отъ надежды снова захватить въ свои руки власть—эту цѣль, къ которой всю жизнь свою стремилась, и которую сама своими собственными руками такъ безумно и опрометчиво пошатнула. Въ ея распоряженіи были богатства неисчерпаемыя; у нея были друзья какъ въ войскѣ, такъ и среди римской аристократіи. Октавія, такъ явно пренебрегаемая мужемъ, могла бы сдѣлаться въ ея рукахъ прекраснымъ рычагомъ ея политическихъ замысловъ, и скоро Агриппина начала проявлять къ молодой императрицѣ небывалую нѣжность, осыпая ее вниманіемъ и ласками и всячески стараясь утѣшить ее; начала привѣтливѣе и ласковѣе чѣмъ когда-либо улыбаться каждому трибуну и центуріону преторіанской гвардіи и явно заискивать расположенія нѣкоторыхъ старыхъ аристократическихъ фамилій.

Но всё ея усилія и попытки вернуть утраченный авторитетъ должны были потерпѣть крушеніе, разбиваясь, словно пѣна морская, о твердыя скалы Неронова самодержавія и злобную беззастѣнчивость его любимцевъ и друзей. Наущаемый Отономъ и Тигеллиномъ, Неронъ наносилъ гордости и достоинству матери ударъ за ударомъ, отнимая у нея одинъ за другимъ тѣ знаки почета, какими она пользовалась до сего времени, какъ вдова одного цезаря и мать другого. Такъ замѣтила однажды Агриппина отсутствіе постоянно сопровождавшихъ ея носилки двухъ ликторовъ, и въ отвѣтъ на свой вопросъ о причинѣ такого отсутствія услышала, что должность такихъ ликторовъ, въ силу приказа императора, упразднена. Вскорѣ послѣ этого у нея отняли и почетную стражу изъ римскихъ легіонаріевъ и германскихъ наемниковъ, до сихъ поръ всегда стоявшую у входа въ ея апартаменты; а, наконецъ, въ довершеніе, она получила отъ Нерона приказаніе немедленно покинуть дворецъ и переселиться въ домъ своей бабушки, Антоніи. Трудно выразить словами тѣ чувства, какія бушевали въ озлобленной душѣ Агриппины въ ту минуту, когда по волѣ родного сына она, какъ изгнанница, покидала роскошныя палаты римскихъ цезарей—эти нѣмыя свидѣтельницаы ея величія и позора, чтобы, переселясь въ скромный частный домъ, зажить жизнью простого частного лица. Слезъ у нея не было: сердце ея окаменѣло въ злобомъ отчаяніи, ибо она слишкомъ хорошо понимала, что отнынѣ исчезаетъ для нея навсегда всякая надежда возстановить свое владычество надъ сердцемъ сына.

Съ этихъ поръ Неронъ лишь очень рѣдко посѣщалъ свою мать; но, даже и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, онъ являлся къ ней скорѣе въ качествѣ оффиціального лица, нежели сына,—всегда окруженный толпой центуріоновъ и многочисленной свитой, и, послѣ короткаго холоднаго свиданія, едва обмѣнявшись натянутымъ привѣтствіемъ, всегда очень спѣшилъ удалиться.

Теперь Агриппинѣ пришлось, въ свою очередь, испытать измѣнчивость земнаго счастья и убѣдиться, что многоцвѣтный мыльный пузырь, за которымъ она всю жизнь гонялась, лопнулъ и погибъ для нея безвозвратно. Никогда еще не чувствовала она такъ живо всю глубину своего несчастья. Гнѣвъ сына черной тѣнью омрачилъ все ея существованіе, отнялъ у нея все, что было ей дорого, и она поняла, что она, въ чью честь отбивались монеты и медали, отъ имени которой издавались декреты и эдикты, подъ чьимъ покровительствомъ основывались богатые колоніи, чье благосклонное расположеніе заискивалось царями и правителями,—вдругъ стала ни-

кѣмъ и ничѣмъ. Даже и такое ничтожество, какъ какая-нибудь Кальвія Криспвилла, и у той больше, вѣса и вліянія, чѣмъ какія остались у нея. Дѣйствительно, домъ Антоніи, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался мѣстожителемъ опальной вдовствующей императрицы, очень тщательно и явно обѣгался всѣми тѣми, кто желалъ сохранить или заслужить милость императора. Никто не посѣщалъ Агриппину, ни въ комъ не видѣла она ни соболѣзнованія, ни желанія утѣшить ее, никто не старался разсѣять ее въ ея томительномъ одиночествѣ. Правда, исключеніями являлись двѣ-три матроны; но этихъ Агриппина знала слишкомъ хорошо, чтобы повѣрить ихъ притворному участию къ себѣ. Въ числѣ такихъ особъ была и Юнія Силана, когда-то первый другъ Агриппины. Но потомъ дружба эта Юніи къ Агриппинѣ, вслѣдствіе стараній послѣдней разстроить бракъ, одно время предполагавшійся между богатой Юніей Силаной и Секстіемъ Африканомъ, превратилась въ непримиримую вражду, и хотя Юнія никогда не переставала, говоря о ней, величать ее «своей сладчайшей и дражайшей Агриппиной», тѣмъ не менѣе въ душѣ она всегда клялась примѣрно отомстить ей.

Теперь же, когда, наконецъ, присигла наиболѣе удобная минута для такой мести, Юнія очень усердно занялась придумываніемъ наилучшаго способа привести ее въ исполненіе.

Но, признавъ бесполезнымъ пускаться въ ходъ противъ Агриппины старыя обвиненія въ родѣ того, что она продолжаетъ оплакивать смерть Британника или разглашаетъ недостойное обращеніе цезаря съ Октавіей, она придумала новое обвиненіе, гораздо болѣе опаснаго свойства, будто Агриппина задумала вступить въ брачный союзъ съ Рубелліемъ Плавтомъ, который, какъ и Неронъ, приходился съ материнной стороны праправнукомъ причисленному къ сонму боговъ императору Августу, и при его содѣйствіи низвергнуть Нерона съ престола. Такой вымыселъ Силана сообщила въ видѣ факта двумъ своимъ кліентамъ, внушивъ имъ при этомъ мысль передать эту новость Атимету, вольноотпущеннику тетки Нерона, Домиціи, и близкому другу актера Париса, бывшаго его товарища по рабству. И дѣйствительно, Атиметь не замедлилъ пойти съ этими интересными вѣстями къ своему другу и тутъ же уговорилъ его немедленно отправиться къ императору и открыть ему якобы замышлявшійся противъ него заговоръ.

Не смотря на поздній часъ, Парисъ, имѣвшій, благодаря дружбѣ къ нему Нерона, во всякое время свободный доступъ во дворецъ, поспѣшилъ въ этотъ же вечеръ къ императору, котораго засталъ

въ кругу обычныхъ его гостей, и былъ привѣтствованъ какъ самимъ Нерономъ, такъ и его друзьями, замѣтно разгоряченными застольными возліаніями, шумными криками радости.

— Вотъ отлично сдѣлалъ, что пришелъ, — воскликнулъ Неронъ; — одного тебя и недоставало намъ для полнаго веселья. Подойди сюда поближе и прежде всего осуши этотъ кубокъ наилучшаго фалернскаго, а затѣмъ ты насъ потѣшишь какимъ-либо лицедѣйствомъ, достойнымъ таланта такого, какъ ты, великаго артиста. Но что вижу я! Парисъ ли это? — нашъ ли это веселый, всегда изящный и нарядный красавецъ Парисъ? Что значитъ эта плачевная фізіономія и эта темная одежда въ безпорядкѣ? Говори, что случилось?

— Страшное, ужасное дѣло, — заливаясь слезами, проговорилъ искусный гистріонъ. — Дозволить ли цезарь открыть ему...

— Говори смѣлѣе, не бойся ничего, — сказалъ Неронъ, приподнимаясь на локтѣ изъ полулежащаго своего положенія. Ужъ не возстаніе ли легіоновъ? Не бунтъ ли въ преторіанскомъ лагерѣ?

— Ни того, ни другаго пока еще нѣтъ, — сказалъ Парисъ. — Но Августа — мать нашего обожаемаго цезаря...

— Продолжай! Говори скорѣе! Чего ты медлишь! — встрепенулся Неронъ и, замѣтивъ колебанія своего любимца, нетерпѣливо крикнулъ на него.

И ловкій фигляръ со слезами на глазахъ принялся повѣствовать, порой прерывая свою рѣчь притворными рыданіями и недоумовками, таинственную исторію вымышленнаго заговора. Такъ неожиданно напуганный Неронъ пришелъ въ совершенное изступленіе и, вскочивъ со своего ложа, принялся въ ярости шагать взадъ и впередъ по триклиніуму и рвать на себѣ волосы.

— Агриппина завтра же будетъ предана смерти, — бѣсновался онъ, — а также и этотъ несчастный Рубеллій Плавтъ. Скорѣе подай мои дощечки. Сейчасъ разослать кому слѣдуетъ приказъ о немедленномъ арестѣ злоумышленниковъ. Послать за Бурромъ — впрочемъ, нѣтъ: Бурръ креатура моей матери, ей обязанъ онъ своимъ возвышеніемъ и своею должностію префекта преторіанскаго лагеря. Отнынѣ должностъ эта будетъ довѣрена Туску. Бурръ же будетъ преданъ казни. А теперь позвать ко мнѣ Сенеку, да скорѣе: медлить нельзя ни одной минуты.

И, не взирая на довольно поздній часъ ночи одинъ, изъ дежурныхъ центуріоновъ былъ моментально посланъ во главѣ небольшого отряда дворцовой стражи въ палаццо Сенеки, котораго приходъ центуріона засталъ за чтеніемъ вслухъ женѣ своей, Паулинѣ, и другу, Фабію Рустіку, Платоновой «Республики».

Когда вошедшій рабъ доложилъ Сенекѣ, что къ нему изъ дворца явилось нѣсколько человѣкъ преторіанцевъ съ приказаніемъ отъ имени императора немедленно явиться ему во дворецъ, лицо Паулины, какъ и Фабія Рустика, покрылось смертной блѣдностью, да и самъ Сенека, несмотря на усилія овладѣть собой и скрыть охватившій его трепетъ, видимо дрожалъ всѣми членами. Приказавъ рабу пригласить центуріона въ кабинетъ, онъ самъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу этому послѣднему и, послѣ перваго же привѣтствія, спросилъ его, тщетно сіяясь придать голосу равнодушно спокойный тонъ, не знаетъ ли онъ, по какому случаю императору угодно было потребовать его къ себѣ въ этотъ поздній часъ ночи. Но на это центуріонъ отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, хотя тутъ же и прибавилъ, что императоръ на сколько ему было извѣстно, находится въ крайне встревоженномъ состояніи духа; и Сенека, надѣвъ свою тогу, поспѣшилъ во дворецъ. Какъ только онъ вступилъ въ триклиніумъ, Неронъ тотчасъ же сообщилъ ему, что слышалъ отъ Париса. Сенека не совсѣмъ вѣрилъ въ дѣйствительность существованія такого заговора; но такъ какъ, съ другой стороны, онъ хорошо зналъ, что время въ самомъ дѣлѣ было такое, что ручаться ни за что нельзя было, то онъ постарался уговорить императора прежде всего послать за Бурромъ, ручаясь ему своею жизнью за вѣрность и преданность этого послѣдняго. Черезъ нѣсколько времени явился и Бурръ и въ свою очередь выслушалъ очень внимательно рассказъ о вымышленномъ Юніей Силаной заговорѣ.

— Вообще, предавать казни кого бы то ни было, не предоставивъ обвиненному права защиты и оправданія—дѣло весьма серьезное,—проговорилъ Бурръ съ свойственной ему прямою;—казнить же безъ суда августѣйшую особу и, вдобавокъ, родную мать цезаря—дѣло такое, что требуетъ болѣе строгаго и всесторонняго обсужденія.

— Но подумайте хорошенько: вѣдь въ жилахъ Рубелія Плавта течетъ кровь цезарей, а мать моя такая женщина, которая способна ни передъ чѣмъ не остановиться ради достиженія власти.

— Думать мнѣ нечего,—очень откровенно отрѣзалъ Бурръ;—мнѣніе мое составлено, и измѣнять его я не буду.

Неронъ сердито насушилъ брови; но Бурръ не унимался и продолжалъ все въ томъ же строго наставительномъ тонѣ:

— Ни прямыхъ уликъ, ни настоящихъ обвинителей на лицо нѣтъ. Цезарь дѣлаетъ свои заключенія со словъ одного Париса, вольноотпущенника фамилии, враждебной Агриппинѣ, и притомъ вы-

слушавъ разсказъ объ этомъ заговорѣ въ этотъ поздній часъ ночи, среди пьяной пирушки. Такъ опрометчиво играть жизнью и судьбой даже простаго гражданина нельзя, а тѣмъ менѣе драгоцѣнною жизнью императрицы.

Нѣсколько охлажденный тѣмъ спокойнымъ и внушительнымъ тономъ, какимъ Бурръ высказывалъ свои соображенія и замѣчанія, Неронъ молчалъ, хотя и продолжалъ угрюмо хмуриться. Но Бурръ, очевидно, былъ не расположенъ къ уступкамъ.

— Пусть Цезарь уполномочитъ насъ подвергнуть Августу строгому и обстоятельному допросу, и, если при этомъ дѣйствительно обнаружится ея виновность въ столь черномъ замыслѣ—возставать противъ присужденія смертной казни, мы больше не будемъ.

А между тѣмъ императоръ, страхъ котораго къ этому времени успѣлъ замѣтно уменьшиться, начиналъ, видимо, тяготиться этими разговорами и, на-скоро отдавъ приказаніе немедленно оцѣпить домъ, въ которомъ жила Агриппина, отрядомъ легіонаріевъ, отпустилъ своихъ двухъ совѣтниковъ. На слѣдующій день, рано по утру, Сенека и Бурръ вмѣстѣ съ нѣсколькими наиболѣе довѣренными отпущенниками Нерона, которые въ качествѣ шпионовъ должны были слѣдить за каждымъ словомъ и жестомъ, какъ обоихъ совѣтниковъ императора, такъ и его матери, явились къ Агриппинѣ и, изложивъ всѣ пункты сдѣланнаго на нее доноса, строгимъ тономъ слѣдователей потребовали отъ нея объясненія.

Однако, Агриппина, не взирая ни на нечаянность такого оскорбительнаго посѣщенія, ни на чувство глубокаго униженія, какое охватило ее при видѣ окружавшихъ ея мѣстожительство солдатъ, ни на минуту не смутилась духомъ и, гордая и неустрашимая, какъ всегда, предстала перелъ своими неожиданными судьями съ спокойно презрительнымъ видомъ не только напрасно оскорбляемой женщины, но и проникнутой глубокимъ сознаниемъ полной неуязвимости въ данномъ случаѣ. Какъ Бурръ, такъ и Сенека, при ея появленіи, почтительно подыались съ мѣсть, между тѣмъ какъ вольноотпущенники низко склонили передъ ней головы. Но этихъ Агриппина не удостоила даже мимолетнымъ взглядомъ и, опускаясь въ богатое парадное кресло съ позолотой и инкрустаціей, слегка кивнула головой въ сторону философа и префекта, приглашая ихъ сѣсть.

— Настоящая аудіенція, повидимому, обѣщаетъ быть весьма серьезнаго и торжественнаго характера,—начала Агриппина съ нѣсколько презрительной усмѣшкой;—вѣдь самъ императоръ, какъ мнѣ уже доложили, прислалъ сюда какъ васъ, такъ и этихъ господъ—и она указала небрежно надменнымъ жестомъ на вольно-

отпущенниковъ—для какихъ-то переговоровъ со мной. Чего жалеаетъ отъ меня Неронъ?

— Вы совершенно правы, Августа: дѣйствительно, мы явились сюда по дѣлу величайшей важности, — очень сурово сказалъ Бурръ;— словомъ, вы обвиняетесь ни болѣе и ни менѣе, какъ въ государственной измѣнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это мнѣ нравится: меня обвиняютъ, да еще въ государственной измѣнѣ!

— Васъ обвиняютъ,—все тѣмъ же строго внушительнымъ тономъ продолжалъ Бурръ,—въ поползновеніяхъ собрать себѣ среди римскихъ легионаріевъ партію вѣрныхъ приверженцевъ съ тою цѣлью, чтобы, при ихъ содѣйствіи, возвести на императорскій престолъ Рубеллія Плавта и затѣмъ вступить съ нимъ въ брачный союзъ.

— Бѣдный Рубеллій Плавтъ! Какъ видно, онъ остался все той же «золотой овцой», какой былъ у брата моего Кайя.

— Шутки здѣсь неумѣстны, Августа, — сурово замѣтилъ Бурръ;—императоръ очень серьезно встревоженъ такимъ доносомъ и сильно разгнѣванъ.

— Но чѣмъ же инымъ должна я по вашему отвѣчать на такое смѣшное обвиненіе?

— Августѣ слѣдовало бы держать себя немножко осмотрительнѣе, — очень мягко началъ, въ свою очередь, Сенека. — Эти частыя совѣщанія съ людьми своей партіи, это явное заискиваніе расположенія нѣкоторыхъ вліятельныхъ сенаторовъ, это любезное заигрываніе съ трибунами и центуріонами преторіанскихъ когортъ, эти непрестанныя сѣтованія о судьбѣ дѣтей Клавдія — все это вмѣстѣ не могло не возбудить, наконецъ, довольно серьезныхъ подозрѣній относительно намѣреній Августа.

Убийственно презрительнымъ взглядомъ смѣрила Агриппина съ головы до ногъ Сенеку, и бѣдный философъ, не выдержавъ этого гнѣвно сверкавшаго взгляда гордой Агриппины, невольно сробѣлъ и, видимо смущенный, опустилъ глаза.

— Такъ вотъ какова ваша благодарность философа?—съ невыразимымъ презрѣніемъ кинула она ему въ лицо упрекъ.—Должно быть, вы забыли, что, только благодаря моему милостивому расположенію къ вамъ, удалось вамъ выбраться изъ нездороваго климата Корсики—мѣста вашей ссылки, гдѣ, по всей вѣроятности, давно бы погибли въ неизвѣстности. Да и вамъ, Бурръ, тоже не мѣшало бы получше помнить, кому обязаны вы своимъ теперешнимъ высокимъ положеніемъ.

— Мы не болѣе, какъ исполнители воли приславшаго насъ императора,—уже болѣе мягко замѣтилъ Бурръ.

— А кто же такіе мои обвинители? — помолчавъ, спросила Агриппина.

— Донось этотъ императору былъ сдѣланъ вчера вечеромъ Парисомъ,—отвѣчалъ Бурръ.

— Парисомъ!—съ негодованіемъ воскликнула Агриппина.—Да вѣдь Парисъ не болѣе, какъ жалкій фигляръ, гистріонъ, презрѣнный гаэръ,—словомъ, нѣчто въ такой степени низкое и гнусное, что уже одно упоминаніе его имени возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе. Но продолжайте.

— Парисъ донесъ со словъ Атимэта, вольвоотпущенника Домиціи и...

— Такъ вотъ оно что! измышленіе это идетъ отъ Домиціи и ея фаворита раба!—съ злобнымъ негодованіемъ проговорила Агриппина.—О немъ я, разумѣется, даже и говорить не желаю: на то онъ и рабъ, чтобы быть способнымъ на подкупъ и на всякую другую подлость. Но она, Домиція—пока я здѣсь хлопотала то объ усыновленіи Нерона, то о его возвышеніи въ достоинство римскаго консула, не жалѣя никакихъ усилій, лишь бы проложить ему дорогу къ престолу—скажите, гдѣ была она и что дѣлала? Прохлаждалась нѣгою въ Баіахъ со своими комедіантами и плясунами, да откармливала рыбъ въ своихъ прудахъ. А теперь, когда мой Неронъ императоръ, ей бы хотѣлось завладѣть его сердцемъ, отнять его у меня, и для этого придумываетъ она вмѣстѣ съ пантомимомъ и плясуномъ своимъ всю эту недостойную комедію. И въ этомъ-то заключается все обвиненіе противъ меня?

— Итурій и Кальвизій, отпущенники Юніи Силаны, были первыми, возбудившими противъ Августы обвиненіе въ столь преступномъ злоумышленіи.

— Итурій и Кальвизій — два развратника и мота, поддонки общества, которымъ прежде всего нужно поправить свои денежныя обстоятельства, съ какою цѣлью, вѣроятно, и взялись они за прибыльное ремесло доносчиковъ. Впрочемъ, сами по себѣ оба они не болѣе, какъ пѣшки. Но кто подвинулъ ихъ на такое дѣло?

— Юнія Силана.

— А-га! Юнія Силана. Теперь становится для меня ясной съ начала и до конца вся эта низкая интрига. Силана — эта невѣрная жена, этотъ фальшивый другъ и злая женщина — что можетъ она понимать въ священныя материнскихъ чувствахъ? Она воображаетъ, должно быть, что отдѣлаться отъ дѣтей для

матери такъ же легко, какъ легко преступной женѣ замѣнить одного беззаконнаго фаворита другимъ. И вотъ потому только, что нашлось два продажныхъ и въ прахъ разорившихся негодяя, которые готовы въ угоду старой бабѣ клятвой подтвердить за деньги любое показаніе,—меня вы рѣшаетесь обвинить въ мнимомъ покушеніи сдѣлаться дѣтоубійцей, а Нерона вы готовы сдѣлать палачемъ своей матери! Стыдно вамъ, ближайшимъ совѣтникамъ императора и его руководителямъ, братья за ту презрѣнную роль, какую разыгрываете въ настоящую минуту. вмѣсто того, чтобы приложить, памятуя полученныя отъ меня благодѣянія, всѣ свои старанія, чтобы заставить Нерона устыдиться той непростительно - легкомысленной довѣрчивости, съ какой онъ позволилъ себѣ отнестись къ этой гнусной комедіи, вымысленной шайкой пантомимовъ и мерзавцевъ, съ злопамятной старой бабой во главѣ,—вы поощрили его въ желаніи подвергнуть меня — его родную мать — униженію такого оскорбительнаго для меня вопроса. Такъ вотъ кто мои грозные обличители! Но скажите мнѣ, гдѣ тѣ свидѣтели, которые имѣли бы возможность уличить меня въ какихъ-либо попыткахъ склонить къ противозаконнымъ дѣйствіямъ преторіанскія когорты, въ какихъ-либо интригахъ внутри имперіи, либо въ подкупѣ того или другаго изъ императорскихъ рабовъ или отпущенниковъ? Мнѣ колятъ глаза тѣмъ, будто я оплакиваю смерть Британника: но подумайте сами, чья участь была бы плачевнѣе моей, еслибъ императоромъ былъ родной сынъ Клавдія и Мессалины? и не первымъ ли дѣломъ его царствованія было бы мщеніе врагу своей матери и своему собственному? А что касается Рубеллія Плавта, то вы сами должны понимать, что человѣкъ этотъ, сдѣлавшись императоромъ, на врядъ ли смогъ бы защитить меня и спасти отъ такихъ обвиненій, которыя увы! были бы въ состояніи уличить меня—не въ простой неосторожной вольности выраженій материнскаго негодованія, а быть можетъ, и излишней нѣжности,—но въ такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ меня оправдать можетъ лишь тотъ сынъ, ради котораго были они совершены.

И всегда крѣпкая духомъ, Агриппина, охваченная наплывомъ небывалыхъ разнородныхъ чувствъ, была одну минуту не въ силахъ совладать съ бушевавшей въ ея сердцѣ горечью и, склонивъ голову, тихо заплакала. Но не долго длилась такая слабость, и скоро, побѣдивъ себя, она опять гордо подняла голову и, не безъ презрѣнія отклонивъ отъ себя неудачныя попытки не мало пристыженныхъ ея словами судей, утѣшить ее и успокоить, сухо сказала:

— А теперъ довольно! Вы можете удалиться. Никакихъ даль-

нѣйшихъ разговоровъ со мной по этому поводу быть не можетъ. Но я требую, и требую въ силу моего права напрасно оклеветанной—если ужъ не по священному праву матери—немедленнаго свиданія съ цезаремъ.

Смущенные, вернулись Сенека и Бурръ во дворецъ и, подъ впечатлѣніемъ какъ смѣлой рѣчи Агриппины, такъ и ея неприступно гордаго вида, объявили Нерону, что признаютъ Августу совершенно неповинной въ взведенномъ на нее обвиненіи въ измѣнѣ, и Неронъ, успокоенный въ своихъ худшихъ опасеніяхъ, поспѣшилъ къ матери. Агриппина приняла его съ большимъ достоинствомъ, ни единымъ словомъ не упомянула ему ни о своей невинности, ни о томъ, что была бы въ правѣ ожидать отъ него иного рода признательности, а только просила его примѣрнаго наказанія дерзкихъ, обличенныхъ во лжи, доносчиковъ и щедрыхъ награды для своихъ вѣрныхъ друзей. Захваченный врасплохъ, Неронъ, остывъ отъ вспышки ярости, вызванной страхомъ лишиться престола и даже, быть можетъ, жизни, былъ не въ силахъ противиться просьбамъ матери и въ скорости исполнилъ ихъ. Силана была приговорена къ ссылкѣ за предѣлы Италіи; Итурій и Кальвизій были посланы изъ Рима; Атимэтъ казненъ, и только одному Парису, какъ незамѣнимому товарищу всѣхъ Нероновыхъ кутежей, удалось избѣгнуть наказанія.

Но то была послѣдняя минутная вспышка быстро гаснуваго могущества Агриппины,—вспышка, не замедлившая, однакожь, при всей своей мимолетности, привлечь въ уединеніе вдовствующей императрицы нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ,—двухъ-трехъ сенаторовъ, поспѣвшихъ явиться къ ней засвидѣтельствовать свое почтеніе и выразить ей приличное случаю соболѣзнованіе,—и нѣсколькихъ дамъ изъ числа римскихъ аристократокъ. Въ это же время посѣтила ее и одна благородная римская матрона, почти никогда не являвшаяся къ ней на поклонъ во дни ея величія и могущества. То была жена покорителя Британіи, Авла Плавція, Помпонія Грэцина. Въ день памятнаго допроса, придя поды вечеръ навѣстить императрицу, Помпонія застала ее въ слезахъ и необычайномъ упадкѣ духа, вызванномъ, конечно, реакціею, неизбежною послѣ тѣхъ бурныхъ утреннихъ ощущеній, черезъ какія она прошла въ этотъ день. Въ полномъ изнеможеніи лежала она, безсильная, на своемъ ложѣ и горько плакала; исчезла гордая, властолюбивая и неукротимая въ своемъ честолюбіи императрица и осталась лишь слабая женщина, измученная горемъ и поздними сожалѣніями. Она знала, что жизнь ея, вопреки этому минутному торжеству надъ врагами,

въ конецъ разбита во всемъ томъ, что было дорого ея властолюбивой душѣ, что составляло цѣль всѣхъ ея стремленій и поступковъ. Даже надежда на лучшіе дни совѣмъ покинула ее; и ея неразлучными спутниками становились отнынѣ лишь униженія, угрызенія совѣсти и мучительно горькія воспоминанія ея самою погубленнаго блестящаго прошлаго. Не было вокругъ нея ни искренно преданныхъ друзей, ни щебетанія невинныхъ дѣтей, которыя бы искали у нея ласки, не было ни брата, ни сестры, ни взрослой дочери, въ участіи которыхъ она могла бы надѣяться обрѣсти успокоеніе. Все измѣнило ей, все покинуло, и даже тѣ, которые не такъ давно еще были осыпаемы ея благодѣяніями и щедрыми милостями, либо не имѣли къ ней ни малѣйшей признательности, либо боялись выказывать эту признательность, или же считали, что своими преступленіями она утратила на нее всякое право. Всѣми покинутая, никѣмъ не любимая, не имѣя своего собственнаго семейнаго очага, она лежала тутъ одинокая, словно выброшенный волной на негостепріимный берегъ обломокъ разбитаго корабля, и плакала и рыдала, какъ безпомощное дитя. О, еслибъ не эти страшныя преступленія—не эти кровавыя дѣла—еслибъ она только могла сознать себя такою же непорочною, какой была ея мать! Но, увы! ей не дана была возможность оглянуться на такое прошлое, которое было бы не омрачено цѣлымъ рядомъ коварныхъ интригъ и злодѣяній, среди которыхъ тамъ и сямъ грозно чернѣли кровавыя пятна, смыть которыя ничѣмъ уже нельзя было. Теперь для нея настала минута страшнаго возмездія—возмездіа, въ которое она не вѣрила, надъ которымъ такъ дерзко глумилась, но которое, тѣмъ не менѣе, неотступно кралось неслышной поступью, шагъ за шагомъ, по ея пятамъ и теперь разомъ повергло ее въ прахъ однимъ ударомъ, отъ котораго оправиться она уже не могла.

Пока Агриппина такъ лежала, съ ужасомъ припоминая свое прошлое, между тѣмъ какъ въ разгоряченномъ ея воображеніи, одинъ за другимъ мелькали среди надвигавшихся сумерекъ грозныя тѣни загубенныхъ ею, къ ней въ опочивальню осторожными шагами вошла вѣрная прислужница, Ацерронія, и доложила о приходѣ посѣтительницы.

— Вѣдь я уже говорила тебѣ, что видѣть никого я сегодня не желаю,—усталымъ голосомъ замѣтила ей Агриппина.—Я истомлена, измучена; мнѣ бы хотѣлось заснуть и все забыть.

— Но посѣтительница эта—Помпонія Грэпина; и она сама замѣтила въ отвѣтъ на отказъ привратника принять ее, что ее Августа, быть можетъ, приметъ и просила доложить.

— Да, она не ошиблась: ее я приму съ удовольствіемъ. Она не походить на остальныхъ: ни лести, ни фальши въ ней тѣни нѣтъ, и я увѣрена, что ея присутствіе успокоитъ меня.

Помпонія вошла и, при видѣ убитой горемъ женщины, въ изнеможеніи лежавшей съ красными и опухшими отъ слезъ глазами, съ трудомъ повѣрила, чтобы то была такъ недавно еще величавая и гордая своимъ могуществомъ Агриппина. Не въ силахъ противостоять порыву охватившей ее глубокой жалости, Помпонія преклонила колѣни передъ ложемъ несчастной женщины, которая, привставъ, крѣпко поцѣловала ее и затѣмъ, склонивъ голову къ ней на плечо, залилась горькими, неудержимыми слезами.

— Августъ слѣдовало бы успокоиться послѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ испытаній, — начала уговаривать ее Помпонія. — Сегодня мнѣ хотѣлось поздравить ее съ побѣдой надъ гнусной клеветой враговъ; а между тѣмъ я застаю ее въ слезахъ и горѣ и боюсь, что посѣщеніе мое некстати.

— Нѣтъ, Помпонія, вы желанная гостя у меня во всякое время, а ужъ въ особенности въ настоящую тяжелую минуту, — сквозь слезы проговорила Агриппина. — Вы не искали меня въ дни моего величія и могущества, и только тѣ, кто искренно хочетъ мнѣ добра, можетъ желать видѣть меня теперь, когда я въ опалѣ, и когда такъ близокъ часъ моего безвозвратнаго паденія.

— О, нѣтъ, Августа, часъ этотъ, будемъ надѣяться, пробьетъ еще не скоро. Заговоръ противъ васъ потерпѣлъ позорное поражение, и, какъ знать, впереди васъ, быть можетъ, ждетъ еще много счастливыхъ дней.

— Нѣтъ, Помпонія, счастье не удѣлъ Агриппины. Счастье — пустая мечта; я его не знавала даже и въ дни моего величія и могущества, а потому могу ли надѣяться обрѣсти его теперь, когда все измѣнило мнѣ, когда я всѣми покинута, когда не боюсь подвергать меня столь оскорбительнымъ униженіямъ? Да, впрочемъ, кого же изъ людей можно назвать счастливымъ? Всѣ мы не болѣе, какъ рабы и игралица въ рукахъ грознаго рока — слѣпого, безжалостнаго и необоримаго. Скажите по правдѣ, вы счастливы?

— Да, Августа, очень счастлива, хотя врядъ ли въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы понимаете счастье. Какъ всѣмъ намъ, жизнь дала и мнѣ познать не мало горькихъ и тяжелыхъ испытаній. Взгляните на эти темныя одежды — онѣ говорятъ вамъ о тяжелой утратѣ незабвеннаго друга, котораго я любила больше себя; да и въ настоящемъ — развѣ мало горя? Развѣ всечасно не виситъ надо мной бѣда, грозящая изгнаніемъ, а, можетъ быть, и смертью; со

*

всѣхъ сторонъ насъ окружають ужасы страшныхъ опасеній, и настроеніе пѣлаго общества говоритъ о неизбѣжности той или другой катастрофы, однако, и при всемъ этомъ я чувствую себя счастливой по своему...

— О, еслибъ вы могли открыть мнѣ хоть крошечный уголокъ вашего секрета быть счастливой, — воскликнула Агриппина. — Я чувствую, что вы говорите правду, что это не обманъ, не пустяга, громко-раздутыя разглагольствованія нашихъ стоиковъ.

Помпонія была въ нерѣшительности. Могла ли она такъ сразу повѣдать этой женщинѣ, сроднившейся чуть ли не съ дѣтства, со зломъ и всякаго рода преступленіями, о Христѣ, о его ученіи и о его чудесномъ воскресеніи изъ мертвыхъ? Могла ли надѣяться пробудить въ ней какое-либо иное чувство, кромѣ презрѣнія, разсказомъ объ искупительныхъ страданіяхъ Бога-человѣка на крестѣ — этомъ орудіи позорнѣйшей казни худшихъ злодѣевъ у римлянъ?

— Когда-нибудь настанетъ, быть можетъ, тотъ день, когда я буду имѣть право открыть вполне этотъ секретъ Августѣ, — сказала она. — Онъ не мой лично, и рано или поздно долженъ сдѣлаться достояніемъ всей вселенной. Но постичь его нельзя, нельзя и подойти къ нему безъ сердечнаго смиренія, безъ раскаянія въ содѣянномъ злѣ, безъ любви къ нравственной чистотѣ, а тѣмъ болѣе безъ любви къ Тому, кто выше всякой людской добродѣтели, и безъ молитвы въ душевномъ умиленіи.

— Чудны и непонятны для меня ваши слова, Помпонія, — привставъ, проговорила изумленная Агриппина. — Какъ же говорить намъ авторы греческихъ трагедій, что кровь, пролитая разъ, пролита навсегда, и смыть ее ничѣмъ нельзя? Развѣ существуетъ возможность искупить сдѣланное зло — загладить совершенное преступленіе?

— Да, Августа, такая возможность существуетъ, — какъ-то вдумчиво проговорила Помпонія, которой при этомъ невольно пришли на память слова апостола Петра изъ Веесаиды: «Искуплены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцовъ, но драгоценною кровью Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца» *), и которая всей душой желала бы имѣть возможность повѣдать ихъ въ эту минуту Агриппинѣ. Но она понимала, что Агриппинѣ слова эти пока еще могли показаться только бессмысленными, и промолчала.

— Правда, мнѣ случалось слышать по этому поводу о суще-

*) Первое собор. посл. св. ап. Петра. Гл. I, 18 и 19.

ствованіи различныхъ искупительныхъ мистерій и, между прочимъ, о приношеніи въ жертву тельца,—продолжала между тѣмъ Агриппина.—Но неужели можно вѣрить, чтобы послѣдовала какая-либо польза отъ того, что я лягу на землю такъ, чтобы на меня капала кровь принесеннаго въ умиловительную жертву богамъ тельца?

— Конечно, нѣтъ,—очень рѣшительно поддержала ее сомнѣніе Помпонія. — Ничего такого не требуетъ отъ насъ истинный Богъ, какъ не требуетъ и никакихъ суевѣрныхъ обрядностей. Сердце непорочное и любящее правду, вотъ все, что требуетъ отъ насъ Всевышній. Почему бы Августъ не искать успокоенія въ молитвѣ къ Нему—этому Богу? Вѣдь читала же она Гомера и знаетъ, что говоритъ онъ объ Атэ—этомъ грозномъ фатумѣ, и о Литаихъ—молитвахъ, что неотступно сопровождаютъ ее.

— Атэ! Мнѣ ли не знать этого грознаго, безпощаднаго божества?—простонала Агриппина;—уже не разъ видѣла я передъ собой его безжалостное окаменѣлое лицо, не разъ слышала его зловѣщій голосъ среди палатинскихъ пировъ... Литаи—молитвы—ихъ я не знаю. Послушайте, Помпонія,—прибавила она послѣ минутнаго молчанія, — вы мнѣ сказали много правды, однакожъ, всего вы все-таки не открыли мнѣ.

— На все свое время, Августа, — проговорила Помпонія, вставая, чтобы уйти;—и очень можетъ статься, если только вы захотите вдуматься въ то, о чемъ мы говорили сегодня, что скоро настанетъ день, когда вы всей душой пожелаете узнать больше. Простите, Августа: вамъ нужны отдыхъ, и покой; а я, быть можетъ, утомила васъ...

— Нѣтъ, Помпонія, вы искренни въ своемъ участіи ко мнѣ, и я вамъ вѣрю, и слова ваши упали на мою измученную душу, какъ мягкіе, прохладные хлопья падающаго снѣга. Но скажите, эти Литаи, о которыхъ говоритъ Гомеръ, не могутъ ли онѣ умиловить карающее божество по просьбѣ не самого виновнаго, а посторонняго лица?

— Да, могутъ.

— Въ такомъ случаѣ васъ прошу я молить за меня ихъ заступничества передъ грозной Атэ, дабы отвратила эта богиня свой гнѣвъ отъ той, которая вамъ одной согласна признаться, что она самая несчастная и жалкая въ мірѣ женщина.

— Да ниспошлетъ Августъ душевный міръ и просвѣтленіе свыше,—тихо, еле слышно, проговорила благородная римлянка, между тѣмъ какъ Агриппина, крѣпко обнявъ ее, еще разъ поцѣловала на прощанье.

ГЛАВА XXV.

Мы оставили Онезима, заключеннаго, по распоряженію главнаго надзирателя надъ императорской фамиліей рабовъ, въ одинъ изъ подземныхъ казематовъ палатинскаго дворца, большимъ и физически отъ ударовъ кнута и плетей, и нравственно отъ стыда и негодованія. Проклиная свою безразсудную неосторожность и сильно досадуя за нее на себя, онъ чувствовалъ, однакожь, весьма мало раскаянія въ своихъ пагубныхъ увлеченіяхъ и проступкахъ, и главнымъ источникомъ его досады и самобичеванія было скорѣе крушеніе и упущеніе имъ всѣхъ шансовъ къ возвышенію, нежели та нравственная несостоятельность, которая привела его къ такому прискорбному для него лишенію. Никакія вѣсти о томъ, что дѣлалось внѣ стѣнъ тюрьмы, до него, разумѣется, не доходили, и онъ узналъ о судьбѣ Британика лишь гораздо позднѣе и уже послѣ того, какъ опять очутился на волѣ. Но и въ самой тюрьмѣ поведеніе его было далеко не изъ примѣрныхъ, отличаясь на каждомъ шагу непокорностью, строптивостью и упрямымъ своеволіемъ, впрочемъ, быть можетъ, вызванными дурнымъ и безсердечнымъ обращеніемъ грубаго тюремщика-рыбака, сильно не взлюбившаго его, какъ принадлежавшаго, по своей должности при гардеробѣ императрицы, къ числу рабовъ высшей категоріи, и находившаго особое наслажденіе подвергать его ежеминутно жестокимъ побоямъ и другимъ униженіямъ. Такъ проходили въ оскорбленіяхъ и побояхъ томительно долгіе дни, казавшіеся бѣдному, впечатлительному юношѣ безконечными въ утомительномъ однообразіи и въ сукѣ, которую бѣдняга порой пытался разсѣять, царапая гвоздемъ по стѣнѣ различныя глупыя надписи.

Однажды, пока онъ такимъ образомъ развлекался отъ бездѣлья и сопряженной съ нимъ удручающей скуки, въ камеру его неслышно вошелъ тюремщикъ и, заставъ заключеннаго за этимъ запрещеннымъ времяпрепровожденіемъ, не преминулъ огрѣть его здоровымъ ударомъ бича, замѣтивъ при этомъ:

— Наконецъ-то дождался я, что меня избавятъ отъ такого молодца. Хвала Анубису и всѣмъ подземнымъ богамъ, тебя сегодня же препроводятъ за городъ въ *ergastulum*—острогъ для рабовъ.

— Кто отсылаетъ меня туда?—весь поблѣднѣвъ и вздрогнувъ, спросилъ Онезимъ замѣтно упавшимъ голосомъ.

— А тебѣ какое дѣло?—огрызнулся тюремщикъ и еще разъ полоснулъ его своимъ арапникомъ. — Что, не нравится? Небось,

скажешь, больно? Ахъ ты, нѣженка проклятый! Посмотримъ, какъ-то ты заплешешь, какъ начнутъ тебѣ по спинѣ отбивать дробь воловьими ремнями съ острыми крючками на концахъ.

Тюремщикъ сказалъ правду. Въ тотъ же вечеръ на Онезима надѣли кандалы и вмѣстѣ съ другими, приговоренными къ заключенію въ острогъ, погнали за городъ.

Зрѣлище партіи рабовъ въ цѣпяхъ, препровождавшейся въ одну изъ загородныхъ невольничьихъ тюремъ, имѣвшихся чуть ли не при каждой виллѣ богатаго римлянина, было въ Римѣ явленіемъ слишкомъ зауряднымъ, чтобы возбудить любопытство; тѣмъ не менѣе, для Онезима было чрезвычайно тяжело и непріятно видѣть себя предметомъ глазнія и зубоскальства нѣкоторыхъ встрѣчныхъ прохожихъ, и невольный трепетъ охватывалъ его при мысли о возможности встрѣчи съ кѣмъ-либо изъ прежнихъ друзей. Но въ особенности боялся онъ, какъ бы не увидали его въ этомъ жалкомъ и позорномъ видѣ Пуденсъ, Титъ, Актэя, или Нирей и дочь его Юнія. Однако, на свое счастье никого изъ нихъ Онезимъ не встрѣтилъ и былъ въ тотъ же вечеръ благополучно водворенъ въ новое мѣстожительство въ невольничьемъ острогѣ при императорской виллѣ подъ городомъ Антією, мѣстомъ рожденія Нерона.

Настоящимъ земнымъ адомъ была эта невольничья тюрьма, представлявшая собой сбродъ худшихъ и въ конецъ развращенныхъ нравственно представителей рода человѣческаго, обезчеловѣченныхъ и доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ озлобленія и ожесточенія безнадежностью своего тяжелого положенія. Обращеніе съ заключенными сюда несчастными рабами если чѣмъ и отличалось отъ обращенія съ вьючными животными, то единственно только своей несравненно большей жестокостью и полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было добраго участія. Голодъ и разнаго рода пытки были единственными дисциплинарными мѣрами; одѣвали заключенныхъ плохо, кормили и того хуже, а о какомъ-либо уходѣ за заболѣвавшими даже и помину не было, и зараженный міазмами воздухъ и невозможная грязь были тѣми постоянными условіями, въ какихъ эти несчастные изо дня въ день влачили здѣсь жалкое существованіе. Мудрено ли послѣ этого, что рабъ, побывавъ въ этомъ вертепѣ всякихъ пороковъ и безысходнаго отчаянія, проникался жгучимъ, какъ раскаленное желѣзо, сознаніемъ, что онъ не человѣкъ и что лишенъ даже простыхъ человѣческихъ правъ.

Ругань, безпрестанныя проклятія, день-депской не сможавшій

лязгъ цѣпей, крики и взвизгиванія пытаемыхъ, вопли и стоны бичуемыхъ, грязныя шутки, циничный, грубый хохотъ, слезы и рыданія, отупѣвшія отъ отчаянія лица, безсердечныя и жестокія отношенія другъ къ другу, разнородныя язвы всевозможныхъ недуговъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ — все это Онезиму пришлось здѣсь слышать, видѣть, наблюдать и испытать.

Приглядѣвшись къ своимъ новымъ сотоварищамъ-рабамъ, Онезимъ очень скоро убѣдился, что во всей этой многолюдной толпѣ былъ только одинъ человѣкъ, дружба съ которымъ была бы для него дѣйствительно отрадна, и въ которомъ онъ могъ надѣяться встрѣтить нѣкоторое участіе къ себѣ. То былъ еще не старый человѣкъ, весьма симпатичной наружности, съ удивительно добрымъ и кроткимъ взглядомъ, всегда очень терпѣливо переносившій, безъ всякаго ропота, муки своего ужаснаго положенія. Звали его Гермасомъ. Какъ и Онезимъ въ этомъ острогѣ, Гермасъ, казалось находилъ свое единственное утѣшеніе лишь въ строго-добросовѣстномъ исполненіи тѣхъ работъ, которыя задавалъ ему ергастулярій—надсмотрщикъ за заключенными, и чѣмъ ближе Онезимъ присматривался къ его образу дѣйствій, тѣмъ больше убѣждался, что не преступленіе привело этого человѣка сюда, а скорѣе тотъ или другой капризъ вбалмошнаго хозяина или хозяйки, и что онъ христіанинъ.

Такое предположеніе молодого фригійца вскорѣ обратилось въ немъ въ несомнѣнную увѣренность, благодаря одному, совершенно незначительному, случаю. Однажды, производя рядомъ съ Гермасомъ землекопную работу, Онезимъ замѣтилъ, что у него изъ-за пазухи что-то выпало, причеиъ Гермасъ, боязливо оглядываясь, быстро наклонился и, схвативъ оброненное имъ, торопливо спряталъ на грудь за тунику. Но какъ ни быстро было движеніе Гермаса, зоркій глазъ фригійца успѣлъ, однакожь, разглядѣть, что оброненное имъ была крошечная стеклянная рыбка съ надписью: «*да спасеиъ ты меня*», какія въ то время христіане нерѣдко носили при себѣ и какія въ новѣйшія времена были найдены въ очень многихъ древнихъ катакомбахъ. Обрадованный своимъ открытіемъ, Онезимъ въ первую же удобную минуту, которую вскорѣ улучилъ, когда остальные рабы, опереженные имъ и Гермасомъ въ работѣ, поотстали отъ нихъ, взглянулъ мелькомъ на товарища, быстро шепнулъ ему: *Ιχθύς*—рыба?

«*Ιχθύς*»—маленькая рыба—моментажно послѣдовалъ отвѣтъ Гермаса, которымъ этотъ послѣдній хотѣлъ дать понять товарищу, что онъ не болѣе, какъ слабый и недостойный христіанинъ.

— А ты?—прибавилъ онъ черезъ минуту. — Развѣ ты одинъ изъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ?

Онезимъ грустно покачалъ отрицательно головой.

— Впрочемъ, было время,—сказалъ онъ,—когда я былъ имъ, или по крайней мѣрѣ могъ бы сдѣлаться таковымъ.

— Не отступникъ же ты, несчастный?

— Лучше не спрашивай меня,—проговорилъ Онезимъ;—я человѣкъ погибшій.

— Для того и приходилъ Добрый Пастырь, чтобы спасти погибшихъ и заблудившихся вернуть на истинный путь.

— Не стоитъ толковать обо мнѣ,—возразилъ Онезимъ;—скажи мнѣ лучше, какимъ образомъ ты сюда попалъ. По всему видно, что ты не преступникъ и не злодѣй, какіе всѣ они здѣсь...

— Перестань; не говори о нихъ съ такимъ озлобленіемъ. — Чѣмъ они хуже тѣхъ грѣшниковъ и блудницъ, за которыхъ принялъ страданія нашъ Христосъ?

Однако, Онезиму, очевидно, не нравился въ эту минуту такой разговоръ, и онъ спросилъ, оставивъ безъ отвѣта слова товарища:

— Развѣ и ты тоже принадлежишь къ числу цезаревыхъ рабовъ? Но какимъ же образомъ случилось, что я до сихъ поръ ни разу не встрѣчался съ тобой?

— Нѣтъ; я принадлежу къ фамиліи рабовъ Педанія Секунда, городского префекта. Но такъ какъ у него при его виллѣ нѣтъ невольничьяго острога, и такъ какъ онъ въ большой милости у Нерона, то ему ничего не стоило выхлопотать себѣ у императорскаго домоправителя разрѣшеніе помѣстить меня сюда.

— Да; но за что?

— За мое нежеланіе исполнить одно его приказаніе, исполнить которое запрещала мнѣ совѣсть. За такое непослушаніе сперва онъ наказывалъ меня и бичомъ, и плетью; не разъ подвергалъ пыткамъ и даже грозилъ бросить въ свои садки на съѣденіе рыбамъ; но когда онъ убѣдился, что я остаюсь все также твердъ въ моемъ отказѣ исполнить его желаніе, тогда онъ рѣшился отправить меня сюда.

— А развѣ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой возможности учинить побѣгъ изъ этой ужасной тюрьмы?

— Полагаю, что ты и самъ успѣлъ бы убѣдиться въ бесполезности и тщетности всякой попытки такого рода. Зданіе ергастулума на половину находится подъ землею; узкія окна помѣщаются высоко надъ нашей головой; малѣйшій шорохъ разбудилъ бы сторожей, да и сами наши товарищи по заключенію, въ чаяніи

заслужить милость и облегченіе своей участи, едва ли замедлили бы поднять тревогу.

— А подкупить кого слѣдуетъ развѣ нельзя?

— Этого я ужъ не знаю; впрочемъ, что касается меня, то я не сталъ бы этого дѣлать, даже будь у меня деньги.

— Почему такъ?

— А потому, что я того мнѣнія, что Христось своимъ страданіями хотѣлъ научить насъ безропотно покоряться и терпѣливо переносить все, что ниспосылается свыше. Голодъ ли ниспосылаетъ Онъ на меня—я стараюсь перенести его безъ ропота; низвергаетъ ли меня съ высоты—я мирюсь съ своимъ паденіемъ, увѣренный, что Онъ же, когда сочтетъ во благо для меня, и подниметъ меня; а также и здѣсь въ тюрьмѣ, куда привела меня Его же святая воля, я твердо уповаю, что Онъ не оставитъ меня Своей милостью и скоро вырветъ отсюда.

И въ самомъ дѣлѣ, слова Гермаса вскорѣ оправдались. Заключение его въ острогъ длилось сравнительно не долго. Педавій Секундъ, давно знавшій его за раба честнаго и вполне надежнаго, поостывъ отъ гнѣва, поспѣшилъ вытребовать его къ себѣ обратно и, по его возвращеніи, вернулъ ему прежнюю должность.

Тѣмъ временемъ бѣдный Онезимъ все еще не переставалъ лелѣять сладкую мечту о побѣгѣ и, убѣдившись, наконецъ, въ невозможности придумать иного способа для осуществленія задуманнаго имъ, рѣшился испытать дѣйствіе подкупа. Очень дорожа золотой монетой, подаренной ему Октавіей, онъ не растратилъ ее и даже уловчился, хотя и не безъ труда, скрыть ее, зашивъ въ рубецъ своей туники, отъ глазъ тюремнаго надзирателя, и теперь, давно запримѣтивъ нѣкоторое расположеніе къ себѣ въ одномъ изъ помощниковъ главнаго тюремнаго начальника, при первомъ же удобномъ случаѣ предложилъ ему подарить золотой въ обмѣнъ на клятвенное съ его стороны обѣщаніе предоставить ему какую-либо возможность бѣжать изъ острога.

При такомъ неожиданномъ предложеніи молодого заключеннаго, Кротонъ—такъ звали тюремщика—въ первую минуту даже какъ будто испугался и, сурово взглянувъ на него, молча отошелъ. Но спустя немного времени, возвращаясь назадъ съ обхода, онъ самъ подошелъ къ нему и, токнувъ его въ спину, шепотомъ проговорилъ:

— Ты не ошибся: дѣйствительно мнѣ жаль тебя. Ты не такой, какъ всѣ эти буяны и скоты. Побѣги совершались и прежде, и всегда будутъ совершаться: бѣды большой ни для кого отъ этого нѣтъ. Господа же много разспрашивать на этотъ счетъ не больно-то любятъ.

— Я вѣрю твоему слову,—сказалъ Онезимъ и, вытащивъ изъ-за туники свой золотой, украдкой сунулъ его тюремщику въ руку.

Спустя дня два послѣ этого, Кротонъ, войдя, по обыкновенію, въ камеру заключенныхъ, чтобы снарядить, пересчитавъ ихъ, на дневную работу, какъ бы случайно задержалъ Онезима послѣднимъ въ камерѣ и тутъ на-скоро шепнулъ ему:

— Сегодня ночью не спи! Оба часовыхъ, что стоятъ у дверей, будутъ пьяны. Вскорѣ послѣ полуночи ты затѣй шумъ и драку; самъ же при этомъ старайся держаться какъ можно ближе къ дверямъ, и когда часовые откроютъ ихъ, чтобы узнать, что произошло, ты какъ-нибудь уловчись проскользнуть незамѣтнымъ образомъ. Поручись тебѣ, что такой планъ непременно удастся, я не могу; но это единственный способъ, какой могу тебѣ предложить.

Онезимъ указалъ ему взглядомъ, полнымъ отчаянія, на кандалы, сковывавшіе ему ноги.

— Если заключенный ведетъ себя благоправно и не буянитъ, ихъ снимаютъ иной разъ: и твои сегодня вечеромъ снимутъ; но кандаламъ на рукахъ придется остаться: эти на ночь никогда не снимаются.

Онезимъ въ точности исполнилъ планъ, начерченный ему сострадательнымъ Кротономъ, и среди ночи, когда все кругомъ было уже погружено въ сонную тишину и мракъ, поднялъ вдругъ такой крикъ и гвалтъ, какъ будто оборонялся противъ чьего-то неожиданнаго нападенія. Разбуженные этимъ шумомъ, заключенные сотоварищи, его рабы повскакали съ наръ, хорошенько еще не понимая вприсонкахъ, что такое дѣлается вокругъ нихъ. Тутъ Онезимъ, который находился въ совершенно бодрствующемъ состояніи, пользуясь ихъ полусоннымъ смятеніемъ, принялся толкать ихъ, неистово размахивая руками и сыпя ударами вправо и влѣво, пока не взбудоражилъ всей компаніи. Раздались крики изступленія, ругань, проклятія, возгласы паническаго страха, и все это среди безпорядочной толкотни и бѣготни то туда, то сюда въ темнотѣ, въ продолженіи которой Онезимъ, пробравшись къ самой двери, притаился здѣсь. Когда же дверь отворилась и на порогѣ показались пьяные и полусонные сторожа, ловкій фригіецъ, выбивъ проворнымъ движеніемъ фонарь изъ рукъ одного, незамѣченный проскользнулъ за дверь и исчезъ. Благополучно миновавъ привратника, стоявшаго у воротъ, онъ какъ стрѣла пустился бѣжать по дорогѣ къ Антіи. Однако, не добѣжавъ до самаго города, онъ остановился и укрылся въ роцѣ. Отдохнувъ немножко, онъ сооб-

разилъ, что находившіяся вблизи отъ этого мѣста глубокія песчаныя копи, вѣроятно, служатъ по ночамъ сборнымъ пунктомъ для христіанъ, рѣшилъ подождать здѣсь и началъ прислушиваться. Дѣйствительно, соображеніе догадливаго фригійца оказалось вѣрнымъ, и скоро до его напряженнаго слуха начали доноситься изъ глубины одной изъ копей звуки голосовъ. Тутъ Онезимъ, выйдя изъ роши, притаился у самаго входа въ эту копь въ ожиданіи, чтобы богомольцы разошлись. Онъ зналъ, что послѣднимъ изъ такихъ собраній обыкновенно уходилъ самъ пресвитеръ и, дождавшись его, осторожно окликнулъ.

Пресвитеръ встрепенулся и спросилъ:

— Кто тамъ?

Тогда Онезимъ выступилъ впередъ и, протягивая къ нему руки, сказалъ:

— Именемъ Христа молю тебя, помоги мнѣ снять эти кандалы.

— Слова твои обличаютъ послѣдователя ученія Христа,—проговорилъ пресвитеръ; — но, съ другой стороны, эти кандалы на твоихъ рукахъ говорятъ мнѣ, что ты, очевидно, бѣглый рабъ и преступникъ вдобавокъ.

— Да, я великій грѣшникъ, — отвѣчалъ Онезимъ; — но преступленія не совершалъ.

— Ты молишь именемъ Христа, и потому отказать тебѣ я не вправѣ; однако, и подвергать моихъ братьевъ по вѣрѣ какой-либо опасности я также не долженъ. Спрячься опять. Я же пришлю къ тебѣ сына моего, Стефана, и онъ распишетъ тебѣ оковы. Но затѣмъ ты уходи отсюда, и да проститъ тебѣ Христосъ всѣ твои прегрѣшенія и заблужденія.

Спустя нѣкоторое время къ Онезиму въ рошу припелъ молодой человекъ и, ничего не сказавъ, принялся распиливать ему наручни. Освободивъ отъ цѣпей руки фригійца, онъ сказалъ ему:

— Да будетъ съ тобою миръ! Смотри: уже начинается свѣтать, и народъ скоро проснется. Оставаться здѣсь для тебя не безопасно. Но и укрыть тебя у себя мы права не имѣемъ. Самое лучшее для тебя спуститься въ копь и оставаться тамъ до наступленія ночи. Пищу тебѣ сюда принесутъ.

Онезимъ послѣдовалъ этому совѣту и до ночи укрылся въ глубинѣ песчаной копи; съ наступленіемъ же темноты, осторожно покинувъ свое убѣжище, онъ двинулся по направленію къ Гаіэтѣ—городу, лежавшему на разстояніи двадцати, приблизительно, миль отъ Антіи.

Но, хотя онъ и вырвался на волю, положеніе его, тѣмъ не ме-

нѣе, оставалось еще очень долго весьма неутѣшительнымъ и печальнымъ. Куда бы онъ ни приходилъ, прося либо ночлега, либо подавнiя для дневного пропитанiя, чтобы не умереть съ голода, на него всюду смотрѣли съ недоувѣрчивою подозрительностью и спѣшили спровадить. Укрывательство бѣглаго раба было воспрещено закономъ, и всякое уклоненiе отъ такого закона подвергало виновнаго очень строгому наказанiю; вотъ почему народъ вообще относился крайне недружелюбно и безучастно къ такого рода бѣглецамъ. А между тѣмъ въ немъ все заставляло предполагать именно такого бѣглеца. Его одежда была обыкновенной одеждой рабовъ, да и на рукахъ его видѣлись вдобавокъ рубцы, натертые недавно снятыми наручнями. Въ виду своего бѣдственнаго положенiя, Онезимъ съ охотой приваялся бы въ настоящее время за работу, чтобы только кое-какъ прокормить себя; но достать занятiя было не легко, почти невозможно: рынки были завалены предложенiями рабочихъ рукъ, но спросъ на нихъ былъ крайне ограниченъ. Представители того стараго поколѣнiя честныхъ римскихъ фермеровъ, которые воздѣлывали сады и пахали нивы своими руками съ помощью сыновей и нѣсколькихъ вольнонаемныхъ работниковъ, почти совсѣмъ сошли со сцены; и въ настоящее время поля и папши обрабатывались исключительно руками закованныхъ въ цѣпи рабовъ, которые часто не знали иного мѣста жительства, какъ тотъ или другой ергастулумъ. Правда, безумная роскошь, царившая среди высшей богатой знати, окружала себя толпами ненужныхъ и до мозга костей нравственно развращенныхъ служителей; но послѣднихъ приобрѣтали, по большей части, на томъ или иномъ чужеземномъ невольничьемъ рынкѣ. Къ тому же, надо замѣтить, что на раба, уже побывавшаго у кого-либо въ большемъ обществѣ рабовъ и почему-либо отпущеннаго хозяиномъ, смотрѣли не иначе, какъ на ветерана, закаленнаго во всевозможныхъ порокахъ; ибо иначе какой же владѣлецъ согласился бы разстаться съ нимъ? Рабъ честный и хорошiй, на преданность и благонадежность котораго могъ положиться хозяинъ, былъ явленiемъ чрезчуръ рѣдкимъ, и потому дорожили имъ, какъ сокровищемъ неоцѣнимымъ. Итакъ, могъ ли Онезимъ при всѣхъ этихъ условiяхъ сколько-нибудь основательно рассчитывать на то, что на долю его опять выпадетъ счастье быть принятымъ въ фамилiю рабовъ того или другаго хорошаго и добраго господина? И теперь, вспоминая всечасно свою прежнюю жизнь какъ въ домѣ Филемона, такъ и у Пуденса, свои блестящiя мечты къ повышенiю, когда перешелъ онъ въ число дворцовыхъ рабовъ, словомъ, все то, чего навсегда лишился по своей малодуш-

ной слабости передъ различными мірскими соблазнами, онъ нерѣдко ложился на дорогѣ и принимался горько плакать и рыдать: жизнь его была погублена, и въ будущемъ предвидѣлись лишь горе, позоръ и нужда, голодъ и лохмотья.

Долго длились его скитанія изъ одного города въ другой, изъ села въ село, и въ продолженіи этихъ скитаній, сопряженныхъ съ разнаго рода бѣдствіями, бѣднѣть пришлось испытать много горя, пролить не одну жгучую слезу и быть не разъ очевидцемъ разнаго рода ужасовъ и злодѣяній, порождавшихся среди темнаго невѣжества народныхъ массъ безразсвѣтнымъ мракомъ язычества въ соединеніи съ грубостью нравовъ.

Голодный и усталый добрался онъ до богатой Помпеи, гдѣ могъ бы, бродя безъ дѣла по ея улицамъ, на досугѣ наблюдать тотъ чудовищный развратъ, до какого дошла наиболѣе богатая и извѣженная часть населенія этого прелестнаго города, утопавшаго въ роскошной южной зелени садовъ и пріютившагося съ лазурью своихъ голубыхъ небесъ и съ прозрачной синевою своего сверкающаго моря въ тѣни стараго ворчуна Везувія. Но при видѣ этой роскоши, этого безпробуднаго разгула страстей, Онезимумъ овладѣлъ невольный страхъ за себя и, убоявшись сдѣлаться жертвой новыхъ пагубныхъ искушеній, онъ бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки изъ этого вертепа разврата и пороковъ, хотя и успѣлъ убѣдиться, что здѣсь, среди богатаго населенія, ему всего скорѣе могли бы представиться или случай поправить свое положеніе, или, по крайней мѣрѣ, возможность быть сытому. Покинувъ Помпею, онъ повернулъ назадъ и мало-по-малу, переходя опять изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, приблизился къ сосѣднимъ съ Римомъ Байямъ, гдѣ, остановившись на время, попробовалъ-было заняться, для снисканія себѣ средствъ къ пропитанію, продажей весьма употребительнаго въ тѣ времена въ народѣ прохладительнаго напитка—*rosca*, состоявшаго изъ смѣси воды съ дешевымъ мѣстнымъ виномъ. И, дѣйствительно, ему какъ будто и повезло на первыхъ порахъ въ этомъ дѣлѣ: недостатка въ покупателяхъ у него не было, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ его походеженіяхъ, красивое, симпатичное лицо молодого фригійца со-служило ему добрую услугу, привлекая какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, предпочитавшихъ купить себѣ кружку *rosca* у веселаго, и красиваго юноши, нежели у тѣхъ сумрачныхъ бродягъ іудеевъ, которые иногда занимались такой торговлей. Тутъ Онезимуму вздохнулось нѣсколько полегче, и онъ уже начиналъ-было убаюкивать себя пріятной надеждой, что авось настали лучшія для него

времена, и онъ проживетъ кое-какъ, не терпя ни особыхъ лишений, ни нужды. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ очень опрометчивъ какъ въ самомъ выборѣ мѣстности, столь близкой къ Риму, для сколько-нибудь продолжительнаго пребыванія, такъ и въ упущеніи въ принятіи какихъ-либо мѣръ, чтобы остаться неузнаннымъ.

Такимъ образомъ вскорѣ произошло то, что однажды, пока онъ очень спокойно выкликалъ своимъ звонкимъ, молодымъ голосомъ, весело расхваливая разными шутками и прибаутками продаваемый напитокъ, на него вдругъ обратилъ вниманіе главный управляющій нероновой виллы подъ Байями, нѣкій Дама, который, не рѣдко являясь въ палатинскій дворецъ съ отчетами и докладами, не разъ встрѣчалъ здѣсь Онезима и изъ своихъ бесѣдъ съ Каликласомъ хорошо зналъ какъ о пьяной выходкѣ Онезима, такъ и о его перемѣщеніи въ *ergastulum* и воспослѣдовавшемъ побѣгѣ оттуда. Взглянувъ на Онезима еще разъ и попристальнѣе, онъ убѣдился, что не обознался въ немъ; тѣмъ не менѣе, для большей вѣрности вытащилъ изъ кармана дощечку, на которой прочелъ: «Бѣжалъ молодой рабъ 17 лѣтъ; наружность красивая; волосы темные вьющіеся; имя ему Онезимъ. Кто его доставитъ, либо укажетъ мѣсто его пребыванія, получить въ награду тысячу сестерцій».

Окончательно удостовѣрившись въ вѣрности своей догаки, Дама, чтобы вѣрнѣе овладѣть своей добычей, сперва отошелъ отъ него немного въ сторону, послѣ чего, обойдя кругомъ, подошелъ къ нему сзади и, хлопнувъ его по плечу, весело окликнулъ:

— Эй, Онезимъ!

— Да, я самый!—слегка вздрогнувъ, отозвался захваченный врасплохъ фригіецъ.

— Ну, да, я такъ и зналъ, что это ты,—проговорилъ съ недоброй усмѣшкой Дама и крѣпко ухватилъ его за плечо.—Идемъ со мной, удалой мой бѣглецъ. Цезарю не желательно терять такихъ красивыхъ молодцовъ; да и мнѣ будетъ совсѣмъ не лишнее получить за тебя тысячу сестерцій.

Тщетно дѣлалъ Онезимъ всевозможныя попытки вырваться и удрать: пальцы Дама, какъ желѣзныя клещи, вцѣпились въ него и крѣпко держали его. Пришлось покориться.

— Освободить его! Освободить!—загалдѣла-было собравшаяся толпа зѣвакъ, благо по близости не видать было ни полицейскихъ, ни солдатъ. Однако, Дама съумѣлъ однимъ словомъ прекратить та кой протестъ:

— Развѣ вы не знаете, кто я? И кто изъ васъ дерзнетъ помѣшать аресту бѣглеца изъ цезаревой фамиліи рабовъ?

Устрашенная именемъ цезаря, толпа моментально прекратила свои крики, поспѣшила разойтись, и Дама тотчасъ же послалъ одного изъ сопровождавшихъ его рабовъ на Неронову виллу подъ самыми Байями съ приказаніемъ принести оттуда кандалы. Такимъ образомъ Онезимъ черезъ нѣсколько минутъ вторично увидалъ себя въ цѣпяхъ, но съ той только разницей, что на этотъ разъ у него въ перспективѣ было наказаніе несравненно болѣе страшное, чѣмъ были всѣ тѣ, черезъ которыя онъ уже прошелъ.

На слѣдующій день рано утромъ его препроводили въ Римъ, куда онъ прибылъ въ тотъ же день и гдѣ въ первыя минуты подумывалъ—было найти какое-нибудь средство сообщить о своемъ горестномъ положеніи Актѣ въ надеждѣ, что ея заступничество приведетъ къ тому, что смягчатъ предстоявшее ему наказаніе. Однако, онъ скоро убѣдился, что для него, при окружавшихъ его условіяхъ, всякое сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было было не болѣе, какъ пустой, неосуществимой мечтой; что и казалось ему несомнѣннымъ, потому что не далѣе, какъ на слѣдующее же утро послѣ его прибытія въ Римъ, была наложена на затылокъ выемчатая въ такихъ случаяхъ *figura*—толстая вила, сколоченная изъ кусковъ дерева въ видѣ буквы V, и съ этимъ орудіемъ привязавъ на затылкѣ и съ привязанными къ его концамъ руками его повели къ эскилину—мѣсту казни, гдѣ предполагалось либо распячь его на крестѣ, либо забить бичами до смерти, и затѣмъ бросить его тѣло на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Оцѣпенѣніе, въ какомъ находился несчастный фригіецъ отъ ужаса и страха передъ предстоявшей ему казнью, отнимало у него способность даже къ молитвѣ; тѣмъ болѣе, что въ эту минуту онъ ясенѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ себя богоотступникомъ, и весь дрожалъ при мысли о томъ безъисходномъ мракѣ и тѣхъ нескончаемыхъ мукахъ, которыя на вѣки станутъ его удѣломъ по святіи со креста.

Но часъ его пока еще не пробилъ.

Сопровождаемый солдатами, ликторами и толпой придворныхъ рабовъ, которые должны были присутствовать при казни, Онезимъ съ трудомъ подвигался подъ тяжестью вилы, какъ вдругъ на поворотѣ въ одну изъ улицъ, ведущихъ къ эскилину, печальную процессію увидалъ шедшій ей на встрѣчу юноша. То былъ Титъ, замѣтно похудѣвшій и поблѣднѣвшій послѣ болѣзни, перенесенной имъ вслѣдствіе глотка того самаго яда, который навсегда унесъ Британника. Титъ при первомъ же взглядѣ на преступника узналъ въ немъ Онезиму и, какъ вкопанный, остановился. Но вдругъ,

5-00

